

63.3(2)6-11 Ленин

Ж 71

ЖИЗНЬ
ЛЕНИНА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

Тум 5

*Избранные
страницы
Прозы
и поэзии*

БИБЛИОТЕКА ШКОЛЬНИКА

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ
СТРАНИЦЫ
ПРОЗЫ
И ПОЭЗИИ

В ДЕСЯТИ ТОМАХ

ТОМ 5

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ БИБЛИОТЕКИ ШКОЛЬНИКА
«ЖИЗНЬ ЛЕНИНА»

С. В. Михалков
(председатель),
А. А. Виноградов, Б. А. Дехтерев,
Н. В. Свиридов

Оформление
Б. А. ДЕХТЕРЕВА

Иллюстрации
И. ИЛЬИНСКОГО

Том подготовлен
Л. Э. РАЗГОНОМ

ВАМ — ЮНЫЕ ЧИТАТЕЛИ

В бессмертном имени Ленина каждый из нас видит символ нового мира. В нем воплощены самые драгоценные черты человека коммунистического общества. Быть ленинцем — значит всей своей жизнью отвечать высоким гражданским и нравственным принципам, быть истинным строителем коммунизма.

Надежда Константиновна Крупская в статье «Как и что рассказывать школьникам о Ленине» писала: «...Наших ребят интересует вся жизнь Ленина». Так отвечала она тем, кто полагал, что детям надо рассказывать только о детстве Владимира Ильича, только это, мол, интересует ребят. И далее Надежда Константиновна высказала такую важную мысль: «Надо рассказать школьникам всех возрастов, как хотелось Ильичу, чтобы дети выросли сознательными коммунистами, продолжали дело своих отцов...»

Художники слова в своих произведениях для детей стремились и стремятся выполнить совет Надежды Константиновны, вывести на страницах своих книг во всей полноте и яркости немеркнущий образ Ленина.

Это и понятно: ведь миллионы и миллионы советских детей, все поколения юных граждан нашей Родины хотят узнать как можно больше о человеке, который создал Коммунистическую партию, Советское государство, имя которого носят октябрюта, пионеры, комсомольцы.

Для детей в нашей стране выпущено множество книг о Ленине. В одном томе невозможно напечатать даже самую малую часть этих книг. Из всего, что было написано о Владимире Ильиче для детей, здесь отобрана только небольшая часть. Это прежде всего то, что написали люди, близкие Владимиру Ильичу, знавшие его с детства, прожившие рядом с ним много лет. Недаром эта книга открывается рассказом о жизни Владимира Ильича, который написала его самый близкий друг, жена, товарищ по революционной борьбе — Надежда Константиновна Крупская. А о детских и школьных годах Ленина написала для пионеров старшая сестра Владимира Ильича — Анна Ильинична Ульянова.

И дальше в этой книге вы встретите воспоминания людей, которые были друзьями и соратниками Ленина. О пребывании Владимира Ильича в сибирской ссылке написал старый большевик — Глеб Максимилианович Кржижановский. Он был арестован вместе с Лениным и выслан в сибирскую деревню неподалеку от деревни Шушенское, где находились в ссылке Владимир Ильич и Надежда Константиновна Крупская. А о тревожной и напряженной поре перед вооруженным восстанием и в дни Великой Октябрьской социалистической революции вспоминает старый большевик Владимир Дмитриевич Бонч-Бруевич.

Но конечно, в этой книге больше всего страниц, написанных писателями и поэтами. Отобраны произведения, благодаря которым юные читатели обогащаются

знанием жизни и деятельности Владимира Ильича, пониманием черт характера, отношения к людям, к детям... И наверное, многих из этих писателей вы уже читали — А. Кононова, Э. Воскресенскую, М. Прилежаеву, С. Алексеева, С. Антонова, В. Тельпугова и других.

Книги о Ленине составляют целую библиотеку. Мы взяли из каждой книги отдельные рассказы или главы. И расположили их так, чтобы они представили перед читателем то главное, что было в жизни Владимира Ильича. От первой и до последней страницы перед вами проходят эпизоды жизни нашего вождя. Мы говорим — эпизоды, потому что невозможно великую жизнь, наполненную огромным, нескончаемым трудом и гениальными мыслями, вместить в рамки одной книги. Вам предстоит в будущем прочитать множество книг о Ленине, книг, написанных писателями советскими и зарубежными, политическими деятелями, историками, философами, экономистами — учеными самых разных специальностей. Но мы надеемся, что в вашей памяти останутся эти рассказы о Владимире Ильиче, любовно созданные для детей советскими писателями.

В этом томе вы увидите и стихи. О Ленине написана целая поэтическая библиотека на всех языках нашей великой многонациональной Родины. Наверное, нет в нашей стране поэта, в творчестве которого не прозвучала ленинская тема.

Предыдущий том Библиотеки школьника «Жизнь Ленина» (том IV) был посвящен замечательной Ленинской поэтической библиотеке. Здесь же представлены лишь некоторые стихотворения; это стихи ваших любимых поэтов, которых вы знаете с первых лет жизни, — Сергея Михалкова, Самуила Маршака, Агнии Барто, Михаила Светлова, Евгении Грутневой, Зинаиды Александровой...

По сведениям международной книжной статистики, среди множества книг, издаваемых на всех языках мира, во всех государствах мира, на первом месте находятся сочинения Владимира Ильича Ленина. Десятки, сотни

миллионов ленинских книг выходят на всех континентах на всех языках народов мира.

И выходят десятки, сотни книг о Ленине — огромная Лениниана, ежегодно пополняемая все новыми и новыми прозаическими, поэтическими и драматургическими произведениями. Невольно возникает вопрос: а можно ли в этой жизни, описанной столь широко, найти что-то совершенно новое, сказать то, что еще не было сказано?

Существует у нас многотомная Биохроника жизни Ленина, день за днем описана ежедневная государственная и политическая деятельность Владимира Ильича. Но это уникальное издание не восполняет и не ставит целью восполнить то, что пытаются сделать мастера слова в своих художественных произведениях: воссоздать ход ленинской мысли, передать его чувства, переживания, рассказать о том, как он относился к делу, к людям, а ведь только из этого и создается живое, настоящее представление о человеке — его облик, его духовный и душевный портрет.

К этому стремятся наши писатели, этим будут заниматься и писатели будущего. И действительно, прав наш замечательный поэт-трибун революции Владимир Маяковский, сказав:

Коротка
и до последних мгновений
нам
известна
жизнь Ульянова.
Но долгую жизнь
товарища Ленина
надо писать
и описывать заново...

РОДНОЙ И БЛИЗКИЙ

Н. К. Крупская

ВЛАДИМИР ИЛЬИЧ ЛЕНИН

В комнате на стене висит портрет.

Вася сказал отцу:

— Папа, расскажи мне про него.

— А ты знаешь, кто это?

— Знаю. Это Ленин.

— Да, это Владимир Ильич Ленин. Наш любимый, родной, наш вождь.

Ну, слушай. Был я молод. Плохо жилось тогда нам, рабочим. Работа была тяжелая. Работали мы с утра до поздней ночи, а жили впроголодь. Много нас на заводе работало. Хозяин завода был Данилов. Он не работал. Спины не гнул, а жил он ох как богато!

Откуда все было у него? Мы на него работали. Он нам за работу платил мало — прямо сказать, грабил нас. На нашем труде наживался. У него завод был, деньги, машины, а у нас ничего, кроме наших рабочих рук, не было.

Вот и приходилось к нему на работу идти. Не только на заводе Данилова так было. Так было и на всех заводах и фабриках.

В деревне крестьянам тоже плохо жилось. У них земли было мало, а у помещиков — много. Крестьяне на помещиков работали. Помещики жили богато, а крестьяне бедно.

Помещики и капиталисты были заодно. Заодно с ними был и самый главный, самый богатый помещик — царь. Он над всеми хозяином был. Такие порядки заводил, которые были хороши только для помещиков и капита-

листов. А рабочим и крестьянам от этих порядков было очень трудно жить.

Владимир Ильич Ленин был другом, товарищем рабочих. Он хотел все порядки изменить. Хотел, чтобы все, кто работает, стали жить хорошо. Ленин боролся за рабочее дело.

Ленин стал собирать тех, кто стоял за рабочих. Все больше их становилось, все крепче становилась рабочая партия — партия коммунистов.

Партия видела, что без борьбы ничего не добьешься. Стали это понимать и рабочие всех стран.

Рабочие любили Ленина, а помещики и капиталисты его ненавидели. Царская полиция его арестовывала, сажала в тюрьму, ссылала в далекую Сибирь, хотела его навек в тюрьму засадить. Ленин уехал за границу и издалека писал рабочим, что им надо делать. А потом опять приехал и руководил всей борьбой.

В феврале 1917 года рабочие вместе с солдатами — тогда война была — прогнали царя, а потом, 7 ноября 1917 года, прогнали и помещиков и капиталистов.

Отняли у них землю, а потом заводы, фабрики и стали заводить свои порядки.

Не царь, не помещики и капиталисты, а сами рабочие и крестьяне стали обсуждать и решать свои дела в Советах.

Новое это было для них дело. Ленин и его партия вели рабочих по этому трудному пути и помогали им налаживать жизнь по-новому. Много пришлось работать Ленину. Много у него было забот. Здоровье его стало плохо, и в 1924 году Владимир Ильич умер.

Очень горевали мы, когда Ленин умер, но то, что он говорил, мы никогда не забудем. Мы стараемся все делать так, как он советовал. Работу, жизнь по-новому налаживаем.

С. Михалков

НА РОДИНЕ В. И. ЛЕНИНА

Родился мальчик в тихом городке —
В Симбирске, что на Волге на реке...
Еще никто не знал в тот день и час,
Кем будет он, кем вырастет для нас...

Простые деревянные дома.
Они для нас — история сама,
Они для нас как памятник стоят —
Здесь Ленин жил сто лет тому назад...

Мы входим в дом, дыханье затая,
В дом, где жила Ульяновых семья.

Дом с мезонином. Маленький музей.
Сюда приходит множество гостей,
И здесь для них, уже не первый раз,
Звучит простой, волнующий рассказ.

Вот спальня матери. Вот кабинет отца.
Воспитывая юные сердца,
Ульяновы старались детям дать,
Что только могут дать отец и мать.

Здесь жили скромно, в строгой простоте,
Здесь были Труд и Честь на высоте.

Здесь каждый знал, что есть Добро и Зло,
И что живется бедным тяжело,
И что для бедных Правда есть — одна,
Но у царей не в милости она.

Что на земле есть подневольный труд,
И тянет лямку бедный нищий люд,
И только тем всегда живется всласть,
Кто над другими утверждает власть.

На том же месте целы до сих пор:
Подсвечник, лампа, письменный прибор.

Часы в столовой. Глобус расписной...
Еще тогда не ведал шар земной,
Что слово ЛЕНИН прозвучит в веках
На всей земле на разных языках.

Брат Александр с Володей рядом жил.
Со старшим братом младший брат дружил.
Роднил двух братьев юношеский пыл,
И старший брат во всем примером был.

По вечерам над Волгою-рекой,
Там, где всегда раздумье и покой,
Бурлила юность, закипал задор
И разгорался вольнодумный спор.

Мечтал Володя с самых юных лет
Дать людям правду, дать им хлеб и свет,
Чтоб с плеч своих навеки сбросил гнет
На всей земле трудящийся народ.

Ступеньки лестницы приводят в мезонин.
Володя здесь не раз бывал один.
Тут был его заветный уголок,
Где он мечтал и повторял урок.

Он с книжной полки эти книги брал
И шахматами этими играл...
Из этого раскрытого окна
Тропинка в сад была ему видна.

С тетрадками и книжками в свой класс
По этим улицам шагал он много раз.
Он в переулках бурлаков встречал
И грузчиков, спешивших на причал.
Здесь проезжал знакомый водовоз,
Что питьевую воду в бочке вез.

И этот путь к одной из русских школ
Уже тогда его в бессмертье вел.

Мы входим в школу, в классе парта есть,
Сидеть за ней — особенная честь:
Сидел за ней Ульянов-гимназист,
Ульянов-Ленин, русский коммунист.

Такой другой на свете школы нет!
Перебывал в гостях тут целый свет!
Варшава, Рим, Мадрид и Амстердам,
Ну, словом, все, кто приезжает к нам...

Родился Ленин в тихом городке —
В Симбирске, что на Волге на реке.
Теперь уже не тот Симбирск. Не тот!
Он вширь и ввысь растет из года в год.

И в честь Ульянова,
Что жил и вырос тут,
Его теперь
Ульяновском зовут.

А. И. Ульянова

ДЕТСКИЕ И ШКОЛЬНЫЕ ГОДЫ ИЛЬИЧА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наш вождь Владимир Ильич Ульянов (Ленин) родился 10 (22) апреля 1870 года на Волге, в городе Симбирске, переименованном теперь в честь его в Ульяновск.

Отец Владимира Ильича, Илья Николаевич, был тогда инспектором народных училищ Симбирской губернии. Он происходил из простого звания, рано лишился отца и лишь при помощи старшего брата с трудом получил образование. По окончании университета он был сначала учителем в Пензе и Нижнем. Ученики очень любили его, потому что он никогда не наказывал их, не жаловался на них директору, терпеливо и очень понятно объяснял им уроки и занимался бесплатно по воскресеньям с теми, кто не успевал, кому дома никто объяснить не мог. И бывшие ученики его всегда с любовью и благодарностью вспоминали о нем. В Симбирске он старался устроить побольше школ для бедноты, для крестьянских детей и, не жалея сил и трудов, совершенно не щадя себя, во всякую погоду ездил для этого по губернии.

Мать Владимира Ильича, Мария Александровна, была дочерью врача; большую часть юности она провела в деревне, где крестьяне очень любили ее. Она была хорошей музыкантшей, хорошо знала музыку и языки — французский, немецкий и английский — и учила тому и другому детей. Она не любила большого общества и

развлечений, проводила почти все время дома с детьми, которые очень любили и уважали ее.

Достаточно ей было сказать им что-нибудь спокойным, ласковым голосом, чтобы они послушались. Илья Николаевич любил проводить свои досуги тоже в семье, занимаясь с детьми или играя с ними, рассказывая им что-нибудь.

Семья, в которой вырос Владимир Ильич, была очень дружна. Он был третьим ребенком, очень шумным, с бойкими, веселыми карими глазами.

Володя и его сестра Оля, которая была на полтора года моложе его, росли очень живыми и бойкими детьми. Они любили шумные игры и беготню. Особенно отличался этим Володя, который обычно командовал сестренкой. Так, он загонял Олю под диван и потом командовал: «Шагом марш из-под дивана!»

Бойкий и шумный везде, Володя кричал громко и на пароходе, на котором вся семья собралась, чтобы ехать на лето в деревню Казанской губернии.

— На пароходе нельзя так громко кричать, — говорит ему мама.

— А пароход-то ведь и сам громко кричит, — отвечает не задумываясь и так же громко Володя.

Если бывало, что Володя или Оля расшались чересчур, мама отводила их для успокоения в папин кабинет и сажала на клеенчатое кресло — «черное кресло», как они называли его. Они должны были в наказание сидеть в нем, пока мама не позволит встать и идти опять играть. Раз на «черное кресло» был усажен Володя. Маму кто-то отозвал, и она забыла о Володе, а потом, спохватившись, что слишком долго не слышит его голоса, заглянула в кабинет. Володя все так же смиренно сидел в «черном кресле», но только крепко спал.

Игрушками он мало играл, больше ломал их. Так как мы, старшие, старались удержать его от этого, то он иногда прятался от нас. Помню, как раз, в день его рождения, он, получив в подарок от няни запряженную в сани тройку лошадей из папье-маше, куда-то подозрительно

скрылся с новой игрушкой. Мы стали искать его и обнаружили за одной дверью. Он стоял тихо и сосредоточенно крутил ноги лошади, пока они не отвалились одна за другой.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Читать Володя выучился у матери лет пяти. И он и сестра Оля очень полюбили чтение и охотно читали детские книги и журналы, которые в изобилии получал наш отец. Стали они скоро читать и рассказы из русской истории, заучивали наизусть стихи. Это любила, впрочем, больше Оля, которая знала много длинных и трудных стихотворений и очень выразительно говорила их наизусть.

Любимым стихотворением Володи, когда ему было лет семь-восемь, была «Песня бобыля», и он с большим азартом и задором декламировал:

Богачу дур-раку
И с казной не спится,—
Бедняк гол, как сокол,
Поет, веселится.

Верно, она ему по душе пришлась.

Особо любимых книг у Владимира Ильича в детстве не было. Охотно читал он журнал «Детское чтение». Начитавшись, он бежал с сестрой играть, причем, как было уже сказано, любил больше шумные, подвижные игры. Летом они бежали во двор и в сад, лазали на деревья, играли вместе с нами, двоими старшими, в «черную палочку» (теперь эта игра называется, кажется, «палочкой-застукалочкой»). Володя очень любил эту игру, а позднее — крокет. Зимой катался на санках с горы, которую устраивали у нас во дворе, и играл в снежки с товарищами, а позднее стал кататься на коньках.

Помню, как на общественном катке, который устраивали в Симбирске, он и старший брат Саша катались

на коньках с высоких гор, с которых и на санках-то сначала жутко было лететь — так они были круты. Согнутся сперва в три погибели на верхней, самой крутой части горы, потом постепенно расправляются и долго-долго катятся по раскату уже во весь рост. Я только с завистью поглядывала на них, а подражать им не решалась. При этом Володе, по-моему, кататься было легче, чем Саше: он был небольшого роста, коренастый такой, крепкий. Но на коньках-то Володя катался, конечно, позже, гимназистом.

Как уже было сказано, Володя был большим шалуном и проказником, но его хорошей стороной была правдивость: нашалит и всегда признается. Так, в возрасте пяти лет он сломал раз у старшей сестры линейку, которую она только перед тем получила в подарок. Он сам прибежал со сломанной линейкой сказать ей об этом; а когда она спросила, как это случилось, сказал: «Об коленку сломал», приподнимая ногу и показывая, как это произошло.

— Хорошо, что он не делает ничего исподтишка,— говорила мать.

Раз, впрочем, она рассказала, что и этот грех с ним однажды случился. Она чистила в кухне яблоки для пирога; кучка яблочной кожуры лежала на столе. Володя вертелся подле и попросил кожуры. Мать сказала, что кожуру не едят. В это время кто-то отвлек ее; когда она повернулась опять к своей работе, Володи в кухне уже не было. Она выглянула в садик и увидела, что Володя сидит там, а перед ним, на садовом столике, лежит кучка яблочной кожуры, которую он быстро уплетает. Когда мать пристыдила его, он расплакался и сказал, что больше так делать не будет.

— И действительно,— говорила мать,— он больше ничего не брал тайком.

Другой раз, когда ему было восемь лет, он скрыл одну свою проделку. Он был взят отцом вместе со старшими в первый раз в Казань, чтобы ехать оттуда в деревню Кокушкино, к тете. В Казани, в квартире тети, он,

разбегавшись и разыгравшись с родными и двоюродными братьями и сестрами, толкнул нечаянно маленький столик, с которого упал на пол и разбился вдребезги стеклянный графин.

В комнату вошла тетя.

— Кто разбил графин, дети?— спросила она.

— Не я, не я,— говорил каждый.

— Не я,— сказал и Володя.

Он испугался признаться перед малознакомой тетей, в чужой квартире; ему, самому младшему из нас, трудно было сказать «я», когда все остальные говорили легкое «не я». Вышло, таким образом, что графин сам разбился. Прошло два или три месяца. Володя давно уже уехал из Кокушкина и жил опять в Симбирске. И вот раз вечером, когда дети уже улеглись, мать, обходя на ночь их кровати, подошла и к Володиной. Он вдруг расплакался.

— Я тетю Аню обманул,— сказал он, всхлипывая.— Я сказал, что не я разбил графин, а ведь это я его разбил.

Мать утешила его, сказав, что напишет тете Ане и что она, наверное, простит его.

А Володя показал этим, что ложь ему противна, что хотя он солгал, испугавшись признаться в чужом доме, но не мог успокоиться, пока не сознался.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

В гимназию Володя поступил девяти с половиной лет, в первый класс. Готовили его к ней две зимы— сначала учитель, а потом учительница городского училища, самого близкого от нас. Учительница считалась очень хорошей преподавательницей. К ней Володя бегал на часок, редко на два в день или до уроков, с восьми до девяти часов, или в свободные для учительницы часы, обыкновенно от девяти до десяти, когда в школе происходили уроки закона божия, рукоделия или рисования. Чрезвычайно проворный с детства, он так и летел на

урок. Помню, раз мать в холодное осеннее утро хотела одеть его в пальто, но не успела оглянуться, а его уже нет. Выглянула, чтобы позвать его обратно, а он уже за угол заворачивал.

Учился он легко и охотно. И способности у него были хорошие, да и отец приучал его, как и старших брата с сестрой, к усидчивости, к точному и внимательному исполнению заданного. Учителя его говорили, что Володе очень помогает то, что он всегда внимательно слушает объяснение урока в классе. При своих прекрасных способностях он запоминал обыкновенно в классе новый урок, и дома ему приходилось лишь немного повторить его. Поэтому только, бывало, начнется вечер и мы, старшие, разложимся со своими работами в столовой, у большого стола, за общей лампой, как оказывается, что Володя уже выучил уроки и болтает, шалит, поддразнивает меньших и мешают нам.

А в старших классах в те годы много уроков задавали. «Володя, перестань!», «Мамочка, Володя заниматься не дает!». Но Володе надоело сидеть смирно, и он шалит, ходит колесом. Иногда мать забирала меньших в залу, где они пели под ее аккомпанемент на рояле детские песенки.

Володя любил петь: слух и способности к музыке у него были хорошие. Но и тут он не всегда утихомиривался. Меньшой братишка Митя в возрасте трех — пяти лет был очень жалостливый и никак не мог допеть без слез «Козлика». Его старались приучить, уговаривали. Но только он наберется мужества и старается пропеть, не моргнув глазом, все грустные места, как Володя поворачивается к нему и с особым ударением, делая страшное лицо, поет: «Напа-али на ко-озлика серые волки...»

Митя крепится изо всех сил.

Но шалун не унимается и еще с более трагическим видом, испытывая брата, поет: «Оста-авили ба-абушке ро-ожки да но-ож-ки», пока малыш, не выдержав, не заливается в три ручья. Помню, что я ссорилась из-за этого с Володей, возмущаясь, что он дразнит маленького.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Когда отец бывал дома, он приходил обычно на выручку к нам, старшим, уводил Володю к себе в кабинет и проверял его уроки. Обычно Володя знал все. Тогда отец начинал спрашивать его старые латинские слова по всей тетради. Но Володя отвечал их без запинки. И если у отца не было досуга занять его чем-нибудь другим, например шахматами, то тишина в столовой водворялась ненадолго.

А шахматы любил наш отец, и любовь эта передавалась всем братьям. Для каждого из них была радость, когда отец звал его к себе в кабинет и расставлял шахматы. Шахматы эти, которые отец очень берег и которыми все мы восхищались в детстве, были и выточены им самим на токарном станке еще в Нижнем Новгороде, до переезда в Симбирск. Мы все выучились играть, и позднее, когда Владимир Ильич жил за границей в эмиграции, мать послала их ему. Но в Кракове, где Ильич был арестован в начале мировой войны и откуда ему пришлось по освобождении уехать, побросав вещи, были оставлены и эти шахматы и, к сожалению, пропали.

Володя играл в шахматы с отцом и с братом Сашей. Мы, девочки, играли меньше. Помню только одну осень, когда отец и мы, трое старших, очень увлекались четверными шахматами и просиживали за ними поздно по вечерам. Но когда начались регулярные занятия, пришлось, конечно, оставить эту игру, которая обычно очень затягивалась.

Относясь ко всему серьезно, Володя и шахматную игру стал изучать, как и старший брат, по руководствам и позднее играл очень хорошо. Игра эта часто скрашивала для него вынужденную жизнь в деревне, в провинции, а после — в ссылке и в эмиграции. Гимназистом же он очень любил играть в шахматы с Сашей. И не только в шахматы. Он любил играть во все, во что играл Саша, делать все, что делал Саша. Он очень любил своего старшего брата и подражал ему во всем до мелочей.

О чем, бывало, ни спросят Володю — как хочет он играть, пойдет ли на прогулку, с маслом или с молоком положить ему каши за столом, — он не ответит сразу, а смотрит на Сашу. А тот нарочно медлит ответом, лукаво поглядывая на брата. И мы оба посмеиваемся над ним. Но и насмешки не отучали Володю, и он отвечал: «Как Саша». Так как Саша был на редкость серьезный, вдумчивый и строго относящийся к своим обязанностям мальчик, то подражание ему было очень полезно для Володи: он постоянно видел перед собой пример сосредоточенности, точного и внимательного исполнения заданного, большой трудоспособности.

Пример Саши, горячо любимого брата, имел огромное значение для Володи. И не только в отношении к работе — в отношении к людям Саша являлся примером для нас всех, пользовался исключительной любовью всех нас за свой чуткий, ласковый и в то же время справедливый, твердый характер. Володя был с детства вспыльчив, и пример Саши, его всегдашней ровности и большой выдержки, имел для всех остальных детей, в том числе — и особенно — для Володи, большое значение. Сначала подражая старшему брату, Володя потом сознательно стал бороться с этим недостатком, и в более зрелые годы мы совсем — или почти совсем — не замечали в нем вспыльчивости.

Такую же борьбу с собой и работу над собой видим мы в нем и в отношении развития в себе трудоспособности. Хотя мы и говорили, что Володя относился внимательно к исполнению всех своих заданий и учился прекрасно, но при его выдающихся способностях это все-таки не составляло для него почти никакого труда — не приходилось напрягаться, вырабатывать в себе трудоспособность.

Относясь чрезвычайно сознательно и строго к себе и ко всему окружающему, Володя сам подметил в себе этот недостаток. Прислушиваясь раз к бесконечным, чрезвычайно терпеливым упражнениям на рояле сестры Оли, он сказал мне: «Вот чьей работоспособности можно

позавидовать». И он начал вырабатывать в себе трудо-способность, которая стала выдающейся уже в его молодые годы — в годы окончания им университета — и которой все мы удивлялись, когда он стал взрослым.

Вообще я замечала в Володе еще в детские годы способность критически относиться к окружающему. Этот живой, шаловливый мальчик, который легко замечал смешные, слабые стороны в других и был не прочь поддразнить, посмеяться, на деле замечал не только это. Он подмечал, как было указано на примере Олиной музыки, и хорошие стороны, и непременно с тем, чтобы прикинуть к себе: так ли он поступает, нет ли чего в поступках другого, что и он мог бы позаимствовать.

Это было, по-моему, одной из сильных сторон Володи. У меня остались в памяти случаи, по поводу которых он говорил: «Я думал: хватило бы у меня мужества на это? Пожалуй, нет».

Ему в детстве было чуждо хвастовство, важничание — эти неприятные свойства, которых он не терпел в более поздние годы, от которых предостерегал молодежь в своей речи на III съезде комсомола.

Правда, и отец наш очень не любил хвастовства и, несмотря на постоянные отличия в школе всех нас — и особенно Володи, — никого не хвалил и, радуясь нашим успехам, старался поощрять нас на большие.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Возвращаясь из гимназии, Володя рассказывал отцу о том, что было на уроках и как он отвечал. Так как обычно повторялось одно и то же — удачные ответы, хорошие отметки, то иногда Володя просто, быстро шагая мимо кабинета отца по проходной комнате, через которую шла его дорога к себе наверх, скороговоркой на ходу рапортовал: «Из греческого пять, из немецкого пять».

Так ясна у меня перед глазами эта сцена: я сижу в кабинете отца и ловлю довольную улыбку, которой

обмениваются отец с матерью, следя глазами за коренастой фигуркой в гимназической шинели, с торчащими из-под форменной фуражки рыжеватыми волосами, проворно мелькающей мимо двери. Предметы, конечно, менялись; иногда звучало: «Из латыни пять, из алгебры пять», но суть была одна: получалась обычно одна отметка — 5.

Отец говорил в те годы матери, что Володе все слишком легко дается и он боится, что в нем не выработается трудоспособность. Мы знаем теперь, что опасения эти оказались излишними, что Володя сумел выработать в себе исключительную трудоспособность.

Но Володя любил и посмеяться. Когда собирались его сверстники или в семье с меньшими (Олей и Митей), он был коноводом всех игр. И каждый день слышался его смех и неистощимый запас шуток и рассказов.

Вера Васильевна Кашкадамова, учительница городской школы и близкая знакомая нашей семьи, рассказывает в своих воспоминаниях, какое веселое настроение царило у нас обычно, когда вся семья собиралась к вечернему чаю. «И всех громче,— говорит она,— звучали голоса Володи и его второй сестры, Оли. Так и раздавались их звонкие голоса и заразительный смех». Они рассказывали о разных происшествиях в гимназии, о разных проделках, шалостях. Отец был тоже не прочь поболтать с нами и, оставляя в кабинете серьезные дела, рассказывал о своих гимназических годах, о различных случаях с его товарищами, разные шутки и анекдоты из школьной жизни. «Все смеются, всем весело. И хорошо чувствуется в этой дружной семье»,— пишет Кашкадамова.

Некоторые проказы Володи остались у меня в памяти. Так, приехала к нам двоюродная сестра, женщина-врач. В то время женщины-врачи были редкостью. Эта двоюродная сестра была одной из первых. Сидит она в зале и разговаривает с отцом и матерью. У двери в залу смех, шушуканье. Вбегает Володя и бойко обращается к гостье:

— Анюта, я болен — полечи меня.

— Чем же ты болен? — снисходительно спрашивает молодой врач, видя, что мальчик шалит.

— Никак не могу досыта наесться: сколько ни ем, все голоден.

— Ну, пойдй в кухню, отрежь ломоть ржаного хлеба во весь каравай, посоли покруче и съешь.

— Я уже пробовал — не помогает.

— Ну, так повтори это лекарство, тогда наверное поможет.

Володе остается только ретироваться.

Любил Володя и музыку. Мама показала ему начальные упражнения, дала ему разыграть несколько простеньких детских песенок и пьесок, и он стал играть очень бойко и с выражением. Мать жалела потом, что он забросил музыку, к которой проявлял большие способности.

В старину был обычай весною выпускать на волю птичек. Володя любил этот обычай и просил у матери денег, чтобы купить птичку, а потом выпустить ее.

Любил маленький Володя ловить птичек, ставил с товарищами на них ловушки. В клетке у него был как-то, помню, реполов. Не знаю, поймал он его, купил или кто-нибудь подарил ему, помню только, что жил реполов недолго, стал скучен, нахохлился и умер. Не знаю уж, отчего это случилось: был ли Володя виноват в том, что забывал кормить птичку, или нет.

Помню только, что кто-то упрекал его в этом, и помню серьезное, сосредоточенное выражение, с которым он поглядел на мертвого реполова, а потом сказал решительно: «Никогда больше не буду птиц в клетке держать».

И больше он действительно не держал их.

Бегал он и рыбу ловить удочками на Свягу (речка в Симбирске), и один его товарищ рассказывает о следующем случае. Предложил им кто-то из ребят ловить рыбу в большой, наполненной водой канаве поблизости, сказав, что там хорошо ловятся караси. Они пошли, но, наклонившись над водой, Володя свалился в канаву;

илистое дно стало засасывать его. «Не знаю, что бы вышло,— рассказывает этот товарищ,— если бы на наши крики не прибежал рабочий с завода на берегу реки и не вытащил Володю. После этого не позволяли нам бегать и на Свяягу».

Но, занимаясь в детстве ловлею рыб и птичек, Володя не пристрастился ни к тому ни к другому и в старших классах гимназии не рыбачил и не ставил ловушек на птиц. И на лодке с Сашей, когда тот приезжал на лето из университета, он обычно не ездил, а ездил младший брат Митя, который очень любил сопровождать Сашу в его разъездах по Свяяге в поисках разных червей и всяких водяных жителей. Саша занимался естественными науками, еще будучи гимназистом, а в университете поступил на естественный факультет и в летнее время занимался исследованиями, готовил материал для своих сочинений.

Володя же не любил естественных наук. В гимназии он интересовался латинским языком, чтением классиков, историей, географией, любил писать сочинения и писал их очень хорошо.

Он не ограничивался учебниками и рассказами учителя, чтобы написать сочинение, а брал книги из библиотеки, и сочинения его получались обстоятельные, тема была очень хорошо разработана и изложена хорошим литературным языком. Директор гимназии, преподававший в старшем классе словесность, очень любил Володю, хвалил постоянно его работы и ставил ему лучшие отметки.

Не любил также Володя разных работ, которыми обыкновенно увлекаются мальчики. То есть в детстве он клеил и мастерил, как и все мы, разные игрушки и украшения на елку, которую мы все очень любили и для которой готовили обыкновенно все своими руками, но, кроме этих ранних работ, я не помню его никогда за каким-либо мастерством—столярным или иным. Не занимался он и таким любимым мальчиками делом, как выпиливание по дереву, в котором был очень искусен его старший брат.

Во внеучебное время, зимние и летние каникулы, он или читал, причем любил, помню, грызть подсолнечные семечки, или бегал, гулял, катался на коньках зимою, играл в крокет или купался летом. Он не любил читать приключений, а увлекался, помню, Гоголем, а позднее Тургеневым, которого читал и перечитывал несколько раз.

Отношения с товарищами в классе у Володи были хорошие: он объяснял непонятное, исправлял переводы или сочинения, а иногда помогал затруднявшимся товарищам писать их. Он рассказывал мне, что его интересовало помочь товарищу так, чтобы товарищ и отметку получил хорошую и чтобы не похоже было на то, что ему кто-нибудь помогал писать,—особенно чтобы не было похоже, что помогал он, Володя. Он объяснял товарищам непонятное в перемены, приходил, как и брат его Саша, иногда в гимназию на полчаса раньше, чтобы перевести для них трудное место с греческого или латинского или объяснить сложную теорему. Весь класс надеялся на Володю: идя впереди, он и другим помогал учиться.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Первые годы жизни в Симбирске семья наша кочевала по разным более или менее неудобным квартирам, пока, наконец, отец не купил деревянного дома на Московской улице. Теперь в этом доме устроен Музей имени Ленина, то есть весь дом, все комнаты в нем, мебель восстановлены по возможности такими, какими они были в детстве Ленина.

Дом этот был одноэтажный, с антресолями наверху, в которых помещались детские комнаты. Комната Володи была рядом с комнатой Саши в одном конце дома, а комната моя и троих меньших—в другом, по другой лестнице. Мы перебрались в этот дом, когда Володе было восемь лет, и, таким образом, пять лет учения—до

пятого класса — он провел в тесной близости с Сашей, заимствовал у него серьезное отношение к делу, присутствовал при производстве его естественнонаучных опытов, тянулся за книгами, которые читал Саша, спрашивал его советов.

За домом был длинный зеленый двор, на котором были устроены для нас гигантские шаги, затем довольно большой сад, выходявший уже на другую — Покровскую — улицу. Теперь садик этот большей частью вырублен, а на Покровскую улицу выходит уже другой, каменный дом. В заборе сада была калитка, и мы выходили через сад — зимой на каток, летом в купальню на реке Свяге. Мы платили за два часа — утренний и вечерний — в одной частной купальне, и за это время надо было выкупаться двум сменам: отцу с мальчиками и матери с девочками. Помню, как две части семьи встречались где-нибудь на полпути к Свяге — на тихом, поросшем травой склоне Покровской улицы.

Садик был большей частью фруктовый: в нем были яблони, вишни и ягодные кусты различных сортов. Был также хорошенький цветник. Всем этим заведовала мать, очень любившая садоводство. Рабочих рук, кроме нанимаемых иногда для окопки яблонь и тому подобных трудных весенних или осенних работ, не было. Мы все помогали.

Помню летние вечера после сухих, жарких дней и всех нас с лейками, с ведрами, с кувшинами — со всякой посудой, в которую можно было набрать воды, накачивающими воду из колодца и путешествующими в сад к грядкам и обратно. Помню, как быстро мчался оттуда с пустой лейкой Володя.

Лакомились мы вволю ягодами и фруктами. Но это происходило не беспорядочно, известная дисциплина была и тут. Так, нам разрешалось, когда яблоки поспевали, подбирать и есть так называемую «падаль», то есть упавшие на землю, подточенные червем яблоки, но с деревьев мы не срывали. Затем был известный порядок: с каких деревьев есть раньше — скоропортящиеся сорта,

а какие собирать для варенья и на зиму. И в результате мы ели вдоволь в осенние месяцы и у нас хватало на всю зиму.

Помню, как все мы были возмущены одной гостьей-девочкой, которая попыталась показать нам свою удаль тем, что с разбегу откусила от яблока на дереве и промчалась дальше. Нам было чуждо и непонятно такое озорство. Точно так же и с ягодами: нам указывались гряды клубники, или части малинника, или вишневого лесочка, где мы могли «пасть», оставляя нетронутыми более поздно созревающие или предназначенные на варенье части ягодника. Помню, как удивлялись знакомые, видя что три стройных вишневых дерева близ беседки — место вечернего чая — летом устояли, все осыпанные ягодами, до 20 июля (день именин отца) и что при всей доступности их и обилии ягод никто из детей не тронул их.

— Дети могут кушать ягоды в другой части сада, а эти деревья я просила их не трогать до двадцатого, — говорила мать.

Мать наша умела поддерживать дисциплину, никогда излишне не стесняя нас. Это имело большое значение в воспитании всех нас.

Та разумная дисциплина и бережливость, которую проявлял Владимир Ильич в своей личной жизни и которой он требовал от всех товарищей в государственном строительстве, была впитана им еще с детства.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

В 1886 году, когда Владимиру Ильичу доходил шестнадцатый год, нашу счастливую семью постиг первый тяжелый удар: 12 января скончался скоропостижно отец — Илья Николаевич. Александр Ильич был в то время в Петербурге. Володя остался старшим сыном в семье, и он выказал, несмотря на свою молодость, много внимательности по отношению к матери, много

старания помочь ей в нахлынувших на нее новых заботах.

Этой зимой я осталась дольше в Симбирске, где смерть отца застала меня во время рождественских каникул. Мне надо было пройти латынь для курсов, и Володя, прекрасно знавший ее, взялся помогать мне. Помню, как хорошо он объяснял и какими живыми и интересными выходили у нас уроки. Он говорил тогда, что гимназический курс слишком длинен, что взрослому, сознательному человеку можно пройти учебу, растянутую на восемь лет, в два года. И он доказал это, подготовив в два года учителя Охотникова к экзамену экстерном при гимназии.

Учитель этот был чувашин родом, преподававший в чувашской школе. У него были большие способности к математике. Он прошел ее самостоятельно за гимназический курс; ему хотелось заниматься ею и дальше. Но для поступления в университет надо было сдать экзамен за гимназию по всем предметам и по древним языкам.

Конечно, для чувашина, плохо знавшего русский язык, это было нелегко, к тому же способности у него к языкам и общественным наукам были далеко не блестящи. И все же Володя, которому близкий знакомый нашей семьи, инспектор чувашской школы Яковлев, предложил заниматься с Охотниковым и подготовить его к экзамену, взялся и подготовил своего ученика в полтора-два года, несмотря на свои собственные занятия в двух последних классах. И Охотников сдал в один год с Володей экзамен при гимназии и поступил в университет. Надо добавить еще, что занимался Володя со своим учеником бесплатно.

В 1887 году, когда Володя был в последнем классе, нашу семью постигло другое тяжелое несчастье: за участие в покушении на царя Александра III был арестован Александр Ильич в Петербурге.

Владимиру Ильичу пришлось тогда первому услышать это тяжелое известие и подготовить к нему мать.

Вот как это произошло.

О том, что Александр Ильич и я, пишущая эти

строки, арестованы, в Симбирск, учительнице Кашкадамовой, сообщила наша родственница и просила ее подготовить мать.

«Получив письмо,— рассказывает Кашкадамова,— я послала в гимназию за Володей и дала ему прочесть письмо. Крепко сдвинулись его брови, и долго он сосредоточенно молчал над письмом. Передо мной был уже не прежний веселый мальчик, а взрослый человек. «А ведь дело серьезное, может плохо кончиться для Саши»,— сказал он».

Дело Александра Ильича кончилось действительно очень серьезно. Он был признан одним из главных руководителей покушения, приговорен к смертной казни и казнен 8 мая 1887 года.

Володя переживал несчастье с большой твердостью, продолжал внимательно заниматься, но стал серьезнее и молчаливее. Он часто задумывался над тем, правильный ли путь борьбы избрал старший брат, и говорил: «Нет, мы пойдем не таким путем. Не таким путем надо идти».

Начальству Симбирской гимназии был объявлен выговор за то, что оно выпустило с лучшей аттестацией и золотой медалью такого «ужасного преступника». Думали, что нельзя будет дать золотой медали и его брату, Владимиру Ильичу, но успехи последнего за все восемь лет гимназического учения были настолько выдающимися, ответы его на выпускном экзамене настолько блестящими, что нельзя было лишить его, как и сестру его Ольгу, золотой медали. Он получил эту медаль и поступил в Казанский университет, на юридический факультет.

Мать с остальными детьми, продав в Симбирске дом и лишнее имущество, переехала тоже в Казань.

Тот гнет, который и без того тяжело лежал на студенчестве в восьмидесятых годах прошлого столетия, еще более усилился после покушения 1 марта 1887 года, участниками которого были студенты. «Инспекторами студентов» назначались настоящие полицейские ищейки,

были закрыты все самые невинные студенческие общества, распущены все организации, поарестованы и исключены многие.

Студенты стали протестовать во всех университетах. Произошли так называемые студенческие беспорядки и в Казанском университете.

Владимир Ильич тоже принял участие в неразрешенной сходке и был в числе других исключен из университета и выслан из Казани в деревню Кокушкино. Этим исключением окончились для него ученические годы. Двери высшей школы были для него закрыты.

В ходатайствах об обратном поступлении в университет ему было отказано главным образом из-за того, что он был братом Александра Ильича.

Таким образом, школьная учеба закончилась для Владимира Ильича в семнадцать лет. Но он был настолько сознательным, что сумел самостоятельно, без всякой посторонней помощи, закончить свое образование.

Он закончил официальное образование, сдав, когда ему было наконец дано это право, выпускной экзамен по юридическому факультету, причем сдал его в один год со своим выпуском, как будто не был исключен из университета.

Помню, многие удивлялись тогда, что он даже года из-за всех этих передраг не потерял, то есть что в действительности подготовился по всем наукам университетского курса не в четыре, как все, а в каких-нибудь два года.

Полученный им диплом об окончании университета давал ему профессию (он записался помощником при-сяжного поверенного), а значит, возможность зарабатывать себе хлеб, о чем надо было думать, так как вся семья жила лишь на пенсию матери да на то, что проживалось понемногу из оставшегося после отца.

За эти годы жизни — сначала в Казани, а потом в Самаре — Ильич сложился в революционера, мужественного, убежденного, не боящегося никаких трудностей, отдающего все свои силы борьбе за дело трудящихся.

Владимир Ильич с особым вниманием читал, изучал сочинения Маркса и Энгельса. Маркс и Энгельс показали, как во всех странах капиталисты угнетают рабочих, наживаются на их труде, а помещики наживаются на труде крестьян. Маркс и Энгельс писали, что есть один путь для того, чтобы положить конец всякому угнетению, всякой эксплуатации,— это объединиться рабочим и общими силами, опираясь на всех трудящихся, сбросить власть помещиков и капиталистов, взять власть в свои руки и завести новые порядки, устроить жизнь светлую и счастливую для всех.

В ряде стран, где было много фабрик и заводов, рабочие, объединенные общим трудом, общим угнетением, начали уже в те времена бороться за свои права. У нас в России фабрик и заводов тогда было еще не очень много, рабочие были темны, малосознательны; царская власть, царские чиновники помогали всячески помещикам и капиталистам держать в рабстве трудящихся. Но Ленин понял, что и нам надо идти тем путем, который указали Маркс и Энгельс. Ленин помог рабочим организовать, помог организовать самому боевому, самому передовому отряду борцов за рабочее дело — Коммунистической партии.

Рабочий класс России долгие годы вел упорную революционную борьбу и под руководством большевистской партии, ведя за собой крестьянство, в октябре 1917 года победил, взял власть в свои руки и строит для всех жизнь здоровую, радостную, светлую.

Имя Ленина дорого миллионам рабочих и трудящимся всего мира. Его никогда не забудут.

М. Стельмах

АПРЕЛЬ

Зеленеют леса в апреле,
Зацветают поля и луга.
Снова речки все посинели
И не входят в свои берега.

Дети в школе венок весенний
На портрет Ильича сплели.
Ведь в апреле родился Ленин,
Вождь трудящихся всей земли.

Е. Трутнева

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЛЕНИНА

В день рождения Ленина
И солнце и весна!
Ручьи бурливы, вспенены
До самого до дна.

Кипучей жизнью новою
Полным-полна земля.
Зерно принять готовые,
Оттаяли поля.

И каждое растеньице
Расти, цвести должно.
И все ребята-ленинцы
С весной заодно!

Пытливые, бурливые,
Как ручейки весной,
Для них пути счастливые
Лежат в стране родной.

Я. Пинясов

СМЕЛЕЙ, САША!

Жила у нас в Мордовии старая заслуженная учительница Александра Петровна Лавровская. Многие помнят ее. Сотни соколов из-под своего крыла выпустила в науку, в технику, в поднебесье. Имена многих и далеко от родины прогремели. А сама жила тихо, скромно коротая почетную старость.

Радовалась, когда ее навещали дети. Очень цветы любила.

И вот однажды, растроганная поднесенными цветами в какой-то из своих юбилеев, рассказала нам, когда я еще был школьником, удивительный случай из своей жизни.

Рассказывала так хорошо, что мы вместе с ней волшебным образом переносились в годы ее юности.

Перед нами возникал город Симбирск в морозной дымке над Волгой, скованной льдом. Пар поднимается из полыней, промытых ее могучим течением, и оседает блестками на городских зданиях. Стужа. А в городском парке искрятся огоньки среди заиндеветых деревьев. Звенят, дребезжат трубы зазябнувшего духового оркестра. Мимо музыкантов-пожарных проносятся по льду катка барышни-гимназистки в нарядных шубках с меховой опушкой, гимназисты в серебристых шинелях, в синих венгерках. Парочки, парочки, легкий смех, негромкий говор. Мороз красит щеки. Иней пудрит ресницы.

Все оживлены, веселы, все в движении. А на одной из скамеек одиноко сидит бедно одетая девушка. Это Саша Лавровская.

Все здесь друг друга знают, каждому есть чем погордиться. Кому — знатностью, кому — богатством. У того папа — владелец пароходов, у этой мама — урожденная баронесса или княжна. Отцу такого-то принадлежат мельницы, дедушке такой-то — леса за Волгой. Лишь Саша всем чужая.

Странно и даже смешно выглядела она среди этих молодых зазнаек, щеголяющих цветущим здоровьем и нарядами, — худощавая, темнолицая, в старом пальто, из которого она явно выросла. Руки торчат из коротковатых рукавов и кажутся уродливо длинными. Смешны варежки домашней вязки, да и вся ее сутулая фигурка. Никто такую не пригласит покататься, просто не осмелится. Ведь страшней всего в этом обществе показаться смешным.

И вот она сидит одна, съезжившись, на скамейке, а мимо проносится сверкающая коньками, белозубыми улыбками, смеющаяся, самодовольная молодежь.

Всем весело, а ей плакать хочется. И зачем пошла на каток, да еще в праздник! И стоило с таким трудом доставать коньки, привинчивать их к единственным ботинкам, с опасностью порвать и испортить, когда других нет.

Саша попала в Симбирскую гимназию из лесной глуши, не будучи ни дворянкой, ни богачкой. Ее родители — бедные учителя из глухой мордовской деревни. Они едва денег собрали ей на дорогу. Сами не верили такому счастью.

Помог Саше инспектор народных училищ Илья Николаевич Ульянов. Этот добрый человек, заботясь о просвещении людей из народа, узнал, что Саша очень способна к учению, и сам рекомендовал ее директору гимназии.

Классные дамы фыркали, недовольные ее угловатыми манерами. Бедно одетая, она всех стеснялась, перед всеми робела. Даже перед одноклассницами, которые посмеи-

вались над ее нескладностью. И откуда взялась такая дикарка?

Саша все терпела, лишь бы учиться. Но иногда ей хотелось и повеселиться, и порезвиться, и покататься со всеми вместе под музыку на сверкающем льду, озаренном огнями.

Но почему же она не катается? Ведь она же отлично раскатывалась дома по речке на самодельных коньках, а теперь на ней настоящие «снегурочки».

Всему виной ее старое пальто, из которого она давно выросла. Перед отъездом в гимназию родители долго рассматривали его на свет и уговаривали:

— На годик еще хватит, Сашенька, если его побережь. Конечно, новое лучше бы, но у нас средств нет... Надо форменное платье... Да за квартиру. Да на еду... Где же взять, потерпи. Главное, ты будешь учиться, и не где-нибудь, а в гимназии. Это же счастье, Сашенька!

«Конечно, счастье,—согласилась Саша.—Подумаешь, пальто, не сидеть же в нем на уроках. Как-нибудь до гимназии добегу, вобрав руки в рукава». Но когда стараешься не показать свою бедность, люди, как нарочно, ее замечают. Вот недавно какой-то незнакомый гимназист вдруг спросил:

— Вам, наверное, холодно?

И хотя произнес он эти слова участливо, Саша покраснела от стыда.

А теперь вот, не рассудив, что в городе на катке принято нарядами хвастаться, явилась сюда просто показаться.

Но какое же катание в одиночку, когда все кружатся парами, только людей насмешишь...

— Я уж хотела уйти,—вздохнула Александра Петровна,—но вдруг на катке появился новый конькобежец. В обычной гимназической шинели, в фуражке с черными наушниками, румяный, плотный и какой-то очень устойчивый на ногах.

Медленно скользя вдоль скамеечек, на которых отдыхали барышни, он оглядывал — кого бы пригласить.

Гимназистки, завидев его, оживились.

— Здравствуйте, Володя! Где вы задержались? Чудесный лед!

По тому, как раскрывались их улыбки, видно было, что им очень хочется покататься с ним в паре, но из приличия они не могут пригласить первыми. Это будет навязчиво.

А гимназист словно растерялся среди этих красивых и нарядных барышень, не зная, какую же выбрать. Добродушно улыбаясь, он скользил навстречу несущимся конькобежцам. И вдруг взгляд его скользнул по моей одинокой фигуре.

— А почему вы не катаетесь?—спросил он.— Вы не ушиблись? Вам дурно?

— Нет, нет.

— Ну, так поедemте, вы замерзните без движения!

Конькобежец предложил мне руку. Взглянув на его открытое, доброе лицо, я узнала того самого гимназиста, который спросил однажды, а не холодно ли мне. Я приняла приглашение.

Каталась я плохо, неумело, но Володя, быстро почувствовав это, не оставил меня, а принялся подбадривать:

— Я вас поддерживаю... Действуйте энергичней. Как вас зовут?

— Саша.

— Смелей, Саша, смелей!

И с каждой минутой я стала уверенней двигать коньками, держаться прямой, робость моя проходила. И, забывшись, я уже не думала ни о своем старом пальто, ни о своей сутулой фигуре. Меня захватило движение. Мне становилось все радостней, все веселей. «Смелей, Саша, смелей!»—эти слова звучали в морозном воздухе, сопровождая меня неотступно, вместе с музыкой оркестра.

И вот мы с Володей уже несемса, обгоняя другие пары. И мне становится еще приятней, когда я встречаю завистливые взгляды гимназисток и особенно когда узнаю среди завидующих богатых зазнаек моих одноклассниц.

«Что же — позавидуйте! Самый хороший конькобежец катается со мной, с замарашкой, с дикаркой, с бедно одетой мордовкой!»

Время летело, как сон. Сколько кругов сделали мы с Володей — не счесть. Я наслаждалась катанием, не задумываясь, почему этот гимназист сделал такой странный выбор? Зачем посвятил мне весь этот вечер?

Когда я, поблагодарив его после закрытия катка, хотела скользнуть в аллею заснеженных деревьев, Володя вдруг сказал:

— Послушайте, Саша, а я знаю вашу тайну!

— Какую? — обернулась я, очень испугавшись почему-то.

— Тайну, отчего вы такая сердитая. Хотите скажу? Вы сердитесь на ваше пальто!

Меня бросило в краску.

— Но вы напрасно его стыдитесь. У вас очень хорошее пальто. И право, нечего на него сердиться, чем оно виновато, что вы из него выросли? Ведь это же закон природы. Вы и должны расти, а пальто этого сделать не может!

И тут я впервые улыбнулась. Ведь я действительно могла показаться ему сердитой — так я была озабочена, стараясь хорошо кататься и не горбиться, скрывать, что мне мала моя злосчастная одежда.

В ответ на мою улыбку Володя рассмеялся.

Что за чудо, все посмеивались над моим пальто, но помалкивали, а он сказал вслух, и это не было ни насмешкой, ни оскорблением. Мы пошли вместе по хрусткому снегу, и Володя все не отставал от моего злополучного одеяния.

— Послушайте, — сказал он, — на другой девушке, меньше вас ростом, это пальто выглядело бы даже нарядным. У него очень милая мерлушка на воротнике, серебристая.

Я согласилась. меховой воротник — это, пожалуй, было единственное, что мне нравилось. Я сказала, что к тому же воротник с изобретением. Мама так сделала,

что на зиму он пристегивается, а к весне снимается, на пуговицах.

Володя потрогал пуговицы и одобрил мамино изобретение.

— Маняше это понравится.

Я не поняла, что это за Маняша, почему ей это может понравиться?

— Хотите мое посредничество в одном взаимно выгодном деле? Ну, соглашайтесь заранее. У одной девушки есть пальто, которое ей великовато. Куплено на рост, и ее это раздражает... Девушка как раз немного меньше вас... Так вот, если произвести обмен, можно устроить удовольствие для двух человек. Представляете, как вопреки арифметическим правилам от перемены мест слагаемых все меняется!

Я улыбаюсь, думая, что он шутит, а Володя говорит:

— Вы напрасно смущаетесь: тот, кто получит старое пальто, даже выгадает. Ведь новое пальто всегда не так удобно, как-то непривычно. Мне, например, моя старая шинель гораздо милее новой. Не верите?— И, заглядывая в глаза, добавляет: — У нас в семье много детей, мы растем лесенкой. Одни других догоняют. И всегда младшие донашивают одежды старших. Понимаете, как это удобно, когда носишь не жесткие, не угловатые, а уже смягченные человеческим теплом, обжитые вещи.

Говорил он это так убедительно, что мне поверилось, и мое ненавистное пальто, от которого у меня стал портиться характер, показалось добрым и хорошим, даже каким-то близким. В нем жили следы маминых рук, тепло ее дыхания. Мне уж совсем и не стыдно было идти в нем рядом с гимназистом. Я перестала горбиться и не обращала внимания, что руки слишком далеко вылезали из коротковатых рукавов. Мороз, правда, обращал внимание...

Проводив меня до дому, где я снимала угол комнаты, Володя попрощался, сказав:

— Так, значит, условились, я буду вашим посредником в обмене?!

Я только кивнула, не думая, что из этого последует.

А наутро, перед тем как мне идти в гимназию, в дом зашла какая-то незнакомая женщина, очень скромно одетая. Принесла мне новенькое, не надетое еще пальто, взамен попросила мое старое. И, убедившись, что обновка сидит на мне очень хорошо, будто на меня сшита, ушла.

Это было как в сказке. Я шла в гимназию, и мне казалось, что все прохожие смотрят и радуются: «Вот какая идет милая гимназисточка, какое на ней ладное, красивое пальто!»

Я улыбнулась старику швейцару, и он удивленно поднял брови, ведь я всегда старалась, сбросив ему на руки свое пальто, поскорей проскользнуть мимо.

Я приветливо поздоровалась в раздевалке с девочками. И они тоже переглянулись: всегда я старалась пройти, потупив голову. Мое необыкновенное поведение сразу стало заметно.

На большой перемене задорные девчонки даже подбегали заглянуть мне в глаза. И я не отводила взгляда.

Я даже не сердилась, когда слышала, как иные трешотки, любящие посплетничать, говорили:

— Ну, теперь все понятно, как она попала в нашу гимназию. Она же родственница Илье Николаевичу... Иначе почему бы Володя Ульянов катался с ней вчера весь вечер!

— Конечно, она же ничего собой не представляет!

— Разве у него не было выбора среди гимназисток?

— А он сам к ней подкатил и пригласил.

— Конечно, родственница Ульяновых, это ясно!

Я только улыбалась и смотрела все смелей, все выше поднимала голову: «Ну и пусть все думают, что я родственница таких хороших людей, как Ульяновы!»

Я почувствовала, что в чужом, незнакомом городе у меня, одинокой мордовской девушки, есть защита!

«Смелей, Саша!»— эти слова Володи Ульянова, услышанные в морозный день на симбирском катке, я вспоминала всегда, когда было трудно, и они помогали мне шагать по жизни.

Н. Богданов

САМЫЙ ГЛАВНЫЙ

Володя Ульянов, как и все дети, частенько задумывался: а кто самый большой? Кто самый сильный? Кто самый главный на свете?

Он все любил узнавать сам. Вначале узнал, что самый сильный — конь. Стоит его запрячь в тележку, и он может увезти всех сразу — папу, маму, братьев, сестер и его тоже. А главный над ним кучер. Он крикнет: «Но, трогай!» — и конь пойдет.

Потом Володя узнал, попав в цирк, что самый большой — это слон. Громадный, как гора. На его спине помещался красивый домик с нарядными обезьянками. Главный над ним был клоун. Но слон схватил клоуна за шиворот своим страшным хоботом и утащил.

И Володя смеялся вместе со всеми. Нет, это не самый главный. А вскоре Володя узнал, что есть на свете еще и побольше слона, — это пароход.

Он по земле не ходит, а плавает по реке. Хлопает по воде крыльями сильнее, чем гуси, и пыхтит громче слона. Один раз пароход подплыл к берегу да так ухнул — лошади испугались.

Но Володя не струсил: с ним рядом был старший брат Саша, который ничего не боялся.

Слон носил на себе домик с обезьянками, а пароход — много-много домов и столько людей, что не сосчитать.

Если бы Володя не держался за Сашину руку, он мог потеряться, как на базаре. Люди стали садиться на пароход.

А пароходу, наверно, надоело ждать, пока все сядут. Он загудел так, что пришлось заткнуть уши. Дернулся он, чуть не утащил с собой город. Забыли отцепить канат, которым он был привязан к большой тумбе. Вся пристань зашаталась. Люди забегали, закричали. Матросы отцепили канат, и пароход поплыл, а город остался.

Обрадовавшись, что все обошлось благополучно, все махали друг другу платочками. Многие улыбались. А иные даже плакали.

Пароход был такой большой, что на нем можно было сидеть в обыкновенной комнате и пить чай из настоящего самовара. С вареньем, с булочками. Мама разливала. Папа читал газету. Сестры следили за Володей, чтобы не шалил.

Даже скучно. Только серебряная ложечка у папы в стакане слегка позванивала: дзнь-дзнь. И пол дрожал. Когда все занялись чаем, Володя соскользнул с дивана и стал слушать, как пароход дышит.

Внутри у него что-то постукивало, как у человека. Интересно бы поковырять и посмотреть в дырочку. Но Володя однажды уже расковырял игрушечную лошадь и увидел, что внутри у нее только сор да стружки. Он задумался: как же узнать, что там бьется внутри парохода?

— Что ты исследуешь? — спросил Саша.

Володя молча прильнул к его груди и услышал: тук-тук.

— Это сердце, — сказал Саша, сразу догадавшись, о чем думает Володя, — а там, у парохода, машина.

Машина. Ах как захотелось Володе посмотреть ее!

Несколько раз он выскакивал из каюты на палубу, но каждый раз его возвращали сестры, приговаривая: «Да уймись ты, неугомонный!»

Один раз Володя добежал до железной двери, откуда тянуло жаром и доносился сильный шум. Он хотел было

нырнуть по железной лестнице вниз, но его заметил капитан:

— В машинное отделение нельзя!

— Мне только посмотреть немножко!

— Нет-нет, видишь надпись: «Вход воспрещен»? Сюда даже я не хожу.— Капитан оглянулся и крикнул:— Чей это мальчик?

Сестры подхватили его, пожаловались маме. Володе пришлось долго сидеть на диване.

К ночи пришел сон-угомон. И всем закрыл глаза мягкими лапами. А Володе не закрыл, потому что он притворился спящим. И, обманув сон, потихоньку выскользнул снова на палубу.

Теперь ему никто не мешал. Даже палубные пассажиры спали, склонив голову на ящики, мешки и чемоданы. А пароход бежал по реке, надвигая волны на берега. В ночной тиши было слышно, как глубоко внутри что-то ухало и вздыхало.

Это машина. Ей словно было тесно там, в глубине. Иногда она так поворачивалась, что весь пароход вздрагивал. И колокол на носу сам собой позванивал.

С верхней палубы Володя спустился на нижнюю. И добрался до самой середины парохода, откуда росла громадная черная труба. Становилось все жарче. Здесь все было нагрето, даже поручни. И вдруг Володя увидел свет. Он пробивался снизу сквозь приоткрытые решетки железного пола.

Володя заглянул вниз. На него пахнуло таким жаром, что волосы зашевелились. Вот как дохнула машина.

Преодолев страх, Володя увидел ее. Она лежала глубоко, словно в колодце, громадная, серая, как слон, только больше. И шумно двигала огромными стальными ручищами. Туда-сюда, туда-сюда. Уф-уфф!

Вот она — главная сила парохода.

Володя засмотрелся, соображая: как же машина движет пароход? И вдруг разглядел там внизу человека в замасленной блузе и в кепке. Он бесстрашно сидел верхом на громадной машине, как на лошади, как на верблюде.

В одной руке у него был чайник с длинным носиком, а в другой — масляная тряпка. Человек поил машину, как добрый хозяин. Напоит, посмотрит и аккуратно стирает пролившиеся капли мягкой тряпкой.

Володя, чтобы рассмотреть получше, оперся на железные дверцы, и они скрипнули. Человек поднял лицо, блестящее от пота. Ему было жарко.

Завидев Володю, хозяин машины не рассердился, что какой-то мальчик пришел на него посмотреть так поздно ночью, когда все люди спят. Нет, он приветливо улыбнулся, потрянув головой. Зубы его весело блеснули на лице, освещенном красноватым светом. Он шутливо похлопал машину рукой, желая показать, что она ему подчиняется. И крикнул что-то шутливое. Но Володя не расслышал за шумом машины и спросил:

— Ты кто?

— Это рабочий, машинист,— ответил Саша, оказавшийся вдруг за спиной. Он все время потихоньку шел за Володей, желая знать, куда так стремится, что так ищет его младший брат?

— Саша, посмотри, вот он какой!— крикнул ему на ухо Володя, указав на веселого и смелого человека, оседлавшего машину.— Я нашел!

— Нашел самого главного? Отлично! Теперь идем, пора и уgomониться!— И Саша потянул младшего брата за руку.

Володя не сопротивлялся. Он был доволен. Он узнал, что хотел знать. Сам узнал.

Н. Ходза

ПОСЛЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ

Однажды Володя и Оля попали на цирковое представление. Артисты показывали свои номера на городской площади.

Представление начали клоуны. Их было два. Один — рыжий-рыжий, прямо огненный. У другого лицо было белое-белое, точно мукой посыпано. А на голове колпак нахлобучен с колокольчиками. Этот клоун держал в руках длинную метлу. Чтобы смешить публику, он то и дело бил Рыжего метлой по голове. И тогда огненные волосы Рыжего подымались дыбом, а из головы взвивалась тоненькая струйка воды. Вроде фонтанчика. Все над этим смеялись. А Володя не смеялся. И даже хмурился. Ему не нравилось, что клоун в колпаке бьет ни за что Рыжего. Правда, под конец Володя немного повеселел. Потому что Рыжий терпел-терпел, потом рассердился, вырвал из рук белого клоуна метлу и начал ею мутузить своего обидчика. А тот так отчаянно дергал головой, что колокольчики на его колпаке начали звонить «Барыню».

После клоунов на площадь выбежала обезьянка. Обезьянка была в широких клетчатых штанах, на голове ее красовался красный цилиндр. Обезьянка проделывала удивительные номера. Она курила сигару, стреляла из

пистолета и так здорово кувыркалась, что напоследок с нее слетели широкие клетчатые штаны.

И все зрители долго хлопали в ладоши и хвалили ловкую обезьянку.

Потом показывали свои номера фокусники и силачи. Это тоже было интересно.

Но больше всего Володе понравился канатоходец. Высоко над землей был натянут канат, а по канату ходил человек в блестящем зеленом костюме. И не просто ходил. Ему завязали глаза, и он сделал сальто. С завязанными глазами!

Володя не спускал с канатоходца восхищенных глаз.

— Это очень смелый человек, — сказал он Оле.

И Оля тоже сказала:

— Это очень смелый человек!

Довольные, веселые, они вернулись домой.

Прошло несколько дней, и Оля заметила, что Володя забросил все игры. Даже в индейцев не хотел играть. И еще Оля заметила, что каждое утро Володя уходил в заброшенный сарай.

Оле было интересно узнать, что делает там Володя, и она спросила:

— Ты что делаешь в сарае, Володя?

Володя ответил:

— Приходи завтра утром, узнаешь.

Наутро Оля пришла в сарай. Вот что она увидела. Высоко под крышей была натянута толстая веревка. На веревке стоял Володя.

Оля испугалась и закричала:

— Володя, упадешь! Слезай скорее!

— Отойди в сторону, — сказал Володя. — Я могу зашибить тебя, если упаду...

И он медленно двинулся вперед.

До середины каната Володя добрался благополучно, но здесь потерял равновесие, пошатнулся и прыгнул на землю.

Оля испуганно вскрикнула. Володя неодобрительно посмотрел на нее, потер ушибленное колено и сказал:

— Пустяковая высота. Не больше сажени. Вот увидишь, добыюсь своего!

— Давай опустим веревку пониже,— предложила Оля.— Тогда тебе не будет страшно...

— А если не будет страшно, тогда и ходить неинтересно,— сказал Володя.

И он снова взобрался по лестнице на канат. И опять его постигла неудача. Володя упал. Оля увидела, что он сморщился от боли.

— Пойдем играть в индейцев,— сказала она умоляюще.— У нашего вигвама я видела следы презренных бледнолицых!..

Володя мотнул головой:

— Пока не пройду по всему канату — играть не буду!

Тогда Оля села в уголок и стала ждать, что будет дальше.

...Много раз еще падал Володя с каната, но по-прежнему не отступал от своей затеи.

— Володя,— снова начала Оля,— если не хочешь в индейцев, давай походим на ходулях... Наперегонки!..

Володя даже не ответил сестре. Он посидел немного на лестничной перекладине, потом вынул из кармана кусок мела и натер им подошвы ботинок.

И вот он уже снова на канате. По всему было видно, что Володя очень устал. Он тяжело дышал, на лбу его выступили капельки пота. Он сделал шаг... другой... третий... Шажки были коротенькие, скользкие. Так он дошел до середины каната... и снова пошатнулся. Но Володя взмахнул несколько раз руками и удержался. И опять шажок... второй... третий... Шажок... еще шажок...

Оля смотрела на брата широко раскрытыми глазами и шептала:

— Не падай! Не падай! Не падай!

И Володя не упал. На этот раз он благополучно дошел до конца.

— Молодец! — звонко крикнула Оля. — Молодец! Давай покажем всем, как ты ходишь по канату!

— Не надо! Больше я не буду ходить по канату,— сказал Володя.

— Как не будешь? Зачем же ты старался? Мог даже расшибиться!..

— Мне было интересно... чтобы добиться своего — пройти и не упасть... Хотел проверить, не испугаюсь ли, что высоко... А теперь пойдём. Покажи мне следы бледнолицых...

Он отвязал канат, швырнул его в угол и вышел из сарая.

Л. Кон

БУРЛАКИ

Был у Володи товарищ, Боря Фармаковский.

Он жил в небольшом одноэтажном доме, почти на самом берегу Волги. Вокруг Бориного дома был большой и густой сад.

В этом саду Володя с Борей играли в индейцев, строили в кустах шалаши, ставили на деревьях таинственные знаки, понятные только им одним. В дупле старой липы они оставляли друг другу записки, написанные не буквами, а картинками, как писали в старину индейцы.

Иногда, наигравшись и набегавшись, Володя с Борей убегали на берег Волги, удили там рыбу, а то и просто сидели в тени на берегу, тихо разговаривая и глядя, как блестит на солнце река, как плывут по ней плоты, баржи, пароходы.

Однажды в жаркий летний день, когда они сидели, весело болтая, на высоком зеленом берегу, до них вдруг донеслась протяжная, заунывная песня, похожая на плач.

Лицо Володи помрачнело.

— Бурлаки,— тихо сказал он.

— Верно! Вот они,— ответил Боря.

Из-за поворота реки на противоположном берегу появилась группа крестьян.

Их было человек пятнадцать.

Они, как лошади в телегу, были впряжены в тяжело нагруженную баржу и, выбиваясь из сил, тащили ее против течения.

Видно было, что им нестерпимо тяжело. Ноги их вязли в глубоком песке, ляжки сдавливали грудь, руки были судорожно сжаты. Они шли медленно, пригнувшись почти до земли, и то ли пели, то ли стонали, с трудом продвигаясь в гору.

Володя отвернулся.

— Не могу я на это смотреть!

— И зачем только они нанимаются на такую работу?—спросил Боря.

— Как зачем?—удивился Володя.— Неужели не понимаешь? Мне Саша рассказывал: в деревне голод, совсем есть нечего. У крестьян денег нет, и заработать негде. Вот они и идут в город работу искать, грузчиками работают, каменщиками, плотниками. А кто такой работы не найдет, готов за что угодно взяться, лишь бы хоть несколько копеек заработать. А богачи и пользуются: нанимают их за гроши свои баржи тянуть.

Володя замолчал и о чем-то глубоко задумался.

Бурлаки прошли. Только издали доносилась их заунывная песня, напоминая о нужде и горе, о боли и страданиях.

А. Рутько

АРЕСТАНТ ШВЕРДОВ

Каждую весну 21 мая гимназисты принимали участие в крестном ходе вокруг бывшего «рубленого города», помещавшегося когда-то там, где теперь стоял женский Спасский монастырь. Изю всех церквей к кафедральному собору сносили хоругви и иконы, в собор собирался весь город, и после торжественной литургии отправлялись по местам, где были разбиты мятежные полки Разина. Останавливались у входа в монастырь, служили благодарственный молебен...

В этот день было только два урока; после них гимназисты выстроились во дворе и пошли к собору. Впереди, блестя орденами и звездами, директор и инспектор, отец Петр в сверкающей ризе, празднично одетые дамы-патронессы. Старшеклассники несли хоругви гимназической церкви.

А у собора кипела, переливалась цветными нарядами толпа. Шныряли лоточники:

— А вот рожки, конфеты, семечки!

У ларька Макарыча пили шипучку гимназисты и гимназистки. Звенели над городом колокола.

Выглядывая из-за спин товарищей, Володя высматривал в рядах старшеклассников Сашу, искал среди гимназисток Аню и с грустью вспоминал, что теперь ее там нет.

День выдался ясный, в синей глубине неба — чисто, безоблачно. Волга нежно голубела вдали. Горизонт растворялся, сиреневый, ускользающий от взгляда.

Гимназисты шли без шинелей; Володя чувствовал себя необыкновенно легко. Шагая рядом с Костей Сердюковым, сдвинув назад фуражку, он, щурясь, поглядывал кругом, насвистывал из «Аскольдовой могилы».

В собор не входили. Из распахнутых дверей доносились голоса хора. Ярко освещенные солнцем белые колонны, поддерживающие фронтон, напоминали Володе Древний Рим.

Володя переминался с ноги на ногу, смотрел и думал. Думал о том далеком и, может быть, таком же ясном и солнечном дне, когда на этой земле, где он сейчас стоит, умирали, корчась от ран, Стенькины повстанцы. И так же синела и звала к себе Волга и покачивались внизу, у берега, на ленивой волне осиротевшие повстанческие струи...

За думами не заметил, как пошли; машинально шагал за идущими впереди. Интересно, а что бы случилось, если бы Стенька победил, если бы войска Барятинского отступили? Какую жизнь хотел устроить на земле Стенька?

Спасскую улицу, куда выходили ворота монастыря, а с другой стороны ворота гимназии, весной начали мостить: вдоль тротуаров лежали кучи булыжника, желтели вороха песка. Мостили арестанты, стриженные наголо, бледные, в одинаковых серых халатах. Володе они казались все на одно лицо.

Обычно они сидели посреди улицы и, зажав между босыми ступнями камень, оббивали его тяжелыми квадратными молотками, прилаживали камень к камню, укладывали на песчаную подушку. Из-под молотков летели искры, каменная пыль. Двое подносили камни на деревянных носилках. Не спуская глаз, усатый стражник, держа руку на эфесе шашки, следил за ними.

Так было и сегодня. Увидев приближающийся крестный ход, стражник заволновался, выбежал на середину улицы, что-то скомандовал. Арестанты побросали молотки и отошли к стене. Вытирая пот, снимали серые арестантские шапочки, крестились. Обросшие, худые, из-

можденные лица покрыты налетом болезненной бледности, которая всегда отмечает лица людей, долго просидевших в тюрьме.

Володя смотрел на босые, корявые ноги, на жадно горящие глаза — в них тлела тоска по воле.

Крестный ход остановился у ворот монастыря. Над полукруглой аркой темнела икона. Из калиточки неслышно, как тени, выскальзывали одетые в темное монашеские и послушницы и, потупив глаза, присоединялись к шествию. Сизые голуби сидели на карнизах и, наклоня головы, смотрели вниз. Пахло ладаном и каменной пылью.

Володя стоял с краю, а совсем недалеко к стене прислонились арестанты; лицо одного из них казалось странно знакомым. Этот не крестился, как другие; глубоко запавшие глаза насмешливо щурились, губы кривила усмешка.

«Где я видел его?» — томился Володя, перебирая в памяти встречи последних лет.

И — вспомнил! В прошлом году бегали с Колей Нефедьевым рыбачить на Свягу. Сидели возле Водовозного моста, а когда возвращались, остановились за винокурным заводом посмотреть, как в большой тинистой яме ребята ловят на крапиву лягушек.

Мальчишки в закатанных штанах сидели на краю ямы. Володя и Коля пристроились рядом. Пекло солнце. На Водовозном мосту грохотали ошинованные железом колеса телег. Низко над Свягой, предсказывая дождь, носились стрижи.

Сидевший рядом с Володей мальчуган резко подсек удочку — зеленая лягушка взлетела в воздух, но сорвалась с крючка и упала рядом с водой. Лежала белым животом вверх и дрыгала длинными задними лапами.

Володя подвинулся к самому краю, потянулся концом удилища к беспомощной лягушке. Саша обрадуется, если принести такую! Но Володе не удалось достать удилищем до распластавшейся внизу лягушки. Вытянув далеко вперед руку, он не удержал равновесия и свалился с крутого откоса вниз. Зеленая от тины, теплая, почти горячая вода брызнула в лицо. Володя почувствовал, как ноги

погружаются в илистое дно. Попытался вырваться, но увяз еще глубже. Вода доставала до пояса, а под ногами не было дна.

Мальчишки кричали на берегу:

— Засосет! Засосет! Тут ямина — дна нету!

И Коля топтался на круче, не зная, что делать...

— Володя! Володя! — кричал он, бросаясь из стороны в сторону. Искал палку, жердь, но ничего поблизости не было.

Володя чувствовал, что каждое движение все глубже погружает его в тинистую грязь. Крикнул:

— Тебе не вытащить! Беги до завода...

Сколько прошло времени, Володя не мог сказать: он боялся пошевелиться, боялся дышать. Но вот на краю ямы появился рабочий в черной расстегнутой косоворотке, подпоясанной синим шнурком. Парень остановился на круче, покрутил головой:

— Эх тебя угораздило, малец!

Сев на берегу, быстро снял рыжие поношенные сапоги, спустился к воде и, держась рукой за куст ивняка, другую протянул Володе. Володя ухватился за шершавую и твердую, словно выкованную из железа руку. Парень тянул осторожно — он и сам мог легко сорваться.

Но все обошлось. Володя оказался на берегу, даже сандалии не стащило с ног, а это было бы так неприятно: сандалии новые и мама просила Володю беречь их.

— Ух и изгваздался! — посмеялся заводской, надевая сапоги. — Теперь не миновать прямо в одежонке в Свягу нырять: такого мамка и домой не пустит.

Володя стоял рядом с рабочим, всматривался в побитое крупными спинами лицо — на нем весело играли смеющиеся глаза.

— Спасибо вам, — сказал он. — Как вас зовут?

— За чего же спасибо-то? Каждый бы вытащил. Скажи спасибо — не воскресный день. В воскресенье-то завод наш стоит, вот тогда бы тебе туго пришлось... — Он натянул сапоги и, оглянувшись на кирпичную громадину завода, вскочил: — Бежать! А то мастер, собака

немецкая, враз штрафанет! Ну, живи!.. А зовут Андрей... По фамилии Швердов...

...Сейчас Володя с болью всматривался в обтянутое нечистой кожей лицо, в потускневшие глаза. Неужели он? Да, он, только похудевший и злой...

Когда стражник отошел в сторону, Володя придвинулся к рабочему.

— Вы меня не помните, Андрей?—спросил он.

Арестант хмуро всмотрелся, и вдруг прежняя улыбка зажглась в глазах.

— А-а-а, крестничек! Утопленник!

— За что вы в тюрьме, Андрей?—спросил Володя, косясь в сторону стражника.

— А-а!—Швердов махнул рукой.—Мастеру в рыло дал, вовсе озверел он. И еще на девок кидаться стал, чуть что—кулаком. Ну и... не стерпела душа. Он без двух зубов, а я—на казенных харчах... О как! Был слесарь Швердов, стал арестант Швердов!

Молебен кончился, монашенки скрылись в калитке монастыря.

Стражник бегал вдоль улицы, брэнча шашкой по камням, пересчитывал арестантов.

Володя оглядывался на Андрея. Тот смотрел вслед процессии печально и зло. «Ну за что его?—с болью думал Володя.—Надо завтра прийти сюда, хлеба ему принести, что ли... Может быть, разрешат передать...»

Крестный ход повернул на Дворцовую, потом вышел на Большую Саратовскую и, дойдя до Вознесенского собора, повернул на Московскую, возвращаясь на Новый Венец. Володя ничего не слышал—перед ним неотступно стояло лицо Андрея.

Когда назавтра он прибежал на Спасскую улицу, среди арестантов Андрея не оказалось. Что случилось с ним—отправили куда или, может, заболел,—Володе не удалось узнать. Он отдал хлеб и сахар какому-то бородачу, попросил разделить на всех и убежал, испытывая чувство бессильной ярости.

С. Антонов

СТАРШИЙ

Письма от Саши из Петербурга стали приходиться все реже и реже. Как всегда, их читали вслух в столовой, и каждый ждал с затаенным трепетом и восторгом своей очереди. По-прежнему Александр не забывал никого из младших. Спрашивал о Маняше и Мите, радовал Олю сообщением, что ноты он ей пришлет; выполняя поручения Володи, писал: «Посылаю тебе, Володя, 3-ю книжку Меморского...»

В январе и феврале письма еще были, а в марте Ульяновы пока не получили ни одного.

Хотя весна в тот год была ранней, но еще лежал снег, было свежо, и только, пожалуй, тени от деревьев на снегу казались по-весеннему особенно синими и теплыми, солнечными. Стало оживленней в гимназии. Малые и большие приметы весны радовали и поднимали настроение.

Во время уроков прислали от Веры Васильевны Кашкадамовой, старого друга семьи Ульяновых. Володю просили зайти к ней. Закончив занятия, Володя, как всегда аккуратно собрав учебники и тетради, отправился в хорошо знакомый дом. Опять, наверное, какое-нибудь поручение: что-нибудь передать, или снести, или, наоборот, принести.

Раздевшись и войдя в комнату, Володя сразу увидел Веру Васильевну Кашкадамову. Даже с первого взгляда можно было сразу заметить, что она подавлена необхо-

димостью сообщить ему что-то печальное. Володя учтиво поклонился, а Вера Васильевна грустно сказала, несколько торжественнее, с бóльшим уважением, чем обычно: — Здравствуй, Володя.

Привычное стародавнее приветствие это во всем существе его отозвалось предчувствием чего-то еще никогда не испытанного и неотвратимого... Нет, пожалуй, испытанного год назад, когда умер отец.

А Вера Васильевна, чтобы не тянуть, уже разворачивала и протягивала ему белый лист бумаги... Письмо!

Володя быстро пробежал письмо глазами, пытаясь схватить главное. Саша и Аня! Так! Арестованы... И теперь Володя терпеливо, с большой выдержкой прочел письмо целиком от начала до конца. Да, Александр и Анна Ульяновы арестованы, Александр обвиняется в покушении на жизнь царя. В конце листа стояла подпись, а сбоку дата и пометка: «Санкт-Петербург».

— Вот какие печальные новости, Володя,— грустно проговорила Вера Васильевна, когда Володя прочитал письмо.

Последний год в жизни семьи Ульяновых и в жизни Володи был годом необычным. Внезапно умер отец. Труднее стало жить семье. Что-то непонятное происходило с Александром. Он был замкнут в последний приезд, уклонялся от разговоров с Володей. Но это отчуждение объясняли тем, что Александр всего себя отдавал работе в области естествознания. Он действительно рано вставал и возился с микроскопом, делал опыты, много читал — готовился к диссертации о кольчатых червях. Володя думал: «Нет, не выйдет из брата революционера» — и с обидой жалел его... Сам Володя, всегда внимательный к другим, выдержанный и корректный, бывал порою резок с младшими. Ему иногда казалось, что то, что он привычно считал хорошим, не так уж хорошо, а лишь кажется, считается им... И приходилось разбираться самому. И вот как он ошибся!

Он одернул рубашку. Эта ошибка запомнится ему на всю жизнь, но сейчас главное — судьба брата.

— А дело серьезное,— не скрывая тревоги, сказал Володя.— Оно может плохо кончиться для Саши.

Вера Васильевна кивнула головой. И, полная уважения и благодарности к этому шестнадцатилетнему мальчику, освободившему ее от необходимости что-то объяснять, она дотронулась до его плеча.

— Ты скажешь маме...

— Да, да...— проговорил Володя, прощаясь.

Вскоре он был уже дома.

Он тщательно вытер ноги, разделся, положил на место книги и тетради. Спускаясь по лестнице из своей комнаты, он увидел мать и невольно замедлил шаги.

— Мама...— позвал он, и в его голосе, так же как и в голосе Веры Васильевны, была и грусть и торжественность.

Мария Александровна остановилась, внимательно, со спокойной настороженностью посмотрела на сына.

Вслед за матерью он прошел в столовую. И теперь, когда никто случайно не мог их услышать, Мария Александровна спросила:

— Что у тебя, Володя?

Володя с едва заметной дрожью в голосе сказал:

— Беда, мама... Саша и Аня арестованы...

Володя протянул матери письмо.

Мария Александровна тяжело вздохнула, на миг закрыв глаза, и опустилась на стул... Прочтя письмо, она уронила голову. Когда Володя обнял мать за плечи, она выпрямилась и сказала:

— Надо ехать в Петербург, Володя... Скорее ехать...—

Мария Александровна посмотрела на сына и, помолчав, добавила: — Я вызову тетю Аню, ты останешься за старшего.

— Хорошо, мама...

Володя подошел к окну. Лицо его, казалось, посуровело за этот день...

Хотелось уйти куда-нибудь, уединиться и думать. Но теперь он за старшего... Он отвечает за Олю, Митю, Маняшу.

Бросив все, приехала из Казани Анна Александровна. От Казани до Симбирска не так уж далеко. Но отъезд Марии Александровны в Петербург осложнился: железная дорога не подходила к Симбирску, до ближайшей станции — Сызрани — нужно было добираться на лошадях, а попутной подводой не находилось. Кто не хотел, а кто и боялся ехать вместе с матерью преступника, арестованного за покушение на особу государя императора.

Известие об аресте Александра уже дошло до Симбирска. Некоторые из обывателей теперь не здоровались с Марией Александровной, а, проходя по Московской улице, задерживались против дома Ульяновых, что-то говорили друг другу, стараясь заглянуть в окна.

Володя, однажды заметив это, подошел к окну и задернул занавески.

— Не надо, Володя, — сказала Мария Александровна и спокойно открыла их. — Все должно быть, как всегда...

Володя посмотрел на мать, державшуюся спокойно, уверенно, с чувством собственного достоинства, и согласился:

— Да, да, мама.

...Долго вместе с учителем — чувашом Никифором Михайловичем Охотниковым — ходил Володя по городу, искал подводу. В Сызрань собирался не один человек, но каждый из них под тем или иным предлогом отказывался составить компанию Марии Александровне Ульяновой.

— Я найду подводу, — сказал Охотников. — Идите, Володя, к матушке.

Действительно, он нашел чуваша-односельчанина, который согласился доставить Марию Александровну Ульянову до станции Сызрань.

Все собрались в столовой.

Маняша, Митя, Оля, Володя невольно стали друг возле друга. Сейчас мама прощается с Ильей Николаевичем, а потом с ними...

Мария Александровна вошла в кабинет отца, уже пустовавший год, но не забываемый ни на один день, посмотрела на большой портрет Ильи Николаевича, тихо ему что-то прошептала и вернулась в столовую.

— Ну, дети,— сказала она спокойно,— я уезжаю ненадолго. С вами будет тетя Аня и Володя. Он теперь за старшего...

Мария Александровна кивнула головой и села. Вслед за ней сели дети. Минута прошла в молчании.

— Пора...— сказала Мария Александровна и встала.

Первой она подошла к самой младшенькой, Маняше, и поцеловала ее. Потом Митю, потом Олю. Когда наступила очередь Володи, Мария Александровна на миг задержалась и, посмотрев ему в глаза, словно ободряя, сказала:

— Ну, Володя...

И не договорила. Крепко обняв, она поцеловала его.

Вынесли саквояж. Марии Александровне помогли усесться на подводу, и, когда мать еще раз мысленно попрощалась с каждым, возница тронул вожжи.

Дети стояли молча и смотрели, как за поворотом улицы все уменьшается и уменьшается фигура матери в черном.

Тише стало в доме Ульяновых. И ходили как-то осторожнее, и комнаты казались больше и страшнее, чем обычно, и что-то в них было не так...

Володя иногда останавливался... Вот здесь всего несколько месяцев назад он с горечью думал: «Нет, не выйдет из брата революционера! Не выйдет!»

И теперь, как всегда, собирались в столовой, где висели две географические карты, стояли цветы, в углу — швейная машина. Карта полушарий похожа на отцовские карманные часы с открытой крышкой. И когда был жив отец, и совсем недавно, когда вот здесь сидела мама, занимаясь рукоделием и время от времени поглядывая на детей, полушария тоже были похожи на часы с открытой крышкой. Но как тогда было тепло и уютно! В кабине-

те работал отец. Отца не было видно отсюда, но как было хорошо знать, что он там, сидит и работает!

Теперь они одни, и их всего лишь четверо. Разложив на столе учебники и тетради, все занялись уроками. Склонившись, усердно писала Оля. Решал задачу Митя. Когда уроки были сделаны, Володя проверил их у младших. А всего год назад, возвращаясь из гимназии, Володя, прежде чем подняться к себе наверх, заходил к отцу и весело рассказывал о своих успехах за день:

— Из латыни пять, из алгебры пять...

Вечером, когда младшие укладывались спать, Володя, взяв подсвечник, обходил дом, как это делала Мария Александровна. Слабый желтый огонек появлялся то в одном окне, то в другом... Подложив ручонки под голову, спала Маняша. Митя беспокойно ворочался в тревожном сне. Володя поправлял на нем одеяло и, осторожно закрыв за собою дверь, уходил. Желтый слабый огонек появлялся в другой комнате...

Оля еще не спала. Володя задувал свечу, так как у Оли горела лампа, подсаживался к сестре... За тысячу верст от них Петербург, и там, где-то в чужих номерах, — мама, а в холодных каменных камерах — Саша и Аня.

Глядя в темное окно, словно в нем можно было увидеть и Петербург и родных, Володя сказал:

— Никто сейчас не спит... Мама думает о Саше, об Ане, о нас... Саша и Аня — о маме и тоже о нас...

Затрещал фитиль в лампе. Володя покрутил рубчатое колесико горелки, похожее на пятиалтынный, и спросил:

— Оля, ты все о том же?

— Да... Я не могу, я все время думаю о том же. Он лучше всех нас...

— Если бы Саша не был лучше всех, он бы и не отважился на это и не был бы заточен.

— Ну пусть ссылка, тюрьма... но не смерть.

Володя молчал, смотрел вниз, в сторону.

— Но Саша хотел убить царя... — ответил он.

Давно затих город. Вот слышно, как звонко бьют городские часы.

— Мама... Мама!— плачет во сне Маняша, и Володя идет к ней.

Вскоре стал известен приговор: смертная казнь через повешение. С тех пор Володе часто слышался стук топора: из бревен сооружают виселицу. В Кокушкине не раз он наблюдал за работой плотников. Теперь этот стук он слышал днем и ночью, видел не Кокушкино, а Петербург, какую-то пустынную площадь, людей, строящих виселицу...

Хмурый, молчаливый, он только с младшими старался быть обычным. Но Оля все видела и понимала.

С тех пор вся жизнь — в ожидании почтальона с газетой, письмом, телеграммой. Ждали сообщения: приговор отменяется.

Наступила суббота 9 мая 1887 года...

Светило молодое, яркое солнце, с Волги тянул все еще свежий ветерок. Земля подсохла. Володя, чтобы отвлечь детей от одних и тех же мыслей, предложил покопаться в саду. Взяли грабли, лопаты, носилки. Всем хотелось работать, и было странно, что до этого никому в голову не пришло заняться садом.

Володе достались грабли: младшие хотели обязательно копать. Володя работал и думал все о том же. Под его граблями шуршала прошлогодняя листва, через которую пробивалась зеленая бойкая трава. Под листвой, где она была погуще и поплотнее, оказывались бледно-зеленые, почти белые изогнутые тонкие червячки ростков, прижатых к земле. Через некоторое время они оживали, заметно выпрямляясь. А рядом стоял лес изумрудных и чистых травинков.

Стало смеркаться, когда работу прервали, решив закончить ее завтра.

Вечером со свечкой в руках Володя снова обходил комнаты. Маняша и Митя уже спали, устав от работы, которая принесла им столько радости и удовлетворения.

Оля ждала Володю.

Уже второй месяц мать в Петербурге... Аню освободили, и сегодня особенно почему-то хотелось верить, что приговор не будет приведен в исполнение. Но ни Оля, ни Володя не говорили об этом, хотя настроение у обоих было приподнятым.

Но утром в воскресенье 10 мая 1887 года весь Симбирск уже знал... Специальный выпуск местной газеты в телеграмме Северного телеграфного агентства сообщил:

«...Приговор о смертной казни через повешение над осужденными Генераловым, Андриюшкиным, Осипановым, Шевыревым и Ульяновым приведены в исполнение 8 мая».

Телеграф и типография спешили с новостью. В телеграмме, то ли переданной, то ли набранной с ошибками, мало кто обратил внимание на несогласованность: «...Приговор... приведены...»

И никто не знал в Симбирске, что казнили не Андриюшкина, как указывалось в газете, а Пахомия Ивановича Андриюшкина...

Маняша спешила в сад, когда ей повстречался Володя. Он что-то начал ей говорить.

Первые секунды она никак не могла понять, о чем говорит бледный, потрясенный Володя. «Саша повешен...» Потом она заплакала, за нею Митя. Добрейшая и отзывчивая Оля крикнула:

— Проклятый царь! Я убью его!—И, сжав кулачок, погрозила царю.

Видя слезы брата и сестер, не удержался и Володя. Но сквозь слезы он заметил на улице обывателей, с каким-то особым любопытством и бесцеремонностью пытавшихся заглянуть в окна: а что там делается, в доме Ульяновых?

Чувствуя боль и тяжесть во всем теле, Володя вытер слезы и, обняв младших, увел их подальше от окон с раздвинутыми занавесками.

Так Володя стал старшим сыном.

М. Зощенко

КАК ЛЕНИН УЧИЛСЯ

Ленин учился очень хорошо, даже замечательно. Он получил золотую медаль за окончание гимназии.

И в высшем учебном заведении он тоже, наверно, очень бы хорошо учился. Но, к сожалению, начальники исключили его из университета, потому что он был революционер. А этого начальство не терпело. И царь тоже не позволял революционерам учиться.

В общем, Ленину не позволили учиться в университете.

Другой человек на месте Ленина так и остался бы без высшего образования. Но Ленин этого не захотел.

Он сказал матери:

— Я непременно кончу высшую школу.

А уже проходило время. И прошло два года после исключения.

Наконец Ленин подал заявление министру. Он попросил разрешения сдать экзамены за всю высшую школу сразу.

Министр удивился и подумал:

«Как он может сдать все экзамены сразу? Ведь он в высшей школе не учился. Хорошо. Я ему разрешу, но только он все равно не сдаст экзамены».

Получив разрешение министра, Ленин стал усиленно заниматься.

Он целые дни сидел за книгами, читал, писал, изучал языки, переводил и так далее.

Он летом устроил в саду кабинет, в густой липовой аллее. Он там вкопал в землю стол и скамейку. И каждое утро уходил туда. И там в полном одиночестве занимался до обеда.

После отдыха и купания он снова туда шел. И снова работал три или четыре часа.

А вечером, после прогулки и купания, родные снова видели его за книгами. И родные поразились, как он так много может заниматься. И даже стали бояться за его здоровье.

Но Ленин им сказал:

— Человек может удивительно много учиться и работать, если он правильно отдыхает.

И действительно, Ленин правильно отдыхал. Он час работал. Потом делал гимнастику. Потом снова час или два писал и после этого бежал к реке купаться. Потом, отдохнув или погуляв в лесу, возвращался к книгам и опять учился.

В своем летнем кабинете он устроил себе турник недалеко от столика. И время от времени делал на нем упражнения.

В хорошую погоду он купался два или три раза в день. Он чудно плавал. Он так плавал, что всех приводил в удивление.

Один его знакомый, вспоминая о прошлом, говорил, что в Швейцарии было очень страшное озеро, где постоянно тонули люди. Это озеро было очень глубокое. Там были холодные течения, омуты и водовороты. Но Ленин бесстрашно плавал в этом озере.

Этот знакомый ему однажды сказал, что надо быть осторожным — тут тонут люди.

— Тонут, говорите? — спросил Ленин. — Ничего, мы-то не потонем.

И тут же заплыл так далеко, что еле можно было видеть его.

И вот благодаря купанию и физкультуре, благодаря

правильному отдыху Ленин сумел много работать и сумел подготовиться за всю высшую школу сразу.

Он почти два года так усиленно учился. И за это время успел пройти весь курс университета — то, что другие изучали четыре года.

Он сдал все экзамены и получил диплом первой степени.

И все профессора ему сказали:

— Это поразительно! Вы же не учились в университете и не слушали наших лекций. Как же вы могли так великолепно подготовиться? Наверно, вам кто-нибудь помогал.

Ленин сказал:

— Нет, я один занимался.

И тогда профессора удивились еще больше. И министр от удивления развел руками.

Но профессора и министр не знали, что, кроме огромного ума и замечательных способностей, Ленин имел еще огромную работоспособность. А эта его работоспособность зависела от физкультуры и правильного отдыха.

И вот почему с таким прекрасным успехом Ленин закончил свою учебу.

А. Шлыгин

БРАТЯ

Жаворонок трель выводит,
Жук пикирует в траву...
Где-то слышится: «Воло-о-дя!»
Откликается: «Ау-у-у!»

Вот и полон земляники
Кузовок берестяной...
Гаснут солнечные блики,
Лес придвинулся стеной.

Кто там в чаще лапой машет?
Ель? А может, зверь какой?..
Митя, всхлипывая, скажет:
— Потерялись мы с тобой...

Не видать тропинки нашей...
Лучше б ты меня не брал...
Лучше б с Олей и Маняшей
Я в скакалочки играл...

— Вовсе мы не потерялись —
Просто дальше всех ушли.
Вовсе мы не растерялись —
Выход из лесу нашли.

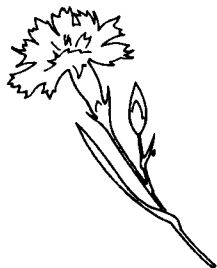
Видишь, Митя, пень замшелый —
Север в этой стороне.
Притомился? Эко дело!
Ну, давай-ка руку мне!

Курс рассчитан. В путь обратный
Через чащу прямым,
Подпевает Митя брату
Чуть дрожащим голоском:

— Вовсе мы не потерялись —
Просто дальше всех ушли.
Вовсе мы не растерялись —
Выход из лесу нашли.

Не затянет нас трясина,
Не боимся мы ничуть...—
Расступаются осины,
Открывая детям путь.

Вот и дом. Скамейка, клумба.
Мама вышла на порог...
Припозднившихся колумбов
Ждал поджаристый пирог.

Н. И. Веретенников

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ВЫБОР ФАКУЛЬТЕТА

Летом 1887 года вся семья Ульяновых рано приехала в Кокушкино. Анна Ильинична уже находилась там под надзором полиции. Позже всех приехал в Кокушкино Володя.

С самого раннего детства каждое лето, из года в год, я виделся с Володей, и его физические и нравственные изменения были мало заметны. За истекшую же зиму Володя резко изменился: стал сдержанным, реже смеялся, поспеел на слова — вырос. Он сразу стал взрослым, серьезным человеком, но по наружности остался таким же, как и раньше.

Серьезность Володи была глубокая, внутренняя, совсем не напускная. В серьезности Володи не было никакой угрюмости или подавленности. У него появилась не наблюдавшаяся ранее сдержанность, я бы сказал — сознательная, волевая замкнутость. Особенно четко стала проступать черта тонкой иронии, выражавшаяся подчас только во взгляде сызбока, с прищуренным слегка глазом, и в оборотах речи: например, на пошлые или банальные слова собеседника он часто пускал в ход хорошо запомнившееся мне выражение: «Правильное суждение вы в мыслях своих иметь изволите».

Эту фразу он употреблял, когда не хотел серьезно возражать, но считал нужным отметить недомыслие.

Володя решил поступить на юридический факультет

Казанского университета. Доступ в столичные университеты ему был закрыт. Я был очень удивлен и разочарован тем, что он выбрал этот факультет: мне казалось, что юридические науки неизмеримо ниже естественных. Это мнение было тогда довольно распространенным. К тому же на юридический факультет часто шли юноши, не имевшие влечения ни к какой отрасли наук.

Помню, в это лето в Кокушкино приезжал читавший лекции по математической физике в Казанском университете Г. Н. Шебуев. Он долго, очень долго расхаживал с Володей по саду и беседовал. О чем у них шел разговор, не знаю, но слышал потом, как не однажды Шебуев с увлечением уверял, что Владимиру Ильичу непременно следует поступить на математический факультет, что у него «определенно математический склад ума»; между тем преподаватели русского и древних языков Симбирской гимназии считали, что Владимир Ильич обязательно должен поступить на филологический факультет. На мой же вопрос Володе, почему он выбирает юридический факультет, а не какой-нибудь другой, математический или естественный, он ответил: «Теперь такое время, нужно изучать науки права и политическую экономию. Может быть, в другое время я избрал бы другие науки...»

ПЕРВАЯ ССЫЛКА

К началу учебного года тетя Маша с семьей переехала из Кокушкина в Казань.

Володя записался на юридический факультет Казанского университета.

После покушения 1 марта 1887 года, в котором участвовали студенты, царское правительство еще более, чем прежде, стало притеснять студенчество. Многих исключали из университета, арестовывали, ссылали. Во всех университетах студенты выражали протест против гнетущего строя. Этот протест называли тогда «студенческие волнения».

Володя принял горячее участие в этом студенческом революционном движении.

В декабре он был арестован, исключен из университета и, по административной терминологии того времени, выслан «по месту родины» — в деревню Кокушкино, где жил и умер его дед. Володя поселился во флигеле, заняв угловую комнату, выходящую окнами на север. В соседней, южной комнате помещалась Анна Ильинична.

В комнате Володи была самая простая обстановка: деревянная койка на козлах, на стене полка с книгами, простой шкаф, два-три стула, складная табуретка, стол. Тут же стоял у двери столярный верстак; его хотели убрать, но Володя сказал, что убирать не надо — на него можно класть книги.

Потом, ближе к весне, в этой же комнате с ним жил и его младший брат Митя. С самого раннего детства Володя был общителен с крестьянами; когда он приехал в ссылку, все крестьяне тепло и хорошо отнеслись к нему.

Володя жил уединенно, проводя большую часть времени за книгами, которые доставлялись из Казани. Его редко кто навещал, потому что путешествие зимой из Казани требовало пяти-шести часов в один конец, и то при благоприятных условиях.

По занесенным глубокими снегами полям пролегла узкая дорога; по ней с трудом можно было проехать на одной лошади, а пара лошадей запрягалась «гусем», то есть одна впереди другой. Во время буранов дорогу заметало, и, потеряв ее, легко можно было проплутать несколько часов по малонаселенной местности.

Флигель, в котором жил Владимир Ильич в ссылке, теперь заново отстроен. В комнате Владимира Ильича все вещи восстановлены, по возможности, в том виде, как было при нем. Деревня Кокушкино называется теперь Ленино.

С. Антонов

ВИЗИТ

От маленького, утонувшего в снегах, затерянного в приволжских просторах именища до величественного, державного, холодного в своей великолепии Санкт-Петербурга далеко. Снега, снега... Бессчетное число безвестных деревень и сел на берегах таких же безвестных рек и озер... Города и городки... Леса и поля, занесенные снегом...

Несравнимы по величине огромная столица и два маленьких дома над рекой Ушной.

Но что-то заставляло Санкт-Петербург помнить о существовании этого именища. И между столицей империи и деревней Кокушкино установилась через сотни верст непролазных российских снегов непрерывная деятельная связь.

Директор департамента полиции П. Дурново, впоследствии ставший министром внутренних дел Российской империи, предписывал начальнику Казанского губернского жандармского управления:

«Распорядитесь учредить строгое негласное наблюдение за высланным в д. Кокушкино, Лаишевского уезда, Владимиром Ульяновым».

Чаще всего навевался исправник Дубов.

Невысокий, коренастый, он не чужд был интереса к современной изящной словесности, выписывал газету и считал себя интеллигентным. Владимир и Анна Улья-

новы, по его наблюдениям, много читали, они происходили из порядочной семьи и тоже были интеллигентными людьми.

Владимир и Анна были корректны, жили скромно, придерживались определенного распорядка и этим, как ему казалось, тоже были похожи на него, Дубова.

К тому же при всей своей осторожности исправник не верил, что перед ним важные государственные преступники. Как-то не приставали громкие и страшные слова к этому почти еще мальчику и к этой девушке. Конечно, делать свое дело нужно и смотреть нужно, но отчего бы не показать себя интеллигентным и либеральным человеком, почти их круга?

На этот раз исправник застал во флигеле только Анну Ильиничну, которой пятилетняя ссылка в Сибирь по делу 1 марта 1887 года была заменена высылкой из Петербурга в Кокушкино под гласный надзор полиции.

— Здравствуйте, госпожа Ульянова!— приветствовал ее Дубов.

— Добрый день!

— А ваш братец, Владимир Ильич?..— спросил он, осматривая небольшую комнату, добрую четверть которой занимала русская печь.

Анна Ильинична готовила обед.

— Катается на лыжах.

— Лыжный спорт, так мало распространенный в нашем отечестве, очень полезен. В Швеции и Норвегии искусству лыжного катания обучены все дети... А куда направились?

— Это следовало бы знать вам.

Исправник недовольно кашлянул,— опять начинается это подчеркивание: следите, вынюхиваете, подсматриваете!

— А я не знаю, госпожа Ульянова,— ответил он.— Не будете ли добры сказать, скоро ли обещали быть?

Анна Ильинична улыбнулась и ответила:

— И об этом вы знаете не хуже меня, господин исправник. В доме у нас, как известно, строгий распо-

рядок, и что бы ни делал Володя, он никогда, как вам тоже известно, не опаздывает ни к обеду, ни к ужину.

— Знаю, госпожа Ульянова. Выходит, ничего не изменилось?

— Нет.

— Очень хорошо. Устойчивость привычек всегда означает устойчивость нравственную и моральную.

— Спасибо, господин исправник, именно за эти качества нас сюда и сослали...—И Анна Ильинична, отведав полушутливый поклон, стала накрывать на стол.

Дубов кашлянул.

Послышались быстрые, энергичные шаги, дверь открылась, и вошел раскрасневшийся Володя, внося в комнату крепкий запах мороза и свежего снега.

Володя увидел исправника, сердце его тревожно екнуло, но вслед за тем весь он переполнился радостью предстоящей схватки. «Есть упоение в бою...» Борьба всегда увлекала его, давала возможность проверить себя, ощутить свои силы.

Совсем недавно Володе удалось съездить в Казань, где он пытался найти связи со студентами, участниками нелегальных кружков. Осуществить поездку помогли крестьяне из соседнего села, а в Казани — знакомые.

Он ездил в Казань, и с какой целью! Знает ли об этом исправник? Если знает, доложил ли начальству или скрыл? Володя допускал и это. Почему официальный представитель власти мог пойти на сокрытие проступка своего подопечного? Во-первых, исправник хотел казаться либералом: он представитель власти, которая сослала Ульяновых, но он добрый представитель... Во-вторых, исправник не верил, что его подопечные — опасные преступники. В-третьих, а это совсем немаловажно, проступок подопечного, ставший известным начальству, накладывает вину и на осуществляющего надзор. Если есть уверенность, что проступок поднадзорного останется в тайне, лучше молчать.

Что же, знает исправник о поездке и ее цели или нет?

— А-а, господин исправник!—с живостью приветст-

вовал Володя представителя власти, всматриваясь в его лицо.— Что нового в Российской империи?

— Добрый день, господин Ульянов!— Исправник старался и сдержанным тоном и манерой произношения подчеркнуть, что он считает неуместной эту живость в разговоре с ним, официальным лицом.— Что нового? А вы разве не Российской империи подданный? Не в ней обретаетесь?

— Как вам сказать?— Володя подошел к умывальнику, взял мыло, но, держа его в руках, задумался.— Обретаюсь в России, но изъят из среды ее свободных граждан... Так что же нового, господин исправник?

— Ничего особенного не произошло, господин Ульянов.

— Так. А за границей?

— И за границей ничего примечательного не случилось.

— Но говорят, что в Париже до полутысячи русских студентов собрались на митинг протеста.

— Откуда такие сведения?— возмутился исправник.— Дай бог, чтобы набралась сотня-полторы.

— Ага!— заметил Володя и усмехнулся.— Садитесь за стол, господин исправник.

— Покорнейше благодарю! Только что отобедал.

— Тогда хоть присядьте,— пригласила Анна Ильинична,— правды в ногах нет.

Дубов сел. Володя начал с исправником оживленный разговор, стараясь выяснить, знает ли исправник о посещении Казани. Но Дубов держал себя непроницаемо, и Володе оставалось лишь догадываться. Ничего не добившись, Володя направил беседу так, чтобы узнать свежие новости. Исправник по-прежнему был осторожен, не касался политики и на вопросы Володи отвечал простым отрицанием.

— Вероятно,— сказал Володя,— с момента моей высылки в Кокушкино жизнь в мире остановилась. Не правда ли, Аня?

— Совершенно верно, Володя. Еще месяц-два твоего

пребывания здесь, и мир прекратит существование,— с иронией ответила Анна Ильинична.

— Не хотите говорить со мной?— напрямик спросил Володя исправника, захваченный состязанием с этим официальным представителем власти.— Тем не менее мне все, положительно все известно, господин исправник.

Володя встал из-за стола и, потирая руки, довольный, прошелся по комнате.

— Ну-с, что у нас на второе?— Он взглянул на сковородку, приподняв тарелку, которой она была накрыта.— Ага, мясо!— И продолжал, обращаясь к Дубову:— Все известно! Так что советую вам, господин исправник, не скрывать от меня новостей. Мне решительно известно, например, что дочь уездного предводителя дворянства чуть было не отравилась от несчастной любви. Известно, что Мария Феофановна Лопухова получила наследство от дядюшки, умершего в Костроме, и является сейчас одной из самых богатых невест в уезде. Что же еще?

— Получение таких новостей, господин Ульянов,— заметил исправник,— не предосудительно и в вашем положении.

— Кроме того, я знаю, что готовится проект указа,— прежним тоном продолжал Володя,— об устранении в Российской империи института уездных исправников.

Дубов улыбнулся.

— Шутить изволите,— сказал он.— Завидная у вас бодрость духа. Что же вам еще известно?

— Все известно, господин исправник.

— Все известно...— медленно повторил Дубов, раздумывая.— Все известно... — И, не поднимая глаз, произнес давно приготовленное:— В Казани получили сведения? Четырнадцатого числа сего месяца?

Володя и Аня быстро переглянулись: «Знает! Теперь мы у него в руках».

Ссылка в Кокушкино была выхлопотана матерью Володи, Марией Александровной. Если бы не она, сослали бы Володю куда Макар телят не гонял. Власти тогда пошли на уступку. Теперь нарушение поднадзорным пра-

вил поведения грозило осложнениями, и, возможно, серьезными... Если исправник действительно знает, куда и, главное, зачем ездил Володя, и если он доложит по начальству, упекут Володю в края не столь отдаленные... Володя, конечно, переживет, но это будет еще одним ударом для матери, которая за последние годы получала их один за другим, один тяжелее другого: смерть мужа, казнь старшего сына, исключение Володи из университета и ссылка в Кокушкино. Нужно было выиграть схватку с исправником. Обязательно выиграть, хотя бы ради матери. Но как?..

— Не только в Казани,— произнес Володя, напрягая силы и ум, чтобы одолеть противника.

Дубов одобрительно крикнул — молодец, мол, смелый! — и посмотрел на Володю с особым интересом.

Володя искал выхода... Просить исправника не доносить? Никогда!

Шли минуты, разговор продолжался. Чувствуя затруднение брата, в беседу вмешалась Аня. «Только наступать! — думал Володя. — Только наступать!» Но он не находил позиции, с которой можно было бы начать наступление.

Уже доедали второе, сейчас перейдут к молоку, а Володя по-прежнему ничего не мог придумать. Через несколько минут исправник поднимется, перекрестится на угол, на несуществующие иконы, и уйдет, солидный и всесильный.

— Где же еще получаете сведения? — услышал Володя его голос. — Что именно узнали?

У Володи блеснула мысль: «Ага! Сейчас я тебя!.. Но не слишком ли силен будет удар? Нет, ничего, в самый раз...»

— Что именно узнал? — повторил Володя. — Чрезвычайно важные политические сведения. Политические, господин исправник!

Дубов прищурил глаз: шутка? Нет, не похоже...

— Какие же именно?

— О митинге протеста в Париже и количестве его

участников. В России аукнулось — в Париже отозвалось! Знаменательный факт, господин исправник!

Дубов вспомнил: о Париже уже был разговор, действительно Ульянов знает об этих событиях...

— В Казани сведениями обогатились?

— Представьте себе, нет, не в Казани.

— Где же?

— Здесь.

— От кого?

— Слухом земля полнится, — уклончиво ответил Володя.

Исправник нахмурился, собрал крошки хлеба в куечку и вежливо, суховато сказал:

— Я прошу вас быть серьезным, господин Ульянов. Все же я нахожусь при исполнении служебных обязанностей, хотя и гостеприимно принят вами и сестрой вашей.

— Вам обязательно нужно знать имя этого человека?

— Долг службы, господа. Прошу вас: имя, фамилия...

— Гм... — как бы в затруднении сказал Володя. — Я не собирался называть его имя и не хотел бы делать этого и сейчас.

— Еще бы! — воскликнул исправник не без торжества. — Я вас прекрасно понимаю. Тем не менее прошу вас!

— Ну, что же... Ничего не поделаешь... — Володя все еще колебался.

— Это неизбежно, господин Ульянов. Власть держащим приходится уступать.

— Ну, что же... Скажу...

— Прошу вас. — Исправник внимательно смотрел на Володю.

— Ко мне здесь наведывается одна личность и сообщает некоторые новости.

— И часто наведывается? — живо спросил Дубов.

— Часто и, главное, регулярно.

— Что за личность? Нельзя ли поточней: имя, фамилия, звание, сколько раз в месяц приезжает...

— Имя, фамилия?— Володя как будто замахнулся: сейчас нанесет удар.— Пожалуйста: Василий Николаевич Дубов.

— Василий Николаевич...— начал было громко повторять исправник и осекся.— Это же... я...

— Вы, господин исправник.

— Позвольте, господин Ульянов!— Дубов даже встал.

Анна Ильинична улыбнулась и с гордостью посмотрела на брата. На виду у нее Володя становился сильнее, в чем-то он уже превосходил Александра, признанного авторитета в семье, умного, настойчивого, самоотверженного революционера, погибшего на виселице. Чем превосходил? Или это ей только казалось? Нет, нет, несомненно, в Володе за этот год проявилось нечто такое, чего не было даже у Саши. Даже у Саши!

Преклоняясь перед Сашей, Володя не пойдет по пути брата. Володя ничего сейчас не прокламирует, не провозносит никаких лозунгов, он многого еще не знает. Но и сегодня и много раз раньше нет-нет да проявится в нем нечто, что трудно было предугадать, несмотря на несомненную его одаренность. За этим пока неясным «что-то», отличавшим его от Саши, Анна Ильинична видела и жизнерадостность, и общительность, и готовность работать, учиться годы, пока он не найдет единственно правильного для себя пути.

А Володя, попросив исправника сесть, доказывал ему, что это он, исправник, именно он сообщил своему поднадзорному важную политическую новость, совершив таким образом преступление по службе.

Исправник слушал, то откидываясь на спинку стула, то наклоняясь над столом и двигая большими красными руками. Кучечка хлебных крошек, аккуратно собранная им, распалась, крошки рассыпались по старой скатерти.

— Восстановим это небольшое событие по частям,— говорил Володя, встав и прохаживаясь возле стола.— Пункт «а».— Володя загнул палец.— В одну из недавних встреч я спросил вас о событиях в Париже, имея в виду

митинг сочувствия участникам университетских волнений в России, и в Казани в том числе. Я не знал, действительно ли такой митинг состоялся, конечно, не знал количества его участников. И я вас спросил об этом.

Володя сделал паузу. Исправник молчал; Анна Ильинична, восторгаясь братом, не спускала с него радостных глаз.

— Я вас спрашивал, господин исправник? Или нет?— продолжал Володя.

— Так точно,— отрубил исправник и, почувствовав, что он отвечает, как начальству, в смущении кашлянул.— То есть...

— Спрашивал,— установил Володя.— Вы ответили тогда, как и положено, что никаких митингов в Париже не было, и оборвали этот разговор. Так или не так? Так! Далее... Пункт «б».— Володя загнул второй палец.— Сегодня...

Исправник уже догадывался, на чем он попался, и опять несколько раз кашлянул, двигая своими большими красными руками. Рукавом он задел пустую тарелку, Анна Ильинична отодвинула ее.

— Пункт «б»,— повторил Володя.— Сегодня я выдумал число участников митинга и назвал его вам, господин исправник. И что же? Вам очень захотелось меня поправить. Вам часто хочется поправлять, показывать, что вы к истине ближе, чем другие. И вот вы называете точную цифру участников митинга, забыв, что я даже не знаю, был ли этот митинг на самом деле. И я узнаю: первое, что он действительно был. И второе: точную цифру его участников. Узнаю от вас, господин исправник. Я кончил.

Исправник, немного покраснев, откинулся на спинку стула, вздохнул и сказал, опять начиная собирать крошки в кучечку:

— Я знал, что вы неглупый человек, но вы, оказывается, дока!— Он оставил крошки в покое и продолжал:— В будущем вы могли бы стать крупным адвокатом, предводителем уездного, нет— губернского дворян-

ства. Но вам этого мало.—Исправник поднял глаза на Володю, спросил: — Скажите, чего вы хотите?

— Разбогатеть!— ответил Володя сразу, что придало его словам оттенок искренности. Лишь веселый блеск глаз да лукавая интонация могли вызвать сомнение в серьезности его ответа.— Миллионов этак десяток отхватить. Это меня на первый раз устроило бы.

«И все-таки,— подумала Анна Ильинична,— какой он еще мальчишка!»

— Шутите,— сказал исправник в обиду на то, что Ульянов не захотел ответить серьезно на его серьезный вопрос.— Шутите...

Володя взглянул на исправника, и лицо его стало строгим.

— Как и миллионы других,— сказал он,— я хочу того, чего не хотите вы, господин исправник, чего еще нет в России.

Исправник задумался.

— Миллионы?— спросил он.— Тысячи тысяч? А не десятки ли таких, как вы, господин Ульянов?

— Нет, миллионы,— твердо ответил Володя.— Миллионы.

— И это, по-вашему, будет?

— Непременно.

Исправник недоверчиво молчал. Умолк и Володя, задумавшись... «Конечно, того, чего еще нет в России, хотят миллионы... Миллионы... Но надо, чтобы и боролись за будущее не единицы, не десятки и даже не сотни людей... Неужели это не ясно и нужно доказывать?»

Он подумал еще, что исправник, если и знает, не донесет о цели поездки его, Ульянова, в Казань. Побойся. И что-то еще мелькнуло у него в голове... Мелькнуло и пронеслось, улетучилось, чтобы не мешать тому главному, большому, что какой-то своей частью приоткрылось ему сегодня. И это— настоящее, чего ищут они сегодня, чего искал Саша и его товарищи, к чему приближались они в своей тяжелой борьбе, так и погибнув в пути.

Исправник уехал, и жизнь в Кокушкине потекла по-прежнему. Володя охотился, ходил на лыжах, подолгу беседовал с крестьянами, много занимался и читал.

С тех пор Анна Ильинична каждую беседу с братом в длинные зимние вечера ждала со все возраставшим интересом и радостью. Этой радости не должен был заметить Володя, которым она все больше и больше гордилась.

М. Светлов

РОДНОЕ ИМЯ

Имя Ленина снова и снова
Повторяет великий народ.
И как самое близкое слово
Имя Ленина в сердце живет.

И Советская наша держава,
И великих побед торжество —
Это Ленина гений и слава
И бессмертное дело его.

Мы в работе большой не устанем!
И сильней нашей Родины нет,
Если партии теплым дыханьем
Каждый подвиг народа согрет.

Б. Никольский

В ТЮРЬМЕ

Пришлось Ленину встречать день рождения и в тюрьме, в одиночной камере.

Это было уже в Петербурге, через несколько лет после первого ареста. Царские жандармы выследили и снова арестовали Ленина.

В тюрьме его сразу поместили в одиночную камеру. Даже на короткую прогулку заключенных в этой тюрьме водили поодиночке. Тюремный двор был разгорожен высоким забором на отдельные клетки. Каждый заключенный гулял в своей клетке под охраной надзирателей.

Больше всего надзиратели заботились о том, чтобы заключенные в тюремном коридоре случайно не столкнулись друг с другом. Чтобы друг друга не увидели хоть краешком глаза. Чтобы не узнали, кто из товарищей арестован, а кто остался на воле.

А узнать это Ленину было очень важно.

Но как?

Заключенным разрешали получать и читать книги. Конечно, книги сначала просматривали полицейские чиновники. Просмотрят и, если не отыщут ничего подозрительного, передают в камеру.

Вот этим-то и решил воспользоваться Ленин.

Вскоре товарищи Ленина, те, что оставались на свободе, получили письмо.

Письмо было деловым и серьезным. Ленин писал, что хочет заняться в тюрьме научной работой. А для этой работы ему необходимы книги. Очень много книг.

Справочники, словари, своды законов, ученые труды — вот что просил прислать ему Ленин.

Список был очень длинным.

Товарищи читали письмо и радовались: значит, и в тюрьме Ленин не теряет бодрости.

Но что это?

В списке вдруг промелькнуло неожиданное название: Брем. «Мелкие грызуны». И маленький знак вопроса был поставлен возле этих слов.

Странно, зачем могла понадобиться Ленину эта книга?

А еще через несколько строк: Майн Рид. «Миного». И опять маленький вопросительный знак рядом.

Жандармы не увидели в такой просьбе ничего подозрительного. Заключенный хочет почитать интересную книжку Майн Рида — что тут странного?

Но товарищи Ленина сразу догадались, в чем дело.

У каждого из революционеров тогда была тайная партийная кличка. Как бы второе имя.

Миного — так звали революционерку Надежду Константиновну Крупскую. Вот, значит, о ком спрашивал Ленин, когда вставил в свой список название книги Майн Рида.

У другого революционера — Глеба Максимилиановича Кржижановского — партийная кличка была Суслик. А суслик — это мелкий грызун. Тут уж не так сложно сообразить, почему интересовался Ленин книжкой про мелких грызунов!

Так Ленин сумел спросить о многих своих товарищах.

И его друзья ответили ему тем же способом. «Книги Брема «Мелкие грызуны» нет, она взята из библиотеки», — читал Ленин в ответном письме и догадывался: значит, Кржижановский арестован. «Книга Майн Рида есть, все в порядке», — и Ленин понимал: Крупская на свободе.

А жандармы так ничего и не заподозрили.

И еще много разных других хитростей придумывал Ленин, чтобы обмануть жандармов.

Не все выдерживали одиночное заключение. Тоска и отчаяние охватывали порой узников. Ленин старался подбодрить своих товарищей. Тайком от тюремщиков передавал он в соседние камеры записки. А когда товарищи по заключению слышали в тюремном коридоре шум, они знали: это волокут корзины с книгами. Для Ленина. И сразу на душе становилось спокойнее и легче. И тоже хотелось работать.

А Ленин не терял ни часа. Он работал. Каждый день. С утра до вечера.

Иногда надзиратель бросал в камеру щетку и кусок воска. Это значило: пришло время уборки. Пол в камере был асфальтовый, и натирали его воском. Ленин старательно, до блеска натирал пол, а затем снова садился за работу.

Ленин писал книгу. Он увлекался так, что даже во сне видел главы из нее.

Четырнадцать месяцев провел Ленин на этот раз в тюрьме. Здесь, в одиночной камере № 193, он и встретил свой день рождения. Ему исполнилось тогда двадцать шесть лет. Он был еще совсем молодым человеком.

Г. М. Кржижановский

ШУ-ШУ

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

С Владимиром Ильичем Лениным я познакомился на собрании нашего марксистского кружка в 1893 году.

В то время в Петербурге существовало несколько подпольных революционных кружков. Наш кружок был не очень многочисленным. Состоял он главным образом из таких же, как я, студентов Технологического института.

Как-то один из товарищей сообщил нам, что в Петербург приехал Владимир Ульянов — брат известного революционера Александра Ульянова, казненного царем. Об Александре мы все, конечно, слышали, но младшего Ульянова никто из нас тогда не знал.

И вот на квартиру Зинаиды Павловны Невзоровой, где собрался наш кружок, пришел совсем молодой человек, лет двадцати трех, очень скромный и как будто на первый взгляд ничем не примечательный.

Но как только Ульянов заговорил, задал несколько вопросов, бросил несколько реплик, нас поразили острота и глубина их. И через несколько минут он совершенно завладел нашим вниманием.

Владимир Ильич восхищал всех, кто с ним соприкасался, не только силой своего ума и исключительной

одаренностью, но всем своим духовным обликом, высоким строем души.

И лицо его было прекрасно именно одухотворенностью. В самую первую минуту его внешность могла показаться простой, обычной, но это лишь в самую первую минуту. Острый взгляд его блестящих темных глаз, огромный, прекрасных очертаний лоб поражали каждого. Трудно передать выражение его лица, его глаз. Порой, когда он задумывался, глаза казались грустными и суровыми, порой в них мелькала легкая, лукаво-ироническая насмешка в соединении с какой-то удивительной глубокой проникновенностью. Во взгляде его была такая сила и живость, что сразу можно было сказать: это человек необычайной энергии.

Работа революционера — очень напряженная работа. Революционером не может быть «тепленький» или «тепловатый» человек. Здесь нужна страстная энергия.

Мы все сразу почувствовали в юноше Ульянове этот страстный темперамент борца. Он создан был для борьбы.

В тот же вечер, когда мы познакомились с Владимиром Ильичем, он прочел нам свою новую работу, посвященную особенно волновавшей тогда нас, русских марксистов, теме: каким будет путь экономического развития России.

Владимир Ильич в своей работе дал такое четкое, глубокое и бесспорное решение мучивших нас вопросов, что мы были совершенно потрясены. Мы поняли, что этот человек видит так далеко, как никто из нас.

С этого первого вечера Владимир Ильич стал центром, руководителем нашего кружка.

ЗАМОРСКИЙ ПОДАРОК

За обнаженный лоб и огромные знания Владимиру Ильичу пришлось поплатиться кличкой Старик. Несмотря на молодость нашего Старика, прозвище за ним закрепилось.

Не много времени прошло с тех пор, как мы познакомились с Владимиром Ильичем, а все в нашем кружке переменялось, работа кружка стала совсем иной.

Прежде мы были связаны только с небольшой группой рабочих, которым помогали изучать марксистскую теорию, а теперь перешли к широкой агитации на фабриках и заводах.

Мы организовывали митинги, маевки, распространяли прокламации.

С этой целью Владимир Ильич объединил в Петербурге все марксистские рабочие кружки в один «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Мы явно грешили тем, что частенько захаживали друг к другу не по деловому поводу, а просто для того, чтобы отвести душу. Владимир Ильич запретил нам такие посещения.

— Помните, что мы ведем острую борьбу с самодержавием, — сказал он. — Нам надо учиться конспирации у старых революционеров.

Сам Владимир Ильич был великолепным конспиратором. Он умел очень ловко скрываться от сыщиков. Он тщательно изучил расположение проходных дворов Петербурга и, отправляясь на явку, частенько брал с собой запасную шапку. Заметив шпика, он быстро заходил в ближайший проходной двор, передевал на ходу шапку, приподнимал воротник и появлялся уже на другой улице совсем неузнаваемым.

Прошло немного месяцев моего знакомства с этим своеобразным Стариком, как я уже начал уличать себя в чувстве какой-то особой полноты жизни именно в присутствии, в дружеской беседе с этим человеком. Уходил он — и как-то сразу меркли краски, а мысли летели ему вдогонку...

В 1895 году Владимир Ильич ездил за границу, чтобы установить связь с группой русских марксистов-эмигрантов. Возвращаясь из-за границы, Ленин сумел спрятать от сыщиков и провезти в чемодане с двойным дном нелегальную литературу и еще один заморский

подарок: начинавший в то время входить в употребление мимеограф¹.

Жандармы подозревали, что Ленин из-за границы приехал не с пустым чемоданом, и установили за ним наблюдение. Но Владимир Ильич тоже догадался, что за чемоданом следят, и решил провести шпиков. Заехав к одним знакомым и вынув из чемодана печатный прибор, Владимир Ильич передал пустой чемодан двум студентам и поручил утопить его обязательно на виду у шпииков. Потом мы все до колеек хохотали над рассказом этих студентов. Два часа они возили по городу на извозчике чемодан, набитый камнями. За ними неизменно следовали на другом извозчике шпиики. Наконец студенты со всеми предосторожностями, но так, чтобы шпиики видели, утопили чемодан в Екатерининском канале. Вот была жандармам забота вытаскивать из воды чемодан с камнями!

— Рожи-то, рожи-то у них какие были при этом!— хохотал Владимир Ильич.

А этот мимеограф немало поработал впоследствии для дела просвещения петербургского пролетариата.

ДРУГ БОЛЕН

Однажды Владимир Ильич простудился и заболел. У него открылось воспаление легких. Страшная по тем временам болезнь даже для молодого, крепкого организма. Мы очень волновались за Владимира Ильича. Совсем недавно в Петербурге умерла сестра Владимира Ильича — Ольга.

Во время болезни Владимир Ильич стал нам всем как-то еще ближе, еще дороже. Мы боялись потерять его. По очереди дежурили мы у постели больного. Болел Владимир Ильич тяжело. Он лежал неподвижный, весь укутанный компрессами, обложенный грелками. Особенно больно было смотреть на его исхудавшее лицо.

---

¹ Мимеограф — станок, на котором размножали листовки.

Сам Ленин стойко переносил болезнь.

— Только, пожалуйста, ничего не сообщайте Марии Александровне. Мама и так много пережила за последнее время,— просил он нас.

Иногда, очнувшись от забытья и видя кого-нибудь у постели, Ильич спрашивал:

— Зачем вы дежурите у постели? Вы идите-ка к своим делам. Ничего, я сам.

Как радовались все мы выздоровлению Ильича! С какой энергией мы под его руководством развернули нелегальную революционную работу среди петербургских рабочих!

«ПРЕДВАРИЛКА»

К концу зимы 1895 года тучи явно сгущались над нами. Хуже всего было то, что шпионская слежка приобретала временами до некоторой степени загадочную форму. Выходишь из дому, стараясь замести за собой следы по всем правилам конспирации, и вдруг на каком-нибудь отдельном этапе своего пути видишь как из-под земли выросшую фигуру явно выслеживающего шпиона. Впоследствии при наличии таких примет мы, конечно, поступали гораздо более практично: сменяли паспорта и район действия, но в те времена мы были еще неискушенными новичками. Прибавьте к этому еще и тот естественный молодой задор, который влечет к отважным операциям, прямой лобовой атаке...

Так или иначе, но 8 декабря 1895 года, глубокой ночью, мы очутились в том своеобразном здании на Шпалерной улице, которое именовалось петербургской «предварилкой» (Дом предварительного заключения). В стенах этого дома нам предстояло провести целых четырнадцать месяцев...

Несмотря на крайне суровый режим тогдашней «предварилки», нам все же удалось при посредстве тюремной библиотеки и при посредничестве лиц, при-

ходивших к нам на свидания, вступить в деятельные сношения друг с другом.

Мы сидели в одиночках. Пять шагов в длину, три шага в ширину. Высоко под потолком — небольшое оконце. Откидные стол и стул, ввинченная в стену кровать, в двери — глазок для надзирателя.

Каждый день нас по одному выводили гулять. Гуляли мы в маленьких деревянных клетушках, разгораживающих тюремный двор. В середине, на вышке, медленно расхаживал часовой, следя за тем, чтобы заключенные не переговаривались.

Из окна моей камеры, подтянувшись на руках, можно было увидеть тюремный двор и товарищей на прогулке. Это было не так-то просто: сквозь глазок в тяжелой запертой двери почти непрерывно следил надзиратель. Но никакие силы не могли удержать меня в те часы, когда на прогулке должен был быть, по моим расчетам, Владимир Ильич.

И сейчас проносится в моей памяти дорогое его лицо, эти поспешные сигналы и невольная оглядка на находящегося в центре круга прогулок угрюмого часового.

Как-то раз я смотрел в окно. По двору гулял Владимир Ильич. Вдруг он оглянулся на часового, потом посмотрел на меня с какой-то особой веселой напряженностью во взгляде и поспешно на пальцах протелеграфировал мне по тюремной азбуке: «Под тобой ХОХОЛ». Хохлом мы звали нашего товарища Степана Ивановича Радченко.

Я бросился на пол своей надоевшей камеры и в узкое отверстие, окружающее обшлагом железную трубу отопления, кричу своему соседу:

— Степан! Степан!

Снизу доносится приглушенный голос:

— Неужели это ты здесь?

Быстро написав зашифрованную записку о том, как мы держались на допросе и что надо говорить, я протолкнул записку в щель. Было удивительно, что его посадили рядом со мной: тюремное начальство всегда старалось

окружить политических заключенных уголовниками. И Владимир Ильич не замедлил использовать эту ситуацию.

А потом на допросе следователь удивлялся согласованности показаний только что арестованного Радченко с нашими показаниями.

Мы условились о шифре для переписки еще на воле, зная, что революционер должен быть готов к любым неожиданностям.

В тюрьме мы все вели деятельную переписку друг с другом. В письмах делились новостями, полученными с воли, рассказывали о своей жизни в тюрьме. Использовали мы для этого книги из тюремной библиотеки, договорившись заранее, в каких книгах, на какой странице искать условные значки.

Помню один курьезный случай в нашей переписке. Владимир Ильич ждал письма от меня. Получив из тюремной библиотеки нужную книгу, он стал расшифровывать условленную страницу. Что такое? Ничего не получается. Ох и рассердился на меня Владимир Ильич, думая, что я все напутал! Два дня бился он, расшифровывая это письмо, и все же наконец прочитал его. Оказалось, что это писал кто-то другой, и совсем другим, неизвестным шифром. Со своей обычной настойчивостью Владимир Ильич сумел раскрыть секрет шифра. За все четырнадцать месяцев отсидки мне ни разу не пришлось столкнуться с Владимиром Ильичем в каком-нибудь из длинных коридоров «предварилки». Но когда в тех же коридорах с грохотом волокли целые корзины книг, я прекрасно отдавал себе отчет, что поглощать эти книги мог только один Владимир Ильич...

Не приходится останавливаться на том, как заразителен был пример учебы Владимира Ильича в стенах тюрьмы для нас и как мы вместе с ним старались использовать свое узничество в качестве своего рода сверхуниверситета. Однако еще большую роль в этом направлении он сыграл для всего нашего кружка за время пребывания в ссылке.

В пятидесяти шести верстах от Минусинска по Енисею, на реке Шушь, расположилось село Шушенское, где отбывал ссылку Владимир Ильич. Мне и В. В. Старкову назначили местом ссылки село Тесинское. Остальных наших товарищей сослали в другие места, на расстояние десятков и сотен верст друг от друга. Царские жандармы не разрешали революционерам даже в далекой сибирской ссылке жить вместе.

Село Шушенское Владимир Ильич в шутку называл Шу-шу-шу.

Своей матери, Марии Александровне, к которой он относился с нежной заботливостью и с каждой почтой посылал подробные письма, Владимир Ильич описывал Шу-шу-шу как «недурное село», где он устроился настолько хорошо, что беспокоиться матери уже нет резонов. В одном из своих писем он даже написал: «Лето я проведу, следовательно, в «Сибирской Италии», как зовут здесь юг Минусинского округа». В этой «Италии» нередко случались морозы в сорок и больше градусов!

Изредка нам удавалось ездить друг к другу «в гости». И это были самые радостные дни в нашей однообразной ссылке жизни.

В конце 1897 года мне разрешили поездку в Шушенское.

Накануне нового, 1898 года Владимир Ильич писал своей матери: «У меня теперь живет вот уже несколько дней Глеб, получивший разрешение на 10-дневную поездку ко мне. Живем мы отлично и очень много гуляем, благо погода стоит большей частью очень теплая. После одного дня, когда мороз доходил, говорят, до 36°R (недели полторы назад), и после нескольких дней с метелью («погодой», как говорят сибиряки) установились очень теплые дни, и мы охотимся очень усердно, хотя и очень несчастливо. Зимой какая уж тут охота! Прогулки зато приятные».

А в другом письме к ней он писал: «Праздники были нынче в Шу-шу-шу настоящие, и я не заметил, как прошли эти десять дней. Глебу очень понравилась Шу-ша: он уверяет, что она гораздо лучше Теси (а я то же говорил про Тесь! Я над ним подшучивал, что, мол, там лучше, где нас нет)...»

В этом письме Владимир Ильич просил прислать нот для меня, он постоянно заботился о товарищах больше, чем о самом себе. Правда, это не мешало ему мило, не обидно, как только он один умел это делать, подшучивать над моей страстью к пению. Как-то после окончания ссылки сестра Владимира Ильича — Мария Ильинична Ульянова (Маняша, как звал ее Ленин) показала мне его письма из Шушенского.

«На вопрос Маняши, — писал Ильич, — какой у Глеба голос. Гм, гм! Должно быть, баритон, что ли. Да он те же вещи поет, что и мы, бывало, с Марком¹ «кричали» (как няня выражалась)».

Владимир Ильич особенно любил песню о борьбе за свободу «Смело, товарищи, в ногу» и переведенные мною с польского языка революционные песни «Варшавянка» и «Беснуйтесь, тираны».

Как-то нам, ссыльным революционерам, удалось собраться всем вместе. Нам нужно было поговорить об очень важных политических вопросах. Обсуждением руководил Владимир Ильич.

А когда мы кончили работу, он же был зачинщиком веселья.

В жизни Ленин был очень простым, общительным, веселым человеком.

— Такой ученый человек и такой простой! — говорили про него сибирские крестьяне.

Все в нем привлекало. И то, как он насмешливо прищуривал глаз, и даже то, как он картавил. Я очень любил, когда он, сунув пальцы под мышки за жилет, чуть

---

¹ Марк Тимофеевич Елизаров — профессиональный революционер, соратник и друг Владимира Ильича, муж Анны Ильиничны Ульяновой.

склонив голову к плечу, начинает стремительно ходить по комнате. Было в этой его позе что-то удивительно милое.

Смеялся Владимир Ильич от души, до слез, как может смеяться только очень хороший человек. Недаром его так любили дети, и он так любил детей.

Но он мог быть и суровым, когда это требовалось для блага народа.

Ленин очень любил Некрасова. Он часто повторял некрасовские строчки:

То сердце не научится любить,
Которое устало ненавидеть.

ЗА РАБОТОЙ

Владимир Ильич всегда очень много работал. И в ссылку и в тюрьму ему присылали массу книг. Мы дивились, когда он успевал их прочитывать. А ведь он не просто читал книги, он тщательно изучал их, делал выписки, заметки. В ссылке Ленин написал свыше тридцати работ, в числе их и большую книгу — «Развитие капитализма в России». И при этом для заработка он вынужден был переводить книги с английского и немецкого языков.

Владимир Ильич все делал страстно, с увлечением. Когда я был у него в Шушенском, он вставал всегда первым, рано утром, и начинал энергично трясти меня:
— Вставай, лежебока!

Умывшись ледяной водой, сделав гимнастику и позавтракав, Ленин садился за работу.

Владимир Ильич во всем любил порядок и чистоту. Комната его была опрятно убрана. Все вещи лежали на своих местах. Одежда его тоже была аккуратна, никогда, даже в домашней обстановке, он не ходил одетым небрежно. А какой идеальный порядок был у него на столе! Все всегда было на месте, ничего не приходилось искать.

Работал Ленин необычайно сосредоточенно, сразу же

целиком погружался в работу, и видно было, что она доставляет ему наслаждение.

Писал Владимир Ильич четким, бисерным почерком, с изумительной быстротой. Листки с выписками выглядели у него так же аккуратно, как и переписанные набело рукописи.

Этих листков с выписками из книг и с заметками было у Владимира Ильича огромное количество. Ведь только для того чтобы написать «Развитие капитализма в России», он прочел больше шестисот книг!

Особенное внимание он уделял статистическим сборникам: из цифровых данных — «точных и бесспорных фактов» — создавалась правдивая картина положения в стране. Вспоминая Шушенское, я так и вижу Владимира Ильича со счетами, на которых он часами складывал цифры, он сопоставлял, сравнивал и затем снова проверял их на счетах.

Иногда он вдруг откладывал книгу в сторону и прохаживался по комнате, раздумывая над прочитанным, потом вновь углублялся в чтение.

Он любил обдумывать свои мысли на ходу. Нередко во время прогулок он обсуждал с нами то, что собирался написать.

А когда писал, то время от времени перечитывал написанное вслух.

— Все понятно? — спрашивал он.

И если что-то казалось нам спорным или туманным, он исправлял написанное, добиваясь предельной четкости мысли, ясности языка.

Владимир Ильич любил словари и часто пользовался ими. Стоило при нем употребить какое-либо слово, произношение или смысл которого казался Владимиру Ильичу спорным, как он немедленно учинял допрос:

— Откуда вы взяли это слово? Вы правильно его употребляете? Посмотрим, что скажут словари.

И он доставал с полки словарь.

Однажды мы со Старковым послали Владимиру Ильичу какой-то наш перевод с немецкого, чтобы он

высказал свое мнение о нем. Владимир Ильич вернул нам рукопись с многочисленными пометками и поправками.

Это был для нас очень поучительный урок того, как тщательно надо работать над каждой фразой, над каждым словом.

Ни в чем: ни в работе, ни в жизни — Ленин не терпел небрежности.

А. Кононов

МАЙ

За шушенскими избами еще лежал снег. А по реке уже плыли большие серые льдины — с шумом и рокотом встречались одна с другой, раскалывались на куски. Весна...

Наступило Первое мая 1899 года. Разве можно было не отпраздновать этот день даже в самом глухом углу Сибири, куда ссылали революционеров царские власти!

Утром к Владимиру Ильичу пришел ссыльный, которого в Шушенском все звали шапочником. Это был сосланный в Сибирь рабочий польской фабрики, где делались шляпы и шапки. Потому его так и прозвали.

Он нарядился в тот день по-праздничному: надел новый пиджак, белый воротничок. И лицо у него тоже было праздничное, веселое.

— Пора собираться! — крикнул он еще с порога.

Собираться было недолго. Через минуту Владимир Ильич, Надежда Константиновна и их гость шапочник уже шли по улице. А впереди бежала собака Владимира Ильича — звали ее Женькой. Это была хорошая, веселая собака.

Владимир Ильич обучил ее всяким собачьим наукам: она умела носить поноску, знала, как вести себя на охоте, и не боялась ни ледяной воды, ни колючих кустов.

Теперь она скакала впереди, прямо-таки одурев от радости, от весеннего солнца, от лесных запахов, которые приносил с собой ветер. И все смеялись, глядя на ее забавные прыжки.

Так, смеясь и разговаривая, пришли к избе, где жил еще один ссыльный — молодой путиловский рабочий.

Путиловец очень обрадовался гостям и хотел было усадить их, но это оказалось нелегким делом: в крошечной комнатке был только один стул. Тогда путиловец принес от хозяев длинную скамью; на ней всем хватило бы места, если усесться в ряд.

Но сегодня сидеть в избе не хотелось: за окном светило солнце, теплый ветер гулял по улицам, шумели на реке льдины.

— В поле! — сказал Владимир Ильич. — Будем там праздновать.

Идти в поле надо было берегом реки Шушь. Женька смело кинулась в реку — погналась за льдинами.

А шушенские собаки, увидав это, стали на нее лаять. Сами они ледяной воды боялись.

Прилетела из лесу сорока, очень нарядная в своих черных и белых перьях, с любопытством поглядела одним глазом на Женьку, протрещала что-то на своем сорочьем языке и улетела.

С берега все поднялись на пригорок. Тут было совсем сухо. Солнце не только высушило рыжую прошлогоднюю траву, но и хорошо нагрело землю. И на одной стороне пригорка, там, где каждый день дольше светило солнце, уже пробивались кверху новые травинки, острые и тоненькие, похожие на зеленые иголки.

Пригорок всем понравился. Каждый стал выбирать себе местечко получше, где бы сесть.

Владимир Ильич сейчас же предложил:

— Ну что ж, давайте песню! — И первый затянул:

Смело, товарищи, в ногу...

Другие подхватили.

Революционные песни Ленин всегда пел с большим увлечением.

И если ему при этом казалось, что другие подтягивают плохо, то он даже хмурился, начинал нетерпеливо притопывать ногой и сердито поглядывал на тех, кто пел не так, как надо.

Но на этот раз он остался доволен: все пели с таким же увлечением, как и он.

После известных революционных песен пришел черед задорной песенке: «День настал веселый мая, песнь раздайся удаля».

А когда уже кончали припев, увидали: бегут к пригорку со стороны Шушенского двое ребяташек. Это были сыновья шапочника. Они еще издали кричали:

— Гоп-га! Гоп-га!

Вместе с ними прискакала и Женька, совсем мокрая, прямо из реки. Она отряхнулась, побрызгала на всех холодной водой и, так как это никому не понравилось, уселась виновато в сторонке.

— Вместе разом: гоп-га! гоп-га! — попросили ребята.

В угоду им все запели еще раз:

...Полицейские до поту
Правят подлую работу,
Нас хотят изловить.
За решетку посадить.
Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело.
Вместе разом:
Гоп-га! Гоп-га!

Вот это «Вместе разом: гоп-га! гоп-га!» и нравилось ребятам больше всего. Припев этот выходил хором очень дружно. Чем больше людей, тем лучше получалось.

Спели песенку сначала по-русски, потом по-польски, потом опять по-русски.

Когда пропели все песни, шапочник вынул из кармана большой платок и объявил:

— Начинается цирковое отделение!

Он разостлал платок на земле и стал на голову. Это называлось «поставить свечку».

Ребята, хотя и видели это представление не в первый раз, завопили от восторга.

А Женька прыгала вокруг и лаяла.

Путиловец сперва смеялся, как и все, а потом вдруг спросил Ленина серьезно:

— Владимир Ильич, а когда же мы будем праздновать Первое мая в свободной России?

— Скоро!— уверенно ответил Владимир Ильич и задумался, глядя вдаль.

А вдали виднелись высокие Саянские горы. Только в ясный день и можно было разглядеть их из Шушенского. Они казались легкими, голубыми— чуть темнее неба. Закончили встречу Первого мая на квартире у Ленина.

Здесь опять составили хор; он получился сильней: голосов стало больше. К поющим присоединились мать Надежды Константиновны и одна шушенская девушка, по имени Паша. Вспомнили погибших товарищей и в их память запели любимую песню Владимира Ильича:

Замучен тяжелой неволей...

И долго еще раздавались в тесной деревенской избе революционные песни.

А когда гости разошлись по домам, Владимир Ильич никак не мог уснуть. Взволнованный, он все ходил из угла в угол по комнате и до утра говорил с Надеждой Константиновной о том, каким прекрасным будет праздник Первого мая в свободной России.

А. Кононов

ЛЕНИНСКАЯ БУМАГА

Лесов в Сибири много. Есть там такие леса, что идешь день, идешь два, а конца-краю не видно. И у сибирских крестьян еще с давних времен заведен был такой порядок: когда земли для посева не хватало, они вырубали участок леса, раскладывали там весной большие костры, выжигали огнем старую траву, пни, сучья. А потом распахивали этот участок. Получалось поле, и на этом поле сеяли хлеб.

Так делали и шушенские крестьяне.

И вот один раз произошел такой случай: принялись крестьяне на своих участках жечь прошлогоднюю траву и сухой хворост, а огонь разгорелся и перекинулся в казенный лес.

И в этом казенном лесу сгорело много сосен.

Приехал лесной объездчик — он казенный лес караул — и стал разузнавать, кто виноват. Но ничего не узнал и уехал.

Через некоторое время прослышали в Шушенском: донес объездчик начальству, что лес загорелся будто бы по вине одного шушенского крестьянина, Дмитрия Даниловича.

Видно, не хотелось объездчику признаться, что он ничего не знает, вот и указал он на кого попало.

Крестьянин этот жил недалеко от той избы, где поселился Ленин.

Вот идет однажды Дмитрий Данилович по улице невеселый. А навстречу ему — Ленин.

— Что невесел, Дмитрий Данилович?

— Да что ж... горе одно, Владимир Ильич.

И рассказал он Ленину про свое горе: решило начальство взыскать с него все убытки от лесного пожара. А это значит, что и он и дети его нищими станут.

Выслушал его Владимир Ильич и говорит:

— Без суда решать это дело не имеют права. Я тебе, Дмитрий Данилович, бумагу такую напишу, а ты ее в город свезешь, главному лесничему.

— А ну-кась он у меня не возьмет бумагу-то?

— На стол ему положи.

— А он ее со стола скинет.

Владимир Ильич поглядел на Данилыча, головой покачал:

— Все равно дела этого оставлять нельзя. Скинет начальник бумагу — ты ее подыми.

— Да он меня вон выгонит.

И ведь верно, мог выгнать вон. Знал про это и Владимир Ильич.

— Тогда ты опусти бумагу в почтовый ящик. Дойдет бумага к начальству по почте — ему трудней будет от нее отказаться.

На том и порешили. Владимир Ильич написал нужную бумагу, и Дмитрий Данилович уехал с ней в город.

Вернулся Дмитрий Данилович из города — и опять что-то невеселый.

Позвал его Ленин к себе в избу:

— Ну, как дела?

— Да что ж дела... горе одно, Владимир Ильич.

Говорит, а сам на Ленина и не глядит. Видит Владимир Ильич — что-то неладно.

— А бумага где? Возил ты ее в город?

Закашлялся Данилыч, в карман зачем-то полез. Да ничего не поделаешь, на прямой вопрос надо ответ давать.

Покраснел он.

— Да нет... жена ее куда-то сунула.

Уж потом Данилыч рассказывал: рассердился Ленин. Рассердился, вскочил, по комнате заходил. Но не стал бранить Дмитрия Даниловича. Видел Ленин: побоялся крестьянин начальства, побоялся отдать бумагу.

Помолчал Владимир Ильич. А потом говорит:

— Дмитрий Данилович! Надо учиться защищать себя. Ты зайди ко мне завтра утром.

Заходит тот поутру, а у Ленина новая бумага написана. Дал он ее подписать Данилычу. И отправил в город ее на этот раз сам.

Прошел после этого год, потом другой. Видят крестьяне: не трогает начальство Данилыча, не разоряет его хозяйства. Уж и Ленин уехал из Шушенского, а крестьяне всё вспоминали про тот случай с лесным пожаром:

— Помогла ленинская бумага.

В. Д. Бонч-Бруевич

ВАЛЕНКИ

Ленин отбывал ссылку в далеком сибирском селе Шушенском. Это было в те годы, когда создавалась наша партия. Чтобы собрать лучших людей в партию, создать ее, Владимир Ильич и в ссылке много работал. Он писал об этом статьи. Статьи надо было переправлять товарищам, которые находились на воле и могли их напечатать в нелегальной газете. Но как?— вот был мучительный вопрос. Долго думал Владимир Ильич, как провести полицию и жандармов, и наконец придумал. Он решил защитить статьи между подметками валенок и отправить их старой революционерке Лидии Михайловне Книпович, которая жила в Астрахани под надзором полиции.

У Книпович было несколько партийных кличек: Дяденька, Дедов, Бабушка. Она действительно была старше нас всех. Владимир Ильич очень уважал ее за преданность делу, за смелость в решении самых рискованных партийных дел. Он знал, что Бабушка догадается извлечь статьи из валенок и передаст их тем товарищам, которые сумеют их напечатать.

Много позднее Книпович рассказывала мне:

— Был жаркий весенний день. Стучится ко мне почтальон и вручает извещение о посылке. «От кого это?»— думаю. Собираюсь и бегу на почту. Предъявляю повестку. Через несколько минут выносят посылку. Беру посылку и вижу: она из Минусинска. Фамилия отправителя мне неизвестна. Что за оказия? Прихожу домой, торопливо вскрываю посылку и вынимаю поношенные,

но еще крепкие валенки. Заглядываю внутрь и достаю письмо, написанное незнакомым мне почерком. Читаю...

И Книпович подробно пересказала мне своими словами письмо Владимира Ильича:

— «Дорогая бабушка, очень нас беспокоит Ваше заболевание ревматизмом. Доктора советуют при этой серьезной болезни всегда держать ноги в тепле. Мы знаем, что у Вас нет теплой обуви, и боимся, что Вы простудитесь. В Астрахани всегда сыро от моря и туманов и погода крайне переменчива. Носите, пожалуйста, валенки и не простуживайтесь. Валенки еще хорошие, теплые, подошвы двойные. Мы здесь в Сибири их всегда носим и очень довольны. Мы, слава богу, живы, здоровы, чего от всей души и Вам желаем. Надя шлет Вам поклон и привет. Всегда вспоминает Вас, поминая добрым словом. И я желаю Вам всего наилучшего». А дальше подпись с росчерком, которую нельзя разобрать. Я сразу догадалась, что это посылка от Владимира Ильича. «Но почему валенки?» — думала я. Тщательно их осмотрев, я решила отпороть подошву. Заперла комнату на крючок, отошла в самый дальний угол, чтобы меня не было видно из окна, и стала бережно отпаривать подшивку. Отворачиваю войлок и вдруг вижу уголок белой бумаги. Я заторопилась и вытащила тоненькие, мелко исписанные листочки. Я узнала почерк Владимира Ильича. Это были его статьи и письмо в редакцию газеты. Так вот почему Ильич прислал мне валенки!.. Я спрятала статьи в потайное место под полом. А валенки стала носить, объясняя соседям, что так велел доктор, чтобы не застудить ноги. Статьи мне удалось переправить в надежные руки...

Позднее, когда Владимир Ильич и Надежда Константиновна были в Женеве, я расспрашивал Надежду Константиновну, почему Владимир Ильич послал свои статьи Книпович, высланной в Астрахань под надзор полиции. И Надежда Константиновна объяснила мне это.

Владимир Ильич знал, что Книпович — умный, опытный конспиратор. Он был уверен — она догадается, что

посылка с секретом. Сама же посылка с валенками никого не удивит: у Книпович мог быть ревматизм, это вполне естественно. Если местная охранка узнает о посылке, то, конечно, ей и в голову не придет, что кто-нибудь осмелился послать нелегальные статьи в адрес лица, находящегося под гласным надзором полиции.

Владимир Ильич сам подшил вторые войлочные подметки, вложив статьи, написанные на тонкой бумаге. Когда же все было готово, прощупать эти листки было невозможно.

Работой своей Владимир Ильич остался доволен. Он даже шутил, что может стать сапожником и, если круто придется, зарабатывать этим ремеслом на хлеб.

Самым трудным оказалось переправить посылку в Минусинск. Владимир Ильич зашил валенки в полотно, изменив почерк, надписал адрес. Адрес отправителя он выдумал, чтобы никого не подвести в случае провала. Воспользовавшись проездом через Шушенское каких-то купцов, Владимир Ильич рискнул попросить ямщика-крестьянина отправить валенки по почте откуда-нибудь поближе к Минусинску. Он дал ямщику десять рублей. Ямщик сунул валенки к себе в козлы, сказав, что делает все как надо и что почтовую квитанцию завезет на обратном пути.

Вскоре купцы двинулись в путь. Владимир Ильич все время наблюдал за их сборами и, когда они выехали, уверенно заявил, что все будет в порядке.

— У ямщика хорошее лицо: без хитринки, — сказал он.

Прошло почти с неделю, как вдруг кто-то постучал в окно дома, где жил Ленин. Надежда Константиновна накинула платок и вышла на крыльцо. Перед ней стоял знакомый ямщик.

— Вы хозяйка будете? — спросил он. — А где ваш хозяин?

Владимир Ильич, увидев в окно, что кто-то разговаривает с Надеждой Константиновной, тоже вышел на крыльцо.

— А, ваше здоровье!— обрадовался ямщик.— Вот, извольте получить квитанцию и сдачу.

— За квитанцию благодарю,— сказал Владимир Ильич,— а сдачи не нужно, это вам за труды.

— Какие же это труды!— возразил ямщик.— Нешто можно за пустяки такую деньгу брать? В Сибири это не полагается. У нас сосед соседу помогает... А мы как есть с вами соседи— всего сто двадцать верст отсюда моя деревня,— так извольте получить сдачу...— И он вынул семь с чем-то рублей.

— А у нас,— ответил Владимир Ильич,— принято детишкам посылать подарки. У вас дети есть?

— Как же, конечно, есть— пятеро их у меня. Одни бегают, другие за мамкину юбку держатся, а махонький на руках еще...

— Ну вот и отлично, зайдите к нам чайку попить, а я сейчас приду.

Надежда Константиновна пригласила ямщика в комнату.

Вскоре Владимир Ильич вернулся и принес с собой всякой всячины: головной платок хозяйке, связку баранок, конфет-леденцов, еще какие-то сладости и два букваря.

— Это вашему семейству, передайте жене и деткам с поклоном от меня,— сказал Владимир Ильич.— А это вот маленькому.— И он вытащил из кармана две раскрашенные деревянные куколки.— А это тем, кто постарше.— Он высыпал из другого кармана десятка два оловянных солдатиков.— И буквари— старшим.

Все это Надежда Константиновна завернула, завязала в узелок и отдала ямщику.

— Благодарим покорно! А как звать-то вас?

— Владимир, а по отчеству Ильич.

Ямщик низко поклонился и вышел.

Почтовую квитанцию сейчас же сожгли в печке.

Спустя несколько месяцев Владимир Ильич получил известие, что Бабушка с удовольствием носит валенки «на одной подошве».

А. Кононов

НА РЕКЕ ШУШЬ

В Сибири на реке Шушь стоит село Шушенское. В старое время про это село мало кто знал: затерялось оно среди лесов и болот, далеко от железной дороги, еще дальше от больших городов. Даже письма приходили туда редко.

Жил на самом краю Шушенского бедный крестьянин Сосипатыч. У него был племянник, по имени Алексей. А Сосипатыч звал его Лешкой.

Сосипатыч часто ходил на охоту — за утками, за зайцами. Лешу брать с собой он не хотел: мал еще.

Один раз Леша из-за этого даже заплакал. А Сосипатыч, как назло, собирался на охоту долго и все не уходил — видно, ждал кого-то. Леша стоял рядом с ним и плакал. И до того не любил в ту минуту Сосипатыча, что даже глядеть на него не хотел, а глядел на улицу. Там цвели ромашки и гуляли гуси — такая это была тихая улица. И на этой деревенской улице особенно ясно виден был человек в черном городском пиджаке, с ружьем за плечами. Он шел быстро — должно быть, спешил к Сосипатычу.

Леша прижал ладони к глазам, чтобы слезы не так капали. А когда открыл лицо, то заплакал еще сильнее; Сосипатыч показывал на него человеку в пиджаке и смеялся:

— Гляди, Ильич, какое у моего парня горе — на охоту не берут.

Но человек, которого звали Ильичем, смотрел серьезно.

Тогда и Сосипатыч перестал смеяться и сказал:

— Не везет, однако, парню.

— Не везет? — спросил Ильич и все глядел на Лешу.

— Да ты сам посуди: ну куда ему в лес? Он там себе ногу на сук напорет.

— Не напорет, мы по тропинке пойдем.

— А рябчики так к нам на тропинку и слетятся? — сказал Сосипатыч, но спорить больше не стал.

И пошел Леша первый раз в своей жизни на охоту.

В лесу было прохладно. А когда вышли на полянку, опять жарко засияло солнце. На полянке росла высокая трава и звенели пчелы. И воздух тут был густой и веселый: пахло ольхой, цветами, сосновой хвоей. С такой полянки и уходить не хотелось.

Вдруг Ильич сказал:

— А ведь ремня-то я с собой не взял. Не придется мне сегодня стрелять.

Леша знал, что охотники подпоясывают пиджак ремнем, чтобы вешать на ремень убитых птиц. Он поглядел на Сосипатыча: и тот был без ремня. Леша даже остановился: какая же это охота, если стрелять не будут?

Ильич поглядел на него и засмеялся:

— Не везет?

В это время впереди, над кустами, что-то мелькнуло. Ильич мигом сорвал с плеча ружье, прицелился. По всему лесу разлиvisto и гулко прогремел выстрел.

Ильич опустил ружье и сказал виновато:

— Вот не утерпел... И сам не знаю, как выстрелил...

А Леша, обрадовавшись, побежал вперед. В кустах он скоро нашел убитого рябчика. После этого охота началась по-настоящему. К вечеру охотники несли по три рябчика, а одного, того, что Ильич застрелил раньше всех, тащил Леша.

Когда вышли из лесу, солнце уже садилось. Трава в поле покрылась росой, стала прохладной, и только тропинка, нагретая за день солнцем, была теплой. Леша удивлялся этому и все перебегал босыми ногами с травы на тропинку.

Вдруг Ильич взял его за плечо и показал на реку Шушь: там далеко-далеко плыла стая диких лебедей. При закате солнца они казались розовыми, как упавшее с неба вечернее облако.

Ильич долго смотрел на них... Потом солнце скрылось за лесом, и лебедей не стало видно; пора было идти домой.

Дома Леша спросил дядю, откуда Ильич приехал в Шушенское.

— Он не по своей воле приехал,— ответил Сосипатыч,— его сюда царь сослал.

После этого Леша много раз приходил к избе, где поселился Ильич. Но тот работал по целым дням — читал и писал до поздней ночи. И никак нельзя было угадать, когда он снова пойдет на охоту.

...Наступила зима, и река Шушь покрылась льдом. Теперь встретить Ильича стало легко: почти каждый вечер, устав от работы, он приходил на реку кататься на коньках. Коньки в Шушенском были в ту пору диковинкой. Ребята глядели, глядели на Ильича и стали сами себе делать коньки из дерева. А полозья к ним прибывали железные.

Хоть не сразу, а сделал и Сосипатыч Леше деревянные коньки.

Леша скорее побежал с ними на реку. Глядит, а там весь лед сугробами занесло. На берегу стояли шушенские ребята и не знали, что делать: кататься было негде.

Тут увидел Леша, что к реке быстрой своей походкой идет Ильич. «Сейчас спросит: «Опять не повезло?» — подумал Леша. Но Ильич подошел, посмотрел на снег, на ребят и сказал весело:

— А что, если нам устроить настоящий каток?

И стал показывать, как это делается.

Ребята принялись за дело: начали разгребать снег.

И скоро вокруг будущего катка выросли белые стены. А лед посередине ребята расчистили метлами.

Потом пошли в лес, наломали елочек и украсили ими снежные стены.

Когда каток был готов, Ильич принялся учить самых маленьких ребят кататься так, чтобы не разбить себе нос. А самым младшим из маленьких был Леша. Поэтому Ильич и учил его больше других: они подолгу бежали вдвоем на коньках, взявшись за руки.

С тех пор прошло много лет. Село Шушенское стало известно на весь мир: все теперь знают, что в 1897 году в это село был сослан царским правительством Владимир Ильич Ленин за то, что он основал и возглавил в Петербурге «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Долгих три года он пробыл в далекой ссылке, в самом глухом углу Сибири.

Теперь село Шушенское не узнать!

Шушенские ребята, что катались когда-то на деревянных коньках, давно выросли. Теперь новые ребята катаются у себя на реке Шушь. Только коньки у них настоящие, из хорошей стали.

Как-то зимой приехал в село Шушенское один рабочий. Он вырос в этом селе, а теперь живет в городе, работает на заводе. И только семья у него живет на селе.

Вот, отдохнув, взял он коньки и отправился вместе с сыном кататься на реку Шушь. А по дороге предложил:

— Давай наперегонки!

— Давай, — ответил сын, а сам подумал: «Куда ему, старику, за мной угнаться!»

Пришли они на реку, надели коньки и пустились по льду наперегонки. И отец обогнал сына. Сын растерялся. Поглядел на отцовские ноги и проговорил:

— Да... вон они какие у тебя длинные!

Отец засмеялся:

— Обгоняет не тот, у кого ноги длинней, а тот, у кого они быстрее.

Потом они опять стали кататься, и снова отец обогнал сына. А обогнавши, сказал:

— Куда тебе за мной угнаться! Меня еще Ленин учил на коньках бегать.

И после этого рассказал сыну, как был устроен первый каток на реке Шушь. А поднявшись на берег, показал то место, где когда-то стоял сосланный в тайгу Ленин и глядел на стаю вольных лебедей.

В. Канивец

МАЛЬЧИК И ЖАР-ПТИЦА

В середине марта солнце грело уже по-весеннему. На Шуше поверх льда все чаще проступали весенние воды. Воробьи купались в лужах. По улицам села с грозным ревом ходили быки, чесали свои широкие лбы о заборы. Под печкой хозяйка посадила наседку. По утрам наседка испуганно кудахтала и всех будила. Владимир Ильич говорил, что, пока она не выведет цыплят, придется рано вставать. Но это хорошо: он больше успеет сделать.

Оскар все чаще прибегал и объявлял:

— Утки летят!

И Миня, увидев ворону, бежал к Владимиру Ильичу и кричал:

— Утки летят!

— Вижу, что летят,— отвечал Владимир Ильич,— но ружья мне до сих пор не прислали. Надо, наверное, телеграммой запросить...

Тетя Надя, как всегда, долго писала письмо, а когда закончила, попросила:

— Володя, послушай, что я пишу твоей маме. Может, что-нибудь пропустила или не так сказала, поправишь.

— Слушаю,— подсел к столу Владимир Ильич.

— «Четвертое апреля...»— начала читать тетя Надя.

— Разве сегодня четвертое?— удивился Владимир Ильич.

— А которое же, по-твоему? Конечно, четвертое!

— Гм... Значит, я потерял день. Ну, слушаю.

— «Дорогая Марья Александровна, недели две тому назад я писала Вам, причем, по обыкновению, наболтала всякой всячины. Все у нас по-старому, все здоровы, на дворе теплынь — до 17 ° доходит, в поле местами совсем сухо, и мы гуляем подолгу, видели двух диких гусей и селезня. Володя купил себе новые сапоги для охоты чуть не по пояс, читает в садике, ходит в летнем пальто, а я недавно как-то канавки рыла в одном платье, теперь усиленно раздумываю об огородничестве и садоводстве и глубокомысленно читаю присланную Глебом книжицу по этой части. Что касается моего здоровья, то я совершенно здорова, но относительно...»

— А надо ли об этом писать?— спросил Владимир Ильич.

— Я могу вычеркнуть...

— Нет, пускай. А то она снова будет спрашивать. Читай дальше.

— «Вы спрашиваете, велика ли наша квартира. Квартира большая, и если Вы приедете — чего бы очень и очень хотелось, — то поместимся все отлично. Помнится, я как-то посылала Вам план квартиры, впрочем, не помню, может, только собиралась. Квартира состоит из трех комнат, одна в 4 окна, одна в 3 и одна в 1. Правда, в квартире есть крупное неудобство: все комнаты проходные, но когда все свои, то это не такая уж помеха. Мы с Володей думаем отдать Вам ту комнату, в которой живем теперь (в 3 окна), а сами перебраться в среднюю, наша теперешняя комната имеет ту выгоду, что непроходная. Впрочем, там видно будет. Дело только в том, чтобы здоровье позволило Вам приехать, дорогая, и поместимся во всяком случае. Если Вы поедете в мае, то на пароходе будет хорошо ехать. Мы ехали с первым пароходом, когда все кругом было голо, а и то красиво было, а летом, я думаю, очень хорошо будет ехать».

— Относительно времени,— сказал Владимир Ильич,— я уже писал: лучше ехать так, чтоб в конце мая быть

в Красноярске. Тогда можно спокойно добраться пароходом до Минусинска.

— Читать дальше?

— Читай, читай!

— «Володя, верно, писал, что минусинцы раздумали жить в Шуше, а наняли дачу под городом, единственную дачу г. Минусы. Любите ли Вы купаться? У нас купанье довольно далеко — минут 20 ходьбы. Аня, знаю, любит. Помню, я как-то приезжала к Вам в Белоостров, так мы с Аней по дождю ходили купаться...»

— Прекрасно! Я еще добавлю, что приезд мамы в Шушу — это, вероятно, единственная возможность провести ей лето с нами. Если даже нам и не набавят срок — а хочется верить, что эта кара нас минует, — то очень трудно сказать, как сложатся наши дела в ближайшие годы. Нет, будет очень хорошо, если она приедет!..

В этот день Проминский пришел очень рано. У него был праздничный вид: борода чисто выбрита, густые усы подстрижены, к старому френчу подшит белый подворотничок. Вместо обычного «Дзень добры» он, радостно сияя, воскликнул:

— Нех жие Первше мая!

— Да здравствует Первое мая! — ответил Владимир Ильич и не просто пожал руку Проминскому, а крепко обнял его.

Проминский всех поздравил с праздником. Тете Наде и бабушке Елизавете поцеловал руку, а Мине крепко пожал, чего никогда не делал. Это торжественное и радостное настроение передалось всем. Бабушка Елизавета бросилась стол накрывать, а тетя Надя — надевать праздничное платье.

Выпив чаю, Владимир Ильич и Проминский выпили еще и по рюмке вина, решили пойти поздравить с праздником Оскара.

День стоял солнечный, теплый. По Шуше изредка плыли льдины, поднятые со дна весенней водой. Оскар жил на берегу Шуши, и к нему пошли тропинкой, что вилась

между забором и речкой. Дженни и Миня бежали впереди, стараясь обогнать друг друга. Они первыми вошли в комнату Оскара. Дженни радостно залаяла, а Миня выпалил:

— Мы праздник вам несем!

Оскар отложил свои инструменты — он что-то выпиливал из куска меди,— выбежал навстречу гостям. А когда все вошли в его комнату, то, рассевшись кому где пришлось, запели:

День настал веселый мая,
Прочь с дороги, горя тень!
Песнь, раздайся, удалая!
Забастуем в этот день!

Полицейские до пота
Правят подлую работу,
Нас хотят изловить,
За решетку посадить.

Мы плюем на это дело,
Май отпразднуем мы смело,
Вместе разом! Гоп-га!..

Много еще песен пели. А потом пошли в поле праздновать Май. По дороге зашли к Проминским, и Ян Лукич взял с собой Стасика и Казика. Мине стало еще веселей.

Холмики в поле уже совсем высохли. С них видно было, как по Енисею плывут большие льдины. Вся степь была покрыта синими озерками. И на дальних озерках плавали дикие лебеди, гордо, красиво выгнув свои длинные шеи. Небольшими табунками летели всегда чем-то напуганные утки. В искристо-синем небе, радуясь, что сегодня день веселый мая, пели жаворонки. Их было так много, как звезд на небе. Владимир Ильич, посмотрев на небо, сказал с радостной улыбкой:

— Вот где могучая демонстрация! Ну ничего, друзья, вырастут и у наших рабочих крылья! А имя тем крыльям — могучая партия. И они будут проводить такие демонстрации, каких еще не знавала история...

— Дзеци!¹ — закричал Проминский. — А сейчас вы увидите жар-птицу, что принесет счастье рабочему люду!

---

¹ Дети (польск.).

Миня замер, не сводя глаз с Проминского. И вдруг увидел: откуда-то из груди Проминского вылетела и закружила над головой жар-птица...

Стасик и Казик, а вместе с ними и Миня завизжали от восторга. Но когда Проминский перестал быстро-быстро махать руками, то Миня увидел, что это была не жар-птица, а большой алый платок.

— Эту жар-птицу зовут червоны штандар!¹

— И когда эти жар-птицы полетят над всем миром,— сказал Владимир Ильич,— то все люди станут жить счастливо, как в сказках.

Высоко в небе летели за Енисей лебеди. Летели спокойно, величаво, взмахивая розоватыми крыльями. А когда они озарялись лучами солнца, то вспыхивали, как жар-птицы. Это было так красиво, что все затаив дыхание смотрели на них, пока лебеди не утонули в бездонной голубизне неба...

Направились к дому, а там Владимира Ильича ждала новая радость: почтальон принес его книгу. Вечером снова собрались все вместе. Пришла и пани Проминская. Пели хором, даже бабушка Елизавета и Паша, одну песню за другой. А Миня слушал песни и думал о жар-птицах, про которых говорил Владимир Ильич. Долго ли ждать той счастливой поры? Летом это будет? Осенью? Зимой? Ну, да это теперь все равно: он в сапогах, он ничего не проворонит.

Когда все гости разошлись, тетя Надя сказала:

— Даже не верится, что мы, Володя, скоро будем маршировать в шеренгах рабочих демонстраций и петь эти песни...

— Будем, Надя!— уверенно сказал Владимир Ильич.— Непременно будем, хоть нам для этого ужасно много надо сделать. И начинать, как я теперь окончательно в этом убедился, надо с создания общероссийской политической газеты...

И домой Миня уходил, а тетя Надя и Владимир Ильич все говорили про партию и газету. В их разговоре

¹ Красное знамя (польск).

было много такого, чего Миня, как ни вслушивался, понять не мог.

...После Нового года, в дни, когда приходила почта, Владимир Ильич по несколько раз наведывался в волость. И все возвращался ни с чем: бумаги о его возвращении из ссылки не поступали. И когда настала середина января — дни стояли морозные, — Владимир Ильич, возвращаясь, говорил:

— Наверное, прибавили сроку, каналы!

— А может, еще обойдется? — не очень уверенно, просто чтобы немного успокоить Владимира Ильича, говорила тетя Надя. — Если бы прибавили срок, то уже, наверное, известили бы...

Владимир Ильич и тетя Надя пошли в свою комнату и о чем-то взволнованно заговорили там. А бабушку Елизавету, казалось, и не волнует то, что бумаги не прибывают. Если ее что и беспокоило, так только одно: как она поедет в такую холодную погоду триста верст по льду Енисея? Она вот из избы почти не выходит, и то простужена, все кашляет.

— Ой, Надя, боюсь, что живой вы меня не довезете, — говорила она тете Наде, когда Владимира Ильича не было дома. — Я иногда думаю: может, нам здесь до весны остаться? Ведь тебе все равно, где свой год ссылки дотянуть — в Шушенском или в какой-то Уфе. Да хорошо еще, если в самой Уфе, а то могут загнать в какой-нибудь Белебей, где будет в сто раз горше, чем тут. Тут мы уже привыкли, всех знаем, а там все заново надо начинать. Да еще одним...

— Нет, мама, мне надо перебраться как можно ближе к Володе. И не волнуйся: мы закутаем тебя в тулуп, найдем закрытые сани. Это будет не поездка, а развлечение.

— Ох, как хорошо ты повторяешь Володины слова, будто стихи в классе! Ну ладно. Может, и я выберусь отсюда живой. Но откровенно тебе говорю: страшновато, как подумаю, что триста верст надо ехать на санях в такой мороз...

И вот однажды, вернувшись из волости, Владимир Ильич радостно крикнул прямо с порога, размахивая над головой бумагой:

— Ура! Можно ехать в Россию!

Что тут поднялось! Тетя Надя бросилась обнимать Владимира Ильича, хотя он весь был запорошен снегом. Бабушка Елизавета заплакала от счастья. Одурило — о чем, спросите ее! — заплакала Паша. Дженни лаяла и скакала вокруг Владимира Ильича. Миню вдруг кто-то подхватил, и перед его глазами замелькали окна, двери, стол... Когда все остановилось, он увидел: это Владимир Ильич, подхватив его сзади, кружил по комнате. А поставив на пол, взял за руку и замаршировал по комнате, громко, торжественно напевая:

Долго в цепях нас держали,
Долго нас голод томил,
Черные дни миновали,
Час искупленья пробил!..

Это была самая любимая песня Владимира Ильича. Ее знали все, выучил ее и Миня. Он маршировал вместе с Владимиром Ильичем по комнате и не просто пел, а кричал что было сил:

...Время за дело приняться,
В бой поспешим поскорей.
Нашей ли рати бояться
Призрачной силы царей?..

— Ну, точка! — сказал Владимир Ильич, оборвав песню. — Теперь — за оружие и в бой-дорогу!

Вот теперь Миня понял: это уже не разговоры, а приготовления к отъезду. Завтра они уедут и никогда больше не вернуться! Нет, этого не может быть! Владимир Ильич, наверное, пошутил. Или, может, он один поедет, как ездил в Минусинск и Красноярск. Побудет там немного и вернется. Когда он уезжал в Красноярск, то тоже очень радовался и пел. И главное, как он может уехать, а Миню оставить? Ведь все говорил, что любит

его. Да если бы они завтра уезжали, то уже стали бы все собирать, а то они и не думают этого делать. Бабушка Елизавета и Паша ставят на стол обед, а Владимир Ильич и тетя Надя пошли в свою комнату. Все, как было. Только глупая Паша никак не может успокоиться: всхлипывает, трет глаза концом платка. Вот плакса, такой и свет не видывал. Мне даже стыдно было за нее, и он сказал:

— Да хватит слезы лить! Видишь, никуда они сегодня не едут! И завтра не поедут. Ведь правда, бабушка Елизавета?

— Правда, Миня, завтра мы никуда не поедем, — вздохнула бабушка Елизавета и, откашлявшись, добавила: — А ехать, дитя мое, нужно...

Что ехать нужно, Миня уже слышал. С самой весны об этом говорят. Но вот и лето прошло, и зима настала, а они все сидят на месте. А тут еще радость такая выпала, что дух захватило: Владимир Ильич вынес свои коньки и протянул ему:

— Возьми, дядя Миня! Подрастешь — будешь кататься и меня вспоминать!

Это был такой неожиданный, такой желанный подарок, что не только Миня, а даже Дженни не поверила своим глазам: подошла и понюхала коньки. Все радостно улыбались, глядя на растерянно-счастливого Миню. А Паша опять заплакала. Вот завистливая какая! Когда ей сапоги сшили, то Миня не плакал, хоть ему и очень обидно было.

Миню пригласили обедать, но ему не терпелось похвалиться коньками, и он побежал домой.

Радость, что Владимир Ильич подарил ему коньки, и то, что они, как казалось Мине, ни завтра, ни послезавтра никуда не уедут, — все это снова успокоило его. Но ненадолго. Через несколько дней он заметил: творится что-то неладное. Бабушка Елизавета укладывала одежду в корзины, Владимир Ильич и тетя Надя — книги в ящики. Когда заколотили ящики и взвесили их, Владимир Ильич после подсчета сказал:

— Пятнадцать пудов!

— Ужас!— воскликнула тетя Надя.— Что мы с ними будем делать?

— Ничего, Надя, как-нибудь доведем. Все тут настолько нужное и ценное, что я не могу оставить ни одной книги! Да и хлопот с ними будет не так уж много: ведь мы отправим их багажом. Ну, а кроме книг, вещей у нас, кажется, немного. Другое меня волнует: я вот слушаю, как Елизавета Васильевна кашляет, и думаю: нужно договориться, чтобы на сани натянули какой-нибудь верх. Все-таки теплее будет.

— Не стоит, а то такой «верх» сделают, что мы не доедем и до Ачинска,— сказала тетя Надя.— Теплой одежды много, может, все-таки не замерзнет. Да и погода, кажется, собирается потеплеть. Оскар вчера где-то видел тучки, а сегодня утром было только двадцать восемь градусов. Завтра мы с мамой начнем пельмени стряпать.

— Пельмени?

— Да. Все советуют брать в дорогу пельмени. Только они должны быть без жиру и лука. Остальное все замерзнет.

— Ну, пельмени так пельмени. Скорее бы только наступило двадцать девятое января, скорее бы уехать! А то нет ничего более скверного, чем сидеть на уздах.

Пельмени стряпали все: бабушка Елизавета, тетя Надя, Паша, хозяйка Прасковья Олимпиаевна, мать Мини. Взятся было и Владимир Ильич, но, как он сказал, получил отставку из-за малой производительности. Раньше, стряпая пельмени, варили их и ели. А эти, вместо того чтобы бросить в кипяток, выносили на улицу и, когда они замерзали, ссыпали в мешочек. Пельмени тарахтели, как орехи.

— Это мы их дома морозим,— сказала бабушка Елизавета,— чтоб им в дороге не было холодно.

Но вот уже и пельменей настряпано предостаточно. Владимир Ильич сказал:

— Завтра едем!

У Мини сердце обрывается: «завтра» — это уже не то, что «скоро», которое бог знает сколько может тянуться. Завтра — это значит утром. Но Мине некогда сосредоточиться на этой мысли: она вспыхивает, как зарница далекой грозы, и гаснет под тучами новых впечатлений, которые Миня еле успевает переварить. Ему всякого добра — бумаги, карандашей, рисунков — перепало столько, что где уж тут было думать о близкой разлуке. Весь последний день Миня сновал от Владимира Ильича до избы, перенося к себе свое новое добро.

— Бумаги я тебе, дядя Миня, дал. Бери вот ручку, чернила. Будешь писать, чтобы не забылось. И книжки эти отцу и маме будешь читать. А может, и нам письмо напишешь. Ведь тетя Надя учила тебя, как надо писать?

— Учила! И сказала, что я молодчина, потому что все знаю.

— Прекрасно! Надеюсь, у нас с тобой будет живейшая переписка. Ну, что же тебе еще отдать?

Пришел Оскар, сел, как всегда, на край стула, спросил как-то грустно и растерянно:

— Так, значит, завтра едете?

— Завтра, Оскар Александрович, завтра! — весело ответил Владимир Ильич. — Вот уж, видите, дела все Мине передаю.

— Суруллинен...¹ — печально начал Оскар, но тут же смутился и улыбнулся. — Я о себе говорю. За вас, Владимир Ильич, я очень рад...

— Вполне понимаю вас, — сказал Владимир Ильич. — Мне тоже грустно расставаться с вами, с Миней... Успокаиваю себя тем, что нам еще доведется встретиться. И может быть, при более благоприятных обстоятельствах.

— Я тоже в это верю, — молвил Оскар. — И чтобы у вас осталась память обо мне, я вот... — Он достал из кармана что-то завернутое в лоскуток красной материи, подал тете Наде. — Я вам, Надежда Константиновна, сделал как сумел...

---

¹ Грустно (финск.).

— Ой, какая чудесная брошка!— взглянув на подарок, радостно улыбнулась тетя Надя.— Большое вам спасибо, Оскар Александрович! Володя, смотри, как мастерски сделана эта книжечка-брошка. Написано: «Карл Маркс», точно как на «Капитале».

— А это я сделал, чтоб хоть как-нибудь отблагодарить вас, Надежда Константиновна, за те усилия, которые вы потратили на занятия со мной...

— Значит, все: уже не будете вместе с писарем против революции?— спросил Владимир Ильич.

— Сейчас мне, Владимир Ильич, даже трудно поверить, что я был таким дикарем,— смущенно улыбаясь, ответил Оскар.— У меня такое чувство, словно я до встречи с вами ходил ну... просто с завязанными глазами. Вы открыли мне целый мир, воистину похожий на сказку, на жар-птицу, которую Миня каждую ночь во сне видит...

— Это очень хорошо. Мечта, Оскар Александрович, родная мать сказки. У нас в семье любили Писарева. А брат Саша, у которого была исключительная память, мог цитировать целые страницы. Я старался не отстать от брата, потому что очень любил его и подражал ему во всем, несмотря на то что иногда попадал из-за этого в смешное положение. Так вот, Писарев, как никто другой, очень хорошо сказал о мечте. Я и до сих пор помню его слова, хоть и минуло уже пятнадцать лет. «Разлад между мечтой и действительностью,— говорил Писарев,— не приносит никакого вреда, если только мечтающая личность серьезно верит в свою мечту, внимательно вглядываясь в жизнь, сравнивая свои наблюдения с своими воздушными замками, и вообще добросовестно работает над осуществлением своей фантазии». И нам, Оскар Александрович, марксистам, именно так и надо мечтать! Сейчас вот Миня мечтает о жар-птице, а подрастет — начнет мечтать о коммунизме, будет бороться за него. Ведь все самое чудесное, самое умное, что связано с человечеством, начиналось с мечты. Она выражалась в сказочных образах, скажем, жар-птицы, которая

уже много тысячелетий обжигает своими огненными крыльями души мечтателей...

У раскрытых ворот стояли три тройки. Ямщик, Сосипатыч, Оскар и Владимир Ильич выносили вещи и складывали в сани. Когда все вынесли, бабушка Елизавета сказала:

— Ну, давайте посидим перед дорогой...

Сели кто где. Помолчали. Миня сидел на пороге. И когда все встали, ему хотелось раскинуть руки и закричать: «Никуда я вас не пушу!»

Но он знал, что его никто не послушает, что так делать нельзя. Он и не плакал: мужчина, говорил ему не раз Владимир Ильич, должен уметь сдерживать слезы. Но когда Владимир Ильич, попрощавшись со всеми, присел рядышком, Миня схватил его за шею, заговорил, захлебываясь рыданиями:

— Не уезжайте... не уезжайте...

— Э, Миня, так нельзя,— дрогнувшим голосом промолвил Владимир Ильич.— Ведь ты помнишь, я тебе обещал жар-птицу?

— По-помню...

— Так вот, я и еду добывать ее.

— Не надо мне жар-птицы,— не отпуская Владимира Ильича, плакал Миня.— Ничего мне не надо... Только не уезжайте...

— Микелис, как тебе не стыдно!— сердито сказала мать Мине, разнимая его руки, которыми он держал Владимира Ильича.— Что ты делаешь? Дяде надо ехать!

Сквозь слезы, что застилали глаза, Миня, как в тумане, видел сани, которые тронулись с места, слышал, как весело зазвенели бубенчики, все удаляясь... Он рванулся за санями, но мать не отпускала его руки.

Вот сани завернули за угол, и слышны теперь только бубенчики. Звенят они уже тихо и печально. А вот и бубенчики замерли где-то за селом, на Минусинском тракте...

М. Зощенко

РАССКАЗ О ТОМ, КАК ЛЕНИН ПЕРЕХИТРИЛ ЖАНДАРМОВ

Когда Ленину было двадцать шесть лет, он уже был всем известный революционер, и царское правительство боялось его как огня.

Царь велел посадить Ленина в тюрьму.

И Владимир Ильич просидел в тюрьме четырнадцать месяцев.

А после этого жандармы выслали его в Сибирь. И там, в Сибири, Ленин прожил в деревне целых три года.

А это была глухая деревушка. Она стояла в тайге. И ничего хорошего там не было. Там протекала небольшая речонка Шушь. И там рос небольшой лесок, в котором даже деревьев было мало.

Но Владимир Ильич не огорчился, что его сослали в такую глушь. Он там много работал, писал революционные книги, беседовал с крестьянами и помогал им советами.

А в свободное время Ленин ходил на охоту со своей охотничьей собакой Женькой, купался, играл в шахматы. Причем шахматы он сам вырезал из коры дерева. И вырезал очень хорошо, даже великолепно.

И вот время проходило незаметно. И протекло почти три года. И уже приближался конец ссылки.

Уже Владимир Ильич начинал обдумывать, куда ему поехать, чтобы снова продолжать революционную работу.

Но незадолго до конца ссылки в избу, где жил Ленин, пришли жандармы.

Они сказали:

— Вот что. Сейчас мы сделаем у вас обыск. И если найдем что-нибудь запрещенное царским правительством, то берегитесь. Тогда вместо освобождения мы оставим вас в этой глухой деревне еще по крайней мере три года.

А у Ленина были запрещенные книжки и разные революционные документы. И все эти книги и документы лежали в книжном шкафу на нижней полке.

Вот один толстый, усатый жандарм встает у двери, чтоб никто не вошел и не вышел.

А другой жандарм, маленького роста, но тоже усатый и свирепый, ходит по комнате и во все нос сует.

Он осмотрел стол, комод, заглянул в печку и даже не поленился влезть под кровать, чтоб увидеть, что там такое.

Потом он подходит к книжному шкафу и говорит:

— А это что у вас там в шкафу?

Ленин говорит:

— Это мои книги в шкафу.

Жандарм говорит:

— А вот я сейчас посмотрю эти ваши книги и увижу, что это такое!

И вот жандарм стоит около этого шкафа и думает: с чего ему начать осмотр — с верхней полки или с нижней?

Жена Ленина, Надежда Константиновна Крупская, смотрит на этого жандарма и думает:

«Только бы он начал обыск с верхней полки. Если он начнет с верхней полки, тогда хорошо; тогда под конец

обыска он устанет и последнюю полку не будет внимательно осматривать. Но если он начнет обыск с нижней полки, тогда плохо — как раз на этой полке среди других книг имеются запрещенные».

Ленин тоже смотрит на жандарма и тоже об этом думает.

Вдруг Ленин, чуть улыбнувшись своим мыслям, берет стул и ставит этот стул к шкафу. И говорит жандарму:

— Чем при вашем маленьком росте тянуться — встаньте на этот стул и начинайте проверять мои книги.

Маленький усатый жандарм, увидев такую любезность со стороны революционера, поблагодарил и влез на стул. Но поскольку он влез на стул, то он и, ясно, начал осматривать с верхней полки. То есть то, что и надо было Ленину.

И, глядя на жандарма, Владимир Ильич улыбался.

И Крупская тоже улыбалась, видя, что Ленин заставил жандарма сделать так, как ему было надо.

Вот жандарм роется на верхних полках, читает заглавия и перетряхивает каждую книжку. А время идет. Книг много. И за три часа жандарм едва успел просмотреть четыре полки.

Пятую полку жандарм стал осматривать уже не так внимательно. Тем более что толстый жандарм, стоявший у дверей, начал вздыхать и хандрить. И даже сказал своему приятелю:

— Ох, как долго идет обыск... Я устал и кушать хочу.

Маленький жандарм говорит:

— Скоро пойдем обедать. Вот осталась последняя полка. Ну, да, наверно, и на этой полке у них ничего нет, раз во всем шкафу ничего не обнаружено.

Толстый жандарм говорит:

— Ясно, у них ничего нет. Пойдемте кушать.

Почти не осматривая нижнюю полку, маленький жандарм сказал Ленину:

— Выходит, что ничего запрещенного мы у вас не нашли. Честь имею кланяться.

И с этими словами жандармы уходят.

И когда закрылась за ними дверь, Владимир Ильич и Крупская начали весело смеяться над тем, как были одурачены жандармы.

А. Кононов

АРЕСТ

Ленин возвратился из ссылки.

Царские власти запретили ему жить в столицах и в тех городах, где было много заводов и фабрик; это для того чтобы держать Ленина подальше от рабочих.

Тогда Владимир Ильич выбрал Псков.

Этот город нравился ему тем, что оттуда по железной дороге недалеко до Петербурга. А он все-таки решил побывать по делам в столице, несмотря на запрет.

В Псков Ленин приехал 26 февраля 1900 года. Сюда приезжали к Ленину из разных мест партийные товарищи — за советами и указаниями.

Ленин выезжал отсюда в Ригу, Петербург, в Подольск... Он неустанно продолжал вести подготовку к созданию революционной партии рабочего класса.

В Петербург Владимир Ильич поехал со спутником.

Ни на вокзале, ни в вагоне Ленин не заметил ничего подозрительного: слежки за ним как будто не было. Но все-таки он решил пересесть в дороге на другой поезд, чтобы приехать в Петербург с того вокзала, где полицейские меньше всего могли его ждать.

Поезд этот шел через Царское Село (теперь город Пушкин).

Оттуда и приехали в Петербург. Все обошлось благополучно. Владимир Ильич пошел ночевать к своим старым друзьям.

А когда он рано утром вышел на улицу, его неожиданно схватили сзади два полицейских: один повис на правой руке, другой — на левой. Они боялись, как бы Владимир Ильич не успел уничтожить при аресте какой-нибудь тайной бумаги, за которую опять можно было бы сослать его в Сибирь.

Ленин потом сам рассказывал об этом: «Прямо за оба локтя ухватили, так что не было никакой возможности выбросить что-либо из кармана. И на извозчике двое весь путь за оба локтя держали».

Привезли Владимира Ильича на извозчике в полицию. Там его обыскали — надеялись найти какой-нибудь секретный документ.

А такой документ как раз и лежал у него в кармане. С виду это был обыкновенный счет из магазина. А между буквами и цифрами счета потайными чернилами были записаны секретные вещи, которые полиции знать не полагалось. А если бы она их узнала — этого было бы достаточно, чтобы Владимира Ильича снова сослать далеко в Сибирь на долгие годы.

Да что Сибирь!

Теперь мы знаем о переписке царских охранников, жандармов; один из них — Зубатов — предлагал своему начальству убить Ленина.

Вот какая опасность угрожала Владимиру Ильичу!

Если бы полицейские догадались подержать над лампой счет, который они нашли в кармане Ленина, тайнопись проступила бы на бумаге четкими буквами.

Но полицейские не догадались.

Причин держать Ленина под арестом дольше десяти дней у них не было. А десять дней полагалось за его приезд в столицу без разрешения властей. Прошел этот срок, и Ленин вышел из-под ареста — навстречу новым опасностям, для новой борьбы.

В. Д. Бонч-Бруевич

ЛЕНИНУ ГРОЗИТ ОПАСНОСТЬ

Однажды в 1905 году было назначено большое собрание нашей партийной Петербургской организации в одном из домов, находившихся в переулке между Фонтанкой и Мойкой. В условленный час мы отправились небольшой группой на собрание. У Александринского театра мы заметили подозрительных прохожих; они разгуливали с беззаботным видом. Нетрудно было догадаться, что это шпики. И мы поспешили разойтись в разные стороны.

Свернув в один из переулков, я лицом к лицу столкнулся с Марией Александровной Дубининой, нашим партийным товарищем.

Мария Александровна пристально посмотрела на меня и сделала чуть заметный предупреждающий знак. Я понял, что там, где должно быть собрание, неблагополучно.

«Где Владимир Ильич?—подумал я.—Может быть, он там, на месте явки? Может быть, он уже арестован?»

Ленин недавно приехал из эмиграции в Петербург. Жил он на нелегальном положении, часто меняя паспорта и квартиры.

Он был в самом центре партийной работы. В это время революционное движение охватило всю страну. Ленин виделся со множеством людей, постоянно бывал

на партийных собраниях и ежедневно рисковал быть узанным.

Не раз Ильич был на волосок от ареста.

Мария Александровна прошла мимо меня. Я пересек улицу и вошел в первую попавшуюся лавочку купить какую-то мелочь. Выйдя из нее, я направился вслед за Марией Александровной. Она оглянулась и, увидев меня, тотчас же вошла во фруктовый магазин. Я последовал за ней.

— Что произошло?

— Засада...

— Он там? — спросил я Марию Александровну, когда продавец пошел в дальний угол за яблоками, которые я попросил его взвесить.

— Нет.

— Надежда Константиновна?

— Нет.

Мы расплатились и вышли из лавки.

Что делать? Как предупредить Владимира Ильича? Надо было во что бы то ни стало перехватить его на пути к конспиративной квартире.

Вскоре мы встретили Надежду Константиновну. Она тоже не знала, где Владимир Ильич.

Мы продолжали ходить по переулкам вокруг места явки, встречали многих товарищей, предупреждали об опасности и рассылали их во все концы, надеясь, что кто-нибудь успеет встретить и предупредить Владимира Ильича.

На сердце было тревожно: «Неужели Владимир Ильич уже прошел туда? Неужели он арестован?»

Исколесив все переулки, в сотый раз встретившись с Марией Александровной, мы пришли в отчаяние. Но, круто свернув в глухой переулок, мы вдруг увидели Владимира Ильича. Он не спеша шел по переулку и поглядывал по сторонам. Заметив нас, он на мгновение остановился. Я оглянулся — за ним никого не было. Тогда я сделал Владимиру Ильичу знак рукой и, проходя мимо него, буркнул:

— Поворачивайте назад! Засада! Следят!

Он и глазом не моргнул, прошел немного дальше и скрылся во дворе. Я еще раз оглянулся: все было спокойно.

Вслед за Марией Александровной я вошел в маленький писчебумажный магазинчик. Мария Александровна что-то покупала, медленно выбирая то одно, то другое, а я стоял у окна, наблюдая за улицей, и время от времени поторапливал ее, чтобы мое присутствие в магазинчике не вызывало подозрения у продавщицы.

Через несколько минут я увидел, что Владимир Ильич вышел из ворот, оглянулся и быстро направился в ту сторону, откуда пришел.

Я заторопил Марию Александровну. Она тотчас же расплатилась, и мы пошли за Владимиром Ильичем, издали наблюдая за ним. Когда мы увидели, что Владимир Ильич нанял извозчика и уехал, у нас отлегло от сердца. Мы повернули обратно, чтобы известить Надежду Константиновну и других товарищей, которые еще ожидали Владимира Ильича. По нашим веселым лицам товарищи без слов поняли, что Владимир Ильич предупрежден и что он вне опасности.

Теперь можно было уходить и всем остальным. Вокруг сновали шпики, они нахально заглядывали нам в лица. Надо было серьезно заняться уничтожением «хвоста», чтобы не привести шпикив домой. Покрутив по переулкам, я наконец очутился на Невском проспекте и быстро замешался в толпе. Зайдя в книжный магазин О. Н. Поповой, я отсиделся в одной из отдаленных комнат, немного погодя вышел черным ходом во двор и оттуда благополучно пробрался в книжный магазин «Вперед», одно из наших явочных мест. Здесь уже знали об опасности. Нам стало ясно, что в нашу организацию прокрались провокаторы, что наша конспирация нарушена и — что самое главное — Владимир Ильич в опасности.

— Это за ним приходили. Хотели его арестовать! — говорили мы между собой.

— Ему надо уехать из Питера! — твердили товарищи.

Мы стали настаивать, чтобы Владимир Ильич уехал на время из Петербурга.

И он вскоре перебрался в Финляндию, в местечко Куоккала, где для него была приготовлена квартира на вилле «Ваза». Здесь он писал статьи и брошюры. Отсюда, пренебрегая опасностью, приезжал в Петербург, выступал на рабочих собраниях.

А. Кононов

ОПАСНЫЙ ПУТЬ

Это было за десять лет до нашей революции — зимой 1907 года.

По льду Финского залива шли ночью трое: Ленин и два его проводника. Проводники жили неподалеку, в маленьком поселке, и морской берег знали хорошо.

Ленину нужно было уехать из России. Надо было перейти границу незаметно для царских жандармов.

Было холодно, ветрено.

По небу бежали, торопились серые тучи. Иногда ветер разгонял их, на короткое время появлялись вверху зеленые звезды. Но и тогда кругом ничего не было видно, только снег белел под ногами... Долго шли молча.

К полуночи ветер стал еще сильнее. Ленин поднял воротник своего пальто.

— В такую ночь теплая шуба была бы лучше... — негромко сказал один из проводников.

Ленин повернулся к нему.

— Нет, — ответил он живо, — для таких путешествий шуба не годится.

Проводник потрогал рукой легкое осеннее пальто Владимира Ильича, но ничего больше не сказал.

Стал падать снег и скоро повалил по-настоящему — все гуще и гуще.

— Совсем хорошо! — быстро шагая, сказал Владимир Ильич. — Теперь опасность, пожалуй, позади.

Проводники были финскими крестьянами и по-русски говорили плохо. Они не совсем ясно поняли, что значит «опасность позади», и потому промолчали.

Тогда Ленин спросил:

— А дорогу мы не потеряем? Уж очень густой снег...

Проводник спокойно ответил:

— Дорога? Тут никакой дороги нет. Надо только знать, в какую сторону идти.

И вдруг лед под ногой у него затрещал и подался вниз.

— Осторожно!— крикнул проводник Ленину, а сам вместе со своим товарищем поспешил отскочить назад.

Владимир Ильич остановился: впереди, совсем близко, чернела во льду широкая щель.

— Дальше идти нельзя!— испуганно твердили проводники.

— Вперед!— сказал Ленин и перепрыгнул через щель.

Лед под ним колыхнулся. Но раздумывать было некогда: снег на льду потемнел от хлынувшей снизу морской воды.

— Вперед!— повторил Ленин и пошел дальше, стараясь ступать как можно быстрее и легче.

Проводники со страхом глядели ему вслед.

В одном месте Ленин поскользнулся и чуть не упал, но сейчас же выпрямился и еще быстрее зашагал вперед. И когда опять увидел перед собой новую полосу темной, как чернила, воды, не остановился ни на секунду и снова перескочил через нее. Только тут он почувствовал под ногами крепкий лед. Остановившись, он крикнул проводникам:

— Сюда!

Но к нему — и то не сразу — подошел только один из проводников, испуганный и молчаливый.

— Ничего, ничего,— сказал Владимир Ильич, чтобы ободрить его.— В таких случаях самое главное — не останавливаться. Идем дальше!

Финн помолчал, подумал.

— Надо свернуть направо,— сказал он наконец.

— Кругом ведь ничего не видно,— удивился Владимир Ильич,— откуда ж известно, что надо свернуть направо?

Он теперь уж не совсем верил своему проводнику.

— Ветер,— коротко ответил финн.

Владимир Ильич отогнул воротник пальто— верно: ветер раньше дул прямо в лицо, а сейчас в правую щеку. Если свернуть направо, ветер опять будет в лицо. Значит, тут проводник был прав.

И они пошли направо.

Теперь проводник опять шагал впереди, а Ленин за ним следом.

Проводник долго молчал, видно, что-то обдумывал. И когда обдумал, сказал:

— Да, для такого дела тяжелая шуба не годится.

Прошло еще некоторое время, и вдруг в темноте слышался слабый звон колокольчиков. Это кто-то ехал, должно быть, на санках по берегу. А потом ветер донес далекий лай собак.

Теперь-то уж граница с царскими жандармами была позади.

Сквозь густой падающий снег, как сквозь кисею, мелькнул желтый огонек— остров, куда шел Ленин, был уже близко. Там Владимира Ильича ждал товарищ, который должен был переправить его дальше— на ледоколе через Балтийское море.

Ленин увидел перед собой темные скалы острова и еще быстрее пошел вперед.

М. Прилежасва

В ДЕРЕВНЕ ЛОНЖЮМО

Тысячи русских революционеров-эмигрантов жили во Франции. Владимир Ильич тоже жил и работал в Париже. А весной 1911 года они с Надеждой Константиновной выехали на все лето в деревню Лонжюмо.

Лонжюмо недалеко от Парижа, километрах в пятнадцати. Длинная улица протянулась больше чем на километр вдоль деревни. Ночами по улице тархтели колеса возов, крестьяне везли на парижский рынок продукты.

Дома в Лонжюмо были каменные, невзрачные, насквозь прокопченные. Копоть валила из трубы небольшого кожевенного заводика. Даже листья и трава были от копоти тусклые и скучные в этой деревне. Правда, вокруг зеленели поля. Но Владимир Ильич с Надеждой Константиновной приехали сюда не для отдыха. Напротив, для трудной работы.

Был ранний час. На дворе во все горло запел петух. Владимир Ильич проснулся. Комната была темной и сырой даже в это яркое летнее утро. Казалось, и солнце еще не взошло — так было сумрачно в комнате.

Между тем Надежда Константиновна уже несла завтрак, состряпанный на керосинке.

— Изволили проспять, милостивый государь? За поведение — кол.

Такую отметку выставил себе Владимир Ильич, живо

поднимаясь с постели. И скорей помогать по хозяйству. Чашки, тарелки на стол. Сахарница...

— Ой!— вскрикнула Надежда Константиновна.

Сахарница вырвалась у него из руки. Владимир Ильич изловчился, подхватил:

— Чем не жонглер?

— На троечку,— ответила Надежда Константиновна.

Что-то колы да тройки у них на языке! Уж не заделались ли учителями Владимир Ильич с Надеждой Константиновной?

Нестерпимая жарища стояла в то лето во Франции! С утра нещадно пекло и жгло солнце. Лохматая дворняга лежала в тени под забором на улице. Высунула язык и часто-часто дышала.

— Жарко, псина?— дружески потрепал дворнягу Владимир Ильич.— Доброе утро!— поздоровался с рабочим-кожевником.

Ильичи снимали у него две темные комнаты в сумрачном доме с черепичной крышей.

Было воскресенье. Рабочий сидел в тени забора, положив на колени жилистые руки. У него было узкое, худое лицо. Пепельного цвета усы опускались вниз. Таким усталым он казался и изможденным!

Мимо по улице проезжал экипаж на рессорах, с лакированными крыльями. Под кружевным зонтиком ехала дама с миловидными, нарядными детьми. Рабочий торопливо вскочил, низко поклонился. Дама кивнула.

— Супруга хозяина,— почтительно сказал кожевник.

— Вот у кого отдых в полное удовольствие,— с насмешкой заметил Владимир Ильич.

Рабочий помолчал, погладил опущенные усы и смиренно ответил:

— Бог создал богатых и бедных. Значит, так надо.

Через улицу, наискосок, зазвонили колокола. Отворились для воскресной службы двери храма. Рабочий перекрестился и направился в храм, бормоча:

— Господь создал мир, нам ли судить?

— Да-а...— в раздумье протянул Владимир Ильич.

— Мосье,— спросил соседский французский мальчишка,— вы, наверное, на Сену купаться?

— Нет, дружок, не купаться.

— А, знаю, знаю,— закивал французский мальчишка,— вы в свою школу. Вы и в праздники учите.

Школа Ленина на другом краю длинной улицы в Лонжюмо была необычной школой. И по виду она не походила на школу. Раньше когда-то тут был постоянный двор. В глубине двора стоял просторный сарай. На пути в Париж останавливались в нем дилижансы. Кучера отдыхали, курили. Кормили лошадей. Но это было давно...

Весной 1911 года Владимир Ильич снял сарай под школу. Ученики выгребли мусор. Сколотили из досок стол на восемнадцать человек. Раздобыли у соседей старенькие табуретки и стулья — и школа открыта.

Какие же ученики в ней учились? Учениками были русские рабочие. Тайно от царских жандармов они приехали сюда из разных городов России учиться. А учителями были Владимир Ильич, Надежда Константиновна и некоторые другие товарищи.

Ученики сидели за столом, когда Владимир Ильич пришел на урок. Честь по чести встали при входе учителя. Но вот что смешно: все босые. Жара в Лонжюмо была нестерпимая, вот они и ходили босые.

Это были молодые ребята, любопытные и способные. Они любили уроки и лекции Владимира Ильича. Всегда он умел заинтересовать с первого слова.

— Бог создал богатых и бедных. Значит, так надо,— начал неожиданно Владимир Ильич сегодня урок.

Лукавая улыбка играла у него на губах, смеялись глаза. Все в удивлении молчали. Прямо-таки мертвая тишина воцарилась в ответ.

— Так мне сказал один французский рабочий-кожевник,— после паузы объяснил Владимир Ильич.

Ученики зашумели:

— А! Вон оно что! Э! Это какой-то слизняк проповедует, это не борец.

— Отсталый ваш француз, Владимир Ильич! Ведите его в нашу школу, живо проветрим мозги.

А один ученик поднялся и сказал:

— Я тоже рабочий-кожевник, только, думаю, божьи законы нам не подходят. Надавать надо богатым по шее да и строить новое общество.

— Правильно!— закричали вокруг.

Шумный получился урок. Но Владимиру Ильичу это и нравилось.

— Значит, не обязательно, чтобы были богатые и бедные,— подхватил Владимир Ильич.

И незаметно и просто перешел к уроку по политической экономии. Так называется очень важная наука о развитии общественного производства.

Владимир Ильич учил рабочих марксизму. Рабочий должен быть образованным, умным и сведущим. И превосходно должен разбираться в политике.

Разве будет бороться за революцию такой человек, как тот французский кожевник, который бормочет «Господи помилуй!» и знать ничего больше не знает? И у нас в России немало таких отсталых рабочих. Отсталость — не подмога революционной борьбе.

— Учиться надо рабочим! — говорил Владимир Ильич.

Потому и организовал он в Лонжюмо партийную школу. Ученики проучились в ней четыре месяца и поехали домой, понесли русскому рабочему классу свою революционную веру и знания. А французская деревня Лонжюмо, обыкновенная деревня, не очень казистая, сейчас известна стала всем людям оттого, что там была первая партийная школа Ленина.

Э. Александрова

МУЗЕЙ ЛЕНИНА В ПРАГЕ

Здесь Ленин был...

Вот в этом доме

И в этом зале выступал.
Пусть невелик и очень скромен
Обставленный, как прежде, зал.

Столы простые, стульев мало...
Но их сумели уберечь.
А главное, что тут звучала
Родная ленинская речь!

И в ней была такая сила,
Была такая глубина,
Что всех большевиков сплотила
В единой партии она.

По этим узеньким ступеням
Тогда, в двенадцатом году,
Спускался торопливо Ленин,
Шутил и спорил на ходу.

И после духоты и спора,
Решив по-своему вопрос,
Он выходил на воздух в город,
На пражский слабенький мороз.

Шел в легком драповом пальтишке
По площадям, через мосты,
Смотрел на Град, на старый Жижков,
Кварталы чешской бедноты.

В рабочей Праге вспоминая
Россию, родину свою,
Он верил: будет жизнь иная
И там, и здесь, в чужом краю.

На первый снег ложились тени,
Светили тускло фонари...
Январской ночью видел Ленин
Рассвет немеркнувшей зари.

Здесь Ленин был...
И в доме этом
Открылся ленинский музей.
Наш Ленин с каждого портрета
Приветствует своих друзей.

Учитель старенький с волнением
Торжественно ведет свой класс:
— Смотрите, это юный Ленин,
Он был тогда не старше вас!..

Горя мальчишеской отвагой,
Солдаты собрались в кружок...

И так же падает над Прагой
Январский медленный снежок.

Б. Раевский

БОЛЬШОЕ И МАЛОЕ

Однажды группа московских пионеров пришла в Музей Революции. Было это утром. Ребята — они учились во второй смене — долго ходили по гулким, пустынным в такое раннее время залам, рассматривали картины, статуи, документы.

Экскурсовод подвел их к портретам старых большевиков.

— Вот это Григорий Иванович Петровский, боевой соратник Ленина, — сказал экскурсовод, подняв указку к пожелтевшей фотографии.

Со снимка пристально глядел на пионеров простой парень, по виду рабочий, с зачесанными наверх волосами и густыми усами.

Экскурсовод оглянулся и, заметив, что в зал вошел невысокий седой мужчина в синем костюме, улыбаясь, шепотом сказал:

— А это заместитель директора нашего музея...

Пионеры удивились: почему экскурсовод ни с того ни с сего вдруг заговорил о нем?

Но тут же все разъяснилось.

— Его зовут Григорий Иванович Петровский, — также шепотом добавил экскурсовод.

Ребята даже растерялись. Им казалось, все, о чем рассказывает экскурсовод, было давным-давно. Ведь со

времени первой русской революции прошло уже больше пятидесяти лет! А Петровский стал революционером еще задолго до того, еще в прошлом веке! И вдруг — вот он!..

— Тот самый? — недоверчиво воскликнула Катя Свиридова, маленькая девочка с косичками, уложенными крендельками.

— Тот самый, — подтвердил экскурсовод.

Ребята во все глаза смотрели то на пожилого мужчину, стоящего в зале, то на его фотографию на стене.

Григорию Ивановичу уже, вероятно, лет восемьдесят; волосы у него седые, маленькая острая бородка и усы — тоже седые. Нет, на портрете он совсем не такой! И только глаза за толстыми стеклами очков поблескивают по-прежнему молодо и пытливо. И усы тоже уцелели, хоть и стали седыми.

— А нельзя ли... — торопливо спросила Катя Свиридова, — нельзя ли нам поговорить с... — она от волнения, очевидно, забыла имя и, совсем смутившись, быстро закончила: — с товарищем Петровским...

— Вот уж не знаю... — замялся экскурсовод.

— С товарищем Петровским? Отчего же нельзя? — раздался мужской голос. Это был сам Петровский. Он, улыбаясь, разглядывал пионеров.

Вскоре ребята сидели на широком кожаном диване и в глубоких кожаных креслах. Кабинет Григория Ивановича был большой, но ребят было еще больше. Поэтому в каждое кресло сели по двое. А на диване уместилось сразу двенадцать пионеров.

Григорий Иванович сказал секретарю, что он занят, пусть к нему никто не входит. Он долго беседовал с ребятами. Рассказал о своем друге — известном революционере Бабушкине, о встречах с Лениным...

— Еще что-нибудь, — попросила Катя.

— Ну, слушайте. — Григорий Иванович задумался. — Было это в самом начале 1913 года. Я в то время был депутатом от рабочих в Государственной думе. Во всей этой царской думе нас — большевиков — было всего шесть человек.

Одной из главных наших задач было помогать газете «Правда». И вот однажды зимой Ленин вызвал нас — всю большевистскую фракцию думы, — а также руководящих работников «Правды» в Краков, на совещание.

Ленин тогда в Кракове жил. Да и совещаться там было удобнее: вдали от царских сыщиков и жандармов. Приехали мы в Краков. Идем по узким улочкам, у прохожих спрашиваем дорогу.

Ленин встретил нас у подъезда — наверное, из окна увидел. Очень обрадовался. Он всегда радовался товарищам из России.

Вошли. Квартирка маленькая, неказистая. И мебель очень простая, старенькая. Но мы не удивились: знали, что Ленин скромно живет и в деньгах очень нуждается. Надежда Константиновна Крупская показала нам, где раздеваться. Сняли мы пальто.

«Ого, — улыбаясь, говорит Ленин. — Какие франты пожаловали!»

Мы смутились. Приехали мы, рабочие-депутаты, в черных, хорошо сшитых костюмах, в тугих, накрахмаленных белых манишках. В думе нам приходилось фасон держать. Хочешь не хочешь — напяливай манишку!

А Ленин рядом стоит в поношенном пиджачке. Рукава на локтях блестят. Под пиджаком — синяя сатиновая кофеворотка. И Крупская — в простеньком, гладком платье.

Увидел Ленин, что мы смутились, засмеялся и говорит: «Да я не в укор! Молодцы! Так и надо!..»

Прошли мы в столовую. Эта комната только называлась столовой. На самом деле там повсюду лежали книги, бумаги: тут Ленин и работал. Чувствую я — холодновато в этой столовой. В соседней комнате — еще подходящая температура. А здесь прямо-таки мурашки по коже бегают.

«Неужели у Ленина денег на дрова нет? — думаю. — Ведь он тут целые дни сидит, простынет...»

Шепнул я об этом Бадаеву — товарищу моему, тоже депутату. Тот у Надежды Константиновны будто бы между прочим насчет дров осведомился.

«До такого мы еще не дожили! — засмеялась Надежда Константиновна. — Дрова есть. Только Владимир Ильич не любит, когда сильно натоплено. На холодке, говорит, лучше работается...»

Вскоре должно было начаться совещание. Ленин не любил зря терять время. Да и нам тоже было некогда. Надо было обсудить, как наладить работу «Правды», где достать деньги на оплату типографских расходов и покупку бумаги, как увеличить число подписчиков... Ну, и другие вопросы.

На первом же заседании Ленин нам предложил: «Столуйте у нас. Что вам время зря тратить — на обед куда-то ездить».

Надежда Константиновна — она протокол вела — отложила перо и тоже говорит: «В самом деле, столуйте у нас!»

Мы не знаем, что и делать. Вообще-то, конечно, это очень удобно для нас. И хочется нам побольше с Ильичем побыть, поговорить обо всем. Но с другой стороны, чувствуем, что лишней копейки в доме нет. А тут такая свора нахлебников!..

Бадаев первый нашелся. «Спасибо, — говорит. — С удовольствием принимаем ваше приглашение...» А сам мне подмигивает: не беспокойся, мол. Все будет в порядке.

В перерыве подходит он ко мне и шепчет: «Сколько у тебя денег с собой? Все выкладывай! Только на обратный билет оставь...»

Я, понятно, выложил. И другие — тоже. А Бадаев все эти деньги Крупской передал. С трудом, но все же уговорил ее взять: иначе, заявил, мы вынуждены будем обедать в ресторане. Хоть и накладнее, а придется...

И вот сидим мы у Ленина за столом, обедаем и очень довольны, что так благополучно кончилось это щекотливое дело.

И только одной «мелочи» мы не учли. Из-за этой-то «мелочи» и пришлось нам потом краснеть.

Так вот... Я не стану подробно рассказывать о самом совещании. Скажу только, что прошло оно быстро и орга-

низованно. Ленин не терпел болтунов. Всю жизнь. Многие из старых большевиков помнят, что даже на заседаниях Совнаркома выступавшим в прениях полагалось всего три минуты. Как хочешь, так и укладывайся. А если кто разговорится, Ленин сразу на часы показывает: мол, ваше время истекло...

...Прошло несколько дней. Совещание наше кончилось.

Был уже поздний вечер. Сидим мы в столовой, беседуем. Завтра утром — уезжать.

Вышел я в коридор, мимоходом случайно заглянул в кухню. Дверь туда была приоткрыта, вижу: Надежда Константиновна в переднике, закатав рукава, стоит у плиты и тряпкой с песком чистит кастрюлю.

Вот так так! Стою не шевелясь. А Надежда Константиновна меня не замечает, кончила кастрюлю надраивать, отставила в сторону и за другую, медную посудину принялась.

Стою я и чувствую — краснею.

«Простофили мы, думаю. Дали деньги и решили — все в порядке. Совсем забыли, что у Надежды Константиновны прислуги в доме нет. Все сама делает. И теперь, значит, она днем вместе с нами заседает, выступает, протокол ведет, а вечером для наших милостей кастрюли чистит...»

Стыдно мне стало. И за манишку свою крахмальную стыдно, и за хороший костюм стыдно.

«Выходит, думаю, понаехали франты, а Надежда Константиновна нас должна обслуживать. Позор!»

Подошел я к Бадаеву. Он в это время с Лениным и другими товарищами в столовой беседовал. Отозвал я его в сторонку, рассказал, как Крупская кастрюли чистит.

Бадаев тоже смутился.

«Я, говорит, еще вчера это заметил. И не только это...»

И рассказывает мне, что вчера он видел, как Надежда Константиновна после заседания, когда Ленин увел

нас всех на прогулку по Кракову, мыла полы в столовой и коридоре.

«Одно к одному»,— подумал я.

Посмотрел на полы. Половицы старые, разошедшиеся, краска с них почти слезла. Такой пол мыть—одно мучение.

И представил я себе, как Надежда Константиновна, в своем скромном платье, с гладко причесанными волосами, стоит, согнувшись в три погибели, с ведром и тряпкой грязь за нами смывает.

«Скверно»,— думаю.

А Бадаев говорит: «Знаешь что? Поможем ей по хозяйству. А то, выходит, мы вроде белоручек...»

Это он здорово придумал. Только чем, как помочь?

«Дровец наколем»,— предложил Бадаев.

«В темноте-то?»— говорю я.

«Ну и что? А лампа зачем?..»

Скинули мы хомуты наши—манишки крахмальные, взяли топор один на двоих и пошли в сарайчик. Надежда Константиновна не пускает, смеется: «Да там почти все дрова уже расколоты. Только чуточку осталось...»

Но мы все равно пошли. Проверим, какой величины эта «чуточка».

В сарае вдоль стены лежала поленница дров, но уже расколотых. И лишь в углу—кучка чурбаков. Мы с ними в два счета справились. Хоть и немного поработали, а все-таки на душе поспокойнее стало.

Вернулись в дом.

«А эту поленницу вы что, сами кололи?»—спрашивает Бадаев Крупскую.

«Нет,—говорит.—Это Владимира Ильича работа...»

Легли мы спать. А назавтра чуть свет встали. Пора на вокзал.

На столе уже чай стоит, еда. Значит, опять Надежда Константиновна раньше всех поднялась. Успела уже и завтрак приготовить, пока мы спали.

Поели мы, стали прощаться. Подошел я к Надежде Константиновне, хочу ей сказать что-то очень хорошее,

но... не получается. Только жму ей руку и повторяю: «Спасибо вам, Надежда Константиновна. Большое спасибо! От всей души спасибо!..»

А сам чувствую в своей ладони ее руку, кожа на ее руке жесткая, шершавая и в ссадинках.

Но мне в тот момент казалось, что руки у нее — самые что ни на есть прекрасные: умелые, сильные.

Скажу прямо: с большим уважением смотрел я на эти руки, которые никакой, даже самой черной работы не гнушаются.

Она, конечно, не понимает, почему я ее руку все не отпускаю и с таким волнением повторяю «спасибо» да «спасибо».

Улыбается и говорит:

«Да не за что меня благодарить!..»

А я думаю: «Нет, есть за что...»

Л. Разгон

ДАЛЕКО, В КРАКОВЕ

Почти в каждом номере «Правды» на первой странице, наверху слева, в красивой рамке из типографских завитушек печатается список сотрудников новой рабочей газеты. Есть там имена знаменитые, известные всему миру — Максим Горький... Есть имена партийных литераторов, старых большевиков — рабочие их хорошо, надежно знают: М. Ольминский, Н. Полетаев, К. Еремеев, В. Воровский... А есть и фамилии скромные, не говорящие ничего никому. Разве только старым революционерам-большевикам да еще многоопытным жандармским начальникам...

Скажем, кто такой Вл. Ильин? Или пониже — В. Фрей? Каждый день, разворачивая «Правду», жандармский генерал с досадой вздыхает. Он-то знает, что и Вл. Ильин и В. Фрей — один и тот же человек. Да еще какой человек! Ленин! Владимир Ильич Ульянов. Самый опасный, самый страшный враг царя, помещиков, капиталистов. Вот кого бы схватить! Так ведь далеко живет, за границей, куда не достанут и самые загребушие жандармские руки... Хорошо хоть, что не часто появляются в «Правде» статьи, подписанные этими грозными для хозяев царской России фамилиями. Видно, трудноато все же большевикам получать от Ленина почту!..

Жандармскому генералу невдомек, что в «Правде» боевые, гневные статьи и заметки, подписанные буквами «П. П.», «Б. Ж.», «И.», «В. П.», «В. И.», «Б. Б.», «Т.» или псевдонимами «Статистик», «Мирянин», «Читатель»,

«Правдист», тоже пишет один и тот же человек. И тот же самый, что подписывается «Вл. Ильин» и «В. Фрей»...

Обладатель столько разных имен и кличек перебрался из Парижа в старый польский город Краков. Здесь тише, меньше полицейских, а главное — ближе к России, к Петербургу, к «Правде». Ленин снимает маленькую квартирку на окраине города. Кругом грязь, беднота. Зато свои — рабочие, мастеровые. Неподдалеку рынок. В базарные дни приходят с русской стороны — со специальным разрешением — крестьяне продавать свой небогатый товар: лен, ягоды, грибы, яйца... Хорошо потолкаться среди людей, от которых пахнет Россией, услышать родной говор. И очень удобно: можно отдать письмо и попросить бросить его в почтовый ящик там, на русской стороне. И марки и почтовый штамп на письме тогда будут не заграничные, а русские. Пойдет оно в Петербург какому-нибудь неизвестному адресату — полиция на него и внимания не обратит...

Напрасно радовался жандармский генерал тому, что большевикам, Ленину трудно связываться с «Правдой»!

Почти каждый день приходят к Ленину письма от его товарищей и учеников, от правдистов и рабочих. Ему пишут из разных концов России, как живет и борется большевистская партия.

Длинный, кружной путь совершают эти письма. Они движутся по сложной, обдуманной и подготовленной цепочке адресов — через Швецию, Данию, Францию, Германию. Никакому жандарму не придет в голову заинтересоваться письмами и пакетами, на которых написан такой солидный, внушающий доверие адрес: «Германия, г. Бреславль, Гумбольдштрассе, 8, фабриканту сигар господину Густаву Титце». Хорошо, наверное, идут дела у этого фабриканта, если он получает столько заказов из России!

А на адрес сигарного фабриканта идут письма Ленину... Да и в Краков приходит немало писем из России. Поди догадайся, что за письма получает господин Ян

Коваль, живущий на улице Ленартовича, дом 9! А к «господину Яну Ковалю» приходят из России самые секретные и важные письма — с адресами подпольных явок, письма, написанные тайным шифром. Никаких денег не пожалела бы за них царская охранка!

Ну, а прямо на почту приходят груды газет, книг, рукописи — приходят быстро, на третий день. Каждое утро Владимир Ильич выводит на улицу свой старенький велосипед, садится на него и отправляется на почту. Почтовый чиновник уже перестал удивляться тому, что «господин Ульянов» получает ежедневно такую грудку корреспонденции. Ленин бережно привязывает толстый пакет газет, книг и писем к багажнику и мчится домой — ему не терпится скорее распечатать письма, раскрыть газеты, окунуться с головой в русскую жизнь, в дела своей страны. Он внимательно прочитывает свежий номер «Правды», исчеркивает его восклицательными знаками, вопросами. Ленин читает свежую почту: десятки писем от правдивов, от большевистских руководителей. А потом садится писать.

Сначала правдивам. Одни статьи похвалит, за другие поругает. Посоветует, чтобы «Правда» больше печатала статей и заметок, написанных самими рабочими. Ничего, что они не такие гладкие, как пишут журналисты, — зато в них вся жизнь рабочих, все их нужды, все заботы...

А теперь — за очередную статью.

Вот ахнул бы в Петербурге жандармский генерал, радовавшийся, что Ленин редко пишет в «Правду», если бы узнал, что не было почти дня, когда Ленин не написал одну, две, а то и больше статей... Он разъясняет читателям рабочей газеты все хитрые уловки капиталистов, стремящихся увеличить свои прибыли; раскрывает секретные приготовления империалистов к мировой войне; рассказывает о борьбе рабочих в странах Европы и в Америке.

Вот пришло в «Правду» письмо из деревни от Н. С. Полянского: не понимает крестьянин и просит ему

объяснить, хорошо ли будет мужикам, если они послушаются правительства и выселятся из деревни на хутора. А Ленин отвечает ему и вместе с ним — миллионам русских крестьян: да разве оттого, что вы переедете на хутор, у вас прибавится земли? Разве помещики с вами своей землей поделаются? Пока земля у помещиков, крестьянину все равно будет плохо и голодно, где бы он ни жил: на хуторе ли, в деревне ли.

— А ну отдай!— Незаметно подошедший мастер вырвал у паренька на уральском заводе газету, которую тот читал.

Хозяйский слуга поспешно пробежал статью в «Правде». Какой-то Вл. Ильин писал, что наука станет служить народу лишь тогда, когда рабочий класс возьмет в свои руки власть и начнет строить социализм. Вот тогда в светлых и просторных залах социалистических заводов всю трудную работу будут делать за человека электрические машины. Рабочие будут работать не больше семи часов в день. Они будут жить в удобных и красивых домах.

Старый хозяйский слуга захлебнулся от смеха. Вот бредни, вот сказки! Он скомкал «Правду», бросил ее на землю, втоптал в грязь.

А мог ли он подумать, что всего через пять лет не будет царя, министров, полицейских, что рабочие отнимут у его хозяев их заводы и фабрики... И этот паренек, у которого он вырвал газету, доживет до тех самых времен, о которых пишет неизвестный человек в «Правде». Это он будет строить сказочные социалистические заводы, будет жить в новом, прекрасном городе, этот паренек своими глазами увидит атомные корабли, космические ракетопланы — все светлое будущее наступающего коммунизма!..

А обо всем этом было напечатано в той самой газете, которая лежала втопанной в землю. Недаром же эта газета называлась «Правда»!

Н. Ходза

В ГОРАХ

Это случилось еще при царе. Ленин тогда скрывался от царской полиции и жил за границей, в поселке Поромино.

Поселок Ленину нравился. Он был окружен высокими, красивыми горами, а Ленин всегда любил бродить по горам.

И вот однажды Ленин решил отправиться в горы. Об этом узнал один польский революционер и сказал Ленину:

— Позвольте мне сопровождать вас, Владимир Ильич. В этих горах я бывал не раз и знаю здесь все тропки и дорожки.

Ленин обрадовался, что у него будет такой хороший спутник. А польский революционер—его звали Багоцкий—начал рассказывать:

— Здесь есть такая одна вершина... такая вершина... Вот бы нам туда взобраться!

— Чем же хороша эта вершина?—спросил Ленин.

— С нее открывается удивительный вид, ну просто сказочный! Особенно при восходе солнца.

— Решено!—сказал Ленин.—Воскресное утро мы встретим на этой вершине! И увидим восход солнца в горах!

В субботу под вечер Ленин и Багоцкий подошли к подножию горы и начали подъем. Багоцкий сказал:

— На полдороге мы заночуем в туристской хижине. А утром, чуть свет, продолжим свое путешествие.

Поначалу все было хорошо. Ленин и Багоцкий благополучно добрались до хижины и расположились на ночлег.

— В четыре утра начнем подъем,— сказал Багоцкий.— Тогда к восходу солнца мы достигнем вершины.

— Только бы не проспать,— беспокоился Ленин.

— Не проспим,— успокаивал Багоцкий.— Я договорился со сторожем. Он разбудит нас около четырех часов.

— Тогда спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Владимир Ильич...

Первым проснулся Ленин. Неясный сумеречный рассвет едва-едва пробивался в крохотное оконце хижины. За тонкой перегородкой слышался безмятежный храп сторожа. Ленин взглянул на часы и мгновенно вскочил:

— Проспали! Безобразие! Уже пятый час!

Вскочил и Багоцкий. Ругая сторожа, он поспешно натягивал на себя одежду.

Подъем начался с опозданием. Ночной туман еще не рассеялся, идти приходилось медленно.

Вскоре Багоцкий остановился и сокрушенно развел руками:

— Боюсь, к восходу не успеть. Подвел нас сторож. Все из-за него.

— Не сторож, а мы виноваты!— сердито возразил Ленин.— Не могли сами проснуться вовремя! Срам!

— Пусть не сторож, пусть сами,— грустно согласился Багоцкий.— Но восхода солнца мы сегодня не увидим. Не успеем подняться...

— А нет ли иного пути к этой вершине? Покороче?

— Есть. Я трижды хаживал по нему, но... вас я не могу вести по этому пути.

— Это почему же?

— Очень опасная дорога! Там, вблизи одного перевала, есть тропа... Шагов тридцать надо идти по краю пропасти...

— Но вы-то, вы-то ходили по этой тропе?

— Ходил...

— Тогда не будем терять времени. Идемте к перевалу!

— Нет, я не допущу, чтобы вы рисковали жизнью!

— Я и сам не стану рисковать жизнью по пустякам. Просто мне хочется посмотреть на эту необыкновенную тропу.

— Тогда — другое дело, — успокоился Багоцкий. — С удовольствием покажу вам ее...

Вскоре они подошли к тропе. Двигаться по ней можно было только боком, мелкими шажками, прижимаясь спиной к отвесной скале.

— Видите какая? Здесь вам не пройти, — сказал Багоцкий.

— А вам? Вам пройти?

Багоцкому почудилось в словах Ленина недоверие.

— А вот смотрите, если сомневаетесь!

Не успел Ленин понять, что случилось, как спутник его пустился в опасный путь.

Прижавшись спиной к скале, повернув голову, чтобы не смотреть в пропасть, Багоцкий едва заметными шажками двинулся по узенькой тропке.

«Хорошо, что я отговорил Владимира Ильича, — подумал Багоцкий. — Теперь он сам увидит, что ему не пройги здесь...»

Когда Багоцкий миновал самое трудное место, он облегченно вздохнул, оглянулся... и от ужаса чуть не свалился в пропасть: вслед за ним по тропинке двигался Ленин. Он прошел уже несколько шагов, но впереди лежал еще долгий опасный путь.

Вдруг Ленин остановился и плотнее прижался спиной к скале. От страха у Багоцкого перехватило дыхание. Он понял, что случилось: Ленин забыл, как рискованно в горах смотреть в пропасть. От этого начинает кружиться голова. И сейчас, заглянув в бездну, Ленин почувствовал головокружение.

— Назад! Возвращайтесь назад! — закричал Багоцкий.

Но Ленин не подал и виду, что слышит возглас своего спутника. Он постоял еще несколько секунд и снова двинулся вперед. Не спеша, осторожно, шаг за шагом, приближался он к концу тропы.

И вот опасное место осталось позади. А еще через несколько минут Ленин стоял уже рядом с Багоцким.

— Теперь мы успеем к восходу?— озабоченно спросил Владимир Ильич.

— Теперь успеем,— заверил Багоцкий. И, глядя с восхищением на Ленина, добавил:— Когда я впервые прошел по этой тропе, то от страха больше часа лежал вон под тем кустом.

— Ну, уж это вы оставьте,— усмехнулся Ленин.— Не для того мы здесь карабкались, чтобы нежиться под кустами. Пошли!

И они двинулись дальше.

Едва ступили они на вершину, как нежные лучи солнца вдруг разом пронзили предутренний туман, растопили его, и вдали ослепительным блеском засверкали голубые озера. Снежные шапки гор мгновенно порозовели, на кустах и травах переливчато задрожали росинки, и, точно по команде, дружно, на все голоса запели в листве птицы...

Через час двинулись в обратный путь.

— Теперь спешить некуда,— говорил Багоцкий.— Возвращаться будем безопасной дорогой.

— Что касается меня,— сказал Ленин,— то я намерен вернуться тем же путем, по той же тропе.

— Владимир Ильич!— взмолился Багоцкий.— Теперь-то у нас нет никакой нужды в этом!

— У вас нет, а у меня есть...

— Да какая же, объясните!

— С удовольствием объясню. Только на той стороне.

Сколько ни отговаривал Багоцкий Ленина— ничего не помогло. Владимир Ильич, не сворачивая, шел по старой дороге.

Вот и тропа над бездной.

— На этот раз первым пойду я,— заявил Ленин и решительно двинулся вперед.

Когда Владимир Ильич приблизился к самому узкому месту тропы, Багоцкий от страха закрыл глаза. Когда же он вновь открыл их, Ленин уже благополучно приблизился к концу перехода.

— Ваша очередь!— крикнул он Багоцкому.

Переход Багоцкого также закончился благополучно. Владимир Ильич пожал ему руку и сказал:

— Благодарю вас за чудесную прогулку. Все было прекрасно! Просто очаровательно!

— Теперь-то вы мне скажете, почему решили вернуться этой дорогой? Разве вам не было страшно?

— Я потому и возвращался по этой тропе, что мне было страшно. Только поэтому...

И, видя недоумение Багоцкого, пояснил:

— Революционер не имеет права позволить страху взять верх над его волей. Нам, батенька, надо воспитывать в себе волю каждодневно, ежечасно... всюду... всегда...

Он помолчал немного, потом нагнулся и сорвал несколько простеньких голубеньких цветочков.

— Это — Надежде Константиновне,— негромко сказал Ленин.— Она любит полевые цветы...

А. Кононов

ДОМОЙ, В РОССИЮ!

Ленин был в изгнании, жил в Швейцарии, когда в России свергли царя. При первой же вести об этом Владимир Ильич стал собираться в дорогу. Он не хотел, он не мог ждать ни одной минуты. Скорей домой, на родину!

А попасть домой было не так просто. По всей Европе разгоралось пламя разбойничьей войны. Потом ее назвали первой мировой. Ленин всегда выступал против этой войны.

Вот почему враги всячески мешали ему вернуться в Россию.

Но Ленин преодолел все препятствия.

В поезде он сказал Надежде Константиновне:

— Арестуют ли нас по приезде?

И все-таки он радовался своему возвращению: его ждала борьба — и теперь уже недалеко была победа!

Радовались и его спутники. Они собрались в коридоре вагона, весело разговаривали, смеялись, пели. Им очень хотелось, чтобы и Ленин был с ними. А Владимир Ильич был занят в это время — работал, запершись в своем купе.

Товарищи не решались позвать его.

Потом подошли к дверям его купе и стали напевать потихоньку:

...Тучки, тучки повисли,
На поле пал туман...
Скажи, о чем задумался,
Скажи, наш атаман.

Ленин засмеялся и вышел в коридор. Тут всем стало еще веселей. Теперь уж запели вместе с Владимиром Ильичем.

После долгой дороги прибыли к морю.

Дальше надо было ехать на пароходе.

Поднялась буря, пароход кидало по волнам. Капитан боялся, как бы не наскочить на мину. Многие пассажиры заболели.

Владимир Ильич не боялся морской качки. Он стоял на палубе и неотрывно глядел вперед.

Вот наконец и берег. Это была Швеция. Из ее столицы — Стокгольма — Ленин со спутниками поехал по железной дороге до пограничного поселка Гапаранда.

Он спешил. Дорог был каждый час. И он предложил ехать дальше самой короткой дорогой — по замерзшему морскому заливу на лошадях.

И вот рано утром Владимир Ильич стоял на морском берегу.

Отсюда в ясные дни можно было разглядеть противоположный берег и крыши города Торнео.

Но в это утро над покрытым льдом заливом висел белый туман и впереди ничего не было видно.

Для путешествия надо было добыть лошадей. Шведские крестьяне ездят в маленьких саночках, с бубенцами — чтобы их издали было слышно в тумане. В такие санки, кроме кучера, могут сесть только двое. А русских, которые возвращались домой, было человек тридцать. Значит, надо было нанять пятнадцать санок.

Так и сделали.

Запрягли в санки пятнадцать мохнатых шведских лошадок и двинулись в белой мгле вперед целым караваном — санки за санками.

Сани Владимира Ильича оказались в середине.

Тогда все закричали:

— Ленина вперед! Ленину первому ехать!

Кучер стегнул лошадь, и сани с Владимиром Ильичем быстрее понеслись вперед.

А впереди ехала одна молодая девушка. Она держала в руках свой красный головной платок и все старалась привязать его к палочке. Ленин, обгоняя ее, увидел это и понял: красный флаг — вот что она хотела смастерить.

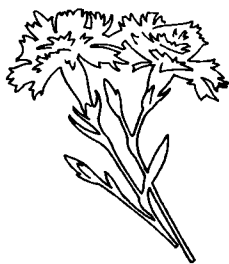
Он, не останавливаясь, протянул ей руку.

И девушка передала ему самодельный красный флаг.

Туман к этому времени стал рассеиваться, проглянуло солнце.

И теперь уже виден был берег.

Отсюда, из Торнео, шла железная дорога на Петроград. Уже близка была родина! И Ленин, радуясь, высоко поднял над головой красный флаг.

А. Кононов

ВСТРЕЧА

Ленина в Петрограде ждали давно. Но никто не знал точно, когда он приедет.

Наступила пасха. На второй день пасхи молодая работница швейной фабрики Катя Трофимова вышла из дому поздно, уже к вечеру. И медленно пошла по улице.

На мостовой синели весенние лужи. По лужам носились мальчишки и гоняли шестами голубей.

Катя не спеша дошла до ближайшего проулка. И тут вдруг почувствовала — кто-то схватил ее сзади за рукав:
— Катюша!

Катя обернулась и увидела Наталью Егоровну, которая работала вместе с ней на фабрике.

— Скорей бежим в комитет! — сказала Наталья Егоровна. — К нам Ленин едет!

Районный комитет большевиков помещался в ту пору в небольшом деревянном домике; занимал он всего две комнаты.

В первой комнате сидел за столом человек в барашковой шапке.

Наталья Егоровна закричала ему второпях:

— Ну, оповестил?

Человек в барашковой шапке ответил сердито:

— Да как же — оповестишь тут! Сама знаешь: пасха. Заводы и фабрики на замке, почта и та не работает. Вот и придумай, как оповестить народ...

Наталья Егоровна села у стола и задумалась. Потом спросила Трофимову:

— Катя, ты умеешь красиво писать?

Не дожидаясь ответа, она пошла в другую комнату и сейчас же вернулась оттуда с полоской красного ситца.

— Вот тут пиши,— сказала она Кате.— Пиши!..— Она подумала с минуту.— «К нам едет Ленин. Идем встречать!» Все.

На подоконнике стояла жестянка с белой краской, лежал мел.

Катя принялась вычерчивать буквы мелом, стараясь, чтобы они вышли как можно ровнее. Егоровна в это время разводила маслом краску, искала кисть.

Потом вспомнила:

— А на чем понесем? Надо ведь шесты достать.

И быстро пошла на улицу.

По мостовой все еще бегали мальчишки, свистели, гоняли шестами голубей. А голуби летали неохотно: вечерело и они норовили вернуться в свои голубятни. Лужи уже покрылись тонким ледком и звенели под ногами у ребят.

Наталья Егоровна подошла к мальчишкам и попросила:

— Ребята, дайте мне один шест.

Те даже отбежали на всякий случай подальше. Шесты у них были замечательные: ровные, длинные и до того гладкие, что казались покрытыми желтым лаком. Ясно, что с такими шестами расставаться никому не хотелось.

— Ребята,— повторила Егоровна,— мне для дела надо... Ну, как мне вас уговорить?

Она даже руками взмахнула: разве упросишь этих ребят! Шесты им сейчас, может, дороже всего на свете. И продать не продадут!

Егоровна все-таки сказала негромко:

— Видите, какое дело... товарищ Ленин к нам едет..

Катя Трофимова уже кончила свою работу, обвела буквы белой краской. И надпись получилась ясная,

видная, только некоторые буквы вышли немножко кривыми.

Катя спохватилась: куда же пропала Егоровна? И взглянула на улицу.

Там у самого забора Наталья Егоровна сидела с мальчишками и толковала им о чем-то.

— Тетя Наташа, — крикнула ей Катя, — ну что ж ты?

— Я им про Ленина рассказываю, — ответила Егоровна.

— Надо ведь рейки искать.

— Надо! — вздохнула Егоровна. — Ну, идем. — И она пошла прочь от ребят.

Но один из мальчишек догнал ее и протянул свой шест:

— Бери!

Ребята провожали шест до самого комитета. Там они молча глядели, как Наталья Егоровна размеряла шест ладонью.

Она размерила его на две равные части и сделала посередине надрез перочинным ножиком. Потом с размаху сломала шест о колено. Кто-то из ребят ахнул: какая вещь пропадает на глазах у всех! А другой толкнул его и сказал:

— Не видишь, для дела надо!

Получились из шеста две рейки. Катя с Егоровной прибили к ним концы красного ситца. Теперь плакат был готов.

Они вынесли его на улицу.

Катя ожидала, что все прохожие будут удивляться на плакат. Но никто не удивлялся.

Со всех сторон подходили люди, читали: «К нам едет Ленин» — и спрашивали:

— Когда ждут поезд?

И многие, толпясь, шли следом.

Один старик закричал Егоровне строго:

— Что ж не написано, с какого вокзала?

Та ответила:

— А ты сам соображай. С Финляндского.

Старик хлопнул себя по бокам рукавицами:

— Сыны у меня тут... Успею я за сынами сбегать?

Егоровна спокойно сказала:

— Успеешь.

Катя с Егоровной прошлись с плакатом по всему району. А потом пошли к центру города. Народу становилось все больше. И когда уже подходили к Невскому, Катя оглянулась: следом двигалась большая толпа, конца ее не было видно.

Катя заметила старика, который бежал за сынами. По бокам его шагали два огромных парня — должно быть, это и были сыновья старика. А рядом шел мальчишка, что отдал свой шест. Дальше она увидела знакомых работников со швейной фабрики, солдат, рабочих, студентов...

Кто-то в толпе сказал:

— Ну что ж, споем нашу боевую? — и первый затянул:

Смело, товарищи, в ногу...

Другие подхватили.

Под песню все пошли ровнее, в ногу, и незаметно выстроились по четыре в ряд. Это была уже не толпа, это была колонна людей, шедших встречать Ленина.

А когда подошли к Неве, увидели: и из других районов идут такие же колонны. Идут со своими знаменами воинские части. Прошел отряд кронштадтских матросов. А за ним прогремели по мостовой броневики.

У моста через Неву пришлось ждать: сперва пропустили путиловских рабочих, потом воинскую часть, за ней матросов.

А когда подошли поближе к Финляндскому вокзалу, между колоннами уже не было промежутков. Все улицы и вокзальная площадь были полны народом.

Теперь было ясно: если б правительство и захотело арестовать Ленина, оно не смогло бы сделать этого. Народ не дал бы.

Начинало темнеть. И тут рабочие стали зажигать факелы, которые они припасли заранее. Пламя факелов

было косматое, красное. От вокзала к факелам протянулись голубые лучи прожекторов. И от этих красных и голубых огней все кругом стало необыкновенным, праздничным.

Наталья Егоровна и Катя стояли со своим плакатом в самом конце вокзальной площади и боялись, что так и не увидят Ленина.

Все тесней становилось у вокзала: из разных районов города приходили новые колонны рабочих и солдат.

Потом послышался мощный рокот.

Народ колыхнулся, расступился в стороны, и к вокзалу тяжело прогремели броневики с красными флажками на башнях.

Народ дружно подался вперед за броневиками. Наталья Егоровна с Катей изо всех сил тянулись кверху: хотелось хоть что-нибудь увидеть. Но впереди, кроме черных спин и шапок, ничего не было видно.

И только далеко, у самого вокзала, возвышался теперь зеленый броневик. Он был ярко освещен прожектором.

Прошло еще немного времени...

Наталья Егоровна все прислушивалась, не идет ли поезд.

Но не слышно было ни свистка паровоза, ни грохота вагонных колес.

И вдруг негромкий гул прошел по площади.

Потом сразу наступила такая тишина, что стало слышно, как потрескивают, дымя, факелы.

На броневике, видный всем, стоял Ленин.

Несколько секунд он молчал, слегка наклонившись вперед. Казалось, он вглядывается в надписи знамен и плакатов; их неровно освещали факелы, и прочесть надписи было нелегко.

Луч прожектора упал на дальнюю полосу ситца, и стали отовсюду видны написанные на ней крупные буквы:

К НАМ ЕДЕТ ЛЕНИН.

ИДЕМ ВСТРЕЧАТЬ!

Надпись держали на шестах две швеи в красных платочках.

И Ленин увидел их.

Он увидел народ, пришедший встречать его.

И, волнуясь, высоко поднял над головой фуражку.

Потом быстро сунул фуражку в карман, протянул вперед руку и начал свою речь, никем в тот вечер не записанную... И никем не забытую.

Все услышали слова, которые навсегда останутся в памяти народа нашего, в памяти человечества:

«Да здравствует социалистическая революция!»

А. Прокофьев

ГОРОД ЛЕНИНА

Под широким флагом красным
Над раздольною Невой
Встал могучий, встал прекрасный
Город славы боевой.

Знает этот город вольный
Вся советская земля.
Здесь поднял восстанье Смольный,
Брат великого Кремля.

Здесь по ленинскому зову
От Невы, родной реки,
Шли на бой в поход суровый
Революции полки.

В. Д. Бонч-Бруевич

ИЛЬИЧ НА ОТДЫХЕ

Летом 1917 года Владимир Ильич почувствовал себя очень утомленным. Он лишился сна, побледнел, у него появились сильные головные боли. Все мы видели, как плохо чувствует себя Владимир Ильич, и настаивали, чтобы он отдохнул.

Как раз в это время я собирался на станцию Мустамяки, к своей семье, которая жила там на даче. Владимир Ильич несколько раз обещал к нам приехать, но всё дела не пускали. Уезжая, я еще раз напомнил Владимиру Ильичу, Надежде Константиновне и Марии Ильиничне, что комнаты для них приготовлены, хотя и не надеялся, что Владимир Ильич вырвется из петроградского пекла.

И вдруг на следующий день, часов в пять вечера, смотрю и не верю глазам своим: шествует к нам Демьян Бедный, загоравшая своей широкой спиной остальных, а за ним Владимир Ильич с маленьким чемоданчиком в руках и Мария Ильинична. Все-таки Владимир Ильич решил приехать отдохнуть.

С вокзала он, соблюдая конспирацию, не пошел прямо к нам, а поехал на извозчике к Демьяну Бедному, и уже оттуда, когда уехал извозчик, они пешком отправились к нам за полторы версты.

...Наступил вечер, и все мы собрались на балконе. Стояла изумительная тишина. Ветер чуть колышет неж-

ную дымку вечернего тумана. Яркий закат позолотил и разукрасил дали. Безбрежное озеро отливает сталью. Робко, а потом все смелей, все голосистей стали перекликаться ночные птицы. Где-то совсем близко беззвучно проносились летучие мыши, изредка шарахаясь при резком крике совы.

Владимир Ильич, опершись о спинку кресла, задумался. Молчали и все мы. Было тихо-тихо...

— Как хорошо! — чуть слышно сказал Владимир Ильич.

Он встал и тихонько направился к себе. Моя жена Вера Михайловна, зная, что Владимира Ильича мучит бессонница, попросила его выпить снотворное, заранее приготовленное в рюмочке зеленоватое лекарство. Владимир Ильич покорно выпил и медленно поднялся наверх.

— Лишь бы уснул! — сказала Вера Михайловна.

Все мы, оставшиеся внизу, говорили шепотом, ходили на цыпочках, боясь нарушить тишину прекрасного июньского вечера. Утром мы узнали, что Владимир Ильич в самом деле уснул. Встал Ильич бодрым.

С каждым днем он все лучше и лучше себя чувствовал. Нередко он с Марией Ильиничной, а иногда и со всей нашей компанией ходил гулять к озеру, на берегу которого он любил посидеть. Несколько раз я ходил с ним купаться.

Владимир Ильич был замечательный пловец. Уплывет, бывало, далеко-далеко в огромное озеро и там ляжет на воду и качается на волнах.

Я предупреждал Владимира Ильича, что в озере есть холодные течения, что оно вулканического происхождения и поэтому очень глубокое, что в нем есть водовороты и омуты, что в нем много тонет людей и что, одним словом, надо быть осторожным и не заплывать далеко.

Куда там!

— Тонут, говорите, тонут?.. — переспросит, бывало, Владимир Ильич.

— Да, тонут. Вот еще недавно...

— Ну, мы не потонем...

— Холодные течения, говорите? Это неприятно... Ну ничего, мы на солнышке погреемся...

— Глубоко?

— Чего уж глубже!

— Надо попробовать достать дно.

Я понял, что лучше ничего этого ему не рассказывать.

Он, как настоящий спортсмен, только все более распалялся от этих рассказов.

Не успеешь оглянуться, как он уже бежит по отлогому дну озера, потом вдруг нырнет — и пропал... И нет, и нет его... Какие только мысли в эти тягостные минуты не приходят в голову!

И вдруг неожиданно вынырнет далеко-далеко, перевернется на спину или покажется из воды по пояс, приглаживая обеими руками волосы. Потом оботрет лицо и громко кричит мне:

— Что же вы? Здесь прекрасно! Очень хорошо!

И вдруг опять нет его. Ждешь, ждешь... Нет и нет! И снова появляется, еще дальше, голова чуть виднеется. Лег на спину, отдыхает, потом перевернулся и поплыл саженками, да какими! Летит, что твой катер. И опять скрылся вдали...

Вот, видимо, решил плыть к берегу. Быстро перевернулся на спину и полным ходом пошел вперед. Кисти рук так и мелькают. Все ближе и ближе, кажется, совсем уже вот должен выйти... Но никак не может отказать себе в удовольствии: вот опять кувыркнулся и пропал, выскочил — и опять...

«Когда же он выйдет на берег?» — тревожусь я.

И вот появился из воды и давай около берега нагонять волну на волну. И побежал по низкой воде к берегу...

— Наконец-то!

Доволен очень. Хвалит озеро. Хвалит разную температуру воды. Рассказывает, как попал в холод — словно обожгло, а потом — на солнышко.

Боялся я за Владимира Ильича. Ведь в самом деле

озеро опасное! Финские рыбаки, здесь родившиеся, и те боятся заплывать далеко от берега.

Что тут делать?

Решил я втайне от Владимира Ильича завести невдалеке от места купания лодку. Греб я хорошо и в былое время на гонках ходил первым. В тот же день я пошел нанимать лодку. Меня встречают и спрашивают:

— Кто это с вами вчера купался?.. Ну и пловец!

— Это моряк Балтийского флота, родственник мой,— вру я беззастенчиво, ради конспирации.— Приехал отдохнуть— да вот увидел родную стихию и, как утка, сейчас же в воду...

— Сразу видно, что моряк. Вот плавает так плавает!..

И по нашим местам разнеслась молва о прекрасном пловце— офицере Балтийского флота.

Н. Жданов

СОЛДАТСКИЙ МИТИНГ

I

В огромном сводчатом зале казармы Семеновского пехотного полка набилось тысячи три солдат. Душно, пахнет сыростью и застарелым табачным дымом. А за мутными, пыльными окнами сияет безоблачный теплый апрельский день.

Озлобленные разрухой, голодом, изнуряющим страну, и тем, что все, на что они надеялись, свергая царский режим, оказалось пустой надеждой, солдаты теснятся вокруг стола, на который, как на трибуну, влезают ораторы. И ораторы кричат один за другим, что причина всех бед — большевики.

— Их немцы прислали! — хрипло, с кликушеской убежденностью вопит, взобравшись на стол, худой, с костистым лицом солдат, обнажая свои синие цинготные десны. — Мы тут мучимся, — надрывается он, — мы мучимся, а Вильгельм прислал сюда Ленина в запломбированном вагоне! Зачем это он его прислал, знаете вы? Небось и вагон не пожалел, и с деньгами не посчитался. Людей мутить прислал! Вильгельм — он не дурак, он хочет нас голыми руками взять.

И, рванув тщедушную свою шинеленку, солдат вдруг с пронзительной, надрывной, горькой тоской закричал:

— Не бывать этому! Не допустим! Бить их надо, большевиков! Бить!

Голос его сломился и замер под низкими казарменными сводами. Но столько было тоски, столько боли в этом слепом вопле замученного войной человека, что весь набитый солдатами зал затих, будто прислушиваясь к тоскливому, больному зову.

И сам цинготный солдат тоже замер на секунду, и блеклый взгляд его скользнул по окну, за которым (он чувствовал это) уже набухает где-то весенним теплом земля, и расправляются под солнцем оттаявшие озими, и проклевываются первые почки берез.

И солдат рванулся так, что голова его задержалась на тонкой, детски худой шее, и снова крикнул:

— Бей!..

И сразу рухнула тугая тяжелая тишина, и уже из тысячи глоток неслось утробное:

— Бе-е-й!

И зажатые в солдатских кулаках винтовки вскинулись над головами, и ярость исковеркала лица.

— Бе-е-й!

И кто-то уже шептал в углу про винные склады с недопитым царским вином, и стучали по лестнице кованые сапоги, и выволакивались тяжелые цинковые ящики патронных обойм.

В это время какой-то маленький веселый матрос с круглым свежим лицом вбежал с улицы и, не подозревая того, что тут происходит, радостно задохнулся от бега и будто одними только губами, одним сияющим блеском глаз произнес:

— Ленин приехал!

II

С выражением волевой сосредоточенности на лице, засовывая кепку в карман пальто, Ленин шел по узкому проходу среди солдат. Он ловил на себе цепкие, недружелюбные, настороженные взгляды, слышал глухое, напряженное дыхание толпы.

Два офицера, оба члены полкового солдатского комитета, переглянулись и, словно по уговору, начали продвигаться к боковой двери: на всякий случай полезнее быть в стороне.

— Он сам не знает, куда попал,— сказал один из них.

— Боюсь, что ему придется тут несколько хуже, чем библейскому пустынножителю на арене перед голодным львом,— иронически отозвался другой и добавил злобно: — Нет-с, тут вам не заграница, Россия-с!

Шум многих голосов заглушил их полусшепот.

Ленин уже добрался до середины зала, легко шагнул на табурет и с него — на ровную плоскость служившего трибуной стола.

Нет, он отдавал себе полный отчет в том, куда попал и что здесь происходит. Полчаса назад, когда он находился в президиуме Всероссийской партийной конференции, ему сообщили, что солдаты Семеновского полка, сбитые с толку агитацией эсеров и кадетов, готовы громить петроградскую организацию большевиков. Он тут же поднялся со своего места:

— Вы, товарищи, продолжайте работу, а я поеду на этот митинг. Ведь если среди солдат действительно зародятся такие опасные для нас настроения, то положение партии коренным образом изменится. Нельзя терять ни минуты.

Все, кто был вокруг, бросились отговаривать и даже пытались удержать, но он не согласился с ними.

И вот он здесь, среди солдат. Они стоят вокруг плотной, тесной толпой. У них угрюмые лица, серая, окопная щетина на щеках, они смотрят недоверчиво и напряженно молчат. Что таится за этим молчанием? Неужели только настороженность и злоба?

Все голоса вдруг смолкли. Тяжелая, недоверчивая тишина надвинулась, готовая взорваться.

— Товарищи,— негромко сказал Ленин и, вытерев со лба пот широкой в ладони рукой, глубоко, жадно вобрал воздух всей грудью. И сразу стало ясно, что он торопился сюда, к ним, на этот митинг, и теперь ему

надо перевести дыхание.— Я только что узнал, что у вас здесь существует недоумение: как это я и мои товарищи приехали сюда через Германию? Распространяются даже слухи, будто нас послал Вильгельм. На что рассчитаны эти слухи? На вашу, товарищи, простоту и доверчивость. Но давайте разберемся сами, где тут правда и где ложь...

Он подвинулся к самому краю трибуны и стал объяснять, с какими необыкновенными трудностями столкнулась группа большевиков, поставивших себе целью во что бы то ни стало вернуться в Россию и принять участие в революции.

Потом он сказал:

— Народ не получил еще того, что было целью его борьбы. Мало свергнуть царя. Надо, чтобы земля была немедленно передана народу без всякого выкупа. Земли помещиков должны перейти в руки крестьян по решению местных крестьянских комитетов.

Солдаты одобрительно загудели, стараясь ближе подвинуться к трибуне. Этот человек говорил о том, что думали они сами. И он брал самую суть дела.

— Разбирается,— сказал кто-то в толпе.

Ленин поднял руку, и в этом жесте было нетерпение.

— Было бы, однако, ошибочно думать,— сказал он,— что помещики и буржуи сами отдадут вам землю, да еще без всякого выкупа. Они нацепили к пиджакам красные значки и говорят: «Мы все, что надо, сделаем. Не беспокойтесь и идите в окопы воевать». Мы должны сказать им: «Нет, мы сами это сделаем. Мы сами возьмем землю. Вам это не под силу!»

— Правильно!— раздалось где-то у самой трибуны.

И все вдруг увидели, что это кричит тот самый цинготный солдат. Он стоял на виду у трибуны, но его как-то уже не замечали. И вот теперь этот крик вырвался у него, по-видимому, совершенно произвольно, в полном противоречии со всем тем, что он говорил недавно. И все почувствовали это, и многие невольно рассмеялись. Напряжение, сковавшее зал в первые минуты этой встречи, совсем исчезло.

Ленин выждал, когда наступит тишина, и продолжал:

— Народ сломил самодержавие для того также, чтобы покончить с войной. Но чтобы действительно потушить войну, необходимо взять власть в свои руки, заставить буржуазию всего мира считаться с интересами рабочих и крестьян.

В своем потертом пальто, коренастый, крепкий, с широкими плечами, поглаживая ладонью большой лоб, Ленин ходил по маленькому пространству самодельной трибуны и бросал в толпу слова, полные гневной правды. И оттого, что этот человек был тут, рядом, все становилось яснее и проще, делалось зримым, доступным. Солдаты слушали жадно, радостно, как бы насыщая свой ум, утомленный поисками верных и точных ответов на все злые вопросы, которые ставила перед ними жизнь. Этот человек не говорил как будто ничего особенного. Но каждому из них так и хотелось сказать: «А ведь верно! Я и сам думал то же».

Рассуждая вслух, Ленин как бы заставлял их всех думать вместе с ним, возбуждал их мысль, ставил вопросы и сам давал на них единственно возможные ответы, выколупывая самую суть. В каждом его слове чувствовалось знание дела, опыт, ум. Он явно был хорошо, не по-ихнему, образован, и в то же время в нем не было ничего даже отдаленно барского, такого, что ставило бы грань, проводило невидимую черту между ними. Он был свой! Солдаты чувствовали это с каждой минутой отчетливее. Прошло немногим больше часа с тех пор, как он тут, среди них, но теперь было дико и странно представить, что еще совсем недавно, измученные бесплодными поисками правды, озлобленные безвыходностью своего положения, горькой своей судьбой, они готовы были растерзать этого человека. Сейчас каждый из них готов был отдать за него свою жизнь.

Ленин вдруг оборвал речь, улыбнулся широко, радостно, азартно:

— Итак, товарищи, революция не окончена! Она про-

должается, и мы с вами доведем ее до победного конца. Да здравствует революция!

Весь огромный зал так и вскинулся в едином порыве. Громовые восторженные крики потрясли сырые стены казармы. Солдаты бросились к трибуне, подхватили Ленина на руки и на руках понесли к выходу. Ликующая толпа окружила автомобиль.

И все вдруг увидели над головой сияющее солнце апреля и ощутили манящее дыхание весны.

А. Кононов

В ИЮЛЕ

Прошло три месяца после приезда Ленина в Россию. Разбойничья война продолжалась — и конца ее не было видно. Временное буржуазное правительство на словах провозглашало мирную политику, а на деле обманывало народ.

Возмущение рабочих, крестьян, солдат росло.

Наступил июль. Наступили грозные дни.

3(16) июля в Петрограде возникла демонстрация рабочих и солдат, она проходила под лозунгом: «Вся власть Советам!» Демонстрация была мирной, но ее разгромили, пролилась кровь рабочих и солдат.

Стали закрывать большевистские газеты, готовился приказ об аресте Ленина.

Но большевики вовремя узнали о замысле врагов.

Партия послала к Владимиру Ильичу товарища Свердлова.

Владимир Ильич жил тогда в Петрограде, на Широкой улице, вместе с Надеждой Константиновной и сестрами — Марией Ильиничной и Анной Ильиничной.

Как только Свердлов переступил порог квартиры, все сразу увидели: что-то случилось.

Приказа об аресте Владимира Ильича еще не было, но его можно было ждать с минуты на минуту.

Нельзя было терять времени!

Свердлов тут же скинул с себя непромокаемый плащ и надел его на Владимира Ильича, чтобы того не так легко было узнать.

И они вышли вдвоем — Ленин и Свердлов.

А через день к дому с треском и шумом подкатил огромный грузовик.

Грузовик был полон офицерами и юнкерами-белогвардейцами.

Они соскочили с грузовика, бегом кинулись по лестнице к квартире Ленина и изо всех сил принялись колотить в дверь.

Дверь открыла Надежда Константиновна.

— Где Ленин? — закричали офицеры.

— Его здесь нет, — ответила Надежда Константиновна.

Тогда офицеры начали обыск: принялись рыться повсюду — в шкафах, в комод... Даже под кровать лазили. Потом пошли в переднюю. Там стояла в углу большая плетеная корзина.

Офицер с размаху проткнул ее шашкой.

Из передней дверь была открыта в кухню. В кухне сидела на табурете молодая домашняя работница Аннушка.

Она сердито поглядела на офицера.

— Еще в духовке посмотрите, может, там кто сидит, — сказала она.

— Молчать! — заорал тот, обозлившись, но ничего искать на кухне не стал, вернулся в комнату.

Тут он открыл письменный стол и вынул письма, которые были присланы Ленину.

В одном письме солдаты с фронта писали Владимиру Ильичу:

«Товарищ, друг Ленин! Помни, что мы, солдаты, все, как один, готовы идти за тобой всюду...»

В другом письме — из далекой деревни — говорилось:

«У нас крестьяне все понимают, что наш отец Ленин только может спасти Россию, если все мы будем к нему держаться и идти по его закону».

И все остальные письма оказались такими же: никакой тайны тут не было.

Любовь народа к Владимиру Ильичу Ленину ни для кого не была секретом.

Офицер с досадой кинул письма на стол.

Потом он велел арестовать находившихся в квартире Надежду Константиновну, Марка Тимофеевича Елизарова, домашнюю работницу.

Их привезли в какое-то помещение — грязное, с ободранными обоями.

Через минуту туда ворвались белогвардейские юнкера с шашками наголо:

— Где Ленин?

Ясно было, что они хотели убить Владимира Ильича и были страшно обозлены, что им не удалось сделать это.

Надежду Константиновну долго допрашивали, но ничего от нее не узнали и вынуждены были отпустить.

А Владимир Ильич был в это время уже на другой квартире.

Ночью власти отдали приказ, чтобы у ворот всех домов с самого раннего утра стояли дворники и не выпускали на улицу никого, кроме старых жильцов, которых они хорошо знали в лицо.

Таким образом власти надеялись задержать где-нибудь Ленина.

Владимир Ильич ночевал в ту ночь на квартире у одного рабочего.

Он встал утром, увидел в окно дворников в белых фартуках и сразу понял, зачем они стоят у ворот.

Владимир Ильич спокойно оделся, взял в руки зонтик, вышел во двор и пошел не спеша прямо на дворников.

Те глядели на него во все глаза: это был новый человек в доме, его нельзя было выпускать на улицу.

Но он шел так спокойно, что дворники подумали: «Ну, этому человеку бояться, видно, нечего. Он никуда не торопится. Тот, кого ищут, чтобы арестовать, должен

иметь совсем другой вид: он будет оглядываться по сторонам, спешить... глаза и то у него должны быть беспокойные. А тут человек идет прямо на дворников, да еще и зонтиком помахивает и весело щурится от утреннего солнца — видно, настроение у него самое лучшее...»

Дворники поглядели, поглядели на Ленина, переглянулись... и пропустили его в ворота.

И пошел не спеша Владимир Ильич по улице. А мимо него промчался грузовик с офицерами и юнкерами: они продолжали искать Ленина.

А. Кононов

У ОЗЕРА РАЗЛИВ

За Ленинградом есть станция Разлив. Недалеко от станции небольшое озеро... Весной, когда стает снег, озеро разливается, становится большим, затопляет луга. Потому и называется это место Разливом. Летом, к июлю, вырастает на лугах высокая трава. Наступает время косить ее.

В такое время в 1917 году и приехал в Разлив Ленин. Теперь, после июльских дней, ему приходилось скрываться от врагов, от шпионов буржуазного Временного правительства, политика которого была враждебна народу.

Владимир Ильич поселился за озером.

Ему приготовили жилье: в стогу сена расчистили место, куда можно было укрыться от дождя,— получился шалаш.

Но Владимиру Ильичу такая квартира не очень нравилась. Он пошел в лес, нарубил крепких сучьев, наломал веток и устроил шалаш по-своему: неподалеку от большой березы воткнул сучья в землю, накрыл их сверху зелеными ветками и обложил со всех сторон сеном. Стало просторней.

Хозяйство у Владимира Ильича было небольшое: жестяной чайник, котелок, топор, пила и коса.

Начал Ленин жить в шалаше.

Самое любимое его место было у большого пня среди зарослей ольхи. Ленин садился там, клал на пень листы бумаги и писал. Кусты закрывали его со всех сторон.

Каждый вечер появлялась на озере лодка. Это верный человек вез Ленину новые газеты и письма из Петрограда. Владимир Ильич читал письма, внимательно просматривал газеты и все, что его интересовало, отмечал синим карандашом.

Враги в это время искали Ленина, но не могли найти. В своих газетах они писали, что Ленин улетел на аэроплане за границу, что он скрылся в море на подводной лодке.

Ленин читал и смеялся:

— Вот шуты гороховые!

В то время очень трудно было с питанием, и у Ленина иногда не было даже хлеба. Впрочем, Ильич часто и забывал про еду; вспоминал, что очень голоден, только тогда, когда ему приносили со станции завтрак.

Однажды разливские ребята поймали в озере большую щуку и принесли ее в шалаш. Перед шалашом у Ленина висел на колышках котелок. Ребята хотели сразу же сварить для Ленина уху из щуки. Но Владимир Ильич остановил их:

— Постоите-ка! Сегодня у меня есть еще хлеб и чай. А завтра на обед ничего нет: оставим-ка щуку к обеду.

Владимир Ильич косил траву, сушил сено, а перед дождем складывал его в стога.

Однажды поднялась из-за леса огромная туча и закрыла половину неба.

Владимир Ильич заторопился: начал складывать сено в стога. Молния разорвала тучи, загредел гром. Но, когда полил дождь, сено было уже собрано.

После дождя стало свежо, запахло цветами, влажным сеном, землей. Снова засверкало на солнце озеро.

А уже поздно вечером к берегу причалила лодка.

Это приехал товарищ Орджоникидзе. Он шел по тропинке среди кустов и не видел Ленина. Когда Владимир Ильич вышел к нему из-за кустов, Орджоникидзе на-

хмурился: неизвестный какой-то человек... Откуда он? Зачем он бродит около жилья Ленина?

Владимира Ильича действительно трудно было узнать: борода и усы у него были сбриты, кепка низко надвинута на лоб.

Ленин поздоровался, но Орджоникидзе все еще не узнавал его. Тогда Владимир Ильич весело хлопнул его по плечу:

— Что, товарищ Серго, не узнаете?

Только теперь Орджоникидзе узнал Ленина.

Они пошли в шалаш. Серго приехал из Петрограда передать Владимиру Ильичу важные вести. Не все можно было писать в письмах. Письмо могло попасть в руки врагов или предателей.

Долго говорил в ту ночь Владимир Ильич с товарищем Серго, а наутро неожиданный гость уехал. Он повез с собой ответ и указания Ленина.

* * *

В конце августа пошли дожди. Любимое место Ленина — среди ольховых кустов — уже не годилось для работы. Пень стоял мокрый, скользкий; он покрылся по краям мелкими грибками и даже как будто распух.

Наступила холодная погода. Центральный Комитет партии организовал переезд Владимира Ильича из Разлива в Финляндию.

И шалаш опустел. Ленин уехал.

Стоит теперь на том месте памятник — шалаш, высеченный из гранита.

Заросли ольхи уже стали деревьями. Не видно только большой березы, но из ее корня выросли три молоденькие, тонкие березки — ее дочери.

А в остальном совсем не изменились эти места, дорогие сердцу каждого советского человека.

Н. Забила

ИЗБУШКА НАД ОЗЕРОМ

Не за синими бездонными морями,
Не за дальними высокими горами,
А в краю, где шелестят леса густые,
Где глубокие озера голубые,
Двое братьев белокурых на опушке
Жили с матерью, с отцом в избушке.

Как-то детям наказала мать:
— Надо чисто все в избе прибрать.
Не шалите, не шумите завтра, дети:
Гость из города приедет на рассвете.

Гость приехал. Улыбаясь, вещи внес.
— Здравствуйте, ребята!— произнес.
Русской речи мальчики не знали
И по-своему, по-фински, отвечали.

В их избушке гость остался жить,
Стал он с мальчуганами дружить.
Был всегда он прост и ласков с ними,
Словно бы отец с детьми родными.

Только солнце выйдет из-за гор,
Гость проснется— и с крыльца во двор.
Там давно уж в утренней тиши
Поджидают гостя малыши.

За руки берет их старший друг,
В лес идут тропинкой через луг.
Сосны их столетние встречают,
Густохвойными верхушками качают.
А над озером, над Кафи-ярви, летом
Расцвели для них ромашки белым цветом.

Дети с гостем бегают, смеются,
Целый летний день не расстаются!
Ходит рыбу он с детьми удить,
Учит их по-русски говорить.
С ними ягоды он из лесу приносит,
А с отцом их часто сено косит.
Вечерами ж, когда в доме тишина,
Думает и пишет допоздна.

Как-то раз отец на побережье
Вел беседу с ласковым приезжим:
— Добрый друг, а я ведь знаю, кто ты
И о чем, о ком твои заботы:
За простых, за трудовых людей
Борешься ты против богачей.
Оттого ты близок, дорог нам,
Оттого ты страшен господам,
И они грозят тебе тюрьмою,
Отделить хотят от нас стеною.
Но простых людей, рабочих, много,
Перед ними ясная дорога,
И пойти на смелый, честный бой
Все они готовы за тобой!

Быстро дни за днями пробежали.
Вскоре дети гостя провожали.

Но с тех пор и озеро, и дом,
И леса, и горы — всё кругом
В нерушимой тайне и покое
Охраняли имя дорогое.

Тихо-тихо сосны шелестели
И открыть ребятам не хотели,
Кто он, с ними ласковый всегда?
Почему его боятся господа?
Почему за ним идет народ?
Как спасет он бедных от невзгод?
Отчего нам всех имен родней
Имя «Ленин», слава наших дней?

* * *

С той поры прошли десятилетия.
Гостя доброго давно уж нет на свете.
Но о нем навек осталась память:
С малых лет мы знаем — Ленин с нами!
Слава Ленина растет все шире,
Имя Ленина бессмертно в целом мире,
Слово Ленина — незыблемо в веках,
Дело Ленина — у партии в руках!

А. Кононов

КОЧЕГАР ПОЕЗДА № 71

Ночью, в час десять минут, на станции Удельной за Петроградом должен был остановиться поезд № 71. С машинистом этого поезда было условлено: он поставит паровоз немного дальше, чем полагается,— в самом конце платформы, куда не доходит свет электрического фонаря. Кочегар сойдет с паровоза, а его место займет Владимир Ильич.

Машинист поезда № 71 никогда не видал Ленина. А если б и видел, все равно теперь не узнал бы: борода у Ленина была сбрита, лоб закрыт накладными волосами — париком. Поверх парика был надет черный картуз.

Но когда поезд остановился и кочегар соскочил в темноте на землю, Владимир Ильич так уверенно поднялся по лесенке на паровоз, что машинист даже ничего не спросил: ясно было, что это и есть Ленин.

Место кочегара занял Владимир Ильич.

Паровоз отапливался дровами. Дрова были сырые. Их надо было подбрасывать в топку понемногу, чтобы огонь горел ровно.

Владимир Ильич отыскал на стенке гвоздик, повесил на него пальто, засучил рукава и принялся за работу.

Он кидал дрова в топку, ворошил горящие головешки.

Машинист все оборачивался и смотрел с удивлением на Владимира Ильича.

Новый кочегар справлялся с работой без всякой посторонней помощи.

Так доехали до станции Белоостров. Тут проходила граница.

Дальше начиналась Финляндия.

У всех пассажиров начали проверять документы. Обыскивали весь поезд.

Машинист бегом спустился по лесенке, подбежал к составу и отцепил паровоз. Потом погнал его к водокачке — набирать воду. А набирал ее не спеша. Уже ударил на станции третий звонок, а паровоз все еще стоял у водокачки.

К машинисту бежал, задыхаясь, главный кондуктор и показывал на свой свисток: сейчас отправление! Тогда машинист быстро подъехал к поезду и прицепил паровоз. Главный кондуктор дал свисток.

На станции стоял офицер и глядел на машиниста. И, видно, что-то сообразил: он махнул кому-то рукой. К паровозу побежали солдаты...

Но паровоз уже рванул с места и помчался вперед.

Л. Савельев

КЛАД

Безлунной сентябрьской ночью, когда все в городе спали, на Выборгской стороне встретились в глухом месте два человека. Один из них был слесарь завода Эриксон, старый большевик. Другой служил кочегаром на этом же заводе. Молча, не перекинувшись ни словом друг с другом, пошли они рядом по пустой улице.

Время от времени путники останавливались и прислушивались: не идет ли кто за ними? Но все было спокойно, ничьи шаги не нарушали тишину ночи. Тогда, убедившись, что их никто не выслеживает, они снова пускались в путь.

Вот они свернули с дороги, перелезли через какой-то забор. Перед ними чернело теперь железнодорожное полотно. Тускло горели на далеком расстоянии друг от друга фонари стрелок, где-то вдали маячил красный огонек семафора, ровно и мрачно гудели телефонные провода.

Они пересекли рельсы. И сразу же стало еще темнее: они попали в березовую рощу. Причудливыми очертаниями выступали из темноты белесые искривленные стволы деревьев.

— Найдем ли?— спросил вдруг кочегар, совсем еще молодой парень, почти мальчик на вид.

Он тронул своего спутника за рукав. Видно, ему стало жутко в темноте.

— С закрытыми глазами найду,— уверенно ответил старик.— Да я и бумажку на всякий случай захватил, на ней все отмечено.

Он остановился у пня.

— А ну, Федя, покажи свое искусство,— сказал он вдруг.

Кочегар приложил руку ко рту и прокричал три раза, подражая гудку паровоза. Прошло несколько секунд. Откуда-то издали донесся ответный троекратный гудок. Вскоре послышался в темноте скрип колес, тяжелое дыхание лошади. У самого пня остановилась подвода. Несколько человек с лопатами и веревками спрыгнули с нее.

— Все в порядке?— спросил один из них.— Не нашли еще клада?

— Клад!— усмехнулся в ответ старик.— А что же, чем не клад? Еще лучше!

Он развернул бумажку, прикинул что-то в уме и уверенно повел всех по узкой, едва приметной тропе.

— А вот и знак!— сказал он вдруг, направив луч карманного фонаря на дерево. И все увидели ясно высеченный на коре крест.— Отсюда ровно двадцать шагов будет.

Они прошли еще двадцать шагов.

— Стоп!— сказал старик.— Копать тут!

И лопаты разом вонзились в землю. Комки глины так и летели во все стороны. Под ногами зияла уже глубокая яма.

— Не видно что-то,— вздохнул кочегар.— Может, не там роем?

Как раз в эту минуту раздался стук: лопаты уперлись во что-то твердое.

— Он, он самый!— радостно сказал старик.

Они стали поднимать из ямы огромный ящик. Одна из досок отстала, в щель высунулось дуло винтовки.

— Живее, товарищи, живее!— торопил старый слесарь.— До свету надо управиться. Еще два ящика осталось откопать.

Одни продолжали рыть землю, другие волокли ящик к телеге.

— Ну и тяжел же!—восхищался кочегар, помогая тащить ящик.— Не поздоровится теперь буржуйам!

Так безлунной сентябрьской ночью рабочие-эриксонцы выкопали из земли давно припрятанное ими оружие. Они добыли его в феврале, когда свергли царскую власть.

После июльских массовых вооруженных демонстраций рабочих, солдат и матросов против Временного правительства министры стали отбирать у рабочих оружие, но рабочие сберегли его для будущих боев, спрятав в землю. И там оно пролежало целых три месяца.

Теперь рабочие готовились под руководством большевиков к новому, решительному бою. Им снова нужно было оружие...

По указанию Ленина большевики проводили по вечерам на пустырях или в глухих закоулках военные учения рабочих-красногвардейцев. А для командиров Красной гвардии созданы были особые курсы, где они обучались стрельбе и военной тактике.

Но не только рабочих — солдат и матросов тоже нужно было подготовить к восстанию. Среди них, особенно среди солдат, много было таких, которые плохо разбились в событиях; им необходимо было объяснить, почему народ должен восстать против Временного правительства.

Очень важно было, чтобы солдаты, когда начнется восстание, пошли вместе с рабочими, а не против них.

Большевики стремились через Советы рабочих и солдатских депутатов объединить рабочих и солдат. Они требовали от рабочих каждого завода, чтобы они тесно связались с каким-либо полком, находившимся в Петрограде. Большевики вели пропаганду среди солдат, издавали для них особые газеты.

К началу октября почти все уже было готово к восстанию.

Н. Богданов

ЛЕНИНСКИЙ СНЕГИРЬ

Задумались как-то ребята-октябрята: а кто был первым пионером? Самым-самым первым?

Стали спрашивать, узнавать и наконец разыскали. Конечно же, Коля Емельянов!

Помните, когда Ленин скрывался от врагов в Разливе, с ним вместе в шалаше жил сын рабочего Емельянова — Коля. Он помогал Ильичу и костер разводить, и чай кипятить. Рыбу вместе ловили и уху варили.

А главное, охранял от врагов. Внимательно следил, не подкрадываются ли откуда-нибудь белогвардейцы, юнкера, сыщики, подосланные буржуями.

Когда появлялся кто-нибудь чужой, Коля куковал кукушкой, предупреждая об опасности. Владимир Ильич брал в руки косу или грабли и уходил в глубь леса.

Ведь Емельяновы выдавали его за рабочего-покосника.

А когда появлялись свои, Коля весело посвистывал снегирем. И Ленин радостно выходил навстречу друзьям.

Отец называл юного стража Ильича — ленинским снегирем.

Коля не носил красного галстука: тогда пионеров еще не было. Но снегири-то — птицы красногруды. Так назовем маленького ленинского помощника первым пионером-ленинцем!

П. Капица

НОЧЬ В ЛЕСНОМ

В Петрограде тщательно готовились к восстанию. Чтобы выяснить готовность партийных организаций, решено было на шестнадцатое октября собрать секретное заседание Центрального Комитета с активом. Но где его провести? В каком помещении?

Вспомнили, что председателем Лесновской думской управы стал активный деятель большевистской партии Михаил Иванович Калинин. Нельзя ли воспользоваться помещением? Дом думы расположен на окраине Выборгской стороны, он скрыт от посторонних взглядов деревьями парка и очень удобен для конспиративного заседания.

* * *

Шестнадцатого октября Михаил Иванович Калинин вызвал к себе работницу завода «Айваз» Катю Алексееву, которую он поселил вместе с матерью в помещении управы, чтобы иметь под рукой своих людей.

— Катя, — сказал он, — ко мне сегодня вечером соберутся товарищи... Заседание очень важное. Надо быть начеку. Входных дверей не запирай и сама никуда не уходи.

— Хорошо,— ответила Алексеева. Она по-хозяйски оглядела большой кабинет и, увидев в углу на стуле какую-то синюю ткань, спросила: — А это зачем?

— Нужно будет завесить окна,— ответил Михаил Иванович.— У тебя никакой материи нет? Здесь мало-вато.

— Есть желтая.

— Желтая не годится. Надо найти что-нибудь другое.

В Лесновской думе прием посетителей заканчивался в четыре часа. Так было и в этот день: к пяти часам помещения опустели, только наверху поскрипывало кресло Михаила Ивановича.

Звонок был очень громкий и мог привлечь внимание дворника. Чтобы проходящие не звонили, Катя закрепила защелку замка и, оставив дверь чуть приоткрытой, стала из окна поглядывать на аллею, идущую от ворот к главному подъезду.

Весь день погода была по-осеннему дождливая и пасмурная.

К вечеру поднялся ветер. С раскачивающихся и шумящих в саду деревьев облетали последние листья. Они кружились и падали в лужицу у освещенного входа.

«Надо погасить лампочку, а то дворник заметит, что много народу входит»,— подумала Алексеева.

Она выключила свет не только у входа, но и во всех комнатах первого этажа.

Сад сразу погрузился во мглу. Катя даже не могла разглядеть главную дорожку. Лишь постепенно ее глаза привыкли к темноте.

Она сидела в темной прихожей и ждала. Ждала долго. Но вот наконец стукнула калитка. В аллее появились двое мужчин. Они шли уверенно — значит, свои.

Катя поднялась навстречу. Пришедшие спросили, как пройти к Михаилу Ивановичу. Она молча показала на лестницу.

Теперь через каждые пять минут в аллее кто-то появлялся. Стараясь не стучать тяжелыми, набухшими от

грязи сапогами, поднимались наверх и там снимали свои пальто и плащи.

Наверху у Михаила Ивановича уже собралось человек восемь, и в это время, как назло, на кухню ввалился дворник. Старик любил вечерами покалякать с матерью Кати. Его нужно было немедленно спровадить. Дворник мог сболтнуть кому-нибудь о ночном заседании в думе.

Катя, бросив следить за входной дверью, убежала в кухню.

* * *

Связной Эйно Рахья зашел за Владимиром Ильичем в седьмом часу. Уже стемнело. Моросил мелкий осенний дождь. Порывами дул шквалистый ветер.

На одном из перекрестков с Владимира Ильича сорвало шляпу и парик. Шляпа покатилась по мокрой панели. Ее с трудом поймали. К счастью, никого из прохожих вблизи не было. Владимир Ильич быстро вытер носовым платком парик и глубоко натянул его на голову, а Рахья встряхнул и очистил шляпу.

У Муринского проспекта их ждал Александр Шотман. Он провел их в темный переулок и сказал:

— Подождите тут, а я погляжу: нет ли кого подозрительного?

Всматриваясь в темноту, он пробрался к дому районной думы, поднялся наверх и, узнав, что собралось только человек десять, вернулся к Ильичу и сказал:

— Рановато еще, не все явились, лучше здесь подождать.

Они прошлись по темному и пустынному переулку и, вернувшись назад, послали на разведку Рахью. Тот пропал минут десять и, вернувшись, шепнул:

— Пошли.

Втроем они пробрались через черный ход в дом, поднялись на второй этаж и остановились в комнате. Здесь Владимир Ильич снял с себя очки, парик и спрятал их в карманы пальто.

В зал заседаний он вошел в своем обычном виде. Товарищи, не видевшие Ильича с лета, радостно кинулись пожимать ему руки. Они окружили его, засыпали вопросами. Владимир Ильич улыбался и отшучивался. Он также был рад видеть их неувредимыми.

Дворник не торопясь набил трубку. Он, видимо, намеревался просидеть на кухне весь вечер. Катя попросила мать заняться стиркой, а сама занялась уборкой.

Дворник, видя, что сегодня ему не с кем будет посудачить, огорченно раскурил трубку и, кряхтя, поднялся.

— Пойти спать, что ли?—ни к кому не обращаясь, спросил он.

В это время наверху задвигали стульями. Дворник прислушался.

— Чего это сегодня в думе?—поинтересовался он.

— А ну их, работать остались... Ушли бы скорей, а то опять придется убирать ночью,—проворчала Катя.

Она проводила старика до дверей и, убедившись, что он поплелся к себе, вернулась к главному подъезду. Дверь оказалась захлопнутой на замок. «Значит, все собрались»,—решила она, и ей стало вдруг неспокойно.

«А что, если кто-нибудь проследил, как они собирались, и сейчас прячется в темном саду?»

На всякий случай она приоткрыла в первом этаже окно, через которое товарищи могли выпрыгнуть в глухой угол сада и через забор скрыться в переулке.

Сверху послышался шум отодвигаемых стульев. «Доклад кончился,—подумала Катя,—надо бы им чайку горячего, ноги-то у всех, наверное, промокли на такой погоде».

Она вернулась в кухню, поставила чайник на плиту и еще раз прошла по пустым и темным комнатам.

На улице бушевала непогода, выл ветер. Черные ветки кустов скребли стекла окон. Всякие страхи лезли в голову—казалось, что за каждым кустом притаился враг.

Катя осторожно обошла комнаты нижнего этажа и, убедившись, что никого здесь нет, вернулась на кухню и стала разливать чай.

В те дни настоящий чай был большой редкостью. Только для президиума думы выдавался небольшой пакетик. Чай берегли, но Катя на свой риск решила заварить его собравшимся товарищам. Она приготовила душистый крепкий настой и наполнила им стаканы. Сахару у нее было только несколько кусочков. Катя положила сахар в три или четыре стакана, взяла поднос и осторожно понесла его наверх.

Лестница скрипела, Катя старалась легче ступать. Она прошла по темному коридору и остановилась у двери. Из комнаты доносился чей-то бас:

— Оружия у нас маловато, Владимир Ильич. А вообще — на железнодорожников можно рассчитывать, не подведем...

«Владимир Ильич... Ленин здесь, — обрадовалась Катя. — Значит, заседание очень важное».

Она постояла немного и, как только железнодорожник кончил говорить, толкнула дверь и вошла.

В комнате было полутемно: горела лишь висючая лампа. Владимир Ильич находился в дальнем углу за маленьким столиком. Вокруг него сидели и стояли у стены товарищи. Все очень обрадовались, увидев на подносе дымящиеся стаканы.

— Только без сахара, — виновато предупредила Катя.

— Ничего, ничего, у нас свой сахар есть, — шутливо сказал кто-то.

Со всех сторон руки потянулись к стаканам.

Несмотря на то что на всех чаю не хватало, Катя все же успела уберечь один стакан с сахаром. Смущаясь, она поставила его перед Лениным.

Казалось, что, занятый своими мыслями, Ильич не заметит этой маленькой услуги, но он улыбнулся Кате и поблагодарил ее.

— Я вам еще принесу, — сказала она и, радостная, побежала вниз за новой порцией чая.

Заседание становилось все более шумным. Алексеева решила проверить, не виден ли со двора свет и не слышно ли, о чем говорят.

Накинув на себя платок, Катя вышла во двор.

Теперь уже шел не дождь, а снег. Дорожка стала скользкой. С севера порывами дул ветер. Все заволокла такая темень, что в пяти шагах ничего нельзя было разглядеть.

Катя остановилась под окнами и прислушалась. Сверху доносились голоса, но о чем говорилось, понять было трудно. Окна были завешены хорошо, только в одном месте через узенькую щелку проникала бледная полоска света. Катя, осторожно шагая, обошла вокруг дома.

Нигде никого. Даже сердитый сторожевой пес спал, забившись в свою конуру.

Катя надумала оглядеть дом с улицы, вышла за калитку и пошла вдоль ограды. На углу она остановилась, прислушалась. Улица казалась вымершей, только впереди мелькнула и будто прижалась к забору какая-то темная фигура. Кате сделалось страшно. Она чуть ли не бегом вернулась назад, захлопнула тяжелую, набухшую калитку и с колотящимся сердцем стала вслушиваться, не гонится ли кто за ней.

И вдруг до нее донесся отчетливый голос Володарского. Горячась, он говорил громко, словно выступал на большом митинге.

Катя поспешила в дом, поднялась по лестнице и распахнула дверь. Михаил Иванович, видя, что она задыхается и не может выговорить слова, в тревоге спросил:

— Что случилось?

— Нельзя говорить громко, на улице слышно.

Сразу раздалось несколько голосов:

— Тише!

— Спокойней, товарищи, не горячиться.

Но голоса все же повышались. Катя все время снова-ла вокруг дома, вслушиваясь в вой ветра и всматриваясь в темноту.

«Скоро начнет светать,—подумала она.— Не забыли ли они об опасности?»

Катя пошла предупредить товарищей. Затянувшееся собрание уже кончилось, но люди почему-то не расходились.

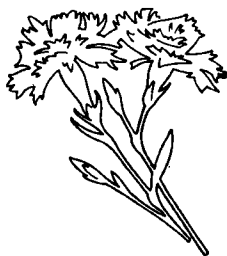
Катя разыскала Ленина. Он ходил по коридору у лестницы, беседуя с каким-то военным.

— Владимир Ильич, светает,—робко напомнила девушка.— Вам бы уйти пораньше.

Ильич, как бы недоумевая, посмотрел на Катю, потом, поняв, о чем она говорит, устало провел рукой по лицу и заспешил:

— В самом деле пора, товарищи!

В пустующей комнате Владимир Ильич надел на себя парик, очки и, став похожим на старика букиниста, ушел из дому с молчаливым Рахьей.

П. Капица

НАЧАЛОСЬ!

Двадцать четвертого октября, в день восстания, Владимир Ильич с утра стал волноваться. Он знал, какие силы собраны, куда будут направлены, и все же не мог спокойно ждать. Решительно ли там действуют товарищи? Хотелось ежеминутно знать, как развиваются события.

Утром он несколько раз посылал Маргариту Васильевну в Выборгский райком партии и просил приглядываться ко всему происходившему на улице, чтобы по внешним признакам определить состояние дел. Но что могла рассказать Фофанова? Вторник — день будничнейший. По-обычному работали учреждения и предприятия, открыты были магазины, парикмахерские, кинематографы. Разве только трамваи ходили хуже да больше сновало на улицах военных.

Днем стало известно, что разведен Николаевский мост. Маргарита Васильевна, служившая на Васильевском острове, сделала большой крюк, чтобы пройти на Выборгскую сторону по Гренадерскому мосту. Все остальные проходы были закрыты. Через Неву пешеходов перевозили на яликах лодочники.

Владимир Ильич, заложив руки за спину, возбужденно расхаживал по коридору без парика.

— Ну, как в городе? Что творится? — встретил он хозяйку.

Но Маргарита Васильевна не могла дать вразумительных ответов. Она видела только вооруженных людей и ни от кого, конечно, не могла узнать, с какой целью и по чьему приказу разведены мосты на Неве.

— Не раздевайтесь, пожалуйста,— попросил Ильич.— Отнесите в райком записку.

Это было письмо Центральному Комитету. Придя в Выборгский райком, Фофанова отдала его товарищам. Те, видимо, связались со Смольным, потому что вскоре сообщили: Центральный Комитет не разрешает Ильичу покидать квартиру.

— Не разрешают?..— удивился Ильич.— Чего же они боятся за меня? Вот чудачки! Нет, я так не оставлю. Их надо переубедить.

Владимир Ильич торопливо написал очень короткую, но, видимо, резкую записку, потому что когда Фофанова пришла в райком и передала ее секретарю, то из комнаты, где шло заседание, вышла обеспокоенная Надежда Константиновна.

— Владимир Ильич очень гневается?— спросила она.

— Очень.

— И все же передайте ему: пока еще нельзя выходить, пусть ждет.

Вернувшись, Маргарита Васильевна в точности передала ответ и сразу почувствовала, что Ленин недоволен.

— Идите к ним снова!— попросил он.— Нельзя ждать, можно потерять все.

— Хорошо, я пойду,— согласилась Фофанова,— но только при одном условии: вы должны сесть за стол и пообедать. Я готовила, старалась, а вы даже попробовать не хотите...

Владимир Ильич улыбнулся:

— Хорошо, я поем, но вы обязательно еще раз сходите. Я сейчас напишу в ЦК.

Он ушел, а Маргарита Васильевна поспешила на кухню разогревать обед.

«Товарищи! — быстрым почерком вывел на бумаге Ильич.— Я пишу эти строки вечером 24-го, положение

донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь, уже истине, промедление в восстании смерти подобно».

Закончив письмо, он вынес его на кухню и поторопился хозяйку:

— Отнесите и возвращайтесь поскорее. Если к одиннадцати часам не вернетесь, волен действовать сообразно своему разумению.

Фофанова ушла и долго не возвращалась. Вместо нее в дверь постучал Эйно Рахья. Владимир Ильич обрадовался гостю. Он пригласил его поужинать и начал расспрашивать о том, что делается в центре города. Но что мог рассказать Рахья? Он ведь не был членом Военно-революционного комитета. Обо всем знают лишь в штабе революции — в Смольном.

У Рахьи было два пропуска в Смольный. Но как сейчас туда доберешься? Трамваи не ходят, а пешком далеко — верст десять будет.

— Ничего, как-нибудь доедем, — успокоил его Владимир Ильич.

Он написал записку Фофановой и стал одеваться. Без маскировки выходить Ильичу было опасно. Пришлось надеть парик и очки, повязать щеку платком, как это делают, когда болят зубы, и на голову надеть старую, завалывшуюся кепку.

— Ну, довольно маскироваться — в путь! — наконец сказал Владимир Ильич. — Тушите свет.

Рахья загасил лампу. Они вышли на лестницу и спустились вниз.

Улицы были безлюдны. В парк спешил последний трамвай. Владимир Ильич нагнал его и вскочил на подножку. Рахья едва успел прицепиться рядом.

В вагоне пассажиров не было. Владимир Ильич сел напротив кондукторши и начал расспрашивать ее, куда идет трамвай. А та с тревогой поглядывала в темноту за окнами.

— Молчите, — шепнул Рахья. — Если она когда-либо слышала ваш голос, узнает.

Но Владимир Ильич не унимался.

— В парк едете?— допытывался он у кондукторши. Той, видимо, надоели расспросы пассажиров, и она сердито буркнула:

— В парк.

— А почему?

— А ты кто такой, что тебе все надо знать?

— Рабочий.

Кондукторша с недоверием оглядела пассажира и сказала:

— Тоже мне рабочий! «Куда», «почему»!— передразнила она.— Или не чувствуешь, что делается? Буржуев бить будем, вот куда едем!

Ее ответ Владимиру Ильичу очень понравился.

* * *

Длинная и прямая улица точно вымерла. Ворота домов были наглухо заперты. Впереди — ни дворников, ни пешеходов. Казалось, никакой опасности до самого Смольного больше не будет. Но вдруг из-за угла показались двое верховых. Они проскакали мимо и о чем-то начали переговариваться. Это были юнкера артиллерийского училища.

— Идите быстрее вперед,— шепнул Рахья Владимиру Ильичу.— А я их задержу.

Юнкера действительно повернули назад и, догнав Рахью, остановили его:

— Пропуск!

— Какой такой пропуск?— словно не понимая, пьяным голосом допытывался Рахья.

А Владимир Ильич тем временем уходил все дальше и дальше.

— Пропуск, или...

Юнкер замахнулся нагайкой.

— А ну, дай, дай! Если ты такой ловкий!— покачиваясь, пьяно выкрикнул Рахья и, засунув одну руку в карман, где был револьвер, вызывающе шагнул к коню.

Конь пугливо шарахнулся в сторону.

— Брось этого пьяницу!— трусливо сказал второй верховой.

— Ну его к шутам... поехали!

Юнкер хлестнул нагайкой по воздуху и, круто повернув лошадь, поскакал за товарищем к Литейному проспекту.

Шпалерная кончилась. Вот показалось длинное здание Смольного. Все окна бывшего Института благородных девиц ярко сияли. Под деревьями виднелись броневики, горели костры. Значит, штаб действует!

У центрального входа толпились приехавшие из дальних губерний делегаты Второго Всероссийского съезда Советов. Оказалось, что меньшевики, засевшие в мандатной комиссии, в последний час изменили цвет пропусков: вместо белых они выдали своим сторонникам красные и строго приказали часовым пропускать делегатов только с новыми мандатами. Собравшиеся шумели, ругались.

Какой-то рабочий, потрясая своим белым пропуском, спрашивал:

— То есть как не пропустите... Делегата задержите?

И он напирал грудью на растерявшихся часовых. Стоявшие рядом поддержали его:

— Что за безобразие! Напутают, а потом не пропускают. А ну, посторонитесь!..

И толпа хлынула в вестибюль, увлекая за собой и Владимира Ильича.

Поднимаясь по лестнице, он смеялся:

— Где наша не берет!

Владимир Ильич поднялся на третий этаж, прошел в комнаты Военно-революционного комитета.

Товарищи сразу же доложили ему, как действуют революционные отряды по разработанному им плану.

В эту ночь Красной гвардией были захвачены важнейшие пункты в городе: вокзалы, банки, мосты, телефонная и телеграфная станции. В Смольный то и дело прибывали связные с радостными вестями о вновь занятых мостах, налаженных переправах, об удачном продви-

жении к последнему убежищу Временного правительства — Зимнему дворцу.

К рассвету весь город был в руках восставших. Временное правительство владело лишь площадью Зимнего дворца и частью прилегающих улиц.

Владимир Ильич, почти не отдыхая, к утру написал обращение ко всем гражданам России.

Восстание в Петрограде победило, и государственная власть перешла в руки Военно-революционного комитета.

Впервые в истории восставшие воспользовались радио и передали свое обращение по эфиру всем народам.

В то же утро Владимир Ильич пришел на не прерывавшееся уже более суток заседание Петроградского Совета. Матросы, рабочие и солдаты, увидев похудевшего, с еще не отросшей бородкой, родного Ильича, восторженно встретили его бурными аплодисментами и криками «ура».

Вождь пролетариата, взойдя на трибуну, дождался тишины и ясным, громким голосом сказал:

— Товарищи! Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась!

На другой день Владимир Ильич Ленин был избран на Всероссийском съезде Председателем Совета Народных Комиссаров.

А. Кононов

НА МОСТУ

Восстание началось ночью.

Ночь была черная, грозная. Фонари на улицах не горели. На Неве темной громадиной высился большевистский крейсер «Аврора». Огни на нем были погашены, а дула орудий повернуты к Зимнему дворцу.

В темноте раздавались далекие выстрелы, трещали мотоциклы, с грохотом носились по мостовой грузовики; на них стояли с винтовками солдаты и матросы.

Горели костры на улицах. Красногвардейцы грелись у огня, негромко переговаривались, ждали приказа наступать. Отряды вооруженных рабочих к этому времени уже заняли все мосты через Неву.

На одном мосту стоял молодой петроградский рабочий Андрей Крутов. Вместе с ним охраняли мост еще восемь бойцов — красногвардейцев и матросов. Командовал ими старый большевик, которого все они звали Василием Ивановичем.

Два раза за ночь мост обстреливали юнкера, но красногвардейцы отогнали их выстрелами, не сходя с места. Через мост можно было пройти только по особым пропускам.

Но у одного человека пропуска не было, и все-таки его пропустили. Когда он подошел близко к заставе, Василий Иванович шагнул к нему с револьвером в руке и спросил строго:

— Ваш пропуск!

Человек остановился и отогнул поднятый воротник пальто.

Щека у него была туго обвязана платком.

Он негромко сказал что-то Василию Ивановичу. Тот посторонился и взял под козырек.

Человек с подвязанной щекой прошел быстрыми шагами мимо Андрея на мост и скрылся в темноте.

А начальник заставы вернулся на свое место, стал рядом с Андреем.

Он не сказал ни слова и все поглядывал в ту сторону, куда ушел незнакомец. Там, за рекой, по временам глухо гревели выстрелы.

Наконец Крутов не вытерпел и спросил:

— Что ж, показал он тебе пропуск?

Василий Иванович ответил медленно:

— Нет. Он не успел его получить. Он скрывался все время... Сперва в Финляндии, потом здесь. А сейчас вот идет в Смольный.

Потом Василий Иванович добавил, и Андрею почувдился в его голосе страх:

— Подумать только: он прошел сюда мимо вражеских отрядов. Его ж могли... ты понимаешь, его могли убить!

В первый раз слышал Андрей, что его командир говорит таким голосом.

Он заглянул Василию Ивановичу в лицо и спросил:

— Да кто это был?

И командир красногвардейской заставы ответил:

— Владимир Ильич Ленин.

В. Д. Бонч-Бруевич

В ПЕРВЫЕ ДНИ ОКТЯБРЯ

Первые дни Октябрьской революции. Петроград в волнении. Все чего-то ждут. Смольный кипит народом...

Здесь, в Смольном, расположился главный штаб большевиков: Военно-революционный комитет. Тут же находился и Владимир Ильич. Он приветливо здоровался с проходящими, расспрашивал их обо всех событиях дня и больше всего — о том, что делается там, у Зимнего дворца и на подступах к нему.

Весть о том, что Владимир Ильич в Смольном, быстро разнеслась среди большевиков. Многие хотели его видеть и приходили сюда. В комнату стали заглядывать и посторонние. Особенно в нее стремились попасть корреспонденты различных газет, в том числе и иностранных. Они, очевидно, заметили, что именно сюда идет много народу, что здесь действует руководящий центр восстания.

Необходимо было ввести надежную охрану.

В одной из комнат Смольного расположилось более пятисот вооруженных рабочих. Это были красногвардейцы. Для охраны решено было отобрать из них человек семьдесят пять.

Молодой, лет тридцати, красавец рабочий, с вьющимися из-под шапки кудрями, спокойно отдает четкую команду:

— Стройся!

Мгновенно все на местах. Тишина: ни шороха, ни звука. У дверей замерли часовые. Командир сообщает, что нужно семьдесят пять человек, готовых на все, даже на смерть.

Весь отряд сделал шаг вперед и замер. Командир отобрал людей, назначил начальника и двух человек на смену ему.

— В случае чего...— хмуро заметил он и умолк.

Сейчас же заготовили пропуска. Пропуск № 1 выдали Владимиру Ильичу.

— Что это? Пропуск? Зачем?— спросил Владимир Ильич.

— Необходимо. На всякий случай... Уже создана охрана Смольного. Прошу взглянуть...

Владимир Ильич выглянул в дверь и увидел отряд, стоявший в безукоризненном военном строю.

— Какие молодцы! Приятно смотреть!— восхищенно сказал он.

Часовые стали у входной двери снаружи и внутри комнаты. Начальник сейчас же установил связь с центральным отрядом.

Народ все прибывал и прибывал.

...Владимир Ильич был очень взволнован тем, что осада Зимнего дворца, в котором засели юнкера, охраняющие Временное правительство, затягивается.

Гвардейскому Павловскому полку, присоединившемуся к революционным войскам, был отдан приказ занять улицы, прилегающие к Зимнему.

Полк залег около самого дворца.

Подшли матросы. Они сразу же, не останавливаясь, быстрыми перебежками пересекли Дворцовую площадь и заняли подступы к Зимнему. Начался штурм. Он продолжался несколько часов.

Увлекая за собой солдат Павловского полка и красногвардейцев, матросы сильным ударом раскрыли огромные двери дворца и ворвались во внутренние помещения.

На Неве пришвартовался крейсер «Аврора». Ему дано было распоряжение повернуть орудия на дворец. Такое

же приказание получила и Петропавловская крепость.

Пушки «Авроры» и Петропавловской крепости возвести о начале штурма.

Красногвардейцы, матросы и солдаты заняли главные пункты Зимнего — лестницы, ходы и выходы. В эту ночь, с 25 на 26 октября, Зимний дворец был взят революционными войсками. Временное правительство было арестовано и отправлено под караулом в Петропавловскую крепость. Керенский, переодевшись в женское платье, тайным ходом вышел из Зимнего дворца и бежал в автомобиле американского посольства.

* * *

Скорым военным шагом по коридору торопится солдат-самокатчик, одетый в черную кожаную куртку и такие же шаровары. Через плечо у него дорожная сумка, которую он придерживает левой рукой.

— Где штаб Военно-революционного комитета? — обращается он к двум красногвардейцам, стоящим на часах у дверей.

— А тебе кого?

— Ленина! Донесение!

Часовой оборачивается и говорит товарищу:

— Так что требуется разводящий... Прибыл курьер. Без пропуска... В штаб... Требуется Ленина...

Вышел разводящий. Спросил, откуда и от кого курьер.

— Из Зимнего дворца... От главнокомандующего Подвойского.

— Идем...

— Донесение! — говорит самокатчик, входя в дверь соседней комнаты. — Требуется Ленин.

Владимир Ильич подходит:

— Что скажете, товарищ?

— Вы и есть Ленин?

Самокатчик с любопытством смотрит на Ленина; глаза его радостно поблескивают. Он быстро отстегивает

клапан у сумки, достает листок бумаги, бережно подает его Владимиру Ильичу, берет под козырек и кратко рапортует:

— Донесение!

— Благодарю, товарищ,— говорит Владимир Ильич и протягивает ему руку.

Тот смущен и жмет руку Владимира Ильича обеими руками. Улыбается, снова берет под козырек, резко, повально поворачивается кругом и бодрым шагом уходит.

На ходу он кладет в сумку листок бумаги, на котором расписался Владимир Ильич.

— «Зимний дворец взят, Временное правительство арестовано, Керенский бежал!»— вслух быстро читает Владимир Ильич донесение.

И только дочитал, как раздалось «ура», мощно подхваченное красногвардейцами в соседней комнате.

— Ура!— неслось повсюду.

* * *

Часа в четыре ночи мы, утомленные, но возбужденные, стали расходиться из Смольного. Я предложил Владимиру Ильичу поехать ко мне ночевать. Заранее позвонив в Рождественский район, я поручил боевой дружине проверить разведкой улицы.

Мы вышли из Смольного. Город был не освещен. Мы сели в автомобиль и поехали ко мне домой.

Владимир Ильич, видимо, очень устал и подремывал в автомобиле. Поужинали кое-чем. Я постарался предоставить все для отдыха Владимира Ильича. Еле удалось уговорить его занять мою кровать в отдельной небольшой комнате, где к его услугам были письменный стол, бумага, чернила и библиотека. Владимир Ильич согласился, и мы разошлись.

Я лег в соседней комнате на диване и решил заснуть только тогда, когда вполне удостоверюсь, что Владимир Ильич уже спит.

Для большей безопасности я запер входные двери на все цепочки, крючки и замки, привел в боевую готовность револьверы, думая, что ведь могут вломиться, арестовать, убить Владимира Ильича,— всего можно ожидать!

На всякий случай тотчас же записал на отдельную бумажку все известные мне телефоны товарищей, Смольного, районных рабочих комитетов и профсоюзов. «Чтобы впопыхах не перезабыть»,— подумал я.

Владимир Ильич у себя в комнате погасил уже электричество. Прислушиваюсь: спит ли? Ничего не слышно. Начинаю дремать, и, когда вот-вот должен был заснуть, вдруг блеснул свет у Владимира Ильича.

Я насторожился. Слышу, как почти бесшумно встал он с кровати, тихонько приоткрыл дверь ко мне и, убедившись, что я «сплю», тихими шагами, на цыпочках, чтобы никого не разбудить, подошел к письменному столу. Сел за стол, открыл чернильницу и углубился в работу, разложив какие-то бумаги. Все это мне видно было в приоткрытую дверь.

Владимир Ильич писал, перечеркивал, читал, делал выписки, опять писал и наконец, видимо, стал переписывать начисто.

Уже светало, стало сереть позднее петроградское осеннее утро, когда Владимир Ильич потушил огонь, лег в постель и заснул. Забылся и я.

Утром я просил всех домашних соблюдать тишину, объяснив, что Владимир Ильич работал всю ночь и, несомненно, крайне утомлен.

Вдруг открылась дверь, и он вышел из комнаты, одетый, энергичный, свежий, бодрый, радостный, шуточный.

— С первым днем социалистической революции!— поздравила он всех.

На его лице не было заметно никакой усталости, как будто он великолепно выспался, а на самом деле спал самое большее два-три часа после напряженного двадцатичасового трудового дня.

Подошли товарищи. Когда собрались все пить чай и

вышла Надежда Константиновна, ночевавшая у нас, Владимир Ильич вынул из кармана переписанные листки и прочел нам свой знаменитый Декрет о земле, над которым он работал в эти решающие дни.

Вскоре мы двинулись в Смольный пешком, а потом сели в трамвай. Владимир Ильич сиял, видя образцовый порядок на улицах.

Вечером, на Втором Всероссийском съезде Советов, после принятия Декрета о мире Владимир Ильич с особой четкостью вслух прочел Декрет о земле, с восторгом, единогласно принятый съездом.

А. Сурков

Покончив с тревогами жизни подпольной,
С восставшими радость победы деля,
Он прибыл, как было условлено, в Смольный,
Чтоб именем партии встать у руля.

Вот он по ступенькам взбежал торопливо.
Вот он, сквозь толпу продираясь, идет.
Его узнают, улыбаясь счастливо,
Жмут руку ему, пропускают вперед.

В гремящем овацией актовом зале
Так тесно, что яблоку негде упасть.
Тут всем, кто стоял в коридоре, сказали:
— Ильич объявляет Советскую власть!

А. Кононов

В СМОЛЬНОМ

Из далекой сибирской деревни ехал в Петроград старик крестьянин. В дороге он всем рассказывал, что едет к Ленину. Ему надо поговорить с Лениным о крестьянской жизни.

Долго старик был в пути. Наконец приехал в Петроград.

Глядит, на улицах стоят рабочие с винтовками. Прошел с музыкой полк солдат; впереди полка несли громадное красное знамя.

Старик подошел к красногвардейцу и спросил:

— Это как следует понимать?

Тот ответил:

— А так: теперь у нас Советская власть.

Пошел старик по улице, стал спрашивать, где найти Ленина.

Говорят:

— В Смольном.

Долго шел он через весь город и пришел к громадному дому.

Около дома горели костры, стояли пулеметы. У пулеметов прохаживались матросы и солдаты.

Это и был Смольный.

Понравился старику один молоденький матрос. Он все постукивал каблуками о мостовую, похлопывал рукой об руку — грелся: было холодно, с моря дул сильный ветер.

Старик сказал ему:

— Мне б Ленина повидать...

Матрос оглядел его с ног до головы и спросил:

— А тебе зачем надо к Ленину?

— Пришел рассказать ему про свою жизнь.

— Иди, старик, к коменданту за пропуском,— сказал матрос и показал, куда идти.

На лестнице стояла очередь к коменданту. Широкие ступеньки были скользкие, грязные—видно, много народу прошло по ним за день.

Комендант писал пропуска медленно: рука его выкла к винтовке, перо он держал всеми пятью пальцами, неуверенно, с опаской. Получил у него старик пропуск, пошел искать Ленина.

В первом этаже Смольного рабочие и матросы получали оружие. Они поодиночке подходили к высокому веселому солдату, брали винтовку и патроны, расписывались и выходили во двор. Там строились в отряды и уходили. Где-то далеко громыхали пушки: под Петроградом шли бои.

Старик спросил высокого солдата, где Ленин.

Солдат улыбнулся и ответил:

— В тридцать шестой комнате.

У дверей тридцать шестой комнаты стояли на часах два красногвардейца: старый усатый рабочий в черном пальто и молодой парень в полушубке.

Старик сказал им:

— Мне б Ленина повидать.

Усатый рабочий поглядел на старика и сказал:

— Ступай прямо по коридору. Ленин в большом зале будет выступать.

Только тут старик заметил, что все шли по коридору в одну сторону. Он пошел туда же и увидел в конце коридора белые, широко раскрытые двери. В дверях толпился народ.

Старик стал пробираться вперед. И только протянулся в зал, как раздался страшный шум. Старик не сразу понял, в чем дело. Пригляделся: кругом кричат,

хлопают, машут шапками. И народ в этом нарядном зале все больше простой: в шинелях, в полушубках, в матросских бушлатах.

И все кричат:

— Ленин! Лени-и-ин! Ленин!

Старик приподнялся на цыпочки и увидел в другом конце зала Ленина.

Владимир Ильич стоял на небольшом возвышении. Он ждал, когда стихнут крики. Потом поднял руку — требовал тишины.

Но зал шумел, не утихал:

— Ленин!.. Да здравствует Ленин!

Владимир Ильич нахмурился. Потом не выдержал — улыбнулся. Крики усилились еще больше.

Ленин развел руками. Подождал немножко. И опять поднял правую руку. Потом, видно, решил не обращать больше внимания на шум, наклонился вперед и начал говорить. И тогда сразу в зале стало тихо.

— Товарищи! — сказал Ленин. — Рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась...

Ленин говорил о новой жизни, о Советской власти, о том, что войну надо кончать, что земля будет отнята у помещиков и отдана крестьянам.

Старик слушал. Каждое слово Владимира Ильича было ему понятно.

Кончил Ленин речь. Старик вспомнил о своей деревне: надо там рассказать о ленинских словах. И он пошел по коридору — искать широкую лестницу, что ведет на улицу.

Кто-то окликнул его. Это был молодой матрос, который стоял раньше около Смольного.

— Ну что, папаша, говорил ты с Лениным про свою жизнь? — спросил он, засмеявшись.

— Нет, — ответил старик. — Это Ленин говорил со мной про мою жизнь.

С. Алексеев

ГРАЖДАНИН РОССИЙСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

Жил Данилка в подвале высокого дома в Питере, на Литейном. Родился здесь Данилка, вырос и всех жильцов знал наперечет и в лица.

Первый этаж занимала графиня Щербацкая. На втором — комнаты князя Пирогова-Пищаева. Еще этажом выше — тайный советник Горохов. А на самом верху — статский советник Ардатов. Жильцы все именитые, разных важных чинов и званий. И лишь Данилкин отец, Данилкина мать да и он сам, Данилка, из простого народа.

Много разного было за последние дни, с той поры как произошла революция. Данилка даже устал удивляться. Но в этот день...

Принес Данилкин отец газету, развернул, глянул на сына.

— Ну, — проговорил, — отныне ты гражданин Российской республики. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал.

Не верится как-то Данилке, да и что такое гражданин Российской республики — не совсем ясно.

— А это важнее, чем статский советник? — спрашивает он у отца.

— Важнее, — улыбнулся отец.

— И важнее, чем тайный?

— Важнее, чем тайный.

— И больше, чем граф?

— Больше.

— И выше, чем князь?

— Выше, выше,— смеется отец.

Бросился Данилка на улицу, побежал к друзьям своим и приятелям.

Встретил Ванюшку Дозорова.

— А у меня звание высокое-высокое,— зачастил мальчик,— важное-важное, важнее, чем статский советник, важнее, чем тайный, больше, чем граф, выше, чем князь! Я—гражданин Российской республики! В газетах про это написано. Сам Владимир Ульянов-Ленин декрет подписал!

Побежал Данилка дальше, встретил Любу Козулину.

— А у меня звание высокое-высокое, важное-важное...

Многих повстречал в этот день Данилка и всем про одно и то же. Наконец утомился, сел возле дома.

Сидит, думает: и откуда это Ульянов-Ленин узнал про него, Данилку? Кто бы это мог Ленину рассказать? Думает и вдруг видит: мчит к нему рыжий Кирюха. Подлетел Кирюха, перевел дыхание и сразу же:

— Знаешь, кто я? Я—гражданин Российской республики!

Данилка даже икнул от неожиданности.

— Какой же ты гражданин?— произнес он с насмешкой.— Это я гражданин. Это про меня в газетах написано.

— Про тебя!— присвистнул Кирюха.— Станут на тебя изводить бумагу.

Сжались от обиды в кулаки Данилкины руки. Подступил он к Кирюхе. Выбрал момент и— раз!

Началась драка.

— Я гражданин!..— пытается перекричать Данилка Кирюху.

— Нет, я гражданин!..— вопит на всю улицу рыжий Кирюха.

Проходил в это время по улице рабочий парень. Он и разнял ребят. Те долго молчали, не говорили, в чем

дело. А потом рассказали. Усмехнулся парень, полез в карман, вынул газету. Стали ребята по складам разбирать.

«Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов»,— прочли они заголовок. А далее сообщалось о том, что всякие звания: дворянин, купец, мещанин, а также все важные титулы: князь, граф, тайный советник, статский и прочие—уничтожаются и устанавливается одно, общее для всего населения России название—гражданин Российской республики.

Внизу шла подпись: «Председатель Совета Народных Комиссаров Вл. Ульянов (Ленин)».

— Так что, выходит, вы оба правы,—заявил парень.—И ты гражданин Российской республики,—показал он на Данилку,—и ты,—показал на Кирюху,—и я—все теперь граждане Российской республики. Для всех простых людей Владимир Ильич Ленин написал этот декрет.

Поначалу, конечно, Данилке было обидно, что декрет написан для всех, а не только для него одного. Однако вскоре он понял, что так даже лучше. Получается, что Владимир Ульянов-Ленин никого не забыл: ни Данилкиного отца, ни Данилкину мать, ни дружков его, ни приятелей—всех вспомнил. Молодец Ленин!

Зато графине Щербацкой, князю Пирогову-Пищаеву, тайному советнику Горохову и статскому советнику Ардатову, видимо, ленинский декрет не понравился. Сбежали они за границу. Ну и хорошо! Ну и скатертью дорога! Поселились в высоком доме на Литейном новые люди, такие же простые, как Данилкины мать и отец,—рабочие люди. Они стали не только гражданами, но и хозяевами всей страны.

Н. Жданов

НЕПРИМЕТНЫЙ СЛУЧАЙ

В Октябрьские дни в Петрограде в самый разгар борьбы за утверждение Советской власти произошел один совсем незначительный, неприметный случай. Среди великих исторических событий той поры случай этот оказался затерянным и забытым. И, однако, забывать его все-таки нам нельзя, потому что не только на большом, но и на малом отчеканиваются временем великие черты революции.

А дело вот как было.

На второй или на третий день после переворота явился в Смольный один рабочий из-за Нарвской заставы. В руке он нес помятый и заржавленный бидон, судя по всему, из-под керосина. Действительно, еще у ворот, остановленный часовыми, рабочий этот, по фамилии Сергеев, сказал им:

— У нас, в общежитии путиловских рабочих, вот уже сколько дней нет света. Бились, бились, а керосину не достать. И вот теперь, поскольку настала наша народная власть, то товарищи прислали меня сюда, в Смольный, к Ленину, чтобы он распорядился налить мне в этот бидон керосину.

Ему говорят:

— Ты что, очумел, что ли? У Ленина и без тебя забот хватает. Он сейчас за всю революцию вопросы ре-

шает в наивысшем мировом масштабе. А ты туда же со своим бидоном!

Однако рабочий этот, Сергеев, видать, был человек напористый, недаром его сюда ходатаем выбрали.

— Все это так, конечно, дорогие друзья, но глядите,— говорит,— что получается: мы Зимний дворец штурмовали, а теперь я обратно пустой ворочусь. Нет уж, вы как хотите, только я без керосина отсюда уйти не могу и буду своего добиваться.

— Ну что ж,— говорят,— добивайся, мы тебе не помеха.

И вот пошел и все самого Ленина спрашивает.

Ему и говорят:

— Иди в комнату шесть. Там Ленин.

Зашел товарищ Сергеев в комнату, глядит: тут уже полно людей. И за столом сидят, и у стены, и около дверей сгрудились.

И верно (он это собственными ушами слышит), идет разговор в мировом масштабе: про Германию, и про Вильгельма, и Гинденбурга, и про всемирную революцию трудящихся классов.

Сергеев уже было смутился и обратно хотел шмыгнуть. И тут как раз поворачивается к нему один товарищ и спрашивает:

— А вы почему с бидоном?

Сергеев растерялся немного, но все-таки говорит:

— Мне бы товарища Ленина на одну самую короткую минуту.

И тут уж видит и сам: вот он, Ленин. Сидит и тоже на него смотрит.

— Что вам угодно, товарищ?

— Вот такое дело,— говорит Сергеев.— Прислали меня к вам, главе нашего рабочего государства, насчет керосину, потому у нас в общежитии за Нарвской заставой без свету совсем сидим, ну просто как сулики.

Ленин немного призадумался и спрашивает своего соседа за столом:

— Есть тут керосин в Смольном? Можно достать?

А в это время поднимается еще один, голова у него в курчавых таких завитках, и прямо весь не в себе, руками так и машет.

— Позвольте,— говорит,— Владимир Ильич, неужели нас выдвинули сюда, на аванпост истории, чтобы мы в такой ответственный, решающий для всего мира момент занимались проблемой бидона с керосином? Я просто не могу понять!

Сергеев струхнул было, но видит: Ленин ничего на всю эту угрозу с молниями не отвечает, а как ни в чем не бывало пишет в своем блокноте, отрывает листок и говорит:

— Вот, товарищ, возьмите эту записку, найдите Петрова, и керосин будет выдан.

Рабочий Сергеев хотел поблагодарить душевно и от себя, и от своих товарищей, что, дескать, не зря надеялись, но видит, регламента на это нет. Вздохнул, головой наскоро покивал да и пошел.

И в дверях уж слышит, как он, Ленин то есть, при полной внезапной тишине говорит кому-то, верно, опять тому курчавому:

— Да, нас поставили сюда не для устранения таких вот керосиновых мытарств, но в числе прочих проблем, представьте, и для этого тоже. А главное же — для того, чтобы ни одна, пусть самая простая надежда трудового человека не осталась без нашей поддержки, ни одна, даже маленькая забота — без нашего внимания.

Услышал Сергеев эти слова, идет со своим бидоном по коридору, а сам думает: «Ого, а ведь дело-то тут куда поважнее моего керосина вышло!»

А керосин он получил в тот же день, во дворе, в кладовке. И к своим вернулся не пустой. И все, начиная с часовых у ворот, были рады такому обороту этого совсем маленького, совсем незначительного дела.

Н. Жданов

ПЕРВЫЙ БРОНЕПОЕЗД

Владимир Александрович Антонов-Овсеенко, три дня назад арестовавший Временное правительство, мчался в открытом автомобиле в Смольный по вызову Ильича. Последнее время он совсем почти не спал, и глаза его под толстыми стеклами очков сделались красными и слезились. На нем была кожаная потертая куртка; обмотанный вокруг шеи шарф развевался на встречном ветру.

Керенский наступал на Петроград. Ночью пришло сообщение о падении Гатчины: сводный отряд кронштадтских матросов и солдат Семеновского и Измайловского полков сдался противнику без боя. Казачьи разъезды Краснова уже приблизились к Красному Селу. А в штабе у Нарвских ворот чертова неразбериха. Никакой связи с частями, никто толком не знает, что делается на линии обороны, артиллерия все еще не доставлена, лошадей нет, Царское Село тоже занято красновцами. Хорошо, что прибыл Павел Дыбенко с эшелоном моряков. Дыбенко получил командование правым флангом у Красного Села. Он, Овсеенко, должен обеспечить победу на Пулковских высотах; весь вечер провел он там в частях Третьего стрелкового полка, в отрядах рабочей гвардии...

Машина идет легко, как птица. Это роскошный «рено». По пути в Пулково они с Дыбенко конфисковали его у гре-

ческого консула. Подвернулся кстати. Да и что было делать? На повороте к заставе свой автомобиль вышел из строя. И тут как раз катит навстречу господин европейского вида в этом шикарном авто.

Дыбенко сделал знак остановиться. Подошел медленно, поглаживая левой рукой черную свою бороду, а правой привычно поигрывая кольцом.

— Весьма сожалею, но вам придется оставить машину. Она нужна революции.

Господин таращит глаза и бормочет что-то про греческого короля.

Пришлось объяснить ему по-французски:

— Военная необходимость. Во имя греческого пролетариата...

Хорошо идет консульское авто. Вот уже вырвались на прямой как стрела Суворовский. Впереди маячит колокольня смольнинского собора. Поворот вправо — и Смольный. Все окна светятся огнями.

В коридорах толкотня, спешка. Легко угадывается напряжение, сдержанная тревога.

«Смелость, смелость и еще раз смелость!» — зовет со стены плакат голосом Великой французской революции.

Да, героические эпохи всегда ведут переключку друг с другом.

Ленин встречает торопливыми вопросами:

— Ну, как у вас? Что нового?

Он спокоен, собран, но глаза по-особенному внимательны, взгляд проникающе пытлив.

— Ничего не приукрашивайте. Говорите все как есть. Опасность велика, я знаю. Важно сделать все, что в наших силах. Не упустить ничего!.. Ну-с, рассказывайте. Были в частях? Как оружие? Как настроение? Что известно о силах противника?

— У них не много сил, Владимир Ильич. Казачья дивизия Краснова — вот, в сущности, и все. Это сотен девять, от силы десять. Пехоты не видно. Но хороша артиллерия. Есть бронепоезд. Резервы из ставки застряли в

пути. А к нам прибыл сводный отряд моряков — тысячи полторы. Народ отборный, отважный. Выборжцы дают отряд с артиллерией. Рабочая гвардия уже действует против Керенского у Пулкова. Но артиллерии нет, только винтовки. Опасен левый фланг, тут есть для Краснова явная возможность прорваться в город: солдаты колеблются, офицеры не внушают доверия... Распорядился срочно продвинуть смену. Очень важно обеспечить безопасность железной дороги на Москву, закрепить Колпино. Тут выручают путиловцы: обещали дать бронепоезд, точнее, бронеплощадки с зенитными орудиями. Это может сыграть решающую роль в бою.

— Но когда же дадут? Проверили?

— Сегодня еще не успел. Обещали они крепко. Но лучше, конечно, убедиться лично. Не хотите ли?

— А что, если сейчас поехать, а? Правда, уже ночь, но там не спят же.

— Машина у подъезда. Поедемте.

Ленин поднялся и стал быстро надевать в рукава пальто, наброшенное на плечи.

И снова открытый «рено» уносится в тревожный сумрак петроградской ночи.

Холодный дождь налетает порывами вместе с ветром. Овсеенко ежится в своей жухлой тужурочке и кутает шею шарфом. Ленин всматривается в серую мглу городских улиц.

Гладкие мостовые центра уже сменились булыжником окраины. Машина то и дело вздрагивает на выбоинах.

За Триумфальными Нарвскими воротами жмутся убогие рабочие жилища, мелькают линияые вывески: «Трактир», «Ночлежный дом». Тянутся дощатые старые заборы. Мрачно выступают из мглы темные кирпичные корпуса фабрик.

А на перекрестках всюду красноармейские патрули. В жалких пальтишках, подпоясанных патронташами, озябшие, неутомимые и веселые. Несколько раз авто обгоняет группы людей с лопатами.

Ленин вдруг наклоняется к Овсеенко:

— Окопы должны рыть не только рабочие, но все население, в том числе и буржуазия. Трудовое принуждение сейчас одна из наших главных задач. Это нечто большее, чем гильотины Конвента!

Овсеенко понимающе кивает, и в усталых глазах его вспыхивает воодушевление.

Вот и Путиловский.

Остановились у боковых ворот. В тишине слышно, как гудят цехи. На внутреннем дворе темно, грязь, завалы угля, шлака. Добрались наконец до завкома. Тут полно людей, оживленно, как в боевом штабе.

Антонов-Овсеенко не раз бывал тут, и его знают.

— Бронепоезд? Ну как же, готовим! Инженеры, правда, сбежали. Ничего, без них обходимся. Чертежи? Сделали и чертежи. Вот они. Да не лучше ли прямо в цех, там виднее.

И вдруг сбоку, на ходу, тихо:

— Товарищ Антонов, а это с вами Ленин, никак? Что же вы молчите?.. Владимир Ильич, может быть, митинг?

— Нет, нет, товарищи, не время сейчас. Мы по делу... Так где он тут, бронепоезд?

Под высокими сводами огромного, казавшегося пустынным цеха он стоял у стены на путях, не бог весть какой грозный на вид, но уже ощеренный жерлами орудий, сдержанно блистая панцирем броневых щитов.

Человек восемь рабочих трудятся вокруг платформ, позвякивая гаечными ключами. Они углублены в работу и почти не замечают вошедших. Только один, постарше, отделился от остальных, подошел, сдвинул с мокрого лба на затылок засаленную кепчонку и стал показывать, как идет работа.

Ленин слушал внимательно, задавал осторожно вопросы, удивленно и одобрительно покачивал головой.

— Уйма смекалки, знаете,— обернулся к Овсеенко.

Потом спросил:

— Да когда же будет готов?

— Да к завтраму сделаем, Владимир Ильич, и сразу —

на позиции. Орудие закрепить осталось, швы заклепать да эти отсеки для снарядов.

— Так, так.— Ленин с неожиданной легкостью шагнул на платформу, тронул рукой замковую часть орудия.— А стрелять удобно будет? Кстати, как вас по имени, отчеству?

— Меня-то? Да все Аверьянычем зовут: Аверьяныч да Аверьяныч. А так-то Чугунов я. Матвей... Интересно, удобно ли стрелять-то? Так ведь себе делаем, не кому-нибудь.

— Себе?— оживился Ленин.— Это как же понимать, Матвей Аверьянович? В широком смысле или буквально?

— Да в любом смысле бери, а как ни повернешь, всяко для себя получается. Может, я завтра сам буду стрелять из этого орудия. А нет, так Федюша, сын мой, пойдет.

Он кивнул в сторону, к воротам, где прямо на земляном полу цеха теплился маленький костер и юноша в стеганке и в трухе из мерлушки пристраивал на огне жестяной чайник.

— Молодой еще очень, не опасаетесь за него?

— Как же, Владимир Ильич, не опасаться? Сын — он ведь и есть сын, своя кровь. А только что выбору-то у нас другого нету.

— Да, выбора нет,— серьезно сказал Ленин, и маленькие золотистые искры как бы засветились в его зрачках.

Разговор с Аверьянычем доставлял ему явное удовольствие.

— Революция для нас с вами — свое, кровное дело...

Прошло с полчаса, а они все еще стояли у платформы, беседуя, словно старые друзья после долгой разлуки.

— Аверьяныч, ты хоть чайком угости гостей-то!— надоумил кто-то из-за платформы.

— А в самом деле, Владимир Ильич, с холодку-то?.. Федюша!— закричал он.— Кипит ли у тебя?

— Давно уж,— солидно отозвался юноша.

— Ну что ж?— Ленин вопрошающе посмотрел на Овсеенко.— Вы, надеюсь, тоже не против, промерзли же в машине.

У тлеющих, покрытых пеплом, уже не чадящих углей пили из жестяных кружек чай, пахнувший дымком и железом. На всех разделили кусок рафинада, тут же расколотый в ладони рукояткой ножа. Федюша отыскал в золе несколько печеных картошек, церемонно сказал:

— Ешьте, я еще испеку.

Ленин охотно взял одну из картошин, сноровисто покатав в пальцах, сдул золу, сколупнул подгоревшую кожурку.

— Что за прелесть эта картошка из костра! Ничего не знаю приятнее.

В эту минуту он почему-то вспомнил недавние вечера в Разливе. Но теперь они вдруг показались ему далекими, словно скрытыми за крутым перевалом века. Там он был почти один со своими думами. Здесь вместе с ним сама жизнь, вся вставшая к победе Россия.

Внезапно, будто вспомнив о чем-то, он потянулся к жилетному карману, где были часы, взглянул, поднял удивленно брови и встал:

— Спасибо, товарищи! Нам пора.

Он попрощался со всеми за руку и, сопровождаемый Аверьянычем, пошел из цеха.

У ворот его догнал Овсенко. Согревшийся от чая, отдохнувший у костра, он выглядел бодрым и посвежевшим. Ленин с удовольствием отметил это.

— Ну, что вы?— спросил он, заметив, что тот посмеивается в кулак.

Овсенко махнул рукой.

— Не хотят просто верить, что вы — это и есть Ленин. Ей-богу! А Федюша этот знаете что отмочил? Если бы, говорит, меня на место царя избрали, так я бы уж по заводам не ездил, а все бы на троне сидел да пряники ел на меду!

— Пряники на меду?— серьезно переспросил Ленин.

И вдруг расхохотался так звонко, заразительно и безмятежно, как умел смеяться только он один и как ни разу еще не смеялся за все эти дни, полные нечеловеческого напряжения.

А кругом была ночь. В сгустившейся темноте затаился огромный город, к тревожному пульсу которого, казалось, прислушивалась вся Россия.

И когда уже усаживались в машину, Ленин с облегчением вытер выступившие от смеха слезы и сказал уверенно, как бы про себя:

— Нет, никакому Керенскому не вернуть теперь к старому этих людей! Победа будет за нами.

В. Д. Бонч-Бруевич

СОВЕТСКИЙ ГЕРБ

Все создавалось заново в нашей стране. И государственный герб тоже нужен был новый, какого еще никогда не существовало в истории народов,— герб первого в мире государства рабочих и крестьян.

В начале 1918 года мне принесли рисунок герба, и я тотчас же понес его Владимиру Ильичу.

Владимир Ильич в это время был у себя в кабинете и беседовал с Яковом Михайловичем Свердловым, Феликсом Эдмундовичем Дзержинским и еще целой группой товарищей. Я положил рисунок на стол перед Лениным.

— Что это — герб?.. Интересно посмотреть!— И он, наклонясь над столом, принялся разглядывать рисунок.

Все окружили Владимира Ильича и вместе с ним разглядывали проект герба.

На красном фоне сияли лучи восходящего солнца, обрамленные снопами пшеницы; внутри перекрещивались серп и молот, а из перевязи снопов вверх, к солнечным лучам, был направлен меч.

— Интересно!— сказал Владимир Ильич.— Идея есть, но зачем же меч?— И он посмотрел на всех нас.— Мы бьемся, мы воюем и будем воевать, пока не закрепим диктатуру пролетариата и пока не выгоним из нашей страны и белогвардейцев и интервентов. Но насилие

не может главенствовать у нас. Завоевательная политика нам чужда. Мы не нападаем, а отбиваемся от врагов, война наша оборонительная, и меч — не наша эмблема. Мы должны крепко держать его в руках, чтобы защищать наше пролетарское государство до тех пор, пока у нас есть враги, пока на нас нападают, пока нам угрожают, но это не значит, что так будет всегда. Когда будет провозглашено братство народов во всем мире, меч нам не будет нужен. Из герба нашего социалистического государства мы должны удалить меч... — И Владимир Ильич тонко очиненным карандашом перечеркнул меч на рисунке. — А в остальном герб хорош. Давайте утвердим проект, а потом посмотрим и еще раз обсудим в Совнарком. Надо это сделать поскорей...

И он поставил на рисунке свою подпись.

Художник, который внимательно выслушал все, что говорил Ленин, обещал скоро принести новый эскиз герба.

Через некоторое время, когда художник пришел в другой раз, у Владимира Ильича в кабинете сидел скульптор Андреев.

Ленин работал, принимал посетителей, а скульптор тихонько сидел на диване и делал в альбоме зарисовки. Он готовился лепить портрет Ильича.

Стали смотреть новый рисунок. Меча на рисунке уже не было, и герб был увенчан звездой.

Андреев смотрел вместе со всеми.

— Ну, как по-вашему? — обратился к нему Владимир Ильич.

— Очень хорошо, только еще кое-что...

Взяв карандаш, Андреев, с разрешения художника, тут же на столе перерисовал герб. Он сгустил снопы, усилил сверкающие лучи солнца, сделал как-то все выразительнее. Звезда приняла строгую пятиконечную форму, и лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» стал читаться более четко.

Этот проект герба Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, исполненный по за-

мечаниям Владимира Ильича, и был утвержден в 1918 году.

Он был понятен всем трудящимся, которые защищали от врагов свою родную Советскую власть.

Пятиконечная звезда, которая сияет на вершине герба, стала эмблемой нашей армии — красноармейской звездочкой.

Теперь наше государство стало могучим Союзом Советских Социалистических Республик. В гербе Советского Союза тоже есть серп и молот и золотые снопы в лучах восходящего солнца.

И в каждой республике есть свой герб. Солнце на гербах республик восходит из-за снежных горных вершин и из-за безбрежного моря. На каждом гербе лозунг «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и эмблема первого в мире государства трудящихся — серп и молот.

Я. Смеляков

НАШ ГЕРБ

Случилось это
в тот великий год,
когда восстал
и победил народ.

В нетопленный
кремлевский кабинет
пришли вожди державы
на Совет.

Сидели с ними
за одним столом
кузнец с жнеей,
ткачиха с батраком.

А у дверей,
отважен и усат,
стоял с винтовкой
на посту солдат.

Совет решил:
— Мы на земле живем
и нашу землю
сделаем гербом.

Пусть на гербе,
как в небе, навсегда
сияет солнце
и горит звезда.

А остальное —
трижды славься труд!—
пусть делегаты
сами принесут.

Принес кузнец
из дымной мастерской
свое богатство —
вечный молот свой.

Тяжелый сноп,
в колосьях и цветах,
батрак принес
в натруженных руках.

В куске холста
из дальнего села
свой острый серп
крестьянка принесла.

И, сапогами
мерзлыми стуча,
внесла ткачиха
свиток кумача.

И молот тот,
что кузнецу служил,
с большим серпом
Совет соединил.

Тяжелый сноп,
наполненный зерном,
Совет обвил
октябрьским кумачом.

И лозунг наш,
по слову Ильича,
начертан был
на лентах кумача.

Хотел солдат —
не смог солдат смолчать —
свою винтовку
для герба отдать.

Но вождь народов
воину сказал,
чтоб он ее
из рук не выпускал.

С тех пор солдат —
почетная судьба! —
стоит на страже
нашего герба.

Я. Пинясов

ОБЫКНОВЕННЫЕ ВАРЕЖКИ

У дедушки Андрея есть деревянный сундучок.

Много разных интересных вещей в этом сундучке. Есть тут и красноармейский шлем, в котором дедушка когда-то защищал от врагов свою молодую Советскую страну, есть и старая, прокуренная трубка — солдатская радость, и разный плотничий инструмент.

И вдруг среди этих интересных вещей — обыкновенные деревенские варежки. Из грубой овечьей шерсти, простой вязки, да еще заштопанные. Зачем он их бережет?

Одолело внучат любопытство. Расскажи да расскажи.

Вот однажды дедушка и говорит им:

— Ну, слушайте. Расскажу вам, какие это варежки... Не простая у них история.

Вскорости после Октябрьской революции, зимой тысяча девятьсот семнадцатого года, стоял я на посту у Смольного, где помещалось первое Советское правительство.

Стоял я на посту и голыми руками держал винтовку. Не было тогда у часовых ни варежек, ни перчаток. Трудное было время — холодное и голодное. Только что свергли мы буржуев. Злобились они на нашу народную власть.

— Смотри зорче, солдат,—предупредил меня караульный начальник, brave матрос,—в этом доме сам товарищ Ленин. Понимаешь, как его беречь надо!

Понимаю, как же. Я солдат молодой, но в Октябрьских боях участвовал, с юнкерами сражался. Винтовка у меня на боевом взводе. Смотрю в оба. А ночь студеная. С черного неба белая крупа сыплется. Ветер, колючий, злой, за полы шинельки рвет. Руки знобит.

Дрожь меня пробирает. Топчусь, ежусь, пальцы дыханием грею, а сам думаю: «Мне-то еще ничего, каково теперь солдатам в окопах да в чистом поле!» Замечтался я о теплой родной хате, о мирной жизни. Вдруг как фыркнет на меня автомобиль да как осветит глазами электрическими, так я в сторону, а штык вперед.

Из автомобиля выходит какой-то человек в штатском пальтишке, посматривает на меня прищурившись. Заметил, как я машины напугался, улыбается и хочет пройти в Смольный.

Рассердился я. Хочу спросить построже:

— Ваш-ш пропуск?

А губы замерзли, и вместо грозных слов прошипел я что-то непонятное, как рассердившийся гусь.

Однако незнакомый человек понял, что я пропуск требую. В один карман, в другой. Ищет—не найдет. А злющий ветер и за полы пальто, и за рукава так и рвет, со всех сторон холодом продувает. Зябко ему.

Нашел все-таки.

Протягивает бумажку, а я не могу как положено рассмотреть печать и подпись. Пальцы не разжимаются, к винтовке пристыли.

Заметил он это и говорит сочувственно:

— Очень вам холодно здесь, товарищ.

Поднес пропуск поближе, чтобы я разглядел печать.

Показал и прошел по лестнице вверх.

Вот и все.

Он ушел, а мне не по себе стало: зачем я так долго держал человека на таком злом ветру? И пальто на нем холодное, и ботинки без калош...

Вдруг вижу — бежит ко мне сам караульный начальник. Матросик наш боевой. В бескозырке. В распахнутом бушлате. На одном боку револьвер, на другом шашка, а за поясом две гранаты.

— Найманов Андрей, ты что — совсем замерз, браток?

— Ничего. Терплю.

— А чего же начальству пожаловался?

— Никому я не жаловался...

— Ну вот, рассказывай! А почему же Владимир Ильич своим помощникам нагоняй из-за тебя дал? Плохо, мол, заботятся о нашем брате. Часовые на постах мерзнут. Велел полушубки достать немедленно. В караулку нам свой чайник прислал, который для него вскипятили. Чтобы, сменившись с постов, мы чайком грелись... Ты бы еще у товарища Ленина кофею выпросил! Шустрый ты, однако, браток!

— Так это сам Ленин был? — не веря своим ушам, переспрашиваю.

Рассмеялся матрос:

— Вот чудак, Ленина не угадал! Да ты, наверное, думал, Ленин — это богатырь какой-то, великан... Еще бы! Царя сверг... мильон буржуев одолел... Слово скажет — по всему миру слышно! Это все так — сила в нем необыкновенная. А человек он простой, обыкновенный. Наш товарищ, Ленин. Проще сказать — Ильич. Теперь знай, кого охраняешь. Вождя революции! Смотри зорче, солдат!

Объяснил и ушел в караулку.

На крыльце обернулся и крикнул весело:

— Через полчаса сменим! Приходи чай пить!

Ушел матрос, а мне жарко стало. Так сердце в груди и зажглось. Как же это я Ленина на морозе держал, на студеном ветру?

Не помню, как и сменили меня, как чаем из ленинского чайника, посмеиваясь, дружки-солдаты угощали. Вдруг вызывают:

— Андрей Найманов, к товарищу Ульянову-Ленину!

Иду, а ноги заплетаются.

Вот и кабинет. Часовые все наши, знакомые рабочие-красногвардейцы. Смотрят на меня с опаской: провинился, мол, солдат.

Не помню, как вошел, как доложил. Приставил руку к папахе—по-военному. Только вижу—лицо у Владимира Ильича не сердитое. Нет-нет, рассматривает меня добрым взглядом. Достает вот эти самые варежки, протягивает мне и говорит:

— Вот, возьмите, пожалуйста. Это мне одна добрая женщина подарила. Сама связала.

Смотрю—хорошие варежки. Плотные, теплые. Два пальца отдельно на правой связаны, чтобы удобно было из винтовки стрелять.

Для нашего брата солдата очень гожи. Завидую, а брать стесняюсь.

Заметил это Ленин.

— Ничего,—говорит,— берите, берите. Они вам нужнее. А у меня есть перчатки.

И сам вкладывает эти варежки мне в руку, ласково так, что у меня душа потеплела.

Сказал я спасибо и повернулся кругом...

Дед Андрей умолк, прикрыв ладонью глаза, словно хотел еще раз увидеть эту милую сердцу картину.

Вздыхнул и сказал:

— Давно это было, а вот как сейчас помню... Да, такой-то вот получил я от товарища Ленина подарок. Душевный. Бесценный...

— Бесценный, а не сберег!—воскликнула внучка Наташа, пионерка.—Все варежки заштопанные. Как же ты мог изорвать ленинский подарок, дедушка?

— Солдатское дело. Они рвались, а я их штопал.

— Ты бы их лучше спрятал, дедушка!—так и всплеснула руками внучка Мариша.

Дед Андрей усмехнулся:

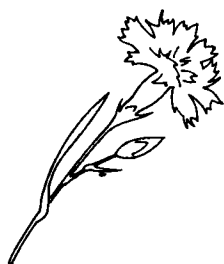
— Зачем их прятать, разве это бриллианты какие?

Обыкновенные варежки. Ленин мне их не зря подарил, а для пользы дела.

— Чтобы винтовку лучше в руках держать да врагов бить, непонятные!— крикнул сестренкам внучонок Яша.

— Так я и делал,— сказал дед Андрей, убирая варежки в сундук.— Врагам спуску не давал, а всем добрым людям был защитой.

С. Алексеев

ВЫСШИЙ ЗАКОН

СТАРШОЙ

1917 год. Только что произошла Великая Октябрьская революция. Владимир Ильич Ленин был назначен Председателем Совета Народных Комиссаров — главой первого рабоче-крестьянского правительства.

В Петроград, в Смольный к товарищу Ленину, прибыла группа крестьян-ходоков из-под города Костромы. В полушубках крестьяне, в лаптях, в шапках-ушанках, с котомками за плечами.

Людей в те дни в Смольном было полным-полно. Тут и рабочие, тут и крестьяне. Солдаты, красногвардейцы, матросы. От человеческих голосов Смольный гудел, как улей.

Идут костромские крестьяне, смотрят налево, направо, озираются по сторонам, разыскивают Владимира Ильича Ленина.

А в это время Владимир Ильич шел как раз им навстречу. Крестьяне к нему:

— Дорогой человек, где здесь старшой?

— Кто-кто? — переспросил Ленин.

— Старшой, — повторяют крестьяне. — Тот, кто нынче Россией правит.

— Ах, старшой,— усмехнулся Ленин. Осмотрелся Владимир Ильич вокруг себя.— Вот старшой,— показал куда-то за крестьянские спины, лукаво улыбнулся и пошел дальше.

Оглянулись крестьяне, видят: стоит в коридоре группа рабочих. Рядом с ними солдаты о чем-то спорят. Матрос-авроровец мирно цигарку курит. Чуть поодаль столпились крестьяне. И тоже в полушубках, в лаптях, в ушанках. На спинах висят котомки. Также, видать, ходоки-пришельцы.

Смотрят костромичи то на рабочих, то на солдат, то на матроса, то на таких же, как сами они, крестьян.

— Э, да какой же это старшой!— недоумевают костромичи. Повели плечами:— Видать, ошибся тот человек с бородкой.

— Кого вам, отцы?— вдруг слышат крестьяне голос. Отошел от рабочих какой-то парень.— Вы тут, видать, впервые.

— Впервые, мил человек. Нам, дорогой, бы к товарищу Ленину.

— К Ленину?!

— Ну да, к Владимиру Ильичу.

Покосился на крестьян недоверчиво парень, брови слегка нахмурил.

— С вами же Ленин сейчас беседовал.

У крестьян, как по команде, открылись рты:

— Кто? Тот человек с бородкой?

— Он самый,— ответил парень.

Рассказали крестьяне про их разговор с Владимиром Ильичем. Рассмеялся рабочий.

— Значит, старшого искали. Того, кто нынче Россией правит? А что,— задумался парень,— верно ответил товарищ Ленин. Так если вам к Ленину, ступайте на третий этаж.

Подхватили крестьяне свои котомки.

— Ну и ну,— заявил один.— Непонятное что-то.

— Чудное,— согласился второй.

Смотрят они на третьего, самого старого. Однако тре-

тий стоит и молчит. Думает самый старый. Морщины, как волны, легли на лоб.

— Как же это понять, Афанасий Данилович?— полезли к нему крестьяне.

Думает старый. И вдруг:

— Как? Как сказано, так и понять,— ответил старик и просиял улыбкой.

Поднялись крестьяне на третий этаж, подошли к кабинету Ленина.

— Вам к кому?— спросил секретарь у входа.

— К товарищу Ленину.

— Как доложить?

Глянул старик на своих, для пущего веса крикнул, вытер усы ладонью.

— Скажи, что пришел старшой. Тот, кто вместе с рабочими нынче Россией правит.

СТРАШНОЕ СЛОВО

Не смирились капиталисты и помещики с потерей власти, земли и фабрик. Бежали они на окраины нашей страны.

С помощью иностранных капиталистов организовали здесь сильные армии. Белые— так называли тогда врагов— начали военный поход против молодой Советской Республики.

Для защиты страны от врагов была создана Красная Армия.

— Строжайший порядок. Революционная железная дисциплина— вот что должно быть главным в Советской Армии,— говорил Владимир Ильич.

И вот тут-то... Короче, нашлись люди, которые выступили против товарища Ленина. Среди них оказались даже очень видные большевики.

— Что же это за новая армия,— говорили они,— если главное в ней железная дисциплина. Хватит нам строгостей. Натерпелись. Не для того мы распускали

старую царскую армию, чтобы новую, советскую, строить на тот же лад.

Слово «дисциплина» пугало многих. Страшным казалось слово.

Но армия есть армия. Сила армии в строгих ее порядках. Не будет порядков, не будет армии. Будет просто набор людей.

Ленин терпеливо объяснял, что пугаться дисциплины вовсе не стоит, а, наоборот, надо всячески ее укреплять, что сравнивать Советскую Армию со старой, царской,— значит, не видеть главного.

— Палочной дисциплине капиталистических армий мы должны противопоставить свою, глубоко сознательную, революционную дисциплину,— не раз и не два, а в десятках и сотнях своих выступлений подчеркивал Ленин.

И все же спор с несогласными длился долго. Он даже возник на одном из партийных съездов. Делегаты съезда полностью стали на сторону Ленина.

Были и другие случаи, когда Ленину приходилось терять немало времени, чтобы доказать свою правоту, переубедить, склонить на свою сторону тех, кто до этого выступил против.

Многие поражались, глядя на Ленина. Он, наделенный высшей властью в стране, и вдруг терпит такие споры. Тратит энергию. Тратит время. Нет бы прибегнуть к власти и одернуть таких несогласных.

— Одернуть — дело не очень сложное,— отвечал Владимир Ильич.— Это лишь крайний случай. Важно не то, чтобы людей силой заставить отказаться от старого мнения. Главное, чтобы тот, кто не понял или не прав, сам осознал бы свою ошибку. Тут строгость не лучший метод.

— Вот вы, Владимир Ильич, и попались,— сказал однажды один из помощников Ленина. И напомнил, с какой горячностью и напором отстаивал Владимир Ильич принцип строгости при создании Красной Армии.

— Попался, попался,— усмехнулся Владимир Ильич.— Но тут же у нас не армия. Впрочем, в армии то же самое.—

Ленин сделал короткую паузу.— Дисциплина для нас не кнут. Это прежде всего глубокая наша сознательность. Это и в армии нашей и в нашей жизни одинаково верный принцип.

КРАСИВО

Командующий Восточным фронтом С. С. Каменев докладывал Ленину о плане разгрома войск Колчака.

Склонился Владимир Ильич над картой. Слушает. Рядом стоит Каменев. Держит в руках указку.

План интересный. Продуманный. Каменев военачальник опытный. Говорит убедительно, красноречиво. Прыгает указка по карте между рек, городов и железных дорог, как воробей по грядкам.

— Вот тут мы начнем прорыв... Вот тут через эту брешь польются полки и роты. Вот тут...— Скажет фразу и к фразе фразу: — Уверю вас, Владимир Ильич, это будет на редкость красиво.

Глянул Владимир Ильич на Каменева:

— Красиво? Нам надо в кратчайший срок разбить Колчака. А красиво это будет сделано или некрасиво — для нас несущественно.

— Да, да, конечно, — ответил Каменев. — А вот сюда, — указка в руках Каменева снова запрыгала, заклевала по карте, — мы двинем отряд бронепоездов. Пехота с фронта. Бронепоезда с флангов. Огонь из бортовых орудий, из всех пулеметов. Начнем удар в темноте. Ночи, Владимир Ильич, темные, беззвездные. Луны нет, не выдаст. Представляете, Владимир Ильич: ночь — и вдруг залпы. Уверю вас, это будет на редкость красиво.

Сказал Каменев слово «красиво», спохватился, посмотрел на Владимира Ильича.

— Продолжайте, слушаю вас, — сказал Ленин.

— Тут вот Пермь, тут вот Уральск, — продолжает докладывать Каменев. — Противник стремится создать единый фронт. Поэтому мы нанесем удар вот сюда, прой-

дем по белым, как нож по маслу. Удар. Еще удар! И Колчак — как шар в лузу.

— В лузу? — переспросил Ленин.

— В лузу, Владимир Ильич. Уверяю вас, это будет на редкость...

Хотел Каменев снова сказать «красиво», да спохватился, посмотрел на Владимира Ильича.

— ...красиво, — подсказал Владимир Ильич.

Помедлил минуту Каменев, повторил:

— Красиво.

Глянул Каменев на Ленина. Глянул Ленин на Каменева. Оба расхохотались.

Владимир Ильич очень ценил знания, опыт и романтический пыл Сергея Сергеевича Каменева. За умелое руководство войсками Восточного фронта Каменев вскоре был назначен Главкомандующим всеми вооруженными силами Советской Республики.

Правда, кое-кто тогда возражал:

— Владимир Ильич, это у него на словах получается все красиво.

— Нет, вы неправы, — ответил Ленин. — Он умеет не только убедительно говорить, но и со знанием бьет противника. И делает это, надо признаться, действительно очень красиво.

КОМЕНДАНТ

Был один из самых тяжелых моментов гражданской войны. Белые взяли Орел, подходили к Туле. Враг угрожал Москве.

Страна напрягала последние силы. На фронт уходили все.

В эти тревожные дни комендант Московского Кремля получил распоряжение отправить на фронт под Тулу сто человек из кремлевской охраны.

Сто человек — это без малого вся охрана.

Комендант схватился за голову.

— Кто же будет нести караул?! Кого посылать на посты?! К тому же...

Самыми первыми часовыми Кремля были бойцы из сибирских рот. Только привыкли они к постам, только освоились — приказ: отправить бойцов на фронт.

Сибиряков сменили латышские стрелки. Только привыкли они к постам, только освоились — приказ: отправить стрелков на фронт.

Устал комендант обучать новичков караульному делу.

Наконец появились в Кремле курсанты. Были в Москве пулеметные курсы. Вот и решили: пусть курсанты не только учатся, но и несут охрану Кремля.

Теперь комендант успокоился.

— Ну, курсантов никто не тронет. Главное дело у них — учеба. А с учебы срывать нельзя.

И вдруг неожиданно этот приказ: сто человек из кремлевских курсантов срочно отправить на фронт под Тулу.

Комендант уперся. Встал на дыбы. Грозился приказ не исполнить. Мало того, заявил, что явится с жалобой к Ленину.

Угрозу сдержал. Явился.

— Если приказ, надо отправить, — ответил Ленин.

Не ожидал комендант такого.

— Владимир Ильич, это же Кремль! А курсанты — его защита. Нельзя же снимать защиту. Тем более в этот момент.

— Нельзя, — согласился Ленин. — Если враг подойдет к Москве, поздно об этом думать.

— Так точно, товарищ Ленин.

— Вот видите, вы сами того же мнения. Значит, надо отдать курсантов.

«Как так?! — хотел возразить комендант. — Я вовсе другого мнения».

Но Ленин не сделал паузы.

— Надо отдать. Защита Кремля проходит сейчас под Тулой. Значит, кремлевской охране быть именно там —

прямая ее обязанность. Мы не снимаем охрану Кремля,— добавил Владимир Ильич.— Мы просто ее посты переносим под город Тулу.

Другой бы понял, что бит его довод. Но комендант оказался упорным.

— Так ведь это, Владимир Ильич, не просто охрана. Это, Владимир Ильич, курсанты. Их с учебы срывать нельзя. У них все по дням расписано. Учебные есть журналы.

— Нельзя, нельзя,— согласился Ленин.— А мы с учебы срывать и не будем.

«Ну вот, доказал,— облегченно вздохнул комендант.— Уж тут-то, конечно, оспорить нечем».

Но Ленин не сделал паузы.

— Ведь есть у курсантов учебная практика. Вот и будем считать, что курсанты едут не просто на фронт. А срок наступил для практики. Так и пометьте в своих журналах.

СУРОВОСТЬ

Шла гражданская война. По приговору революционного трибунала за сокрытие оружия двое жителей города Мереры были расстреляны.

Нашелся жалостливый человек:

— Ах, ах, расстреляны! Ох, ох, да что же такое делается!

Нужно сказать, что плохо было тогда с оружием. Случалось так: идут красные солдаты в бой, а винтовка одна на двоих.

— Подумаешь — спрятали винтовки,— не успокаивается жалостливый человек.— Подумаешь — грех! Так ведь время теперь опасное...

Время действительно было тяжелое — враги наступали со всех сторон.

— Ах, ах,— продолжает кудахтать жалостливый.— Ни за что ни про что расстреляны. А главное, люди

хорошие. Один из них, возможно, и скрытый враг — бывший кулак и лавочник. Другой же просто почтовый служащий.

Разжалобил жалостливый человек друзей и знакомых. Стали и те вздыхать:

— Ах, ах, расстреляны!

— Ох, ох, да что же такое делается!

Решили они обратиться к товарищу Ленину. Написали письмо в Москву. Пишут: мол, очень суровы меры. Подумаешь — кто-то спрятал винтовку. Лишить человека за это жизни... А главное, люди хорошие. Один из них, возможно, и скрытый враг — бывший кулак и лавочник. Другой же просто почтовый служащий!

Пришло письмо в Москву, в Кремль, в Совнарком. Нашелся и здесь жалостливый человек:

— Ах, ах, расстреляны! Ох, ох, да что же такое в Мереве делается! Задаст им товарищ Ленин.

Побежал жалостливый человек к Владимиру Ильичу докладывать про письмо. Докладывает, торопится:

— Перестарались, Владимир Ильич, в Мереве товарищи. Расстреляли людей только за то, что те не сдали винтовки вовремя. Вот до чего, Владимир Ильич, дошло. Один из них, возможно, и скрытый враг — бывший кулак и лавочник. Второй же просто мелкий почтовый служащий.

Выслушал Ленин, побарабанил по столу пальцами. Посмотрел куда-то вдаль повыше головы совнаркомовского сотрудника, задумчиво проговорил:

— Идет война. Безжалостная война.

— Так точно, — вставил сотрудник.

— Не мы войну начали. Нам ее навязали.

— Верно, Владимир Ильич.

— А вы знаете, — Ленин посмотрел в упор на сотрудника, — что не хватает винтовок на фронте?

— Слышал, Владимир Ильич.

— А вы не задумывались над тем, что из-за этого гибнут сотни и тысячи лучших наших красноармейцев?

— Да как-то, признаться, нет. То есть да... Но...— Сотрудник стушевался, запутался. Не ожидал такого.

— Так вот, кто прячет или помогает прятать оружие, безразлично — лавочник он или почтовый служащий, — голос Ленина стал непривычно суровым, — есть величайший преступник против рабочих и крестьян. Нет, тут неуместна жалость. Верно поступили в Мерефе товарищи. Тысячу раз верно!

ОДИН И ПОЛТЫСЯЧИ

Учитель Криденер во время мировой войны отличился. Был рядовым солдатом, стал начальником большой пулеметной команды.

— Он на фронте сорока восемью «максимами» командовал! — любил похвастать боевой биографией Криденера председатель Весьегонского учительского союза. (После возвращения с фронта Криденер учительствовал под Весьегонском.)

Молод учитель, строен. Два Георгиевских креста висят на груди героя. Ходят ребята за ним гурьбой. Не радуется председатель новым учителем.

И вдруг призвали Криденера в Красную Армию. Стояла осень грозного 1918 года.

— Как так! Почему?! — возмутились в уезде.

Как правило, учителей призывали не в первую очередь.

Председатель учительского союза грозился поехать в Москву, обратиться непосредственно к товарищу Ленину. И действительно — поехал. Знал он, что Владимир Ильич придает огромное значение народному образованию.

Принял Ленин весьегонского председателя. Рассказывает тот о новом учителе. Мол, и учитель Криденер замечательный. И молод, и строен. И о том, что ходят ребята за ним гурьбой.

— А еще, Владимир Ильич, — голос председателя

стал торжественным,— он на фронте сорока восемью «максимами» командовал! Два Георгиевских креста заслужил за подвиги.

Сказал, ликующе посмотрел на Ленина. Пусть, мол, знает Владимир Ильич, какие у них в Везьегонске учителя.

Ленин слушал очень внимательно.

— Вот как!—сказал, когда председатель заговорил о пулеметах.—Вот как!—повторил, когда председатель сказал про Георгиевские кресты.—Значит, говорите, Криденер командовал сорока восемью пулеметами?

— Так точно—сорока восемью «максимами», Владимир Ильич.

— И много у вас учителей, которые могут командовать огнем сорока восьми пулеметов?

— Один!—с гордостью ответил председатель.

— А сколько всего учителей в уезде?

Задумался председатель.

— Около пятисот.

— Так ваш учитель—это же просто клад.

— Клад, Владимир Ильич. Вот именно клад!

— Для военных,—уточнил Ленин. Развел руками:— Должен вас огорчить: с уходом учителя Криденера в армию нужно смириться.—Увидел Владимир Ильич огорченное лицо председателя:— Не обижайтесь, сейчас война. Каждый опытный в военном деле человек—это действительно клад для фронта.

— Клад! Э-эх, не туда ткнул, не с того начал,—сокрушался потом председатель.

НЕ ЗНАЕТ ТОГО СОЛДАТ

Армию нужно одеть. Армию нужно обуть. Армии надо кушать.

Винтовки и пушки, штыки и снаряды—все это нужно армии.

Лошади для кавалерии. Сено для лошадей.

Уголь для флота. Горючее — транспорту.

Тысячи разных вещей.

Все это надо иметь. Надо быстро к войскам доставить.

Если бы в армии — сто человек. Если бы, скажем, двести. У республики в армии три миллиона. Это, если начнешь считать, не заметишь, как старым станешь. Это если поставить всех в ряд, то землю вокруг, словно ремнем, обхватишь. Для армии многомиллионной горы нужны снарядов. Горы нужны патронов. Целое море штанов и рубах.

Сотни и сотни забот у страны. Сотни забот у Ленина.

Чтобы винтовку сделать, нужно отлить металл. Чтобы металл отлить, нужно иметь руду. Чтобы добыть руду, нужно рабочим спуститься в шахты.

Чтобы рубаху сшить, нужно хлопок иметь и лен. Чтобы выросли хлопок и лен, нужно крестьянам в полях трудиться.

Чтобы армии быть не голодной, нужны эшелоны хлеба. Хлеб же травой на лугу не растет. Он не валится манной с неба. Человеческий труд и пот в каждой краюхе хлеба.

Побеждает, конечно, в бою солдат. Но это не только его победа. Миллионы рабочих рук, миллионы крестьянских рук — это тоже штыки и пули.

Без помощи всей страны нелегко бы пришлось солдату. Вот почему для товарища Ленина забота о снабжении армии в эти дни становится главным делом.

«Как с углем, с металлом, как с нефтью, как с хлебом?» — не сходят вопросы с повестки дня.

Какая помощь нужна оружейникам? Что мешает в работе текстильщикам? Как настроение шорников, швейников? Какие взяли они обязательства? Как помогают фронту?

Нет вопросов больших и малых. Для Ленина только один вопрос: все ли продумано, все ли налажено, нет ли срывов, нет ли помех в деле снабжения армии?

Грозные письма идут на север. Грозные письма идут на юг: все ли для армии сделано?

В Кремль приезжают гражданские. В Кремль приезжают военные: все ли для армии сделано?

Нет вопросов больших и малых. Для Ленина важен любой вопрос. Сколько выпустил тульский завод винтовок? Сколько подольский завод — патронов? Как в Петрограде с производством броневиков? Есть ли табак для курящих на фронте? Как налажен уход за ранеными? Есть ли забота о семьях бойцов?

Глянешь на Ленина: когда же Владимир Ильич отдыхает? Из металла, что ли, товарищ Ленин?

Курит, бывало, солдат на привале. Вьется над ним дымок. Шагает солдат в походе. Сыт, и обут, и одет. Курит себе солдат, шагает себе солдат. Не знает солдат того, что в каждой его затяжке, в паре любимых сапог — бессонные ночи Ленина.

Поступают на фронт патроны. Эшелоны идут со снарядами. Держит винтовку в руках солдат, саблю наездник держит. Не знает того солдат, что в каждой такой винтовке, в каждом прибывшем на фронт патроне — частица здоровья Ленина.

Грохочут на фронте пушки. Красная Армия бьет врагов. От победы идет к победе. Наступает в бою солдат. Не знает того солдат, что в каждом его успехе, в каждой такой победе — дни, недожитые Лениным.

Не знает того солдат.

Пусть же читатель знает.

ВЫСШИЙ ЗАКОН

Стоял сентябрь 1920 года. Армии генерала Врангеля наступали с юга, из Крыма. Против молодой Советской Республики снова двигалась грозная сила.

Командующим Южным фронтом был назначен Михаил Васильевич Фрунзе. Его срочно вызвали в Москву на важное заседание.

Фрунзе торопился, но опоздал. Когда он прибыл в Кремль, заседание уже началось. Председательствовал Владимир Ильич Ленин.

Приоткрыв дверь в зал заседаний, Фрунзе в нерешительности остановился.

— Проходите, товарищ Фрунзе, проходите. Садитесь,— проговорил Владимир Ильич.

Фрунзе тихонько прошел в комнату и сел на свободный стул.

Вскоре ему передали крохотную записку: «Точность для военного человека — высший закон! Почему опоздали?»

Записка была от Ленина.

Когда заседание окончилось, Фрунзе подошел к Владимиру Ильичу.

— Владимир Ильич...

— Не объясняйте,— остановил его Ленин.— Все знаю. Мне уже доложили — опоздал поезд. Не сердитесь на меня за записку.

— Да что вы...

— Вот и хорошо.— Ленин взял Фрунзе под руку.— Михаил Васильевич, скажите, когда вы собираетесь приступить к операции по разгрому Врангеля, хотя нет, это не главное: когда вы смогли бы ее завершить?

Фрунзе знал, что беспокоит Владимира Ильича. Приближалась зима — неужели еще одна военная зима, тяжелая военная зима?

Ленин стоял и терпеливо дожидался ответа.

— К декабрю, Владимир Ильич,— наконец произнес Фрунзе.

— К декабрю? А успеете?

— Успеем, Владимир Ильич. Нужно успеть,— тихо проговорил Фрунзе.

— Нужно. Вы не представляете себе, как нужно,— так же тихо ответил Ленин.

И вот Южный фронт. Вооруженные танками, самолетами, пушками, белые рвутся на север.

Владимир Ильич внимательно следит за обстановкой.

В кабинете у Ленина висит карта. Он не только в курсе боевых действий, но и постоянно наблюдает за тем, как идет переброска подкреплений и воинских эшелонов. Он требует: немедленно дать на помощь Южному фронту знаменитую Первую Конную армию во главе с Буденным. Настаивает на срочном создании Второй Конной армии. Добивается переброски на Каховку лучших, сибирских дивизий.

И так же, как в прежние годы:

— Как со снарядами? Как с патронами? Хорошо ли бойцы одеты? Какой у бойцов паек?

Даже ночью он продолжает диктовать телеграммы.

В ответ на заботу Ленина Южный фронт рапортует делом: «Наступление белых приостановлено! Врангель поспешно отходит в Крым!»

Войска Фрунзе подошли к Перекопу. Разбили Врангеля в главном бою. Сбросили белых в море.

К середине ноября, на две недели раньше того срока, о котором говорил Михаил Васильевич, Крым становится вновь советским. «Южный фронт ликвидирован», — телеграфировал Фрунзе Ленину.

Вскоре командующий Южным фронтом опять повстречался с Владимиром Ильичем.

— Поздравляю, — проговорил Ленин. — Сдержали слово. Не подвели. Уложились блестяще в сроки.

Фрунзе улыбнулся, полез в карман, протянул Владимиру Ильичу крохотную бумажку.

«Точность для военного человека — высший закон!» — прочитал Ленин свою же записку.

ФРОНТ

Вася Самохин — паренек со Смоленщины — прощался с отцом и матерью. Уезжал он в Москву на Третий съезд комсомола.

— Скоро не ждите, — объяснял он родителям. — Из Москвы я прямо на фронт.

Стояла осень 1920 года. Васе было пятнадцать лет. Еще с весны Вася мечтал о фронте. Просился не раз, да никак не брали. Возраст пока не вышел.

Теперь же другое дело. Вася едет в Москву. Знает прекрасно Вася, что после любого съезда все делегаты, как правило, шли на фронт.

Верит Вася, что дело верное.

— В крайнем случае возраст слегка привру. Кто там в Москве проверит?

Приехал Вася в Москву. Познакомился с другими делегатами, с парнями, с девушками—все говорят о фронте.

Размечтался совсем Василий: «Нет, в пехоту я не пойду. В коннице лучше. Так и буду проситься—в конницу, в Конную армию, к товарищу Буденному». Представляет Вася себя верхом на коне, в шлеме буденновском, с острой как бритва саблей. «Ну, берегись, враги!»—Вася пощупал руку, удар у него в руке пудовый. Недаром полгода дрова колот.

Чем дальше, тем больше мечтает Вася. То он лихой наездник, то он лихой разведчик и даже—эх, размечтался совсем Василий!—не рядовой он уже боец и если еще не совсем Буденный, то, право, немногим меньше.

Сидит Василий в высоком просторном зале. Выступают с трибуны ораторы. Не слышит Вася речей и слов—лишь храп да цокот в ушах лошадиный, лишь сабель пронзительный стук.

Но тут...

— Ленин! Ленин!—прошло по залу.

И следом словно в бою:

— Ура!

Васе казалось, качнулись стены. От возгласов рухнет, казалось, зал. По сцене к столу президиума шел человек. «Ленин»,—признал Василий.

Владимир Ильич сел на свободный стул. Когда овация в зале стихла, Ленин достал карандаш и бумагу. Он внимательно слушал ораторов. В местах интересных кивал головой. Вместе со всеми дружно и долго хлопал.

Потом Владимир Ильич склонился к столу. Карандаш в руках Ленина быстро забегал. «Тезисы пишет,— понял Василий.— Значит, выступит вскоре товарищ Ленин».

Удивился бы очень Вася, если бы видел, чем занят Ленин. Владимир Ильич рисовал. Дом появился на чистом листе бумаги: стены, окна, крыша, труба. Над дверью большая вывеска. На вывеске слово — «Школа».

Через несколько минут Владимир Ильич поднялся, быстро шагнул к трибуне.

— Товарищи, мне хотелось бы сегодня побеседовать на тему о том, каковы основные задачи Союза Коммунистической Молодежи...

Вася заерзал на стуле. Какие задачи? Конечно, фронт. Вот сейчас Владимир Ильич расскажет о военном положении страны, о боях на юге, на западе. А потом обратится с призывом: мол, нет для молодежи главнейшей сейчас задачи, чем защита страны от белых.

Приготовился Вася, ждет.

«Мне бы лишь в конницу», — опять о своем Василий. Но что такое?

Ни слова о юге, ни слова о западе. Ни слова о том, что идут бои. Совсем о другом выступает Ленин. И если словом сказать одним, то главной задачей для молодежи является нынче не слово «фронт», а вовсе другое — «учиться». Это задача из всех задач — вот о чем выступает Ленин.

И дальше о том, почему же учиться.

Потому что безграмотным быть нельзя. Без знаний глубоких коммунизм не построишь. А именно ей, молодежи, строить в стране коммунизм.

И дальше о том, как же учиться.

Учиться упорно. Учиться всему. Помнить, что не первый день живут на планете люди. Любая наука имеет свою историю. Самое лучшее, передовое нужно взять из любой науки.

Но это задачи еще не все.

Надо не только самим учиться, надо учить других.

И не только учить других, надо еще работать. Пусть самой малой, самой простой будет твоя работа. Но старайся все делать так, чтобы люди сказали тебе спасибо.

Понял Вася: учеба и труд — вот основные сейчас задачи. Понял Василий. А как же, простите, фронт? Нет, в деревню Вася назад не хочет.

В перерыве Вася пробрался к Ленину. Да не только один Василий. Оказалось таких немало. Окружили делегаты Владимира Ильича. Каждый ему о фронте. Под видом, мол, личной просьбы.

И Вася ему о фронте.

— Мне бы в конницу, Владимир Ильич.

Посмотрел Владимир Ильич на Васю, посмотрел на других.

— Что же, товарищи, если речь тут идет о фронте, разногласий у нас не будет. Дело учебы — тот же сегодня фронт. Важнейший к тому же, — добавил Ленин.

В. Д. Бонч-Бруевич

СОЛДАТСКИЙ ХЛЕБ

Партия большевиков, взяв власть в свои руки, занялась самыми неотложными делами. Надо было дать народу мир, прекратить войну с Германией, начатую царем. Надо было дать крестьянам землю, отобрать ее у помещиков. Надо было наладить положение с продовольствием, а положение это к 1917 году стало трагическим: люди в городах голодали. Необходимы были срочные меры, и правительство приняло их.

Были немедленно отобраны у капиталистов эшелоны с мукой и зерном, которые стояли на железнодорожных путях в Петрограде. Большие запасы муки были обнаружены в городе у крупных мукомолов и владельцев булочных.

Благодаря этим мерам нам стали выдавать по карточкам фунт хлеба в день. Но подвоза из провинции все еще не было, и вскоре снова пришлось экономить, уменьшать паек. Так в Петрограде мы дошли до восьмушки хлеба. И вот наступил печальный день, когда комендант Смольного, где находилось тогда Советское правительство, товарищ Мальков сообщил мне, что у нас все запасы кончились, даже восьмушку хлеба нельзя выдать.

Я заторопился в Управление делами Совета Народных Комиссаров. Туда должны были прийти телеграммы о том, когда Петроград сможет получить хлеб из провинции.

Было около семи часов утра. Немного спустя в Управление делами пришел демобилизованный солдат. В то

время уже был заключен мир с Германией, и солдаты часто заходили к нам перед отъездом домой. Мы снабжали их опечатанным в виде книжечки Декретом о земле, принятым Советской властью.

Я просматривал почту и попросил солдата обождать меня. Он стоял за барьером, отделявшим большую комнату Управления делами от приемной, и с любопытством все рассматривал. В это время ко мне подошла наша буфетчица Маня.

— Как же быть, Владимир Дмитриевич? Ведь у нас ничего нет: ни куска сахара, ни ломтя хлеба, только что и есть чай да соль...— И она показала поднос, на котором стояли два стакана чаю и блюдечко с солью.— Как же я понесу это Владимиру Ильичу? Ведь он голодный!— говорила она чуть не плача.

Солдат прислушивался к нашему разговору.

— Ну уж нет!— вдруг громко сказал он.— Кого-кого, а Владимира Ильича мы прокормим!

И он поворотом плеча скинул со спины солдатский мешок, вынул из-за голенища складной нож, быстро раскрыл его, развязал мешок, достал круглую буханку хлеба, прижал ее к груди и одним взмахом разрезал пополам. Половину буханки он сунул обратно в мешок, а другую, подойдя четким, солдатским шагом к Мане, положил на поднос, проговорив:

— Вот этот хлебушек — Владимиру Ильичу.

— Спасибо тебе, солдатик!— обрадовалась Маня и тотчас же пошла в кабинет Владимира Ильича.

Через несколько минут Владимир Ильич отворил дверь своего кабинета и громко, на всю комнату, сказал, обращаясь к солдату:

— Спасибо вам, дорогой товарищ! Такого вкусного солдатского хлеба я никогда еще не ел...

— Это он? Сам Владимир Ильич?.. Ну и ну!..— растерянно произнес солдат.— Вот какой он есть, Ленин... Ласковый... За такую безделицу, а как сердечно благодарит!.. Наш он, Владимир Ильич-то!

М. Прилежаева

НЕ УМЕЕМ — НАУЧИМСЯ

На посту у входа в Смольный стоял солдат:

— Пропуск!

И загородил винтовкой троим рабочим дорогу. Двое постарше, с бородами. Третий довольно еще молодой. Молодого звали Романом.

— Где у вас тут пропуска-то дают?— поинтересовался один, спокойно отстраняя винтовку.

— Но-но... не балуй!— прикрикнул солдат.— Комендатура пропусками заведует.

В это время как раз сам комендант Смольного, бывший матрос товарищ Мальков, появился в подъезде. Бушлат распахнут, под бушлатом тельняшка.

— Кого вам, ребята?

— Ленина надобно. Причина есть важная,— ответил Роман.

— Безотлагательно,— добавил другой.

— Ишь какие,— протянул, оглядывая рабочих, Мальков.— А в Октябрьские дни где были?

— Зимний брали. Где же еще?

Через четверть часа все трое входили в приемную Совнаркома. Большая комната. Обставлена бедно. Два деревянных дивана перегородили на две половины приемную. И там стол и здесь стол да несколько стульев— вот и вся обстановка.

Рабочие перекинулись взглядом: просто, по-нашенски. Намотали на ус.

Секретарша проверила пропуска, пропустила. Дальше шла канцелярия. Там тоже столы. На одном — пишущая машинка. Два шкафа, телефоны с деревянными ручками. И еще вешалка у двери. Дверь вела в рабочий кабинет Ленина.

Рабочие сняли ватные куртки, повесили. Ушанки втиснули в рукава. Одернули косоворотки.

Секретарша отворила дверь в кабинет:

— Проходите, пожалуйста. Товарищ Ленин вас ждет.

— Не осерчал бы? — шепнул Роман спутникам.

Но было уже поздно — они перешагнули порог в рабочий кабинет Предсовнаркома. И он сам, товарищ Ленин, поднявшись из-за стола, встречал их, невысокий, подвижный, с искрой в живых коричневатых глазах:

— Здравствуйте, товарищи. Садитесь, пожалуйста!

Усадил. И сам сел. Не через стол от рабочих, а рядом. В руке карандаш, он им помахивал и быстро-быстро кидал вопросы:

— С какого завода? Какой специальности? Как дела на заводе? Есть ли сырье? Действует ли рабочий контроль?

Владимир Ильич заметил: рабочие мнутя, медлят с ответами. Владимир Ильич положил карандаш, всунул пальцы за проймы жилета, откинулся на спинку стула и ждал.

— Докладывай ты, — подтолкнул пожилой молодого.

И другой локтем в бок:

— Роман, излагай.

У Романа горло осипло. В Октябрьские дни, с винтовкой наперевес, перемахивая через три ступеньки, вбежал роскошной мраморной лестницей в Зимний дворец. Юнкера отстреливались из-за углов. Но Роману было не страшно. Будто крылья несли его.

Товарищ Роман, что же сейчас-то ты заробел? Ведь Ленин с тобой говорит. Ленин все понимает. Он наш.

— Владимир Ильич, с поклоном мы к вам...

— Нет, нет! Поклонов не надо,— строго отрезал Владимир Ильич.— Что за дело у вас? Давайте откровенно, по-дружески.

И улыбнулся. Так хорошо улыбнулся.

И от ленинской улыбки Роман осмелел и без утайки рассказал, какая важная причина привела их к Председателю Совета Народных Комиссаров. Хотелось бы Роману с товарищами рассказать Владимиру Ильичу про завод, да не работают больше они на заводе. Из рабочего класса откомандировали их в народный комиссариат, или, короче сказать, наркомат. Царские чиновники разбежались, не пожелали с Советской властью сотрудничать. Кто не убежал, волюнку вместо работы вольтит. Прислали рабочих...

— Советской власти на подмогу прислали?— живо перебил Владимир Ильич.

— Вроде так.

— И что же?

Владимир Ильич сощурился и не сводил с Романа испытующих глаз. Роман в замешательстве пригладил русые волосы. Как на горячих углях сидел.

— Не получается, Владимир Ильич.

Стыдно признаваться. А зачем и пришел? Затем, чтобы прямо сказать: «Не выходит. Не умеем. Не можем».

— Товарищ Ленин, Владимир Ильич,— вставил рабочий постарше,— прикажите обратно в рабочий класс нас вернуть. Трудно нам.

Третий подхватил:

— На заводе с пользой работали. А в наркомате тычемся, ровно слепые.

Они просили так убедительно! Наверно, Владимир Ильич согласится, и рабочие с чистой совестью вернутся к станкам.

Он все молчал. И они замолчали.

— Вы думаете, мне легко управлять государством?— вместо ответа спросил Владимир Ильич.— Вы думаете, у меня опыт есть? Ведь я никогда не был Председателем

Совнаркома. И другие наши наркомы никогда не были прежде наркомами.

Один рабочий нерешительно покачал головой:

— Больно уж внове все.

— Так старое-то мы с вами сломали! Кто вместо нас станет устраивать новое?

И Ленин повеселел, ближе придвинулся со стулом к рабочим и стал уговаривать, объяснять. Конечно, трудно рабочим в наркоматах без знаний. Зато есть пролетарское чутье. Надо нашу, партийную, советскую линию проводить в наркоматах. Кроме рабочих, кто будет ее проводить? Всюду рабочий глаз нужен, рабочий контроль.

— А ну как ошибемся, Владимир Ильич?

— Ошибемся — поправимся. Не умеем — научимся.

Итак, товарищи рабочие, — вставая, твердо сказал Владимир Ильич, — партия послала вас, выполняйте долг. — И с ободряющей и доброй улыбкой повторил: — Не умеем — научимся.

После такого разговора с Лениным у рабочих робость пропала. Владимир Ильич заразил их уверенностью — силы будто втрое прибавилось. Теперь с утра до ночи не будут вылезать из наркомата, пока не поймут всю механику.

— Обещаем, товарищ Ленин, долг выполним, — сказали рабочие.

И все трое вышли из кабинета Председателя Совнаркома уверенные. И говорили между собой, что правильно Владимир Ильич рассудил: наше рабоче-крестьянское государство, нам и в ответе быть за него.

Е. Мар

ВОТ ОНА — ГЛАВНАЯ ЗАДАЧА

Поезд, в котором ехал Владимир Ильич, прибыл из Петрограда в Москву поздно вечером 11 марта 1918 года.

И казалось, сама весна мчалась ему навстречу. Только что прошел дождь. Перрон московского вокзала блестит, словно лакированный. А на площади перед вокзалом еще лежит темный мартовский снег, прибитый первым весенним ливнем.

— Вот и Москва! Давно я здесь не был! — говорит Владимир Ильич.

Он чуть наклонился к окошку автомобиля, с интересом наблюдает картины московской жизни.

Автомобиль обгоняет извозчицьи пролетки и ломовые телеги. Непривычные к автомобильным гудкам лошади пугаются и шарахаются в сторону.

Москва все еще сохраняла вид большой деревни, как называли белокаменную в старину, и никак не походила на столицу новой, Советской России.

Несмотря на поздний час, у церковных дверей просили милостыню слепые, безногие.

Среди торопившихся куда-то прохожих можно было увидеть офицеров в шинелях, но без погон и в форменных фуражках без кокард. Иные, однако, сменили свои щегольские сизые шинели на серые, солдатские. В таких сейчас безопаснее. Но из-под солдатского сукна предательски

выглядывали офицерские сапоги и брюки галифе с малиновым кантом.

Да, в Москве притаилось много врагов Советской власти.

Город забит спекулянтами. Почти на каждом углу идет торговля. В Москве богачи могли купить с рук все. А трудовая Москва — на голодном пайке.

С марта 1918 года москвичам выдавали по карточкам три осьмушки хлеба. Это полтораста граммов на человека в день.

На красивом особняке, еще недавно принадлежавшем банкиру или фабриканту, прибита вывеска: «Клуб». И здесь же от руки написанное объявление: «Библиотека — выдача книг всем желающим. Бесплатно».

Ленин замечает все новое с нескрываемым удовольствием.

Вот отряд красногвардейцев четко шагает по улице.

При виде бойцов спекулянты прячутся. Прошла рота солдат с красным знаменем. Они поют «Интернационал».

— Смотри, как стройно у них получается! — Владимир Ильич повернулся к Надежде Константиновне. — Вот и новые песни поет Москва!

Черный большой «роллс-ройс», похожий на старинную карету, наконец остановился у гостиницы «Националь».

Здесь и должны были жить первые дни Владимир Ильич и его семья.

Мальчишка, продавец газет, смело вскочил на подножку автомобиля.

— Советское правительство переехало в Москву! Ленин в Москве! — выкрикивал он. — Главная новость!

— Ну-ка, дай мне газету, — улыбнулся мальчику Владимир Ильич. — Кстати, этот торговец новостями напомнил мне о статье. — И Владимир Ильич обратился к шоферу: — Товарищ, пожалуйста, передайте сегодня же в редакцию «Известий» этот пакет.

В пакете была статья, законченная Лениным в дороге.

С. Орлов

ПЕРВАЯ ГОДОВЩИНА

Советской власти был лишь только год.
С плакатов РОСТА, суриком и мелом,
Красноармеец звал на бой народ
С международной гидрою и с белой.

Решил Совет рабочих и крестьян
Назначить праздник — скоро год восстанью.
И вот приказ войскам столицы дан.
Кумач опущен для убранства зданий.

Разбужена вся матушка-Москва,
Пока еще булыжная, с церквами,
Она еще такого торжества
Не видела, хотя стоит веками.

У Спасских царских выездных ворот,
В шинели, куртки, в стеганки одетый,
Свой красный праздник празднует народ
Впервые за историю планеты.

С народом Ленин. Радостью полны,
Рабочие, крестьяне и солдаты
Затихли так, что всем слова слышны...
О, как минуты эти будут святы!

Еще смертельным шириться боям,
Еще ломать и строить неустанно,
Еще в газетах нету телеграмм
Ни от одной державы иностранной.

Еще пройдет немало дней и лет,
Пока откроют шлюзы Волго-Дона,
В Москве построят университет,—
А уж стоят строители в колоннах.

День залит весь осенней синевой,
Хрустит ледок под каблуками в лужах,
Как голуби, порхают над Москвой
Листовки с самолетов неуклюжих.

Горят под солнцем флаги на Кремле...
Вот Ленин руку над трибуной вскинул,—
Впервые праздновалась на земле
Советской власти годовщина.

Меня на свете не было тогда,
Но для меня и новых поколений
Сегодня, как и в давние года,
Победный путь указывает Ленин.

Е. Мар

КОМНАТА С ДВУМЯ ОКНАМИ

Почти пять лет эта комната с двумя окнами, выходящими на кремлевский двор, служила кабинетом Владимиру Ильичу Ленину.

Владимир Ильич работал за простым дубовым столом. Столяр делал этот письменный стол, не ведая, кому он будет служить.

А все смастерил крепко, основательно. И дубовый тес выбрал выдержанный, без единого сучка. Видно, знал секреты дерева старый мастер.

На темно-зеленом сукне — небольшая семья очень нужных вещей. Каждая из них знает свое место.

Вот длинные ножницы. Владимир Ильич сам вскрывал конверты писем, ему адресованных. Рядом — пузырек с клеем-гуммиарабиком. На нем — чуть надрезанный резиновый носик. Им и размазывался клей, словно кисточкой.

Ленин всегда спрашивал:

— Куда это запропастился гуммиарабик с носиком?
Ах, вот он!

Тут же на столе — нож для книг. На нем надпись: «Товарищу Ленину. Оружейная фабрика. Златоуст».

Читателям книг в ту пору приходилось самим разрезать странички. Такими книги выходили из типографий.

Не лежал без дела у Владимира Ильича подарок златоустовских оружейников.

А ручка с пером только сейчас, кажется, прислонилась, чтобы отдохнуть, к своей жесткой металлической подставке.

Этой ручкой написаны многие статьи и книги Ленина.

Электрическая лампа с зеленым абажуром и сегодня стоит на столе.

Рядом с ней, словно часовой с подчаском, — два подсвечника.

В те годы электричество то и дело гасло. Не хватало электроэнергии даже для заводов и фабрик. И Ленин — глава молодого Советского государства — работал при свечах.

Позади письменного стола — шкафы с книгами. Книжные томики стоят, тесно прижавшись друг к другу. Их более двух тысяч, напечатанных на разных языках мира.

Ленин владел многими иностранными языками. С англичанами, немцами, французами говорил на их родном языке. Переводил с итальянского и польского. Понимал шведский и чешский, знал латынь, греческий, изучал болгарский.

Телефоны, кажется, и сейчас хранят тепло рук Ленина. Здесь, на столе, их два.

Вместо звонка загоралась лампочка. Владимир Ильич брал трубку и говорил с Москвой, Петроградом или другими городами. А не то шел в коридор, соединяющий кабинет с квартирой: там первое время стояли телеграфные аппараты.

Тянется телеграфная лента, бегут чередой точки и тире. Это телеграфная азбука — азбука Морзе. Приходят донесения с многочисленных фронтов гражданской войны. Ленин тут же диктует телеграфисту ответ, дает указания.

Однако вернемся в кремлевский кабинет Владимира Ильича.

Там сейчас тихо и пустынно. У письменного стола, как

и при Ленине, стоят две этажерки-вертушки. Знакомый столяр сделал их по чертежам Ленина.

Очень удобные вертушки! Повернешь — и под рукой словари, справочники, папки с необходимыми материалами или отложенная с вечера книга, которую надо обязательно прочесть.

Есть в кабинете и небольшая деревянная конторка черного цвета. Такие делались в старину. На ней можно писать стоя.

А у «главного» письменного стола еще один, «простой человеческий на четырех ногах». Так и сказал однажды Владимир Ильич, когда просил поставить стол для посетителей.

По бокам — четыре мягких кресла.

Владимир Ильич постоянно работал в кресле с плетеной спинкой и таким же сиденьем. Несколько раз пытались заменить это кресло каким-нибудь другим, удобнее. Ленин не позволил.

А вот для гостей убедительно просил поставить мягкие кожаные.

— Иные приходят прямо с поезда, после долгой и утомительной дороги, пусть отдохнут, — объяснял свою настоятельную просьбу Владимир Ильич.

Многие побывали в этой комнатке и, когда беседовали с Владимиром Ильичем, сидели в удобных, располагающих к отдыху креслах. Были тут послы иностранных держав и простые рабочие — делегаты заводов и фабрик. Побывали известные всей стране ученые и крестьянские ходоки, «своим ходом» пришедшие в Москву, к Ленину, из деревень, расположенных далеко, за много сотен верст от столицы.

Приезжали в Кремль, чтобы посоветоваться с Лениным, вожди рабочего класса, виднейшие революционеры почти из всех стран Европы, Америки, Азии.

Пути-дороги в эту комнату Кремля вели буквально отовсюду.

Стены комнаты оклеены светлыми обоями. Но их и не видно. Огромная карта путей сообщения Европейской

России заняла весь простенок между окнами. Большие географические карты, соединенные одна с другой, укреплены на валах деревянной рамы у самого входа.

Повернешь за ручку — и одна карта сменяет другую, будто кадры диафильма. Это тоже попросил сделать Владимир Ильич.

На кафельной стене печи еще одна карта в рамке, карта южных границ нашей страны. А на подставке у окна лежат десятки других.

В те годы шла гражданская война. Ленин следил по картам за линией фронта, за продвижением грузов с удовольствием и намечал на картах места будущих больших строек. Подойдешь к окнам этой комнаты, и перед тобой Троицкая башня да зубцы высокой кремлевской стены. А Ленин из своего кабинета видел всю нашу страну с ее необъятными просторами, больше — весь мир!

Владимир Ильич не хотел что-либо менять в кабинете. Здесь все привычно, нет ничего лишнего.

Вещи, в том числе книги и карты, появлялись здесь, чтобы занять свое место уже навсегда.

Ленин любил эту комнату. Здесь хорошо работалось.

Комнату украшали старинные часы с мелодичным боем и большой портрет Карла Маркса, написанный Лотаревым, рабочим завода Лесснера. Ленин сам поставил портрет Маркса на диванную полку.

А вот барельеф, сделанный скульптором Альтманом. Владимир Ильич написал на нем мелом имя рабочего-революционера: «Степан Халтурин». Скульптор позже сделал эту надпись золотыми буквами.

У каждой из этих вещей, бережно сегодня хранимых, свой путь в рабочую комнату Ленина и своя история.

Тихо сейчас в кремлевском кабинете. Жизнь в нем остановилась с той минуты, когда Ленин последний раз побывал здесь.

Это было в октябре 1923 года. Владимир Ильич простился в тот последний приезд с курсантом, который стоял на посту № 27, между кабинетом и квартирой Лени-

на; совершил поездку по Москве и уехал в Горки. Больше Ленин в Москву не возвращался.

Календарь на столе, где все осталось, как было при Ленине, раскрыт на старой, давно минувшей дате... И часы остановили свой ход. Их никто больше не заводил.

А что, если мы с вами оживим страницы старого календаря?

Представим лампу на столе Ленина зажженной. И его самого за рабочим столом. Он пишет что-то, читает или беседует с посетителями. Идут часы, отсчитывают минуты.

Ленин в Москве, в Кремле.

Е. Мар

ТЕЛЕГРАММА

Петрограду вновь угрожала опасность. Отряды белогвардейского генерала Юденича стояли близ города на Пулковских высотах.

Адъютант Юденича предложил своему генералу взглянуть на город в бинокль.

— Зачем? — ответил Юденич. — Завтра мы будем танцевать в залах Зимнего дворца.

Он был уверен в скорой победе.

И хотя защитники Петрограда — революционные матросы, солдаты, красногвардейцы — держались стойко, опасность в самом деле была велика.

Надо срочно перебросить под Пулковские высоты свежие воинские части.

Но откуда взять их?

Ленин почти не спал в эти дни. То и дело вел переговоры по прямому проводу.

И вот одиннадцать воинских эшелонов сформированы и ждут отправки возле Екатеринбургa, ныне Свердловска, и еще одиннадцать стоят в ожидании возле Казани.

Рабочие железнодорожных депо выделили лучшие паровозы для этих воинских составов. Были подобраны самые проверенные, самые опытные машинисты.

Чтобы помощь в Петроград поспела вовремя, поездам следовало проходить не менее шестисот верст в сутки.

Однако с такой скоростью поездам было идти невозможно — неминуемо крушение: рельсы расшатаны, шпалы в некоторых местах требуют замены.

А для того чтобы привести в порядок железнодо-

рожное полотно на всем пути, нужны, по мнению инженеров, не часы, а дни.

Тогда-то Владимир Ильич и послал работникам Казанской железной дороги коротенькую телеграмму. Он сам продиктовал ее телеграфисту аппаратной в Кремле. Там было сказано, что судьбу Петрограда решают сейчас железнодорожники Казанки и работы по ремонту пути должны быть выполнены в точно указанный срок. Под телеграммой стояла подпись: «Ленин».

Телеграмму комиссар дороги размножил на гектографе и разослал по линии.

Тогда в течение одной ночи по всей Казанской дороге на ремонт линии вышли все железнодорожники, даже свободные от поездок машинисты, кочегары. Работали жены и дети железнодорожников.

Одни крепили рельсы, другие меняли шпалы, третьи чинили мосты.

И в назначенный час воинские эшелоны помчались к Петрограду сверхскоростным ленинским маршрутом.

Так и не пришлось офицерам генерала Юденича танцевать в Зимнем дворце.

Когда железнодорожников спрашивали, как им удалось отремонтировать путь за такой короткий срок, участники необыкновенного субботника молча показывали телеграмму Ленина, и все становилось ясно. Ленинскую телеграмму железнодорожники, оказывается, переписывали от руки и передавали все дальше и дальше. Ее читали повсюду, на самых глухих полустанках и разъездах. Телеграмму Ленина как бы получил каждый из работавших в ту ночь.

Грамотные читали ее вслух тем, кто не умел читать или просто плохо видел по старости.

И ленинская телеграмма подняла людей на работу, словно в бой.

Маленькие, пожелтевшие от времени копии этой телеграммы и сейчас хранятся в семьях старых железнодорожников — участников этой необыкновенной битвы на рельсах.

3. Воскресенская

КЛЯТВА

День был хоть и майский, но студеный, ветреный, как в октябре. Липы совсем уж приготовились сбросить румяные колпачки с туго закрученных листьев, да раздумали — холодно. Только акации в палисадниках бесстрашно распушивали на ветру свои зеленые перышки.

И мальчишкам холод был нипочем. Обжигая босые ноги о холодный булыжник, они беспокойной стайкой носились возле завода Михельсона, чего-то нетерпеливо ждали.

Серпуховская улица жила своей обычной жизнью: у пекарни вытянулась длинная очередь за хлебом, по мостовой лениво цокали ломовые лошади, высекая подковами искры, изредка позванивал трамвай и скрежетал тормозами на поворотах.

Только за высокой дощатой стеной завода было оживленно. Сквозь щели забора мальчишкам было видно, как рабочие спешно наводили порядок на заводском дворе, ровняли дорогу от проходной к Гранатному корпусу, посыпали ее зернистым желтым гравием.

Ребята и свою помощь предлагали, но старый рабочий Петр Никифорович, который всеми делами командовал, сердито крикнул:

— Марш по домам, простудитесь! Ишь холодина какой!

Ребята ничего не успели сказать в оправдание — в это время грянул марш, и на Серпуховскую улицу из пере-

улка вышел военный оркестр. Музыканты шагали посередине мостовой и дули в ярко начищенные медные трубы. За оркестром выплыли полковые знамена — новые, праздничные, красные, а за ними бесконечной вереницей шагали молодые красноармейцы. И если зажмуриться, то слышалось, что это шагает один очень большой и сильный человек, крепко, на всю улицу выстукивая: раз-два, раз-два, раз-два!

Ребята мигом пристроились впереди оркестра и старались идти широким шагом, в такт музыке, и Кирюшка старался, хотя и был меньше всех.

Василий маршировал в составе Варшавского красного полка правофланговым; он сразу заметил среди ребят своего меньшего братишку, узнал его по своему пиджаку, который болтался на Кирюшкиных плечах, как мешок.

Раскрылись окна в домах, остановились прохожие, затормозил трамвай, и все смотрели на красноармейцев, и улица сразу стала праздничной.

А ребята ни на кого не смотрели, они, как и красноармейцы, глядели вперед и браво вошли в широко распахнутые ворота и вместе с оркестром остановились у входа в Гранатный корпус. И никто их не прогонял, и сам Петр Никифорович понимал, что это будущие красноармейцы, которым тоже придется защищать Советскую Республику.

Раз-два, раз-два, раз-два — хрустит под ногами гравий, и красноармейцы вступают на расчищенную рабочими дорогу, на которой еще свежи полосы от железных граблей. По бокам приветливо помахивают зелеными перышками акации, за ними живой стеной стоят рабочие: парад принимают, первый парад своей молодой, только что созданной Красной Армии.

Прошел Варшавский красный полк, сводная караульная дружина, за ними в Гранатный корпус потянулись рабочие. Они заняли места вдоль стен, между станками, на подоконниках, предоставив середину огромного цеха своим дорогим гостям. Мальчишки вошли в цех вместе с оркестром.

Раздалась команда «вольно». Василий оглянулся. Кругом знакомые лица, добрые и взыскательные взгляды. Смотрят рабочие: худо одеты красноармейцы. Шинели пообтрепаны, в дырах, в опалинах — видно, побывали в боях. Фуражки разные, на некоторых еще зимние папахи. Башмаки разбиты, но у всех ноги в новеньких зеленых обмотках.

Командиры, такие же юные, как и красноармейцы, в таких же новеньких обмотках, прохаживаются перед строем, чего-то ждут, волнуются.

Рабочие узнали Василия. На заводе Михельсона он работал вместе с отцом. Отца убили на фронте, а Василий вступил в Красную гвардию и в Октябрьские дни семнадцатого года штурмовал Зачатьевский монастырь. Монастырь для революции никакого интереса, конечно, не представлял, но в нем засел буржуйский штаб, и Василий вместе с дружинниками вышибал его оттуда.

Василий поискал глазами Зину. Вот она стоит на подоконнике, теревит руками кончик красной косынки. Губы сжаты, а глаза улыбаются, улыбаются ему, Василию. Кирюшка пристроился возле барабанщика и таращит глаза на брата, первый раз видит его в военной форме.

Неожиданно прозвучала команда:

— Смир-но!

Шаркнули сотни ног и замерли.

И все мальчишки стали по команде «смирно» — руки по швам, спины выпрямили, животы втянули, вот только глаза не научились слушаться, скосились на боковую дверь.

Дверь распахнулась, и в цех вошло несколько человек.

На какой-то миг исчезли все звуки, и тут же взметнулось «Ура-а-а!» — не по приказу командиров, а по команде сердца: рабочие узнали Владимира Ильича Ленина. Он шагал рядом со Свердловым, в темном пальто, в кепке, чуть сдвинутой набок. Поднялся вслед за Яковом Михайловичем на трибуну, сбитую из свежевыструганных досок, остановился, повернул лицо к людям и что-то сказал. Улыбнулся, отчего щеточка усов вздернулась вверх.

Никогда еще стены Гранатного цеха не слышали такого бурного ликования.

Владимир Ильич постоял минутку, вынул из кармана часы и выразительно постучал по крышке, посмотрел на командиров — чего же, мол, не наведете порядок?

А командиры, как мальчишки, не могут сдержатъ буйной радости. Повернулись к строю и, все еще не в силах согнать с лица улыбку, весело скомандовали:

— Смир-но!

В огромном корпусе мигом стихло и посветлело. То ли оттого, что майское солнце пробило наконец студеные тучи, то ли от улыбок и блеска глаз.

Яков Михайлович раскрыл портфель, вынул листок бумаги и, поправив пальцами дужку пенсне, сильным голосом произнес:

— Сегодня у нас большой праздник, торжественный день, товарищи. Бойцы нашей юной, но уже проявившей себя в боях Красной Армии принимают торжественное обещание, дают клятву на верность народу. Я буду читать текст торжественного обещания, и каждый из вас повторит его слова за мной.

Василий напряжился. Сейчас он должен принести социалистическую клятву перед лицом своих товарищей по заводу, перед лицом самого Ленина. От волнения ему показалось, что у него пропал голос.

Яков Михайлович подошел к краю трибуны. Владимир Ильич встал рядом с ним.

Перед трибуной стайка мальчишек — запрокинули головы, во все глаза смотрят на Ленина. Владимир Ильич снял кепку, и Кирюшка снял, потом оглянулся на командиров — те взяли под козырек.

Кирюшка поспешно водворил на голову отцовскую солдатскую фуражку и крепко прижал оттопыренный большой палец к виску.

Яков Михайлович кашлянул и начал:

— Я, сын трудового народа, гражданин Советской Республики, принимаю на себя звание воина рабочей и крестьянской армии.

— Я, сын трудового народа...— одним дыханием пов-
торяли красноармейцы, и гулкие стены корпуса отозва-
лись эхом.

— Я обязуюсь... в борьбе за Российскую Социалисти-
ческую Республику, за дело социализма и братство всех
народов не щадить ни своих сил, ни самой жизни...

Василий не спускал глаз с Ленина.

Владимир Ильич стоял неподвижно, чуть подавшись
вперед; пальцы, сжимавшие кепку, еле заметно вздраги-
вали; глаза не таясь говорили: вам, молодым бойцам,
предстоят тяжелые испытания, и партия вам верит, народ
доверяет вам защиту своей свободы, своей победы.

И в ответ слышалось:

— Я обязуюсь по первому зову рабочего и крестьян-
ского правительства выступить на защиту Советской Рес-
публики...

Петр Никифорович смотрел на Владимира Ильича и
думал: «Ты, Ильич, в юности дал клятву служить наро-
ду, выволить его из неволи. Когда ты дал эту клятву?
Может быть, в тот день, когда пришла страшная весть о
казни твоего старшего брата, может быть, в камере казан-
ской тюрьмы, когда был арестован за то, что поднял го-
лос против бесправия и произвола на Руси, а может быть,
еще раньше, в симбирском саду, слушая рассказы отца о
нужде и темноте народной? Никто не слышал этой клят-
вы, но все знают о ней по твоим делам, по подвигу тво-
ей жизни. Ты сдержал ее, и я, старый рабочий, клянусь
вместе с сынами нашими защищать нашу победу, нашу
Советскую власть».

Прозвучали последние слова клятвы...

Наступила торжественная минута молчания, и коман-
диры не спешили нарушить ее.

А после команды «воль-но-о» все смешалось. Рабочие
подходили к красноармейцам, жали им руки, поздравля-
ли. Красноармейцы прикалывали себе на грудь красные
звезды.

— Что это за звезда? — спросила Зина, подойдя к
Василию.

— Это Марсова звезда, что значит военная,— ответил он,— а плуг и молот— видишь, в середине звезды— означают, что защищаем мы рабочих и крестьян всего мира!— с гордостью добавил Василий.

— Марсова звезда— по-нашему Марксова,— сказал Петр Никифорович. Глаза его были влажны.

— Поздравляю вас, товарищ, с принятием социалистической клятвы,— услышал Василий и поднял глаза.

Перед ним стоял Владимир Ильич. Василий отдал честь. Надо было сказать какие-то очень важные слова, но он смутился и не мог придумать ничего торжественного, а Владимир Ильич вдруг спросил:

— Вы женаты, товарищ?

Василий окончательно смешался и бросил взгляд на Зину.

— Нет еще, Владимир Ильич.

— А невеста есть?

Василий стал красный как кумач.

— Невеста есть.

И Кирюшка, стоявший рядом, понял, что о Зине говорит Василий, а она спряталась за чью-то спину и затеребила концы косынки.

— Не забудьте пригласить на свадьбу,— улыбнулся Владимир Ильич Зине.— У вас будет хорошая жена, верный товарищ,— сказал он Василию.— А вы, видно, фронтовик?— спросил Владимир Ильич другого красноармейца, бросив взгляд на его старую, выдавшую виды шинель.

— Так точно!— ответил боец, и широкая улыбка осветила его лицо.

— Ваша семья в деревне? Ждут вас, соскучились?

Владимир Ильич умел распознавать людей, хотя все они были в солдатских шинелях, и умел прочесть затаенные мысли.

— Так точно, в деревне. Собирался к ним ехать, да нельзя сейчас. Вот когда буржуев добьем, тогда и поеду.

— Да, врагов у нас много, и повоевать придется,— серьезно ответил Владимир Ильич и, протянув руку

Петру Никифоровичу, спросил: — Ну, а вы отдыхать не собираетесь?

— Какой там отдых, Владимир Ильич! Теперь у нас есть армия, и ей нужно оружие. Будем работать изо всех сил.

Мальчишки, не отставая, ходили следом за Владимиром Ильичем, о чем-то перешептывались, их что-то сильно занимало.

Наконец, подталкиваемый ребятами, Кирюшка спросил:

— Вот мы хотим знать, с каких лет в Красную Армию принимают?

Взрослые на Кирюшку зашикали — зачем такое озорство? — а Владимир Ильич дотронулся до солдатской фуражки мальчика, понял, что это отцовская фуражка и раз она на голове сына — значит, погиб отец, серьезно ответил:

— Ты обязательно будешь красноармейцем, настоящим защитником Советской страны. Правда?

— Правда! — ответил Кирюшка, подняв глаза на Владимира Ильича, и, встретив его по-дружески серьезный взгляд, повторил: — Правда!

Красноармейцы строились.

Рабочие встали по обе стороны живой стеной.

Грянул марш.

Владимир Ильич смотрел на проходящих мимо молодых, сияющих отвагой красноармейцев и думал о том, что у молодой Республики Советов есть крепкая, надежная защита.

И Кирюшке показалось, что большой и сильный человек зашагал еще крепче, и теперь его шаг слышен, наверное, по всей советской земле: раз-два, раз-два, раз-два!

Это было в субботу, в студёный день 11 мая 1918 года в Москве, на заводе Михельсона, носящем теперь имя Владимира Ильича.

Н. Ходза

НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ

Это было в мае, много лет назад. В Москве, на Красной площади, только что прошел парад. Парад закончился, но народ не расходился. Потому что все знали: после парада выступит Ленин. И все хотели увидеть Ленина. Все хотели услышать его.

Вдруг на Красную площадь въехал грузовой автомобиль. В автомобиле стояли дети. Лица у ребят были обыкновенные — русские. А вот одежда на них была необыкновенная. На одном мальчишке красовался индусский тюрбан. На другом — турецкая феска с кисточкой. Голова третьего была украшена лихой буденовкой. У четвертого на голове китайская шапочка с красным шариком на макушке. Здесь же стоял мальчик в блузе рабочего. В его руках был молот. Рядом стоял мальчик в лаптях. В его руках был серп.

А в центре грузовика, на возвышении, все увидели девочку. На ней развевалась пунцовая мантия. Девочка держала в руках красное знамя. На знамени было написано: «Угнетенные народы! Рвите цепи рабства!»

— Что за дети? Откуда они? — удивились люди на площади.

— Из Индии, — говорили одни. И показывали на мальчика в тюрбане.

— Из Турции,— говорили другие. И показывали на мальчика в феске.

— Из Китая,— уверяли третьи. И показывали на мальчика в шапочке с красным шариком.

Тогда кто-то из толпы спросил:

— Откуда вы, дети? Кто вы такие?

Мальчик в буденовке сказал:

— Мы — отряд юных коммунистов!

— А почему вы так одеты?

Ответила девочка в пунцовой мантии:

— Я одета так, потому что я изображаю Революцию.

А мальчик с молотом сказал:

— Под знамя Революции собрались все угнетенные народы: китайцы, индусы, турки. Негр у нас тоже был, только с него стерлась сажа, пока мы ехали.

— Хорошо придумали, молодцы! — похвалили взрослые.— Жаль, что Владимир Ильич не видит вас. Он сейчас будет речь говорить. Вон с той трибуны...

— Ребята! — закричал мальчик в лаптях.— Здесь товарищ Ленин! Позовем его к нам!

Все на грузовике закричали:

— Позовем! Позовем!

И тогда два мальчика — мальчик в тюрбане и мальчик в китайской шапочке — прыгнули с грузовика и исчезли в толпе.

— Не пробиться им,— усомнились взрослые.— Вон там сколько народа у трибуны!..

И верно, путь ребят оказался нелегок. Пока они пробирались к трибуне, Ленин уже начал говорить. Народ вокруг трибуны стоял сплошной стеной. Пробиться сквозь эту стену не было никакой возможности. От огорчения ребята готовы были заплакать. Они не знали, что им делать. Неужели возвращаться назад?!

Но вдруг все закричали «ура!», и ребята догадались: Ленин кончил выступать. И мальчики снова начали протискиваться к трибуне.

Люди смотрели на них, улыбались и говорили:

— Мальчик в тюрбане, конечно, приехал из Индии.

А этот мальчик, конечно, из Китая. Пропустите их. Они, вероятно, хотят посмотреть на товарища Ленина.

И все расступались, и все давали мальчикам дорогу.

Наконец ребята оказались у трибуны. Здесь их остановил военный в кожаной тужурке.

Он посмотрел на тюрбан, на китайскую шапочку и спросил:

— Кто такие будете? Вам на эту трибуну нельзя. Понятно? Нельзя!

Ребята сказали:

— Мы угнетенные народы.

— Что же вам здесь нужно, товарищи угнетенные?

— Мы хотим пригласить товарища Ленина... Мы на грузовике... Недалеко... Здесь... На площади...

Военный даже руками замахал:

— Нет, нет, нет! Владимир Ильич выступал сегодня три раза. Он устал! Дайте ему отдохнуть!

Мальчики закричали:

— Тогда позвольте нам только посмотреть на товарища Ленина. Мы только посмотрим на него и уйдем.

Вдруг совсем близко ребята услышали голос:

— Это что за публика?

Военный взял под козырек и доложил:

— Это угнетенные народы, товарищ Ленин. Хотят на вас посмотреть.

Мальчики закричали:

— Мы не угнетенные! Это мы только изображаем... Мы — отряд юных коммунистов!

Быстрыми шагами Ленин спустился с трибуны.

— Здравствуйте, товарищи юные коммунисты, — сказал он. — Я слышал о вашем отряде...

Мальчики заговорили разом, перебивая друг друга:

— Ребята поручили нам пригласить вас... Нас много... Мы на грузовике... А в середине — Революция со знаменем...

— Очень интересно! — сказал Ленин. — С удоволь-

ствием встретюсь с Революцией. Пошли! Показывайте мне дорогу.

И он взял ребят за руки. Так они и шли. В середине Ленин, а по бокам мальчик в индийском тюрбане и мальчик в китайской шапочке.

Когда Ленин подошел к грузовику, все ребята закричали изо всех сил «ура!». Ленин покачал головой и спросил:

— Для чего же вы меня пригласили? Чтобы я послушал, как вы умеете громко кричать «ура»?

— Это мы от радости! — объяснили ребята. — Оттого, что вы к нам пришли...

— Ну тогда давайте знакомиться, — сказал Ленин. — Ага! Вот и сама Революция со знаменем...

Ленину очень понравилась Даша. Так звали девочку, которая изображала Революцию. Она стояла на возвышении и высоко над головой держала красное знамя. Ветер так трепал его, что Ленин никак не мог прочесть, что написано на знамени. Тогда ребята придержали полотнище, и ветер надул его, словно парус. Издали казалось, что по Красной площади плывет корабль под красными парусами. А на парусах написано: «Угнетенные народы! Рвите цепи рабства!»

Юные коммунисты думали, что Владимир Ильич только посмотрит на них и уйдет. Но Ленин не ушел. Он стал беседовать с ребятами.

Ленин сказал:

— Помещики и фабриканты хотят отнять у нас свободу. Они хотят, чтобы рабочие и крестьяне снова стали рабами. Но этого не будет! Ваши отцы, ваши старшие братья, не щадя жизни, бьются на всех фронтах с наймитами капиталистов, с белогвардейцами. И мы победим!

И еще Ленин сказал, что юные коммунисты должны всегда и во всем помогать большевикам.

Когда Ленин кончил говорить, ребята снова крикнули «ура!». Но они тут же спохватились и разом умолкли.

Наступила тишина. Однако тишина длилась не более секунды. Потому что Даша подняла еще выше красное знамя и запела:

Вставай, проклятем заклеянный,
Весь мир голодных и рабов!

Ребята подхватили:

Кипит наш разум возмущенный
И в смертный бой вести готов...

Дети пели «Интернационал». Гимн коммунистов. И вместе с ребятами пел Ленин.

Юные коммунисты не верили своему счастью. С ними поет Ленин! Сам Ленин!

Но вот прозвучали последние слова гимна. Дети поняли: Владимир Ильич сейчас уйдет. Как же им проводить его? Мальчик в китайской шапочке не выдержал и сказал:

— Товарищ Ленин, позвольте нам тихонько крикнуть «ура!». Мы тихонечко, тихонечко...

Владимир Ильич улыбнулся:

— Ну, уж если вам так хочется...

И тогда счастливые ребята закричали «ура!». Сначала они закричали тихо, а потом не выдержали и закричали громко.

Но Ленин не рассердился на них. Он даже почему-то рассмеялся, махнул рукой и поспешно пошел к своей машине.

Е. Чаренц

ДЕДУШКА ЛЕНИН

I

В этот вечер отец возвратился с завода с винтовкой. Был он строг, даже мрачен, обычно веселый такой. Сын к нему подбежал и полез на колени неловко, Но отец отстранил его доброй и жесткой рукой.

Молча сели за чай. Молча пили. Молчали и пили. И куда-то смотрел — через голову сына — отец, И с лицом, почерневшим от гари фабричной и пыли, Наконец он поднялся и слово сказал наконец.

Он тряхнул головой и чуть-чуть улыбнулся: — Вот так-то... А потом он добавил: — Ну, только не плакать, жена. — А потом сжал кулак: — Снова лезет с войсками Антанта! Повозиться придется, но армия наша сильна.

Был Деникин сперва, а потом Колчака мы громили. Ныне белополяков Антанта на нас повела, Но рабочие руки побьют ее снова, как били... — И отец, разойдясь, говорил, говорил у стола.

Вспоминал о царе, о буржуях, о битве в июле, А когда он сказал о победных боях в Октябре, То в глазах его искры — нет, жаркие угли сверкнули, Нет, не угли, а словно два солнца взошло на заре.

Нет, не солнце — гроза,
Не гроза — две гранаты, два взрыва
Были эти глаза,
Устремленные вдаль горделиво.

И отец —

наконец! —

взял сына,

усадил на колени:

— Понимаешь, Иван, завтра нас провожает
Сам Ленин!..

...Ночь текла за окном.
Спал отец.
Но всю ночь непрерывно,
Полыхая огнем,
Билось детское сердце Ивана.

II

Кем он был, наш Иван?
Да о нем ли рассказывать долго!
Ну, обычный мальчишка,
С глазами синее, чем Волга,
Белобрысый, вихрастый, обычный
Мальчишка фабричный,
Русский мальчик, рабочего сын,
К революции с детства привычный.

Побывал он с отцом
На рабочих собраниях завода,
Собирал он юнцов
И водил на задворках в походы.
На буржуев водил, добывал за победой победу,
Оседлав сучковатую палку — сокровище деда.
И все в жизни его было ясно и просто:
Подрасту, мол, достигну отцовского роста,

Подрасту, поживу, мол,
Шофером — нет, летчиком стану
И буржуев добыю, мол,
С аэроплана!..

Но сегодня Ивану
Ночь не в ночь, сон не в сон.
Завтра едет с винтовкой отец воевать,
Завтра будет сам Ленин отца провожать,
Ну, а он-то, Иван,
Как же он?

Неужели сидеть ему дома велят?
Неужели не пустят: «Подрасти, маловат!..»
Он ведь Ленина знает!
Знакомый, родной
Ленин смотрит с портрета
Из ниши стенной.
Смотрит с теплой улыбкой, совсем как живой.
А на стольких плакатах рисуют его
Рядом с Марксом!
Ивану отец столько раз
Их показывал гордо — двух великих людей,
Даже есть в букваре — вот открой хоть сейчас —
Два портрета знакомых вождей.

А под ними их песня,
Зовущая в бой миллионы:
«Вста-вай,

про-кля-тьем

за-клей-менный!..»

И отец говорил, глядя сына рукой:
— Да, сынок, Ленин умный и храбрый такой,
Что хоть в мире и много прекрасных людей,
Хоть, сынок, и широк белый свет,
А второго такого, как Ленин, нигде
Нет.

Вот какой, значит, Ленин!
И он говорить
Будет завтра отцу, как бороться и жить,
И отец будет, стоя невдалеке,
Слушать Ленина, слушать с винтовкой в руке.
Да не чудо ли это!
Ну, а он? Как же он?..
На глаза паренька опускается сон...

Паренек засыпает, сдвинув крылышки тонких бровей,
С первым твердым решением в жизни своей...

III

Он проснулся в испуге — отца уже не было дома.
Побыстрее оделся и вышел.
Какой-то отряд
Шел, сверкая штыками, — Иван не увидел знакомых,
Но пошел чуть поодаль, шагая с рабочими в лад.

Вот и Красная площадь!
Бушует она и рокочет,
Словно здесь
Целый мир
На рабочий собрался парад.
Как отца отыскать?
Все мужчины — в одежде рабочей,
Штык плывет за штыком,
За плакатом алеет плакат.
А с мужчинами жены
В косынках идут, в полушалках...
Попытался он парню в кожанке
На плечи залезть сгоряча,
Но пришлось убедиться,
Что парень — не дедова палка:
Дал щелчка
Да еще пригрозил, недовольно ворча.

Вдруг как будто прибор
Через Красную площадь плеснул
И разлился, знаменами алыми вспенен.
Пожилая работница
Тихо сказала:

— Вот Ленин! —

И соседу сосед
То же имя негромко шепнул,
И от этого вдруг
Родился нестихаемый гул:
«Ленин, Ленин...»

И решился Иван — будь что будет!
Тому же, в кожанке, соседу
Сунул ногу в карман,
Ловко прыгнул на плечи
И — сел.

И немедля отметил,
Свою торжествуя победу:
Тот не только не сбросил его,
Но, кажись, и не злился совсем!

И как будто весь мир подарили Ивану.
С трибуны —
Да, с дощатой трибуны, которая очень близка, —
Ленин речь говорил, обращаясь к солдатам коммуны,
К уходящим на битву рабочим войскам.
Над штыками, что встали стальной стеной,
Ленин руку простер,
Как с портрета, висящего дома.
Вот он — рядом, знакомый, родной,
Даже голос его
Показался Ивану знакомым.
Показалось Ивану — и это на правду похоже, —
Что и Ленин его хоть немножечко знает, быть может.
Может, знает, что мальчик, играя, буржуев сражает,
И, наверно, Ивана за это вполне одобряет.

Ну, а если все так,
То сегодня — немедленно даже! —
Он пойдет к Ильичу
И глубокую тайну расскажет,
Всё расскажет:
Как станет он летчиком, крылья расправит,
А пока пусть Ильич и его бить Антанту отправит.

Так, на близкого Ленина глядя, мальчишка мечтал.
Вдруг окончилась речь и громово взметнулось «ура»,
Он кепчонку сорвал и, как все, громче всех, закричал,
И рабочее знамя взметнулось, как пламя костра,
И ударил, как буря, над миром «Интернационал»...

Все победней, все шире
Гремел «Интернационал».

Знал Иван эту песню
И видел: в огромной толпе
Все стояли без кепок, и Ленин без кепки стоял,
Пел и Ленин со всеми, и с Лениным мальчик запел.

А толпа превратилась в прямые квадраты колонн:
То отряд за отрядом на бой посылала Москва,
И знамена, знамена со всех волновались сторон,
И мальчонка читал по складам на плакатах слова.

...И увидел Иван в ту минуту отца наконец.
Жаль, к нему не пробиться — отряды идут без конца.
Все на Ленина смотрят, на Ленина смотрит отец,
Ленин смотрит на всех и, как всех, провожает отца...

А Иван все мечтал: вот он вырос, и, гордый собой,
Он идет среди летчиков, плечи расправив свои...
Он мечтал и не знал, что Ильич в те минуты на бой
Провожал и его, — начинались надолго бои!

Н. Ходза

ЛУЧШИЕ НА СВЕТЕ ИГРУШКИ

Один рабочий приехал из Петрограда в Москву и пошел к Ленину. Рабочий был коммунистом, он давно знал Ленина. Еще до революции.

Владимир Ильич усадил его в кресло и стал расспрашивать, как живут и работают в Питере.

Когда рабочий кончил рассказывать, Ленин пристально посмотрел на него и вдруг спросил:

— У вас озабоченный вид, чем вы расстроены? Как здоровье вашей жены? Как поживает ваш мальчуган? Помню его — забавный ребяенок!

Рабочий долго молчал, опустив голову, а потом сказал:

— Беда у меня, Владимир Ильич... Жена умерла... Сын без присмотра... Тоскует... А я даже игрушек не могу купить ему. Нет у нас нынче в Питере таких магазинов... Позакрывались...

— У вас большое горе, от души сочувствую вам, — сказал Ленин. — Может быть, я могу вам помочь чем-нибудь?

Рабочий тяжело вздохнул:

— Мертвых не воротить, Владимир Ильич...

Ленин хотел еще о чем-то спросить старого знакомого, но вошел секретарь и сказал, что Владимира Ильича ждут на митинге.

Рабочий поспешно встал, попрощался и ушел.

А на другой день он уехал к себе в Петроград.

И опять каждое утро он уходил на работу, а за сыном смотрели соседи. Возвращаясь с работы домой, рабочий на всякий случай заходил в магазины: вдруг там появились игрушки? Но в стране шла гражданская война, фабрики не работали, никаких игрушек в магазинах не было.

Прошло два месяца после встречи рабочего с Лениным. Вернулся он как-то домой, соседи говорят:

— К вам тут военный приходил. Оставил пакет.

Рабочий вошел в комнату и увидел на окне сверток. А в углу сидел мальчик. Мальчик посмотрел печально на отца и сказал:

— Ты опять не принес... Раньше мама всегда мне игрушки делала... Из цветных бумажек... из коробочек разных... А теперь...

Рабочий заметил на глазах сына слезы, обнял его и сказал:

— Ты же у меня маленький коммунист! А коммунисты не плачут. Им некогда плакать. Им с буржуями надо драться! Вот побьем всех врагов — будут у тебя лучшие на свете игрушки! А теперь давай посмотрим, что за пакет нам принесли.

Он подошел к окну. На пакете большими буквами было написано:

От Председателя Совета Народных Комиссаров.

Рабочий торопливо развязал пакет и увидел... Нет, он даже не поверил своим глазам. Там лежали кубики, заводной автомобиль, пушка, оловянные солдатики и самый настоящий пистолет — пугач!

— Игрушки! Лучшие на свете игрушки! — закричал мальчик. — Значит, мы уже побили всех буржуев!

Рабочий поспешно отвернулся от сына, провел ладонью по глазам и проговорил едва слышно:

— Нет, сынок... Не всех еще побили... Но ты прав... ты прав: это лучшие на свете игрушки!..

Е. Мар

МАНДАТ № 1

Вскоре после переезда Советского правительства из Петрограда в Москву Ленин вызвал крупнейшего русского архитектора Ивана Владиславовича Жолтовского. Они долго беседовали о том, какой должна стать Москва, столица Советской Республики.

Беседа с Жолтовским состоялась в здании бывшей городской думы. Именно там заседали гласные думы — заводчики и фабриканты.

Архитектор Жолтовский, волнуясь, развернул перед Владимиром Ильичем план реконструкции города. Это был результат долгих работ.

Конечно, при прежних хозяевах Москвы и думать нельзя было о таком смелом плане. Жолтовский помнил, что московская городская дума противилась всему новому и единодушно провалила проект строительства метро. Даже асфальт у Большого театра велели срыть: лошади будто ломают ноги об асфальт.

Владимир Ильич внимательно следит за карандашом Жолтовского. А карандаш все скользит и скользит по плану, совершая путешествие в будущее Москвы, может быть, не такое уж далекое.

— Мы думаем строить новые районы города на юго-западе. Это должно быть наше главное направление. Здесь, у Воробьевых гор, — высокая местность, рядом

Москва-река. Воздух чист, дышится легко,— говорил Жолтовский Ленину.

— И место историческое,— заметил Ленин.

— Именно! На Воробьевых горах Герцен и Огарев поклялись в верности свободе. Тут и должен вырасти город будущего, о котором мечтали эти борцы за свободу и счастье России.

Владимир Ильич советовал предусмотреть в плане строительства Москвы парки, не хуже, скажем, чем есть в Париже и Лондоне, с аллеями и лужайками для гуляний.

— Широкое строительство мы начнем, как только разгромим врагов. Но работать над проектами перестройки Москвы надо сейчас,— сказал Ленин, прощаясь с Жолтовским.— А пока самая первая, самая важная задача: очистить Москву от грязи, трущоб, лачуг...

Владимир Ильич был депутатом Московского Совета от рабочих «Трехгорной мануфактуры» — самой большой текстильной фабрики в стране. Она раньше принадлежала фабриканту Прохорову.

Веселые пестрые ситцы, которые ткали тогда ткачихи Трехгорки, славились на всю Россию. Можно сказать, трехгорцы своими руками одевали миллионы людей. А сами жили в бедности.

Фабрикант Прохоров построил для своих рабочих мрачные спальни-казармы тут же возле Трехгорки. Семью от семьи отделяли лишь ситцевые занавески. Да и на других фабриках положение не лучше.

Для того чтобы узнать, как живут рабочие, депутат Моссовета Ленин пешком прошел от Сокольников до Кремля.

Владимир Ильич вернулся в Кремль не столько усталым, сколько встревоженным.

На окраинах живут тесно. Многие занимают углы в подвалах. А сотни барских особняков в центре города пустуют. Их хозяева сбежали.

«Почему пустуют особняки? — думал Ленин.— Это неправильно».

И внес предложение в Московский Совет: из подвалов и окраинных хибарок и фабричных спален, вроде прохоровских, переселить рабочих в пустующие квартиры богачей и чиновников.

Так в голодной, холодной Москве, где не было еще построено ни одного нового здания, появились сразу сотни тысяч новоселов. Слесари и токари, ткачихи и прядильщицы обосновались в домах, принадлежавших недавно князьям Юсуповым, графам Шуваловым или Шереметевым, богачам Морозову или Рябушинскому.

Владимир Ильич был очень доволен тем, что Московский Совет принял его предложение.

— Вот только как рабочим добираться, скажем, с Пресни в свои новые квартиры? — беспокоился Ленин.

Трамваи тогда часто не выходили на линию из-за отсутствия электрической энергии. И Владимир Ильич предложил передать новоселам несколько тысяч трофейных велосипедов.

И вот, бывало, видит Владимир Ильич, как немолодой, седоусый рабочий катит на полученном от Советской власти велосипеде. Едет и чуть-чуть подпрыгивает по булыжной мостовой.

Сам Владимир Ильич любил езду на велосипеде, и притом скорою.

Депутат Моссовета Ленин часто встречался со своими избирателями. Много раз он выступал перед ними. И всегда старался приехать до начала, чтобы перекинуться словом-другим с рабочими и работницами.

И трехгорцы радовались встречам со своим депутатом.

Ездили в Кремль, чтобы вручить Владимиру Ильичу билет члена Моссовета, или мандат, как обычно писали тогда.

На этом мандате стоял «№ 1». Список кандидатов в депутаты открывался фамилией Ульянова-Ленина.

Рабочие читали список и говорили:

— Будем голосовать! Раз Ленин стоит первым, значит, список правильный.

Как-то трехгорцы решили на заседании Моссовета во время перерыва подойти к Владимиру Ильичу, своему депутату. Им хотелось поговорить о делах Трехгорки, которая уже наладила выпуск продукции и снова ткала ситцы для страны.

Но Ленина не оказалось ни в президиуме, ни в комнате отдыха. Он стоял вместе с другими у буфета в очереди за ломтиком хлеба и кружкой кипятка.

Кто-то предложил Ленину получить завтрак вне очереди. Но Ленин не согласился. Он сказал:

— Извините, порядок у нас для всех один. И нарушать его никому не позволено.

Так и беседовали рабочие со своим депутатом, медленно продвигаясь вместе с очередью к буфету.

Как-то Ленин попросил телефонистку соединить его с исполкомом Моссовета.

— Известно ли вам, какая температура воздуха была сегодня в московских больницах, и в частности в Солдатенковской? — спросил он у взявшего трубку работника исполкома. — Не известно?.. Очень, очень жаль. Больные там мерзнут, а вы и в ус не дуете. Вчера, к вашему сведению, в этой больнице профессор из-за холода не мог даже оперировать. Попрошу проверить и о результатах сообщить мне.

Уже на другой день Владимиру Ильичу доложили: меры приняты, в Солдатенковской больнице тепло. И врачи и больные довольны.

Ленин — депутат трехгорцев — навсегда оставлен в списках членов Моссовета. Ему и теперь выписывается билет № 1.

А. Кононов

ЕЛКА В СОКОЛЬНИКАХ

За елкой недалеко было ездить. Тут же, в Сокольниках, выбрали дерево получше, покудрявее, срубили и привезли в лесную школу.

Ребята видели, как прибили елку к двум накрест сколоченным доскам, чтобы крепко стояла на полу. Потом монтер Володя провел проволоку для освещения елки и повесил к веткам электрические лампочки.

На следующий день чуть не с самого утра стали ждать Владимира Ильича Ленина. Еще светло было на дворе, а ребята то и дело спрашивали школьного завхоза:

— А что, если Ленин не приедет?

— А если метель опять будет, Ленин приедет все-таки или нет?

Завхозом был старый петроградский рабочий. Он знал Ленина еще до революции. Потому-то именно его и спрашивали. И он отвечал уверенно:

— Раз Ильич сказал, что приедет, значит, приедет.

Наступил вечер. Метель и в самом деле поднялась. Засвистел в соснах ветер, сухой снег закружился по земле белыми змейками. А потом с неба повалили белые хлопья.

Елка была уже убрана. Все игрушки делали сами ребята. Тут были и медведи, и зайцы, и слоны. А лучше всех был румяный дед-мороз с белой бородой; сидел он на елке — на самой верхушке.

Время шло, а Ленина все не было.

И тут ребята услышали, как кто-то из больших сказал вполголоса:

— Ну, в такую метель, конечно, не приедет.

Ребята опять побежали к старому завхозу.

Завхоз сказал строго:

— Не приставайте! Говорю: раз он сказал, что приедет, значит, приедет.

Стали опять ждать.

На дворе ветер свистит, сухой снег звонко бьет в стекла окошек. Так за этим шумом и не слышно было, как подъехала к школе машина.

Из машины вышел Владимир Ильич.

Он поднялся по лестнице, разделся, вытер платком мокрое от растаявшего снега лицо. И сейчас же пошел в большую комнату, к ребятам.

Те сразу его узнали: сколько раз они видели портрет Ленина! Но почему-то растерялись сперва — стояли, не двигаясь с места. Глядели на Ленина и молчали.

Владимир Ильич ждать долго не стал. Он хитро прищурился и спросил:

— А кто из вас в кошки-мышки умеет играть?

Первой ответила самая большая девочка, Вера:

— Я!

— И я! — закричал громко мальчик Леша.

— Ну, тогда тебе и быть кошкой, — сказал Владимир Ильич.

Ребята стали в круг. А елка посередине. Мышкой назначили маленькую Катю, Леша кинулся за Катей — ее легко было поймать. Но она ухватилась за Ленина. И Владимир Ильич поднял ее высоко на руки:

— Не достать кошке мышку!

Потом мышкой был Сеня. Леша поймал его, схватил и стал мышкой, а Сеня — кошкой.

Играли долго, и всем стало жарко.

Тут открылась дверь, и в комнату вошел большой серый слон. Ребята завизжали хором. Правда, многие из них сразу же разглядели знакомый серый чехол от школьного рояля. Но кто под чехлом?

Чехол медленно раскачивался, впереди шевелился длинный хобот; передние ноги слона были обуты в валенки, а задние — в ботинки. Если не придирааться, это было очень похоже на настоящего слона. Слон, похрюкивая, прошел вокруг елки, помахал на прощание хоботом и опять вразвалку зашагал в дверь.

А за дверью из-под чехла вылезли монтер Володя и школьный сторож; оба были мастера на разные выдумки. Вылезли они из-под чехла и вернулись в комнату.

А там хохотали ребята; от этого хохота подпрыгивал дед-мороз на верхушке елки.

Много еще веселого было в тот вечер.

Кто-то из ребят крикнул:

— Теперь в жмурки! В жмурки!

Владимир Ильич вынул платок, завязал себе глаза.

Монтер Володя скорей передвинул елку в самый угол, и в комнате стало просторно.

Ленин расставил руки и пошел вперед на цыпочках. Ребята разбежались кто куда.

Потом стали подкрадываться к Владимиру Ильичу и кричать:

— Жарко!

А когда Владимир Ильич был совсем близко, ребята кричали ему:

— Обожжешься!

А то присядут на корточки под самой рукой Ленина — он и не заденет, пройдет мимо.

Тогда они начинают кричать:

— Холодно, замерзнешь!

Ленин увидел, что все дети очень проворные, играют ловко и, видно, долго ему придется ходить с завязанными глазами.

Тогда он притворился, что пойдет вперед, а сам мигом повернулся на носках и схватил первого попавшегося, кто был у него за спиной.

Ребята закричали, как полагалось:

— Узнай, узнай!

А пойманный смеялся и старался вырваться. Это был мальчик Сеня.

Владимир Ильич пощупал у него волосы, провел пальцами по лбу, по щекам:

— Сеня!

Сене было и жалко, что он так попался, и приятно, что Ленин его запомнил.

Потом маленькая Катя читала стихи Пушкина, да сбилась. И заплакала.

Ленин стал ее утешать.

Катя перестала плакать, вытерла платочком слезы и сказала:

— Ленин, а ты не уезжай от нас! Так и живи тут.

Ленин засмеялся:

— Да я и так неподалеку живу.

Потом все принялись бегать вокруг елки. Маленькая Катя бежала рядом с Владимиром Ильичем. Он бережно взял ее за руку. Кате запомнилось: у Ленина рука была большая, теплая.

В это время Надежда Константиновна Крупская и Мария Ильинична, сестра Владимира Ильича, внесли в комнату большую корзину с подарками. Эти подарки привез ребятам Ленин.

Кому достался автомобиль, кому труба, кому барабан.

Катя получила куклу.

А Ленин как-то незаметно, под шумок, вышел из комнаты и уехал.

Вот какая была елка на самом краю Москвы, в Сокольниках, в 1919 году.

С. Антонов

ЛИМОНЫ

Когда все ребята собрались на завтрак, воспитательница детского дома Анна Семеновна сказала:

— Тихо, дети!

В столовой установилась тишина, хотя Вася продолжал щелкать Андрюшу по затылку за то, что тот отнял у него перед завтраком лошадку на трех колесах.

— Дети,— торжественно продолжала Анна Семеновна,— сегодня у вас будет чай с лимонами! А на обед — кисель из лимонов! Кто знает, что такое лимон?

Ребята молчали. Большинство из них не знали, что такое лимон. Несколько ребят слышали о нем от взрослых, но никогда не только не ели, но и не видели лимона. И лишь один мальчик, Леня Восковников, ел лимон. Когда Леня болел ангиной, отец где-то на черном рынке, у спекулянтов, раздобыл лимон и принес сыну. Леня боялся об этом сказать: еще подумают, что он буржуй!

В столовой молчали.

Шла весна 1919 года. Тяжело было молодой Советской Республике, трудно жилось народу. И война, и голод, и разруха — все надо было перенести, чтобы утвердить Советскую власть... Какие уж тут лимоны, когда и хлеба-то не доставало...

— Не знаете? — спросила Анна Семеновна. — Лимон, ребята, это вот что. — И она вытянула руку, на ладони

которой лежало что-то солнечно-желтое, круглое, в черных точечках.

И вдруг все устремились к воспитательнице: одни подались вперед и сосредоточенно замерли, рассматривая лимон, у других, хотя они и остались на месте, от любопытства и восхищения сразу загорелись глаза.

— Как яблоко! — крикнул Вася, забывший про свои счета с Андреем.

— Как луковица! — крикнула Надя.

— Он сладкий? — спросил Андрей.

— Лимоны, ребята, кислые, — ответила Анна Семеновна. — Растут они далеко в теплых странах, на деревьях.

— А кто же нам их прислал? — спросил Вася.

Анна Семеновна обвела взглядом всех ребят, помолчала и сказала:

— Прислал нам лимоны Ленин. Владимир Ильич Ленин.

— А где же Ленин достал лимоны? — спросил кто-то.

— Вот этого я не знаю, ребята, — ответила Анна Семеновна.

А дело было так...

С далекого Кавказа приехал в Москву Борис Иванович Ковалев, бывший рабочий, теперь командир отряда Красной Армии. Ему нужно было рассказать Ленину о положении дел на Кавказе, где шла тяжелая борьба за установление Советской власти, нужен был совет Ленина и его помощь.

Борис Иванович позвонил Надежде Константиновне Крупской, с которой был хорошо знаком, и попросил совета — как лучше сделать, чтобы встретиться с Лениным? Надежда Константиновна пригласила старого товарища к себе домой.

И вот Борис Иванович, захватив с собой корзинку, которые в те времена употреблялись вместо чемоданов, поехал в Кремль.

Часовой у Троицких ворот, проверив у Бориса Ивановича пропуск и документы, подозрительно покосился на корзинку.

— Для товарища Ленина! — четко произнес Борис Иванович, и его пропустили вместе с корзинкой в Кремль.

У входа в здание Совнаркома, где жил Владимир Ильич с семьей, тоже стоял часовой. Он тоже проверил пропуск и документы и, посмотрев с опаской на корзинку, даже потрогал и приподнял ее.

— Для товарища Ленина! — повторил Борис Иванович, и часовой пропустил его в здание.

Надежда Константиновна радушно встретила Ковалева. Он снял пальто, а корзинку поставил там же, у вешалки.

Гость и хозяйка успели рассказать друг другу о своих делах до того, как Владимир Ильич пришел домой обедать.

Ленин, познакомившись с гостем, чрезвычайно обрадовался его появлению.

Угощая Бориса Ивановича жидким пшеничным супом, Владимир Ильич подробно расспрашивал о положении дел на Кавказе, желая точно узнать, чем и как можно помочь кавказским товарищам.

А Борис Иванович внимательно слушал, отвечал, а в голове у него все время вертелось одно и то же... Борис Иванович заметил, что более чем скромный обед, который был рассчитан на четырех человек, теперь поровну поделен между пятью. У Владимира Ильича далеко не полная тарелка, то же — у Надежды Константиновны, у Марии Ильиничны, у домашней работницы Александры Михайловны и у него. Но у него, пожалуй, все же полнее, чем у остальных.

Когда на второе подали отварной картофель, то хозяевам, в том числе и Владимиру Ильичу, досталось всего лишь по две картофелины, Борису Ивановичу тоже две, но они были побольше, чем у других.

«Хорошо, хорошо, — думал Борис Иванович, — так уж

и быть, с обедом ничего, видно, не поделаешь, объем я вас... Но в долгу не останусь...» И думал радостно, как он вручит Ленину корзинку.

В корзинке лежали лимоны. Тут их было, пожалуй, пуда полтора.

Узнав, что Борис Иванович едет в Москву, рабочие депо и красноармейцы решили отправить в подарок Владимиру Ильичу лимоны. Они могли очень пригодиться ему: не так давно Ленин был опасно ранен, ему сделали серьезную операцию, и он нуждался в хорошем питании, особенно во фруктах.

Северный Кавказ, Кубань, почти вся Донская область были заняты белыми войсками, и нелегко было пробраться в Москву, да еще с корзинкой.

По дороге Борис Иванович заболел, и корзинку охранял паренек, которого тоже звали Борисом. Потом при обыске ее чуть не отобрали. Пересаживаясь с поезда на поезд, Борис Иванович вместе с корзинкой все-таки попал в руки белогвардейцев.

Спасли Бориса Ивановича партизаны, которые отбили у белых железнодорожную станцию.

Теперь все это было позади — корзинка стоит у Ленина. Просьба товарищей выполнена... И Борис Иванович радовался и чуть заметно улыбался...

И вот, когда закончили обед и беседу, Борис Иванович сказал:

— Теперь, Владимир Ильич, разрешите вам вручить подарок от наших рабочих и красноармейцев.

— Какой подарок? — сразу насторожился и нахмурился Ленин.

Борис Иванович принес корзинку и открыл ее. Из нее пахло чем-то далеким, южным, свежестью и солнцем.

— Прекрасные лимоны, отличные лимоны! — произнес Владимир Ильич, вдыхая аромат, и сказал домработнице Александре Михайловне: — Саня, немедленно отправьте лимоны в детский дом. Немедленно!

— Владимир Ильич... — пытался было возразить

растерянный Борис Иванович.— Владимир Ильич, я выполняю поручение...

— Никаких подарков,— перебил его Ленин сердито.— Это еще что! В детский дом!

Домработница с трудом подняла тяжелую для нее корзинку и отнесла на кухню. А Ленин, распрощавшись с гостем, ушел.

Борис Иванович и Надежда Константиновна молчали, слушая, как удаляются по коридору Совнаркома шаги Ленина.

Потом, когда шаги стихли, Борис Иванович тяжело вздохнул.

Вздохнула и Надежда Константиновна.

Л. Подвойский

«ДЕТЕЙ НАДО ВПЕРЕД!»

Шел 1920 год. Наши отцы еще сражались с белогвардейцами на фронтах гражданской войны. Заводы и фабрики стояли разрушенные. Пустовали школы. Но в этом году они должны были открыться. Многие ребята впервые после революции собирались поступить в первый класс. Кто восьми, девяти, а некоторые мои приятели даже двенадцати лет от роду.

А пока мы ходили в детский клуб. Он помещался во Втором доме Советов — так тогда называлась московская гостиница «Метрополь».

Все мальчишки и девчонки, приходившие в клуб, были за Советскую власть, против буржуев, белогвардейцев, спекулянтов-мешочников. Самой обидной кличкой считалась «недорезанный барчук». Уважали у нас мозоли на ладонях и твердые мускулы. Дрались мы, пожалуй, даже чаще, чем ребята теперь. А в остальном были похожи на сегодняшних: такие же жизнерадостные и озорные мальчишки, только ростом пониже, одеты похуже и очень голодные. И кажется, больше, чем ребята сейчас, мы интересовались тогда политикой. Наши родители делали революцию, а мы старались быть рядом с ними.

Как все дети, мы, конечно, любили и прихвастнуть.

— У меня папаня в Конармии Буденного, беляков рубит почем зря! — хвастал один.

— Мой в Петрограде Зимний брал, ей-богу, не вру! — заявлял другой.

— Наша мамка в Совнаркоме у Ленина в курьерах ходит. «Ой, говорит, какой душевный человек!»— делилась толстая, розовощекая, несмотря на голодное время, девочка, по прозвищу Муха.

Я не помню, чтобы кто-нибудь в клубе хвастал высокими постами своих родителей. Ходили к нам и дети, живущие в Кремле. В детстве я дружил с вожаком кремлевских огольцов, неизменным атаманом в игре «казаки-разбойники» Адькой Свердловым, чуть флегматичным добряком Ясиком Дзержинским, крепким, как дубок, Шурой Калининим.

Но лучшим моим другом был сын кочегара, долговязый Женька Трусевич.

Трудно и голодно жилось в Москве во время войны.

По булыжным мостовым в сопровождении босоногих мальчишек гулко маршировали красноармейцы в буденовках.

Красные полки, уходившие на фронт, часто провожал Ленин. Мне и моим друзьям страшно хотелось попасть на такой митинг, где бы выступал Ильич, а все как-то не удавалось.

Но однажды нам повезло. Накануне Первого мая наша руководительница Людмила Евгеньевна — строгая худая женщина в пенсне на черном шнурке — предупредила:

— Завтра, дети, клуб будет открыт весь день с утра, потому что все взрослые пойдут работать на Первомайский воскресник.

— А товарищ Ленин тоже будет работать? — спросил Женька. Он всегда выскакивал вперед с неожиданными вопросами.

— Не знаю, что тебе ответить, — сказала Людмила Евгеньевна. — Владимир Ильич Ульянов-Ленин, как Председатель Совнаркома, очень занят. Он и так работает днем и ночью, и все праздники тоже.

Утром, когда мы с Женькой шли в клуб, город выглядел празднично. Развевались красные флаги. Между домами висели кумачовые полотнища с лозунгами: «Да

здравствует 1 Мая», «Утопить белого барона Врангеля в Черном море».

Улицы столицы были пустынные. Не собирались демонстранты, не играли оркестры. Взрослые работали на воскреснике.

— Товарищ Ленин тоже работает. Он с кремлевскими курсантами бревна таскает! — сообщил запыхавшийся Адька.

Мы с Женькой хотели бежать в Кремль, посмотреть, как работает на воскреснике Ленин.

— Вас туда не пустят, дети, — сказала строгим голосом Людмила Евгеньевна. — Кремль охраняют часовые. Собирайтесь-ка лучше на прогулку!

Мы построились парами и пошли в сквер, что напротив Большого театра. Впереди, не сгибая спины, шагала наша строгая руководительница.

Весеннее солнышко грело, как летом. Между булыжниками на мостовой пробивалась молодая травка. На кустарнике набухли почки. Вот-вот из них, как цыплята из яичек, проклюнутся липкие листочки.

— Айда фиалки у фонтана искать! — крикнул Женька и осекся.

Неподалеку от заброшенного в войну фонтана соби-рался митинг. Стояли люди в шинелях, в рабочих блузах, в гимнастерках.

— Дяденька, тут на фронт провожать будут? — насторожился Женька.

Рядом с ним молча пыхтела, стараясь протиснуться между взрослыми, Муха. Остальные ребята тоже нажи-мали изо всех сил. Откуда ни возьмись, появился вы-сокий дядька в военном френче, с наганом на боку.

— Брысь, мелкота! — закричал он.

Мы испугались.

Но тут подъехал автомобиль. Из него вышел Ленин. Улыбающийся, с красным бантом на груди. Он услышал, как военный гонит нас прочь, и неожиданно заступился.

— Детей надо пустить вперед. Обязательно вперед, и только вперед! — сказал Владимир Ильич.

При такой поддержке нам никакой дяденька с наганом не страшен! Мы прошли вслед за Лениным и встали впереди взрослых, ближе всех к Владимиру Ильичу.

В этот день закладывался памятник Карлу Марксу. Ленин говорил речь. Потом он расписался на металлической пластинке. Мы смотрели во все глаза. Женька даже покраснел от внимания. Пластинку с подписью Ленина положили в углубление. Владимиру Ильичу дали в руки мастерок. Он должен был первым начать работу на месте будущего памятника.

Владимир Ильич присел на корточки и быстро положил раствор...

— Ловко! — в восторге зашептал мне на ухо Женька. — Будто настоящий каменщик.

Наверное, он проговорил это довольно громко, Людмила Евгеньевна услышала.

— Наблюдайте, дети, и учитесь, пожалуйста, делать всё так же хорошо и аккуратно, как Владимир Ильич, — сказала она.

Людмила Евгеньевна говорила всем, но обращалась она, конечно, в первую очередь к моему нетерпеливому и поэтому не всегда аккуратному другу.

А кругом уже громко, восторженно приветствовали Ленина. Он торопился уезжать. Его не хотели отпускать. Владимир Ильич улыбался, приветственно махал рукой с зажатой в ней кепкой, смущенно показывал на часы, вынимая их из жилетного кармашка.

— Товарищу Ленину надо ехать на другой митинг. Его ждут, — раздался чей-то густой бас, очевидно военного командира.

Ильич уехал.

...Мне не терпелось рассказать дома о событиях этого дня. И я еле дождался мамы. Ее, как и папу, называли старой гвардией большевиков. Она сидела в царских тюрьмах и два раза участвовала в голодовках. Один раз голодала 13, а другой — целых 18 дней. Нас в семье было пятеро детей. Один другого меньше, а мама все время работала. Приходя домой, она еще долго возилась с до-

машинными делами: мыла полы, стирала. И нас приучала делать все по дому.

— Владимир Ильич Ленин терпеть не может неопрятности. Он живет скромно, одевается просто, но все у него чисто и аккуратно,— не раз напоминала нам мама.

Вот и теперь, едва увидев маму, я выпалил:

— Видел! Я сегодня видел, как аккуратно работает Ленин!

Мама улыбнулась, но тут же недовольно осмотрела нашу единственную комнату.

В ней было все перевернуто вверх дном.

— Мы играем в Совнарком! — поспешил сообщить я.

Это была наша любимая игра. Мы часто слышали дома имена народных комиссаров.

— Все наркомы по поручению Ленина должны в первую очередь заботиться о детях,— рассказывала накануне мама.— Вот и папу Ленин и Дзержинский отозвали с фронта и поручили ему наладить работу с детьми.

После разговора с мамой я созвал экстренное заседание «Совнаркома». Мои младшие сестры назывались наркомками, а я выбрал себе должность управляющего делами, чтобы ходить с портфелем под мышкой, как настоящий ответственный работник.

— Товарищи! — докладывал я.— В текущий момент, значит, вопрос стоит ребром, значит: что ты сделал для фронта? Детей надо вперед, обязательно вперед! Мама, то есть женотдел, значит, сказала, что наркомы повернулись лицом к детям... Мы должны...

Так как я не знал, что мы должны делать для революции в детском вопросе, то предложил принять декрет об организации Красной Армии, которая разгромит гидру империализма — белую Антанту.

— Слово имеет наркомпрод,— громко объявил я и тихо добавил:— Нинка, говори.

Четырехлетняя сестра забралась на стол и, назло мне показав кончик языка, быстро затараторила:

Ши да каша — пища наша!

Ши да каша — пища наша!

Я чуть не заплакал. Ну как можно делать серьезные дела с такой мелюзгой? На этот раз я даже маме пожаловался.

— Не огорчайся, Лева, — погладила она меня по голове. — Будет и у вас своя детская организация, будут дворцы для детей. Все будет. Пусть только кончится война.

Через два с половиной года я вступил в один из первых пионерских отрядов Москвы. Долгое время нас в школе было только три пионера. Мы мужественно защищали свои красные галстуки от нападения хулиганов — детей нэпманов и спекулянтов с Арбатского рынка. В отряды к нам приезжали старые большевики; мы их тоже принимали в пионеры. Одним из первых почетных пионеров стал Ф. Э. Дзержинский. Его приняли в пионеры в школе, где учился его сын Ясик. Когда Феликсу Эдмундовичу повязали красный галстук и показали наше пионерское приветствие — салют, Дзержинский, высокий, прямой, как меч, с острой, словно наконечник пики, бородкой, поднял руку выше головы и твердо произнес:

— Стоять за дело рабочего класса всегда был готов!

Он подарил отряду настоящий футбольный мяч — мечту всех мальчишек того времени.

Потом я стал работать пионерским вожатым и в августе 1929 года участвовал в проведении Первого Всесоюзного пионерского слета. Шесть тысяч делегатов приехали в столицу со всех концов страны. «Москва в плену» — с таким заголовком вышла газета «Правда». В очерке писатель Н. Погодин рассказывал, что москвичи предоставили в распоряжение детей все, что имели тогда: стадионы, парки, водные станции, трамваи, театры... И пропуском всюду служил красный галстук.

— Детей надо вперед, обязательно вперед! — говорил председатель комиссии содействия слету пионеров Михаил Иванович Калинин, лукаво поглядывая через очки в простой оправе на сидящих перед ним наркомов. — Только вперед!

В. Тельпугов

УПРЯМАЯ ЛАМПА

Часто далеко за полночь тускло мерцал огонек в окне одного тихого, давно уснувшего дома в Кремле. Даже на фоне мглистой Москвы расплывался он в блеклое, едва различимое пятнышко.

Никто из поздних прохожих и не догадывался, что это был свет лампы, зажженной над рабочим столом.

Никто не знал, что это Ленин не спит. Прочитает страницу, запишет что-то и дальше — пододвинет лампу поближе и снова за чтение. А лампа та еле-еле светится — Ленин сам распорядился ввернуть именно такую: — И ни одной свечой больше!

Родные и близкие пытались протестовать, уговаривать:

— Нельзя, врачи не позволяют. Так зрение можно испортить.

А он:

— Ничего! Я часок почитаю и лягу.

Вскоре огонек действительно исчезал.

Не многие знали, что это вовсе не сон, а рассвет пробирался в комнату Ленина.

— Ну вот и отлично. Теперь можно и погасить, — устало щурился Ленин через окно на золотой купол, отразивший первую, зыбкую блеску зари.

И снова шелест страниц шевелил настроженную тишину еще не иссякшей ночи.

Никому в точности не было известно, когда засыпал Ленин, во сколько он просыпался. Он сам себе устано-

вил шестнадцатичасовой рабочий день и сам же его то и дело нарушал:

— Вот еще полчасака, и все...

Однажды домашние, чтобы хоть как-то облегчить изнурительный труд Ильича, потихоньку от него заменили тусклую лампу на чуть более яркую. Ленин сразу заметил подлог, очень рассердился:

— Это мое рабочее место, и, кроме меня, никто не должен здесь распоряжаться. Никто! Вся Россия сидит без света, а вы мне тут целую иллюминацию устроили. Еще и еще раз запомните — шестнадцать свечей и ни одной свечой больше! Ясно?

Надежда Константиновна попробовала робко возразить:

— Ясно-то ясно, но как же быть с шестнадцатью часами? Тогда и тут надо условиться совершенно твердо — шестнадцать часов и ни одним часом больше!

Сказала она это так мягко, что Владимир Ильич вдруг перестал сердиться и рассмеялся — громко, безудержно, заразительно:

— На такие условия почти согласен!..

— Что значит почти? Мы все на этом просто настаиваем.

— Ну, хорошо, хорошо, согласен без всяких оговорок. Только, чур, за временем следить буду сам.

Взглянуть на часы за работой Ленин забывал все чаще и чаще, но зато после этого случая почти каждый раз, перед тем как сесть за стол, он тихонько от всех приподымал звенящий колокол зеленого абажура и настойчиво искал под ним бронзовый поясок цоколя лампочки, где указывается мощность и вольтаж. Разные люди глядели на ту лампу, на ее желтую, слабую, еле тлеющую нить, упрямо сверлившую темную ночь над Москвою. Разные при этом у людей были мысли, разные возникали чувства.

Один посмотрел, посмотрел и сказал:

— Россия во мгле...

Другие видели дальше и думали:

«Рассвет над Россией!..»

Джуманияз Джаббаров

В КАБИНЕТЕ ЛЕНИНА

Есть памятная комната в Кремле —
Ей равной не найдешь на всей земле.
Простая дверь, но за ее порог
Ступить я без волнения не мог.
Напрасно говорят, что здесь музей, —
Здесь до сих пор душа планеты всей.
И время, в тишине едва журча,
Слилось с живым дыханьем Ильича.
Чернильница с утра полна чернил,
А этот карандаш он сам чинил;
Стол, пресс-папье, бумаги — все вокруг
Хранит тепло его знакомых рук.
Как будто он по-прежнему средь нас.
И лишь в соседней комнате сейчас
Беседой важной занят, но вот-вот
Сюда шагами быстрыми войдет.
Войдет, шутя и споря на ходу,
Спеша вернуться к вечному труду,
И спросит у меня, садясь за стол,
С каким вопросом я к нему пришел.

Е. Мар

ВАЖНЫЙ ГРУЗ

В самые трудные годы Советское правительство делало все, чтобы спасти ребят.

— Лучше сами поголодаем, а детей накормим,— сказал однажды Владимир Ильич.

Так и поступали советские люди.

Красноармейцы недоедали, а отчисляли часть своего пайка детям. Курсанты кремлевских пулеметных курсов заботились о детском доме. Они стали приемными отцами сирот войны.

Многие знакомые и незнакомые люди, зная, что Владимир Ильич и его семья питаются неважно, отправляли Ленину посылки с едой. То пришлют сало в холщовом мешочке с вышитой на нем красивой надписью: «Владимиру Ильичу. Ешьте на здоровье», то целую голову сахара, завернутую в полотенце из белого холста, украшенное петушками, то еще какой-нибудь редкий продукт, всегда аккуратно и любовно упакованный.

Жены рабочих Главных железнодорожных мастерских Москвы прислали как-то Владимиру Ильичу домашней лапши, которую сами изготовили, и еще антоновских яблок из своих садов.

Но и сахар, и сало, и домашняя лапша, и антоновские яблоки по указанию Владимира Ильича тут же переправлялись в детский дом или в детскую больницу.

И это распоряжение выполнялось строго.

Даже когда Владимир Ильич заболел, он решительно отказывался от продуктов, которые не входили в обычный паек.

Из Астрахани в Москву к Владимиру Ильичу Ленину прибыл нарочный. Его прислал Сергей Миронович Киров. Он руководил в это время обороной Астрахани.

Петр Иванович Бочаров, так звали посланца Кирова, подробно рассказал Владимиру Ильичу об обороне крепости на Волге и привез весть о подвиге бакинских рабочих-нефтяников, пришедших на помощь осажденной Астрахани.

Под самым носом у англичан, захвативших Баку, рабочие-нефтяники похитили в порту бензин и тайно, под покровом ночи, привезли его на плоскодонных туркменских лодках — киржимах — в Астрахань.

— Теперь, — объяснил Бочаров, — у нас есть горючее. Наши славные летчики дадут жару белым.

Защитники Астрахани были полны решимости не сдавать врагу крепость на Волге.

Наконец наступил момент, которого побаивался Петр Иванович Бочаров. Порываясь что-то сказать Ленину, он то привставал, то снова в нерешительности опускался в кресло.

— Сергей Миронович просил передать вам посылку, — собравшись с духом, выпалил Бочаров. — Свежий продукт! Рыбаки Астрахани будут рады, если вы отдадите икры.

И Бочаров положил на стол перед Владимиром Ильичем увесистый сверток.

— Икра? — живо отозвался Владимир Ильич и улыбнулся при этом. — Это продукт в самом деле отличный. И здесь, в Москве, прямо скажем, редкость... Вот мы его и отправим сейчас же в детскую больницу. Сергею Мироновичу передайте, пожалуйста, мою благодарность. — Увидев, что Бочаров огорчен, Ленин добавил поспешно: — А вы особенно не огорчайтесь: я могу дать рас-

писку в том, что сам съел всю икру.— Ленин снова улыбнулся и как-то виновато развел руками: — Вот вы и отчитаетесь перед Сергеем Мироновичем.

Но по тому же адресу — «Москва, Кремль, Ленину» — шли не только мешочки и свертки, а и вагоны и даже эшелоны с сахаром, маслом, хлебом.

По указанию Владимира Ильича Ленина все эти продукты распределялись затем по детским учреждениям, больницам Москвы, Петрограда и других городов, где дети особенно страдали от голода.

В Саратове был создан «Совет защиты голодающих детей красных столиц». Он собрал много продовольствия для маленьких москвичей и петроградцев.

Чтобы эти грузы не задерживались в пути, Совет Народных Комиссаров по предложению Владимира Ильича приравнял их к военным. Такие вагоны шли теперь без задержек, наравне с теми, которые предназначались фронту. Обычно на борту вагона писали коротко: «Особо важный — детям».

И сцепщики, читая эту надпись, прицепляли такой вагон к первому же эшелону.

Рыбаки одной артели, что промышляли рыбу где-то на севере, натопили несколько бочек рыбьего жира и решили послать его ребятам Москвы. Рыбаки направили с этим грузом Артема Артемова, солдата, потерявшего ногу на войне. Он теперь работал сторожем в рыбацкой артели. Это был отличный сторож. Такой не проспит и доставит ценный груз по назначению. Артемов взял с собой на всякий случай в дорогу охотничье ружье — берданку: может, пригодится припугнуть кого из саботажников, недругов Советской власти. Но воевать ему с саботажниками не пришлось.

Как только железнодорожники узнавали, что груз предназначен детям Москвы, тут же предоставляли этому грузу, как говорят на транспорте, зеленую улицу.

Однако уже на подступах к Москве на поезд, к которому был прицеплен вагон с рыбьим жиром, напали бандиты. В охране поезда было несколько красноармей-

цев. Они стали отстреливаться. В дело пошла и берданка старого рыбака. Бандитам дали отпор.

Шальной пулей был убит во время этой стычки проводник детского груза Артем Артемов.

А груз, как указано в документах, «шесть бочек с рыбьим жиром высшего качества», доставлен в Москву в полной сохранности.

В детских домах и больницах появился рыбий жир.

Ребята не очень-то любят рыбий жир. Это, конечно, не мед, что и говорить, хотя все знают, как он полезен для того, кто хочет вырасти сильным.

Н. Ходза

ВОСКРЕСНЫЙ ДЕНЬ

— Дальше так продолжаться не может, Владимир Ильич,— сказал Свердлов.— На вас жалуются все врачи. Машина и та нуждается в отдыхе. Вы же работаете день и ночь...

— И неплохо себя чувствую,— заметил Ленин.

— Неплохо. Вы называете это неплохо! — Свердлов сдернул пенсне и сердито кашлянул.— Да будет ведомо вам, Владимир Ильич, мне известно все: вас измотала бессонница, вы потеряли аппетит, вас замучили головные боли! Это результат переутомления. И вы должны... нет, не должны — обязаны отдохнуть!

— При случае воспользуюсь вашим советом,— сказал Ленин.

— Владимир Ильич, ваше здоровье принадлежит партии. И партия не позволит вам так небрежно относиться к нему. Вы обязаны хотя бы по воскресеньям не думать о делах!

— Будь по-вашему,— неожиданно согласился Ленин.— Завтра воскресенье. Закачусь-ка я на охоту. Давно собираюсь. Охота, батенька, великолепнейший отдых!

— И забудьте о всех делах! Бродите по лесу, наслаждайтесь тишиной, одиночеством...

— Да, да! — живо подхватил Ильич.— Безлюдье, тишина и, скажу вам по секрету, безделье для меня лучше всего!

— Значит, полная ясность. Завтра — никакой работы, никаких заседаний, выступлений...

— Никаких! — заверил Ленин. — Тишина, безлюдье, безделье — вот моя воскресная программа...

* * *

Ленин выехал на охоту рано утром. Решено было остановиться в небольшом селе под Горками и оттуда вместе с егерем отправиться в лес.

Автомобиль несся по проселочной дороге, и громкие выхлопы газа отдавались эхом в ближних перелесках. Встречные крестьяне с любопытством смотрели на автомобиль, но никому и в голову не приходило, что сидящий в автомобиле человек в старой серой кепке и синей косоворотке — Ленин.

— Сейчас переедем мост, а там до села рукой подать, — сказал шофер.

Переброшенный через ров старый деревянный мост казался ненадежным. По всему было видно, что его давно не ремонтировали. Подъехав к мосту, шофер притормозил и начал осторожно перебираться на другую сторону. Под тяжестью автомобиля доски скрипели и прогибались. Когда же машина начала съезжать с моста, Ленин услышал позади треск. Какая-то доска, не выдержав тяжести машины, сорвалась с креплений и сползла в ров.

— Придется задержаться, — сказал Ленин. — Как вы думаете, сумеем мы установить доску на старое место?

— Что вы, Владимир Ильич! — удивился шофер. — Это и без нас сделают. Сообщим сельсовету, они мигом исправят.

— Не понимаю, почему за нашу вину должны расплачиваться другие! Мост повредили мы, — значит, мы и должны починить его. Найдется у вас молоток и несколько подходящих гвоздей?

Ленин вышел из машины, спустился в ров и вместе с шофером втащил доску наверх.

Починка моста заняла немного времени. Забив последний гвоздь, Ленин сел в машину и поехал дальше.

Едва автомобиль показался на околице села, как из ближних домов начали выбегать ребяташки.

Шофер боялся наехать на ребят, и машина еле двигалась по узенькой сельской улочке.

— Так мы и к ночи не доберемся! — проворчал он и дал громкий протяжный гудок.

Шофер думал, что ребята испугаются гудка и уступят машине дорогу. Но случилось совсем не так. Гудок услышали ребяташки, которые сидели до сих пор по избукам. Теперь и они выбежали на улицу.

— Остановитесь на минуточку, — приказал шоферу Ленин.

Шофер затормозил.

— А ну, кто хочет прокатиться на автомобиле? — крикнул Ленин.

С радостным визгом ребята бросились в машину. Миг — и автомобиль оказался в плену у детей. Двух самых маленьких девочек Ленину пришлось посадить к себе на колени.

— Поехали! — сказал Ленин.

Автомобиль рванулся вперед. Вне себя от восторга, ребята подняли такой крик, что шофер едва не выпустил руль.

«Тишина, безлюдье для меня лучше всего», — вспомнил Ленин свои слова и улыбнулся. Ему было приятно видеть счастливых ребят. Он готов был катать их еще и еще. Но шофер вывел машину на проселочную дорогу, проехал вдоль деревни раз, другой и вернулся на старое место.

— Нас ждет егерь, Владимир Ильич, — напомнил он. — Давно уже ждет.

И верно, егерь встретил дорогого гостя на крыльце избы.

— Не угодно ли чайку, Владимир Ильич? — радушно заговорил он. — Старуха моя для вас давно уже самоварчик под парами держит...

И хотя Ленин мечтал только об одном — скорее оказаться в тихом осеннем лесу, ему не хотелось обижать добрых хозяев, и он сказал:

— С удовольствием выпью стаканчик. Вот тут у меня в коробочке сахар, вот бутерброды — прошу вас, угощайтесь.

Выпив наскоро стакан чаю, Ленин надел охотничью куртку и в сопровождении егеря и шофера направился в лес.

Они миновали главную улицу села, вдали уже виднелась лесная тропка, как вдруг навстречу им вышла группа крестьян. Впереди шел босой старик. Седая пышная борода его доходила почти до пояса. Старик пристально посмотрел на Ленина, всплеснул руками и вдруг закричал:

— Граждане мужики! Да ведь это же главный наш управитель! Ленин! Я же к нему ходок ходил в Кремль! Ей-бо!

И, низко поклонившись Ильичу, босой старик торжественно произнес:

— Добро пожаловать, дорогой наш вождь и защитник! Может, скажешь нам какие ни на есть слова, чтобы жилось мужикам в надежде и ясности?

— Не задерживай, Архипыч! — прикрикнул на старика егерь. — Видишь, на охоту собрались. Какие тебе еще слова и митинги!

— Ничего, ничего! — перебил егеря Ленин. — Наше от нас не уйдет. О чем же вы хотели спросить меня, товарищи крестьяне?

Мужики заговорили разом:

— Насчет мировой революции любопытно!

— Почему гвоздями нигде не торгуют?

А босой старик спросил:

— Расскажи нам, дорогой товарищ Ленин, какая будет у мужика жизнь опосля того, как пролетариат вкупе с крестьянством раздавит гидру контрреволюции?..

Через несколько минут село уже знало, что Ленин беседует с крестьянами. Избы мгновенно опустели. И стар

и млад — все потянулись к Ильичу, все хотели его увидеть.

— Пропала наша охота! — досадовал егерь.

— Мне не привыкать, — отозвался шофер. — Всегда так: в кои веки выберется передохнуть, а вместо того... — И шофер выразительно ткнул рукой в сторону огромной толпы...

Солнце стояло уже высоко, когда Ленин, шофер и егерь добрались до леса.

— Какая теперь охота! — вздыхал егерь. — Самое пекло. Всякая живность попряталась...

— Не огорчайтесь, Кузьма Лукич, — утешал Ленин. — Не беда! Побродим просто так... Это тоже, знаете, очень приятно — бродить в тишине по лесу...

Несколько минут все шли молча. Неожиданно Ленин остановился, посмотрел направо, налево, потянул носом воздух и с тревогой спросил:

— Вы ничего не чувствуете, товарищи? По-моему, где-то близко горит лес!

— Обычное дело, — сказал егерь. — Не затоптали охотники костра, вот тебе и пополз огонь... Ну, да это не наша забота. На то лесник есть. А нам — в другую сторону...

— Что вы говорите, Кузьма Лукич? Лес-то ведь теперь наш, народный, не помещичий! А вы говорите — в другую сторону! Нет уж, прошу вас, ведите меня в ту, а не в другую сторону.

Пожар, должно быть, начался недавно. Горела трава, тлел кустарник, черным облаком курчавился по земле едкий, удушливый дым.

— Сбегаю в село, позову мужиков, — предложил шофер.

— Ни к чему отрывать крестьян от дела, — сказал Ленин. — Попробуем потушить сами.

— Чем тушить-то? — развел руками егерь. — Разве податься к леснику? Тут недалеко. У него всякий инструмент имеется.

Пока егерь бежал к леснику, Ленин и шофер пытались

затоптать огонь сапогами. Дым щипал горло, ел глаза, забирался в ноздри.

Наконец появились егерь и лесник. Они несли лопаты и топоры.

Все начали окапывать горящий участок. Ильич с силой вонзал в дерн острую лопату и прихлопывал сырой землей оранжевые языки пламени. Лицо и руки его покрылись копотью, но Ленин ничего не замечал...

Когда огонь был сбит, Ильич посмотрел на свои черные руки, провел устало ладонью по лбу и сказал, вздохнув:

— В таком виде охотиться нельзя. Все звери от нас разбегутся. Отложим охоту до следующего раза...

И, вскинув за спину ружье, Ленин пошел в село. За ним молча потянулись шофер и егерь.

— Нечего сказать, отдохнул наш Ильич,— тяжело вздохнул шофер.— Мост чинил, ребят катал, митинг проводил, пожар тушил... Всегда так с ним...

* * *

Поздно вечером Свердлов позвонил Ленину по телефону.

— Как отдохнули, Владимир Ильич? — спросил он.— В лесу, наверно, сейчас благодать: тихо, спокойно, воздух чудесный.

— Прекрасно отдохнул, Яков Михайлович, прекрасно,— ответил Ленин. И, хитро улыбнувшись, добавил:— Я же говорил вам: лучший отдых для меня — это тишина, безлюдье и безделье.

Н. Жданов

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Есть в нашей стране знаменитый ученый Александр Степанович К-ов, автор многочисленных статей и исследований по электрификации, действительный член Академии наук. Когда решаются какие-либо важные вопросы, связанные со строительством новых электростанций, то дело редко обходится без его участия. Не раз бывал Александр Степанович и на Ангаре, и на Иртыше, и в Каховке.

Я познакомился с ним на строительстве Куйбышевской ГЭС.

В резиновых сапогах и брезентовой куртке, он ходил от одного бетонного блока к другому среди сварочных огней, рокота бетононасосов и виброхоботов, свистящих ударов паровых копров.

При словах «знаменитый ученый» мы склонны представить себе этакое почтенное старца в черном академическом колпаке. Поэтому я очень удивился, когда начальник участка, знакомя меня с Александром Степановичем, назвал его фамилию.

— Как, вы тот самый К-ов? — невольно воскликнул я.

— Тот самый, — подтвердил он и простодушно рассмеялся.

На вид ему можно было дать лет сорок, ну, сорок пять, не более. Смуглое от загара и ветра лицо, рабочая кепка, брезентовая куртка — все делало его похожим скорее на прораба, чем на академика.

Несколько дней спустя я встретил его совсем неожиданно на палубе теплохода, которым возвращался в Куйбышев.

Был вечер. Солнце только что зашло. В спокойной поверхности реки медленно потухала заря. Сидя в плетеных креслах на корме теплохода, мы долго любовались уплывавшими от нас Жигулями. Потом зашел разговор о будущем Волги, и я к слову заметил, что у электрификаторов хорошая профессия, и притом самая ленинская.

Александр Степанович, не отвечая, смотрел на одинокую звезду, засиявшую над рекой, и, казалось, о чем-то думал.

— Да, профессия хорошая, — отозвался он наконец. — И что касается меня, то я действительно многим обязан Владимиру Ильичу. И не потому только, что электрификация России — это его идея. Получилось так, что мне в детстве посчастливилось видеть Ленина. И вот, хотя был в те годы совсем еще, как говорится, неоперившимся птенцом, я потом много раз возвращался в мыслях своих к тем дням, и теперь мне кажется, что и в выборе профессии и во всем главном в моей жизни было какое-то влияние этой далекой встречи с Ильичем, озарившей особым светом все мое детство.

Я молча слушал, боясь перебить, и Александр Степанович продолжал, сам оживляясь постепенно этим воспоминанием.

— Жил я тогда у тетушки, солдатской вдовы, в деревне под Москвой. Родители мои умерли от тифа. Трудное было время, голодное. Мы с моим тогдашним приятелем Андрейкой Сизовым все на огороды бегали в соседнюю экономию, к сторожу дяде Даниле. То ему хворосту для костра наберем, то чем другим поможем.

Однажды дал он нам по кочану капусты. Я скорее домой: вот тетушка обрадуется! Бегу, гляжу: возы стоят

на дороге, и тоже с капустой. Думаю: «Еще скажет кто-нибудь, что я кочан стащил», — и скорее шмыг с дороги в кусты.

Гляжу: выходит из-за куста возчик. В брезентовом плаще нараспашку, с кнутом за голенищем.

— Ты что, сорванец, с возов воровать задумал! — да ко мне.

Я зажал кочан под мышкой и что было духу в лес. Он за мной. Схватил за рукав и дернул так, что я с ног долой. И капусту выронил.

Но я сразу вскочил, бросился животом на кочан, сцепился, держу и не то реву, не то рычу от обиды.

А возчик тоже, видно, вошел в раж — кнут схватил:

— Я тебе покажу, как безобразничать!

Вдруг слышу:

— Это что за экзекуция?

Голос гневный, твердый. А тут еще и слово такое незнакомое.

Смотрим, стоит человек с ружьем за плечами, видно, охотник. Руки в карманы засунуты. Лоб нахмурен, и глаза такие суровые, словно вся его сила не в ружье и не в руках, а вот в этом взгляде.

— Капусту с воза украл, — еще сердито, но уже как бы оправдываясь, проговорил возчик. — Нельзя так спускать, учить надо.

Трудно передать, какое горькое чувство охватило меня.

— Не крал я! — кричу. — Мне дедушка Данила дал! Спросите кого хотите! Провалиться мне сквозь землю, если не так!

— Чего врешь, чертенок? Вон возы на дороге стоят! — Возчик был уверен в своей правоте, и это крайне усиливало мою обиду.

— Все равно не крал!

И я заплакал навзрыд от отчаяния, от боли, от несправедливости.

— Не плачь, мальчик, встань, вытри слезы. — Охот-

ник помог мне встать и сам поднял с земли кочан.— Это кто же такой дядя Данила? — мягко спросил он.

— Сторож с экономии. Я ему хворост таскал, и Андрейка Сизов тоже. Он нам обоим по кочану дал.

— Да врет он,— возразил возчик, однако менее уверенно.

— Подождите, как вас зовут?

— Да что вам? Ну, Митрофаном зовут.

— А по бабушке?

— Ну, Савельичем.

— Так вот, Митрофан Савельич, вы совершенно убеждены в том, что не ошибаетесь? Вы проверяли? Наказать невинного — это, в сущности, то же преступление.

— Так вот же они, возы, стоят, посмотрите,— растерянно повторял возчик.— Сам же я капусту вожу.

— Но ведь не вся капуста на свете находится на этих возах. Есть тут экономия? Есть дядя Данила?

— Есть-то есть,— протянул возчик.

Все вместе мы вышли на дорогу. Страсти постепенно угмонились. Я уже не плакал. Возчик тоже успокоился. И охотник продолжал уже без гневной нотки в голосе:

— Видите ли, Митрофан Савельич, справедливость в каждом, даже маленьком деле — это одно из главных завоеваний нашей революции. Ведь правда? Ведь наша сила именно в справедливости. Не так ли?

— Справедливость, она, конечно, нужна,— соглашался возчик.— Без нее разве можно?

На дороге охотник с нами простился. Отдал мне кочан и опять пошел к лесу. Мы оба долго смотрели ему вслед.

— Это кто же такой? — спросил возчик.— Что-то вроде как лицо его мне знакомое.

Я, разумеется, не знал и молча рассматривал оцарапанную при падении босую ступню.

— Ты подорожник привяжи,— посоветовал возчик,— затянет, а то засоришь еще.

Придя домой, я вручил тетушке злополучный кочан

и, помня совет возчика, привязал к царапине подорожник. Нога моя быстро зажила.

И вот вскоре после этого Андрейка Сизов зазвал меня в бывший господский парк обследовать старые дупла.

Но сторож нас шуганул оттуда. Мы пошли на ручей, набрали сухих сучьев, развели костер. Сидим под вербой у огонька, греемся. Смотрим: идут от усадьбы через поле двое. Один высокий, в плаще и шляпе, а другой пониже, в кепке, в курточке с карманами и руки назад держит. Прошли близко от нас, ничего нам не сказали, между собой разговаривали. А когда возвращались, к нашему костру повернули.

Высокий говорит:

— Как, ребята, примете погреться?

Мы, конечно, молчим. Не жалко нам, да стесняемся.

Подошли они. Высокий начал сухие ветки обламывать и в костер класть.

— Люблю,— говорит,— огонь, часами могу на него смотреть.

А другой присел на чурочку, положил мне руку на голову, потрепал волосы и вдруг говорит:

— Да ведь мы, кажется, знакомы?

Я смотрю, он улыбается, и в глазах у него веселые такие искорки так и мечутся.

— Не узнаешь? — спрашивает.— А капуста-то вкусная была?

И тут я понял: это тот самый охотник, что меня от возчика защитил.

— Ой,— говорю,— спасибо вам, дяденька. Теперь,— говорю,— я вас тоже узнал.

Он засмеялся. Потом обнял нас с Андрейкой обоих за плечи и так все и сидел на чурочках у костра.

А высокий поднялся, посмотрел из-под руки вдаль и говорит:

— Велика Россия!.. И хорошо сказал про нее поэт: «Россия, слово-то какое — и роса в нем, и сила, и синее что-то».

Я запомнил эти слова, должно быть, потому, что как раз посмотрел на дальнюю полосу леса и подумал, что действительно есть там вдали что-то синее-синее.

Они попрощались с нами и ушли. А вернувшись в деревню, я узнал, что в бывшее имение приехал из Москвы Ленин, что он уже ходил на охоту и что некоторые из наших мужиков встречались с ним, даже один пожаловался: «В лавках ничего нет, купить ничего нельзя», — и что Ленин сказал: «Вот когда пустим фабрики, все у нас будет».

После этого стал я думать, уж не Ленин ли это был с нами у костра.

И когда мне показали его портрет, я сразу узнал чуть сощуренные, ласково-внимательные глаза, недавно смотревшие на меня.

Узнал я потом, тоже по портрету, и Горького, что был тогда с ним.

Кстати, в известных воспоминаниях Горького о Ленине есть одна фраза, на которую вы, быть может, не обращали внимания. Он там пишет: однажды, в Горках, лаская чьих-то детей, Ленин сказал:

— Вот эти будут жить лучше нас...

И когда я читаю это место, мне всегда чудится: это про нас с Андрейкой...

Александр Степанович как-то неожиданно замолчал, нахмурился и добавил тихо:

— Андрей Сизов командовал партизанским отрядом в Белоруссии. Там и погиб в бою в сорок втором году...

Вернувшись из командировки домой, в Москву, я достал с полки томик Горького, раскрыл воспоминания о Владимире Ильиче и нашел то место, о котором говорил Александр Степанович.

Вот оно:

«...однажды, в Горках, лаская чьих-то детей, он сказал:

— Вот эти будут жить уже лучше нас; многое из то-

го, чем жили мы, они не испытывают. Их жизнь будет менее жестокой.

И, глядя вдаль, на холмы, где крепко осела деревня, он добавил раздумчиво:

— А все-таки я не завидую им. Нашему поколению удалось выполнить работу, изумительную по своей исторической значительности. Вынужденная условиями жестокость нашей жизни будет понята и оправдана. Все будет понята, все!»

Е. Мар

ПЕРВЫЙ МЕТР

Этот день был, как всегда, до краев насыщен делами. Владимир Ильич председательствовал в Совете Народных Комиссаров. Освободился и усталый вернулся к себе в кабинет.

Так поздно Ленин не принимал посетителей. А на этот раз, вынув часы из кармана, взглянул на стрелки, показывающие уже за полночь, покачал головой и все же вызвал дежурного секретаря.

— Не ждут ли меня представители Палаты мер и весов из Петрограда? Они завтра должны отправиться дальше. Пусть зайдут! Я приму их, дело это первейшей важности.

Так и сказал: «первейшей».

Через минуту, когда в кабинет вошел профессор Блумбах, управляющий Палатой мер и весов, Владимир Ильич поднялся навстречу ему и его спутникам. Ленин усадил приезжих, спросил, не устали ли они: поезд с их вагоном прибыл два часа назад... Не так ли?

И услышал в ответ, что именно так. Однако они не устали и готовы к беседе.

Ленин с интересом рассматривал образец метра и килограммовую гирию с целым семейством малышей — двухсотграммовых, стограммовых и даже десятиграммовых гирек, привезенных представителями палаты.

Советская Республика переходила на новую метрическую систему мер. Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР, который Владимир Ильич подписал 14 сентября 1918 года, эта система становилась обязательной для

всей страны. Еще предстояла огромная работа. Однако уже был как бы приговорен к смерти знаменитый аршин, который, как известно, у каждого купца «свой», «особый».

На смену верстам должны были навсегда прийти километры. Вместо десятин — появиться гектары.

Владимир Ильич поднял образцовый метр и, любуясь им, поднес чуть ближе к лампе, а затем осторожно положил на стол.

— Мы думаем развивать нашу торговлю с другими народами, — сказал Ленин. — Торговля эта будет все обширнее. И не одной пенькой, как когда-то, станет торговать Россия. Единая для всех метрическая мера послужит сближению народов, постепенно, метр за метром, да, именно метр за метром...

Ленин высказал ту мысль, что метрическую систему надо распространять все шире и шире. И прежде всего обучить пользоваться ею ребят в школе.

Ленин поинтересовался: какое количество чугуна потребуется для постепенной замены старых гирь новыми?

— Мы просим шесть миллионов пудов чугуна — пока еще пудов, — заметил профессор, улыбаясь. — Но я надеюсь, что это будут самые последние пуды в России, пуды, из которых рождаются килограммы.

Владимир Ильич обещал поддержать просьбу работников палаты и проводил создателя первых советских метров и килограммов до дверей.

Советским ребятам не приходится теперь решать задачи, где путь измеряется верстами, а не километрами, а чай взвешивается фунтами, а не килограммами. А о вершках слышат из пословиц и поговорок, о дюйме знают разве только из старых книг да из сказки про Дюймовочку. Пусть же, прочитав этот рассказ, они представят себе кабинет Ленина в Кремле в тот поздний час, когда Владимир Ильич Ленин склонился над самым первым советским метром.

Многое в те дни рождалось такое, что было самым первым, раньше не существовавшим на нашей земле. И надо было помочь рождению этого нового.

Е. Мар

ХИТРОЕ ДЕЛО

Трое крестьян приехали к Владимиру Ильичу из дальней губернии и засиделись в приемной дольше всех.

Как только подходила их очередь, старший из ходяков, гвардейского роста, плечистый, с окладистой бородой, все уговаривал секретаря:

— Мы не торопимся, гражданочка-барышня. Дело у нас особое, лучше поговорить к концу.

Крестьянину казалось, что к концу приема у Ленина останется больше времени, чтобы не торопясь разобрать их «особое дело».

И вот уже все трое входят в кабинет. Владимир Ильич усаживает их у посетительского стола. А сам тут же присаживается на четвертое кресло, стоящее с краю.

— Рассказывайте, пожалуйста, с чем пришли, подробнее, не торопитесь,— обращается он к крестьянину с окладистой бородой, сразу угадав в нем старшего.

Владимиру Ильичу обычно еще до приема докладывали суть дела, по которому обращались посетители. И дело это, если судить по бумагам, ясное. Однако Ленин предпочел выслушать жалобщиков сам.

Живая речь, она полнее, чем холодная бумага, передает правду, за которой издалека пришли эти уже немолодые, видно, много выдавшие на своем веку люди.

— Мир прислал нас,— начал бородач.— На вас, Владимир Ильич, одна надежда. Кирпич, о котором, изволи-те ли видеть, спор идет, нашими руками сделанный. Вот

он, Дмитрич,— ходок показал на человека в солдатской шинели и с костью в руке,— несмотря на то что безногий, по кирпичному делу мастер отменный. Он этот кирпич и изготовил для общества.

Дмитрич, бритоголовый, маленького роста мужичок, согласно кивнул головой.

— Действительно, кирпич наш,— сказал он веско.— А смастерить хороший кирпич — дело, между прочим, хитрое. Дом из кирпича может простоять долго. И огонь и время ему, между прочим, не страшны.

— Но все же какой спор у вас возник из-за этого кирпича? — заинтересовался Владимир Ильич и, готовясь внимательно и с интересом слушать, чуть плотнее уселся в кресло.

— Да собрали мы деньги всем обществом,— сказал бородатый.— Вот он собирал,— показал он на этот раз на третьего ходока, как бы представляя его Ленину.— Единственный грамотный из нас. В лакеях у барина служил, вот и выучился.

И на этот раз третий молча кивнул в подтверждение.

— Порешили мы, Владимир Ильич, новую церковь поставить,— продолжал доверительно бородатый.— Старая у нас ветхая, вот-вот набок свалится. А сельсовет взял да и заарестовал наш общественный кирпич без всякого на то права. Ведь миром мы его делали, Владимир Ильич, всем обществом.

— Это так,— живо обернувшись всем корпусом к говорившему, сказал Ленин.— И кирпич надо отдать тому, кому он принадлежит,— значит, обществу. Пусть строит что хочет. Считайте, что кирпич ваш. Но только вопрос: что лучше сложить из этого кирпича? Давайте посоветуемся. Вот вы говорите, из вас троих один только грамотный. А в деревне многие грамоту знают?

— Еще волостной писарь. Да он сбежал, как несогласный с Советской властью,— ответил кирпичный мастер, которого звали Дмитричем.

— К врагам подался ваш грамотей. А далеко ли от селения школа? — спросил Ленин.

— Да три версты, а то и с гаком. Ребят малых матери не пускают. Вокруг волков страсть много.

— Вот видите, много волков. А не лучше ли вам, когда вернут вам кирпич, построить не церковь, а школу? Мы не неволим, дело ваше, мирское. Однако вам нужны грамотные люди, ой как нужны! Сложить школу, во всяком случае, легче, чем церковь, и, уж уверяю вас, полезнее. Но как общество решит,— снова сказал Владимир Ильич,— так и делайте. А мой совет крестьянам обязательно передайте.

Каменная школа, сложенная из кирпича, предназначенного сначала для церкви, стоит в селе Зеленом до сих пор. Это отличная школа!

Когда съезжаются на школьный праздник бывшие воспитанники средней Зеленовской школы, вы увидите среди них и колхозных бригадиров, и трактористов, и агрономов. Есть и Герои Социалистического Труда, и даже летчик — Герой Советского Союза.

А церкви вовсе нет в селе. Чем больше стало грамотных в Зеленом, тем меньше верующих. Церковь давно закрылась, и поп уехал в другую — дальнюю, глухую — деревню. Сначала в бывшей церкви устроили клуб, а потом церквушку снесли и выстроили на ее месте Дом культуры. Это большой красивый дом. Он построен из знаменитого и теперь в этих местах кирпича. Кирпич так и называют дмитровским, в память того старого кирпичного мастера, что побывал с ходоками у Ленина.

Ю. Мишаткин

ЛЕНИНСКИЙ КАРАНДАШ

С разными вопросами, делами и заботами приходили к Ленину люди. Как-то раз среди ходоков оказался маленький мальчик в овечьем тулупе и громадной мохнатой шапке. В Москву он приехал вместе с отцом, которого прислали к Ленину крестьяне. В назначенный час Ленин встретил ходоков на пороге своего кабинета.

— Здравствуйте, товарищи! — сердечно поздоровался он. — Проходите и присаживайтесь.

Степенно поклонившись, один за другим крестьяне двинулись в кабинет.

А отец мальчика наклонился к сыну и зашептал ему:

— Ты, Захарка, меня тут подожди. Только гляди — стой на одном месте и никуда уходить не смей.

Отец мальчика хотел было зайти следом за крестьянами в кабинет, но Ленин остановил его и спросил:

— Это ваш сын?

— Мой, — ответил крестьянин и, словно извиняясь, добавил: — Не на кого было дома оставить — мать-то весной от тифа померла. Вот и пришлось с собой взять...

— Зачем же ему одному скучать? — удивился Владимир Ильич.

Он взял Захарку за руку, привел его к себе в кабинет и усадил там на диван.

— Извините, товарищи, — сказал Ленин крестьянам. — Пока мы с вами будем заниматься делами, надо

придумать какое-нибудь занятие и для этого маленького товарища. И хорошо бы поинтереснее, чтобы ему не было скучно.

Ленин задумался, потер пальцем переносицу, а затем, что-то придумав, улыбнулся, подошел к письменному столу, вырвал из лежащего на нем блокнота листок и взял из стакана карандаш.

— Вот,— сказал Владимир Ильич и протянул мальчику листок с карандашом,— сиди и рисуй. А мы тем временем поговорим с твоим отцом. Ладно?

Захарка кивнул, взял листок бумаги и карандаш. Когда же Владимир Ильич вернулся к столу, мальчик повертел карандаш в руках и с любопытством начал его рассматривать, потому что раньше видел карандаши только у сельского писаря.

Закончив беседовать с крестьянами-ходоками, Ленин пожал каждому на прощание руку и подошел к Захарке.

— А ну-ка, показывай, что ты успел нарисовать! — попросил он, заглянув через плечо мальчика в листок, и удивленно поднял брови.— Ничего не нарисовал? Тогда забирай с собой карандаш. Дома порисуешь! — сказал Владимир Ильич и потрепал Захарку по голове.

Назад в свою деревню Захарка с отцом добирались долго. По несколько суток им приходилось дожидаться на заснеженных вокзалах поездов, которые в ту пору ходили очень редко и не по расписанию. Бывало и так, что на паровозе кончалось топливо. Тогда пассажирам приходилось идти по глубокому снегу в ближайший лес и рубить там дрова.

Целый долгий месяц находились в дороге ходоки. Лишь к концу зимы, когда начали таять снега, вернулись они домой в деревню.

По всей округе разнеслась весть об их встрече с Лениным. И не было дня, чтобы к ним в дом не приходили бы люди послушать рассказ о Владимире Ильиче и посмотреть на его карандаш.

— Ты этот карандаш береги! — посоветовал Захарке один охотник, пришедший в деревню с дальней таежной

заимки.— Самый главный человек этим карандашом писал. Выходит, что и карандаш этот самый главный.

— Знаю,— ответил Захарка и положил карандаш в берестяную коробку, а коробку запрятал на дно обитого жестью сундука.

* * *

Прошло двадцать лет.

В первый день Великой Отечественной войны Захар Селиверстов ушел добровольцем на фронт защищать от врага свою Родину.

Однажды после боя, длившегося почти двое суток, Захар Селиверстов пришел к комиссару полка и протянул ему свое заявление, в котором просил принять его в ряды великой Коммунистической партии.

— А почему вы написали заявление карандашом? — строго спросил комиссар.— Заявление в партию положено писать чернилами.

— Я писал ленинским карандашом,— ответил солдат и рассказал о своей встрече с Лениным и о его подарке маленькому мальчику из сибирской деревни.

Комиссар принял заявление Захара.

А вскоре все в полку узнали про ленинский карандаш, и к Захару начали приходить солдаты и командиры. Бойцы просили у Захара его карандаш, чтобы написать им свои заявления в партию.

Захар одалживал товарищам карандаш и ничуть не жалел, что он становился все меньше и меньше.

Е. Мар

НОЧНОЙ РАЗГОВОР

Кухня в квартире Владимира Ильича заменяла ему и членам его семьи столовую. Здесь они завтракали и ужинали, усаживаясь за покрытый клеенкой стол.

Владимир Ильич частенько сам подогревал себе ужин, потому что приходил поздно и не хотел беспокоить домашних. Подогревал его в той самой кастрюле с двумя заплатками, что и сейчас стоит среди кухонной утвари. Починил ее по просьбе Марии Ильиничны кто-то из работников гаража.

Ставил на огонь маленький рябой кофейник, в котором готовился кофе.

Гостей Владимир Ильич и Надежда Константиновна принимали в столовой, ну, а здесь, на кухне, ужинал с Лениным разве только старинный его знакомый Глеб Максимилианович Кржижановский.

Глеб Максимилианович по поручению Ленина работал тогда над первым планом электрификации России.

Именно здесь поздними зимними вечерами, когда все в квартире спали, Владимир Ильич и Глеб Максимилианович долго беседовали о том времени, когда Россия засияет тысячами электрических огней.

Оба они верили, что так будет, и хотели приблизить это замечательное время.

Как-то в декабре 1920 года после заседания Совнаркома Владимир Ильич зазвал к себе Глеба Максимилиановича «погреться чайком».

Разжигать самовар за поздним временем не пришлось. Хотя известно, чай из самовара вкуснее.

И Владимир Ильич неслышно чиркнул спичку, зажег керосинку, поставил чайник и заглянул в кухонный шкаф. Может быть, найдется чем потчевать гостя, хоть бы немного варенья — его как будто недавно выдавали.

Однако шкаф был пуст. И только на дне сахарницы лежал один-единственный кусочек сахара.

Хозяин смущенно развел руками:

— Вот незадача какая! — Будить хозяек ему, однако, не хотелось. — Не беда, — решил Владимир Ильич. — Я, например, очень люблю пить чай вприкуску. — Он расколочил злополучный кусочек сахара на равные дольки и любезно придвинул блюдечко гостю.

К этому времени вскипел чайник. Чай получился крепкий, душистый. И оба собеседника, с удовольствием прихлебывая его, продолжали разговор, начатый еще накануне.

— Как вы думаете, Глеб Максимилианович, — обратился Ленин к Кржижановскому, — а что, если поставить такую задачу: дать хотя бы по несколько лампочек в каждую деревню. Для начала осветить сельсовет, избучитальню, а потом и крестьянские избы. Не могли бы ваши инженеры подсчитать, сколько понадобится для этой цели небольших электростанций, построенных самими крестьянами, вроде Кашинской?

Глеб Максимилианович отставил стакан с чаем и тут же взялся за карандаш:

— Что ж, подсчитать нетрудно!.. Однако надо, чтобы такая станция оправдала себя и обслуживала, быть может, не одну, а несколько деревень...

Ленин перебил его:

— Нет, вы пейте, пейте, а то чай остынет. — Он придвинул сахар ближе к Кржижановскому. — Я сам запишу подробно все эти вопросы. А вы уж потом на них ответите.

Глеб Максимилианович все же заметил, что такой подсчет вполне возможен. И сделают это быстро.

— И подсчитайте, пожалуйста, сколько для этого понадобится столбов и сколько провода, — продолжал Ленин.

Он встал из-за стола и зашагал по комнате, заложив руки за спину. Затем остановился и сказал:

— Фантазирую, думаете? — и внимательно посмотрел на собеседника.

— Отчего же?! Какая тут фантазия! Вот вам и цифры! — Кржижановский уже что-то успел подсчитать. — Провода понадобится нам не менее двадцати пяти миллионов пудов. А это все, заметьте, медь! Столбы-то мы найдем в лесной России. А вот как быть с медью?

— Пустим всю медь, которая идет на колокола. И, уверяю вас, народ поддержит нас, если мы пообещаем дать ему электрический свет вместо колокольного звона.

Кржижановский еще раз удивился необыкновенной убежденности своего собеседника. Ленин любил мечтать, но он признавал только такую мечту, которую можно связать с жизнью и как можно скорее осуществить. Это был нетерпеливый мечтатель.

Продолжая пить чай с тем же самым, кажется, неистощимым кусочком сахара, Ленин и Кржижановский говорили о больших электростанциях, которые мы будем строить через год-другой. Должна быть использована энергия рек и такое дешевое топливо, как торф.

Время летело. Шел второй час ночи.

Кржижановский встал.

— А славно мы почаевничали, право, славно! — сказал Владимир Ильич.

Стараясь не разбудить домашних, он на цыпочках проводил гостя и закрыл за ним дверь.

А на другой день утром Владимир Ильич у себя в кабинете набросал свое знаменитое теперь письмо-задание Г. М. Кржижановскому.

Вот строки из этого письма:

«...в каждом уезде создать срочно не менее 1 электрической станции...»

Он писал в этом письме строго:

«...мобилизовать всех без изъятия инженеров, электротехников...»

Страна начинала большие работы по электрификации.

Е. Мар

ЛЕНИН ИДЕТ ЗА ПЛУГОМ

Все то, о чем будет здесь рассказано, происходило 22 октября 1921 года на опытном поле Бутырского хутора, что стоял тогда под Москвой. Впрочем, давным-давно на этом месте нет никакого поля, не осталось даже названия хутора.

Ребята, которые живут в построенных здесь домах, учатся в школе. Она и стоит около бывшего поля.

По нему тем хмурым дождливым осенним днем и шел за плугом Ленин.

Правда, плуг этот был не обычный, а электрический.

Владимира Ильича давно занимала мысль о том, как лучше использовать электричество для обработки земли.

Еще весной 1920 года рабочие Петроградской городской электрической станции построили небольшой электроплуг и в свободное время обрабатывали с его помощью общественный огород. Кто-то успел снять их на киноленту. Фильм увидел Владимир Ильич. Была тогда создана комиссия, которая так и называлась — «Электроплуг».

Владимир Ильич часто вызывал к себе ее работников и спрашивал, скоро ли будет изготовлен «электрический пахарь». И когда один из заводов не выполнил в срок заказ, Ленин потребовал наказать виновных.

— Текстильщики Иванова сами вынуждены впрягаться и тащить плуг, чтобы вспахать общественный огород. И такое положение повсюду. А мы тянем и тянем без конца с электрическим плугом! — возмущался Владимир Ильич. И требовал ускорить работы.

Наконец назначен день и час испытания первого электроплуга.

Кремлевский кабинет опустел. Приемы, даже самые срочные, отложены на завтра.

Вместе с Владимиром Ильичем поехали на Бутырский хутор Надежда Константиновна и Мария Ильинична.

Ленин и его спутники поздоровались с присутствующими. Владимир Ильич взглянул на часы:

— Время начинать.

Послышалась команда:

— Включить ток!

И огромный восьмикорпусный плуг с силой рванул вперед.

Владимир Ильич шел вслед словно зачарованный. Он глаз не мог оторвать от этого чуда. Лемеха легко поднимали огромные пласты.

— Вот так силища!

Ленин старался не отстать. Плуг то и дело вздрагивал и выскакивал из борозды.

— Что это он хвостом крутит? — с досадой спрашивал Владимир Ильич.

Холодно, ветрено. Но Ленин то и дело снимает кепку и вытирает пот со лба. Ему жарко от быстрой ходьбы.

Плуг остановился, когда на Бутырском хуторе смеркалось.

Владимир Ильич обратил внимание конструкторов на недостатки электроплуга.

— Я уверен, — сказал Ленин, — что электричество станет первым помощником крестьян.

И был очень рад, когда здесь же, на молочной ферме, смог наблюдать работу электросепаратора и некоторых других электрических машин.

Владимир Ильич и его спутники попробовали парное

молоко, которым их угостили на ферме учебно-опытного хозяйства (ныне Академия имени К. А. Тимирязева). А затем сфотографировались вместе с участниками испытаний. На снимке рядом с Лениным стоит белоголовый мальчик, сын доярки с Бутырского хутора.

Его называли почему-то Ежиком.

Ежик-то, уж конечно, дожил до того времени, когда электричество не только освещает дома в деревне, но и выполняет там многие другие работы.

С. Антонов

НЕВЫПОЛНЕННЫЙ ДОЛГ

Стоял веселый солнечный день. От широкой, поросшей буйной и высокой травой Китайгородской стены до Большого театра и бывшего магазина Мюра и Мерилиза вся площадь была заполнена народом. На зданиях висели красные полотнища, кое у кого в петличках пиджаков виднелись красные бантики, легкий ветерок шевелил кумач знамен...

Провожали красноармейцев и добровольцев, отправлявшихся на фронт. Белополяки ворвались в Западную Белоруссию и Украину, заключили союз с Петлюрой и, перейдя в наступление, подходили к Киеву.

Вокруг сквера у запущенного, обшарпанного здания Большого театра были построены красноармейские части, пришедшие сюда со своими знаменами и оркестрами.

Ближе к Малому театру собрались добровольцы.

Вместе с красноармейцами они должны были остановить врага. Шел 1920 год, война в разгаре, Россию терзали все, кто мог, и там, где не было войны, было тоже тяжело и лихо. Тиф сводил в могилу тысячи людей, в стране царили разруха и голод.

Добровольцы отправлялись на фронт наспех, в пути вооружаясь, в пути обмундирываясь, и нередко на передовую прибывали в своих зипунах, пиджаках, изношенных шинелях, сохранившихся со времен мировой войны.

На митинг перед отправкой на фронт должен был приехать Владимир Ильич Ленин. И люди, стоявшие в разных концах площади, иногда поднимались на цыпочки, чтобы посмотреть — не появился ли? Взоры их обраща-

лись к высокой дощатой, наспех сооруженной трибуне между двумя театрами, на которую вела крутая лестница из свежего теса.

Но Ленина еще не было...

У трибуны стоял на тяжелом деревянном штативе старый киноаппарат — аккуратный металлический ящичек с тубусом объектива и ручкой. Возле кинокамеры ходил высокий человек в черном пальто, длинном и узком, — оператор Федотов. Он ходил, прикидывая, каким планом, с какого места лучше всего снимать Владимира Ильича. Оператору было о чем подумать. Кассета его заряжена единственным и последним куском пленки, который хранился в киноотделе Моссовета как неприкосновенный фонд для чрезвычайного события. И вот это событие наступило. Кроме того, у оператора не было длиннофокусного объектива, а это значило, что снимать Ленина нужно с очень близкого расстояния, с двух-трех метров.

Федотов представил себе Ленина, взошедшего на трибуну, отмерил от нее метра два и установил аппарат.

Едва оператор успел это сделать, как приехал Владимир Ильич и быстро поднялся на трибуну. Припав к аппарату, оператор навел на фокус. В кинокамере появилось ясное и четкое изображение человека, который снял кепку и в порыве наклонился вниз, к добровольцам и красноармейцам.

— Товарищи! — громко сказал Владимир Ильич.

Федотов сам не заметил, как начал крутить ручку.

— Вы знаете, — продолжал Ленин, — что польские помещики и капиталисты, подстрекаемые Антантой, навязали нам новую войну. Помните, товарищи, что с польскими крестьянами и рабочими у нас нет ссор, мы польскую независимость и польскую народную республику признавали и признаем.

Ленин говорил о том, что поведение бойцов на фронте должно доказать, что они — солдаты рабоче-крестьянской республики и идут к польскому народу не как угнетатели, а как освободители.

Федотов снимал небольшими кусками наиболее выра-

зительные, характерные жесты Ленина, в перерыве между съемками смотрел на людей, густо заполнивших площадь, и выбирал общие планы, необходимые для перебивок. Нужен был и план с верхней точки. Оператор поднялся на несколько ступенек трибуны и осмотрел площадь от «Метрополя» до сквера с фонтаном, от трибуны до Китайгородской стены. Взоры всех были обращены к Ленину.

Когда Владимир Ильич, зажав кепку в правой руке, резко взмахнул ею и наклонился с трибуны к народу, Федотов опять завертел ручку и только теперь заметил, как немилосердно трещал его старый аппарат. Оператор подумал: вот сейчас Ленин, недовольный, повернется к нему...

Первое, что хотел сделать Федотов,— прекратить съемку. Но он знал, что это его долг—стоять здесь и снимать. «А в том, что трещит аппарат, я не виноват: другого нет».

Потом ему пришла мысль отодвинуться от трибуны подальше, тогда треск и шум не так сильно мешали бы оратору. Но в этом случае не удастся снять Ленина крупным планом—пропадет живая игра его глаз, губ.

«Нет, нельзя ни прекращать съемки, ни отодвигаться. Нужно стоять здесь. Здесь—и снимать!»

И Федотов снимал. Он закусил губу и, поддерживая старый аппарат, продолжал крутить ручку.

«Черт бы подрал эту мельницу!»—ругался он про себя, боясь встретиться глазами с Лениным. Но это случилось. Владимир Ильич взглянул в его сторону. Взглянул ли он случайно или нарочно, но оператору показалось, что с недовольным видом.

«Мешаю...»

Но и сейчас отступать от трибуны или прекращать съемку Федотов не мог. Он продолжал снимать, зло сжимая ручку трещавшего аппарата.

Ленин взглянул на него еще раз. И опять, как казалось оператору, взглянул недовольно. Федотов, делая паузы, продолжал снимать. «Что я могу сделать?—подкреплял он сам себя.—Мне нужно снимать...»

Он видел, как люди, пришедшие сюда перед отправкой

на фронт, получали от Ленина то, что было так необходимо им. Разбить врагов Советской Республики! Уничтожить их! Смести с нашей земли! Владимир Ильич был источником мужества, стойкости, решительности.

Именно эти черты хотелось запечатлеть Федотову в образе руководителя Советской Республики. Они дали бы, казалось оператору, наиболее точный портрет вождя и современникам и потомкам.

И Федотов продолжал делать свое дело.

Но здесь случилось самое страшное, чего так боялся оператор: пленка кончилась. Он сделал еще несколько оборотов ручки. Да, холостой ход, крутить легче, и пустой механизм трещит по-особенному металлически сухо... Все!

Федотов вздохнул и, раздумывая, успокаивая себя, решил, что все-таки ему удалось выполнить свой долг: наиболее интересные моменты речи он снял. Снял как раз те, которые ему хотелось снять; люди увидят Ленина — сурового, Ленина — решительного, Ленина — беспощадного к врагам... Вот таким, каким видели его эти красноармейцы и добровольцы.

Вскоре Владимир Ильич кончил свое выступление, и Федотов почувствовал себя даже счастливым: уж если он что и недоснял, то совсем маленькую толику, совсем крохотную!

Под шум аплодисментов, под мощные звуки «Интернационала» Владимир Ильич спустился с трибуны и направился в сторону оператора.

«Ну вот, сейчас мне и попадет...»

Проходя мимо Федотова, Ленин посмотрел на киноаппарат и, словно что-то вспомнив, улыбнулся оператору.

Тот приободрился и сказал:

— Извините, Владимир Ильич... Я вам мешал говорить... Уж очень старая камера...

Ленин остановился, выслушал, с интересом взглянул на аппарат.

— Ничего, ничего... Не волнуйтесь,— сказал он.— Каждый должен делать свое дело...

Владимир Ильич одобрительно взглянул на Федотова и неожиданно, разделяя слова, не без озорства, повторил, проходя дальше:

— Каждый должен делать свое дело!

Но через минуту, что-то заметив, Ленин снова остановился, хотя и спешил куда-то. Федотов, заинтересованный, сделал несколько шагов в сторону и увидел девочку лет трех. На ней было распахнутое пальтецо, старенькое платьице с выцветшими, когда-то веселыми цветочками. Волосы ее были тщательно уложены поровну в каждую сторону. У рта девочка держала не совсем чистый кулачок и, явно не представляя себе, что здесь происходит, без особого интереса смотрела на всех поочередно с одинаковым вниманием. Посмотрела на военного, проходившего мимо, на парня в пиджаке, шел мимо Ленин — посмотрела на Ленина.

Владимир Ильич наклонился к ней и погладил ее мягкие волосы.

Федотов, едва заметив, как Ленин подошел к девочке, по профессиональной привычке бросился было к аппарату, словно забыв, что в кассете нет ни одного метра пленки. И сейчас же остановился.

Девочка, которая не отпускала кулачка ото рта и все время озиралась по сторонам, сейчас подняла голову. Увидев склонившегося над ней Ленина, она доверчиво улыбнулась. Владимир Ильич тоже улыбнулся. Девочка засмеялась и, разжав кулачок, потрогала пуговицу на пиджаке Владимира Ильича. Тот снова погладил девочку по голове и, улыбнувшись, пошел дальше.

Федотов в досаде и негодовании на самого себя даже взмахнул кулаком. Ведь так недавно он считал, что честно выполнил свой долг!

«Грозный, решительный, суровый!» — повторял он свои слова, только минуту назад, казалось, полностью исчерпывавшие образ Ленина. — А где вот это? Где?»

До боли было обидно, что не смог он запечатлеть улыбку Ленина, его нежность, когда он случайно встретил девочку в платьице с выцветшими цветочками.

В. Тельпугов

ВАЗА

Ленин узнал о необыкновенной вазе от одного из совнаркомовских работников, который позвонил Ленину и попросил его взглянуть на открытое им чудо:

— Владимир Ильич, не пожалеете!

— Чудо, говорите? Надо посмотреть. Вот развяжусь со срочными делами и посмотрю непременно.

В одно из воскресений, неожиданно отказавшись от поездки на охоту, Ленин объявил домашним:

— Вернусь не под вечер, как было условлено, а гораздо раньше — через час-полтора. Возражений не будет?

Все дружно обрадовались:

— Хоть один день вместе!

Но напрасно родные ждали Ленина к обеду. С тихой, виноватой улыбкой появился он на пороге дома уже под самый вечер.

— Достоин и наказания и прощения одновременно. Но если выслушаете спокойно и до конца, я уверен, буду помилован подавляющим большинством голосов.

Не раздеваясь, присев на краешек стула, Ильич прямо в передней начал рассказывать об удивительной вазе:

— Да, да, это именно чудо, тут нет никакого преувеличения. Чудо, созданное не резцом прославленного ваятеля, а руками безвестных мастеров, простых рабочих. На что только не способны эти люди! Смотришь на их

работу и сам становишься умней и как-то благородней. Да, да, умней, выше и благородней во сто крат, черт возьми!..

Ильич поднялся со стула, глянул через стекло на потухавшую зарю и вдруг спросил:

— А знаете, почему я пробыл там так долго? Ну, кто угадает?

Все молчали, боялись неловким словом или жестом нарушить торжественность момента.

— Солнца дожидался!

— Солнца?!

— Да, самого обыкновенного! Сказали, что ваза особенно красива при солнечном освещении, а день, как назло, выдался мрачный, серый, только под конец стало немного разъясняться, и я увидел нечто совершенно непередаваемое! Слышите? Совершенно очаровательное! Максимум в будущее воскресенье вы убедитесь в том, что я ни капельки не преувеличил. Я сам вас сведу...

История не оставила нам никаких свидетельств о том, довелось ли Ленину показать вазу своим близким, но вмешаться в ее судьбу ему пришлось самым непосредственным образом.

О необыкновенной русской вазе скоро пронюхал кое-кто из иностранцев. Богатые и спесивые собиратели всяческих редкостей и ценностей, зловеще и жадно закружили они над сокровищем. У одного заморского воротилы так разгорелись глаза и зубы, что он предложил за вазу даже больше, чем деньги и золото, и настаивал на срочном ответе.

Об этом доложили Ленину. Так, мол, и так, Владимир Ильич, за вазу-то нашу дают цену неслыханную.

— Какую же именно?

— Страшно и говорить, Владимир Ильич.

— А все-таки?

— Пять новых, совершенно исправных паровозов!

— Паровозов?!

- Паровозов.
- Пять паровозов? Вы не ошиблись?
- Ровным счетом.
- На полном ходу, говорите?
- На полном.

Ленин, волнуясь, заходил по комнате:

- Есть над чем задуматься.
- В том-то и дело, Владимир Ильич.
- Ну и каково же ваше мнение? Ваша цена какая?
- Мы решили первым делом вам доложить. Вам, Владимир Ильич, видней.

— Я один этого тоже решить не могу. Давайте вместе думать, взвесим все «за» и все «против». Итак — вы хозяйственники, ваше слово первое.

- Россия разрушена, Владимир Ильич.
- Это, к сожалению, верно.
- Пять паровозов не шутка.
- Тоже, конечно, правильно.
- Хорошая, стало быть, цена, Владимир Ильич, красная.
- Превосходная! — согласился Ленин.
- Вот и мы так рассудили, Владимир Ильич. Нищая Россия-то.

Ленин пристально поглядел в глаза сказавшего эти слова:

— А вот это уж, извините, полнейшая чепуха! Разоренная, разграбленная — верно, но не нищая, ни в коем случае не нищая! Запомните это раз и навсегда! Вы сами-то вазу видели?

— Видели...

— Так как же можете вы после этого Россию нищей называть? А? Стыдно мне за вас, товарищи, честное слово, стыдно!

Ленин, заложив руки за спину, еще раза два прошелся перед притихшими и смущенными хозяйственниками, помолчал и уже гораздо более миролюбиво спросил:

- Правильно я говорю или нет?
- Справедливо, Владимир Ильич...

— Ну что ж, тогда будем считать, что решение по данному вопросу принято.

Разговор был окончен, но никто из пришедших к Ленину с места почему-то не тронулся.

— Вам что-нибудь непонятно, товарищи? Тут нужна полная ясность позиции.

— Как же и что, Владимир Ильич, теперь сказать покупателю?

— Так и скажите: Россия не нищая. Ваза не продается. Ни за пять паровозов, ни за двадцать пять, ни за какие коврижки! Объясните темному, безграмотному, невежественному господину, что вазу создал гениальнейший художник современности — его величество рабочий класс России. Вы все меня поняли?

— Все, Владимир Ильич.

— Тогда действуйте.

Люди вышли. Ленин остался один. Он подошел к замерзшему окну, подышал на ледяную корку, через образовавшуюся проталинку увидел вдалеке заводские трубы с гривками быстрого, легкого дыма и улыбнулся: точно такие же трубы с такими же веселыми дымками видел он отраженными в стенках вазы-красавицы. Только труб тогда было больше — дробясь и преломляясь в ее полированных гранях, они росли, множились, и не было им числа.

В. Панова

ЛИСТОК С ПОДПИСЬЮ ЛЕНИНА

Эту очень простую историю я слышала от одной женщины. Произошло это зимой 1920 года. Женщина была тогда девочкой-подростком, и звали ее не Мария Николаевна, а Маруся.

Марусина мать преподавала русский язык в школе красных курсантов. Жили мать и дочь скудно, как все в те времена.

Мать бывала по своим учительским делам в Наркомпросе и встречалась с Надеждой Константиновной Крупской. Однажды зашла она в Наркомпрос вместе с Марусей. Идут по коридору, и вдруг Надежда Константиновна навстречу. Поздоровалась и пошла, внимательно оглядев обеих. «А мы уж так плохо были одеты!» — вспоминает Мария Николаевна...

На другой день Надежда Константиновна вызвала к себе Марусину мать и спрашивает:

— Это вы с дочкой вчера были?

И дает ей листок, вырванный из блокнота, и говорит:

— Идите с этой запиской к бывшему Мюру и Меризу. Возьмете, что вам нужно, только стучитесь хорошенько: там заперто.

Смотрит Марусина мать — на листке подпись Ленина. Несколько слов его почерком и подпись внизу.

Надежда Константиновна улыбнулась ее волнению и говорит:

— Идите, идите к Мюру и Мерилизу.

Тут кругом стола люди с разными делами, и неловко Марусиной матери расспрашивать, что все это значит. Взяла Марусю и пошла, куда велела Крупская.

Мюру и Мерилизу до революции принадлежал самый роскошный и модный универсальный магазин в Москве. Это здание и сейчас стоит на Петровке; одно время москвичи называли его Большой Мосторг, а теперь оно называется ЦУМ — Центральный универмаг. Чего-чего в нем нет! С утра народу по всем четырем этажам, что пчел в улье... А в тот морозный, жестокий день двадцатого года, когда Маруся и ее мать подошли к этому зданию, высокие витрины были непроницаемо забраны ледяной броней, и заперто было все, и нemo. Только к одной двери была кой-как протоптана тропка в снегу. Они постучались, робея.

Человек в тулупе, с кобурой у пояса, отворил им. Прочитал листок с ленинской подписью и сказал:

— Заходите.

Не горело электричество. Еле пробивался свет дня сквозь толстый лед витрин. Холодно было — холоднее, чем на улице. И странно звучали шаги и голоса троих в пустой громадной каменной коробке. До крыши уходили бесконечными ярусами голые полки, но на нижних полках лежали редкостные, прекрасные вещи, нужные для жизни: овчинные тулупы, валенки, бязевое белье. И даже стояли сапоги из настоящей кожи!

— Что будете брать? — спросил человек с кобурой. Белые облака рвались из его губ и ноздрей.

— Не знаю, — смущаясь, ответила Марусина мать. — Вот если бы тулупчик для девочки.

— А тебе лично не нужен тулупчик? — спросил человек с кобурой.

— Куда же два? — сказала Марусина мать. — Я еще ничего. Перехожу как-нибудь. А она выросла очень...

— Ты слушай! — сказал человек с кобурой. — Тебя Ленин сюда направил, потому что ты перед революцией заслужила. Ты заслужила, видать из этого факта,

чтоб тебе одеться по-человечески и девчонку свою одеть! Бери что требуется, не стесняйся. Товарищ Ленин заранее на все изъявил согласие и утвердил. Он тебе верит, что лишнего не возьмешь. Видишь, вот его собственноручная подпись, этой подписью он за твою совесть ручается... Рубашки есть у девчонки?

— Нету,— прошептала мать.

— Ну, видишь! — сказал человек с кобурой.— И у тебя нету, факт.

И так как Марусина мать продолжала стесняться, он распорядился сам. Он сбрасывал на прилавок груды оконеченных товаров и рылся в них, выискивая вещи подходящего размера. Он отобрал два тулупа, две пары валенок, четыре смены белья и отмерил сколько-то аршин мануфактуры. Белье было солдатское, желтое, с завязками. Женского на складе не было.

— Ничего,— сказал человек с кобурой.— Где длинно, подрежете.

Он вписал вещи в листок с подписью Ленина. Марусина мать расписалась в получении, и они с Марусей ушли, сказав:

— До свиданья. Спасибо.

— Всего вам,— ответил человек с кобурой и запер за ними дверь.

И они, счастливые, пошли домой по снежной, нечищенной, малолюдной Петровке.

В новеньких, необношенных тулупчиках и валенках они пошли домой, пошли в свое будущее. Зимний день кончался, малиновая зорька горела над Москвой...

С. Антонов

ВСТРЕЧА В КРЕМЛЕ

Ленин стоял у окна, заложив руки глубоко в карманы брюк. В кабинете с двумя окнами и высоким потолком было холодно и сыро. Последние недели зимы выдались студенными, жестокими.

Владимиру Ильичу виден был Арсенал, изрешеченный осколками снарядов; Троицкая башня с огромным, четко вырисовывающимся на сером небе орлом, отсюда казавшаяся менее высокой, чем со стороны Манежа; кусочек Кремлевской стены и здание казарм. На площади, где осел булыжник, образовав ямы, вдоль Арсенала тянулся к Никольской башне ряд тоненьких фонарей, похожих на былинки, загнутые вверх крючком.

На дорогах к Троицкой башне и к Арсеналу, на широкой площади с фонарями снег был потоптан и замусорен. Только на крышах и на Кремлевской стене он лежал ровно, нетронутый и чистый.

За Кремлем стыли скованные морозом каменные дома. Вон там, за музеем и библиотекой Румянцева¹, еле виднеются трубы. Но сколько ни смотри, не заметишь дымка: нечем топить.

Зима обложила Москву кольцом холода. К врагам,

---

¹ Библиотека Румянцева — так называлась до 1924 года Государственная библиотека имени В. И. Ленина.

навалившимся на обескровленную, истерзанную в гражданской войне страну,— голоду, разрухе — прибавился еще один: холод.

Свирепствует тиф.

Ленин вздохнул. Потом он неожиданно резким движением вынул правую руку из кармана и сел за стол.

Простая, похожая на ученическую ручка, не дописывая и сокращая слова, быстро забегала по листу бумаги, оставляя неразборчивые фразы. Мысли обгоняли друг друга, и он стремительно записывал неотложные дела.

Среди дел, которые поглощали время и силы Ленина, были и забота о детских садах, порою остававшихся без дров, и выпуск книг для деревни, распределение пайков рабочим и положение на фронтах, тревожные сводки с которых он получал днем и ночью...

Перо на мгновение остановилось.

Тихо открылась обитая белой клеенкой дверь, ведущая в зал заседаний, и в ней показался секретарь.

— Владимир Ильич,— тихо позвал он.

Но Ленин не ответил, занятый работой.

— Владимир Ильич!..

Ленин поднял голову, сказал:

— Да, да,— и взял другой листок бумаги — для записки.

— Владимир Ильич, к вам товарищ Коршунов.

— Хорошо,— сказал Ленин.

Секретарь ушел, неслышно прикрыв за собой дверь, а Владимир Ильич продолжал писать, торопясь закончить записку. Ленин знал, что за время, пока секретарь пройдет зал заседаний, войдет в приемную, скажет посетителю: «Владимир Ильич просит вас», пока посетитель встанет, поправит прическу или что-нибудь в своей одежде, пройдет зал заседаний,— за это время, какую-нибудь минуту-полторы, можно прочесть письмо, пробежать глазами заметку в газете, написать, наконец, записку. Можно сделать много, очень много полезного и необходимого. Владимир Ильич писал, но, едва в дверях показалась худощавая, невысокая фигура ученого, старого

знакомого, немного смущенного и, видно, застенчивого, Ленин встал из-за стола и направился навстречу посетителю.

— Проходите, Леонид Алексеевич, проходите.— Владимир Ильич указал на одно из мягких кресел.— Садитесь, пожалуйста...

Леонид Алексеевич Коршунов как-то неловко, быстро прошел к креслу и спрятал ноги под стол, под прямым углом придвинутый к рабочему столу Ленина. Сделал Коршунов это так поспешно, что сам почувствовал неловкость и вновь смутился. Но, взглянув на Ленина, севшего в свое плетеное кресло, успокоился и только тогда повернулся к нему.

— Как здоровье, Леонид Алексеевич? — спросил Ленин.— Не жалуетесь?

— Спасибо, Владимир Ильич. Не жалуюсь...

— Хорошо. Трудное время, Леонид Алексеевич, и нам нужно его перебороть.

Когда Ленин умолк, Коршунов начал:

— Я относительно возможной экспедиции в Сибирь, Владимир Ильич. Вы, конечно, знаете, что тридцатого июня тысяча девятьсот восьмого года произошло чрезвычайно интересное для ученого мира событие. Явление довольно редкое, необычайное по своим масштабам и, быть может, значению. В сибирской тайге упал метеорит.— Здесь Коршунов взглянул на Ленина и отметил, что Владимир Ильич внимательно смотрит на него.

Коршунову показалось, что Ленин прекрасно знает о метеорите, знает мысли и желания ученого и что своим докладом он только отнимает время у занятого человека.

Коршунов запнулся:

— Этот метеорит... Впрочем, вы всё это знаете...

— Зря вы так думаете, Леонид Алексеевич,— заметил Ленин.— Я ничего не знал, кроме того, что где-то упал метеорит. Да, да...

Склонив голову набок, он подался к ученому и тихо произнес, улыбаясь:

— Даже года не помнил.

Коршунов тоже улыбнулся.

— Странное дело! — продолжал Ленин уже серьезно. — Многие почему-то считают, что Председатель Совнаркома, наркомы всё знают! А мы мало, очень мало, позорно мало знаем! И чем больше мы с вами будем встречаться, тем лучше! Продолжайте, Леонид Алексеевич. И не торопитесь.

Коршунов, ободренный и повеселевший, продолжал, излагая мысли, которые он давно хотел поведать Ленину:

— Если учесть, что самым крупным метеоритом считается метеорит весом в тридцать шесть с половиной тонн, за которым идет так называемый мексиканский в двадцать семь тонн, то наш сибирский метеорит лично мне представляется гигантом по сравнению с известными нам метеоритами. Но вся беда в том, что до сих пор точное местонахождение этого метеорита не определено.

— И вы хотите ехать за метеоритом? — спросил Владимир Ильич, когда Коршунов сделал паузу.

— Да, — ответил тот. — Совершенно верно. Хочу ехать за метеоритом. — И поспешил добавить: — Я понимаю, что сейчас не до них... Я буду просить совсем немного. Обидно, когда за границей создаются общества по изучению нашего русского метеорита, а мы...

— Нет, нет, нет, — быстро произнес Ленин. — За граница здесь ни к чему. Пусть и не мечтают. Что нужно для вашей экспедиции?

— Я заготовил. — Ученый из внутреннего кармана пиджака достал вдвое сложенные листки бумаги. — Я старался скромно, Владимир Ильич...

Ленин стал рассматривать список, и чем больше он в него всматривался, тем больше хмурился. Коршунову показалось, что печаль, которую ни разу не замечал он у Ленина, сейчас ясно проступила на его лице. Потом Владимир Ильич положил эти листы на стол, провел по ним левой рукой, разглаживая, и обратил к ученому свое суровое и все еще, как казалось тому, печальное лицо.

Коршунов медленно поднял глаза на Ленина и неуверенно произнес:

— Хотя... можно еще сократить список. Хлеба меньше... Да и с приборами... Теодолит¹ можно один сбросить, кроме того...

Ленин смотрел мимо ученого, в угол кабинета, казалось, не слушал и уже не замечал его присутствия.

— «Теодолит сбросить»,— повторил он, переводя взгляд сощуренных глаз на Коршунова, резко отодвинул свое плетеное кресло и, как бы в недовольстве и удивлении ударив пальцами по бумаге, вышел из-за стола.

Стараясь не смотреть на Коршунова, он засунул руки в карманы брюк и, бросая взгляды в окно, зашагал по кабинету.

— Там же тайга,— заговорил Владимир Ильич резко и твердо, словно стараясь помочь ученому уяснить положение вещей.— Тысячи верст непролазной и путаной тайги. Бурные реки. Зверье. Бездорожье. И ни души на сотни верст... Вы понимаете это?

Он остановился.

— Вы все это понимаете,— сказал Владимир Ильич более мягко и, снова посмотрев на список, продолжал: — «Фунт хлеба в день, пять фунтов сахара на всех, табак...» — читал он, и в голосе его слышались то суровость, то недовольство, то удивление, то вдруг покрывавшая все это печаль.

— Сахар можно сбросить, а табак, извините, необходим: от комаров спасает,— строго заметил ученый.

Точно не слыша, Владимир Ильич продолжал:

— «Меха для футляров под инструменты». Под инструменты! — повторил он.

Коршунов поднялся, и стекла очков его, в которых отразились окна, засверкали. Была в нем решимость человека, который идет на последнее средство.

— Владимир Ильич! — громко и твердо сказал он.—

---

¹ Теодолит — угломерный инструмент, которым пользуются при землемерных работах.

Товарищ Ленин! Нужно ехать! Поймите, нам выпало счастье. Не на чью-нибудь, а именно на нашу территорию упал этот метеорит, редкий гость космоса! А мы?.. Упал он во Франции, Америке — представляете, сколько — и каких! — экспедиций устремилось бы к нему! Да, мы нищие, голодные, нас душат интервенты, но, в конце концов, редкая возможность предоставлена только нам! Нужно ехать, Владимир Ильич!

И Коршунов сел в кресло.

— Конечно же! — воскликнул Ленин и подошел к ученому. — Конечно, нужно, необыкновенный человек Леонид Алексеевич! То, что вы просите, мы дадим. Но этого же мало! Разве с таким оснащением едут в Сибирь?! Его может хватить для экспедиции в Подмосковье! Это же крохи! Обидно, обидно! — повторил Ленин, и Коршунов понял, почему больно было Владимиру Ильичу. — Обидно, что таким людям, как вы, мы не можем еще дать всего необходимого, всего, чего они заслуживают! Но ничего! Дайте только нам срок!

— А-а... — растерянно произнес Коршунов, глядя на Ленина. Хотел сказать что-то еще, но лишь облегченно вздохнул и провел рукой по лбу, где выступил пот.

Ленин подошел к ученому, участливо спросил:

— Леонид Алексеевич, а если мы дадим только то, что написано здесь, вот в этом архиробком списке, — указал он рукой на бумаги Коршунова, — поедете?

— Владимир Ильич, я и не мечтаю о большем! Вот схлынет снег, подготовимся и поедем. В самом деле, больше ничего не надо. Ведь у вас и так все просят, все с вас тянут... А откуда брать?

— Поедете? — переспросил Ленин.

— Да, поеду.

— И больше ничего не попросите?

— Нет, ничего.

— Ничего, Леонид Алексеевич? — допытывался Ленин.

— Да.

Ленин недовольно кашлянул. Потом он взглянул ку-

да-то вниз, под стол, и лукавая улыбка заиграла на его лице.

— А нуте-с, батенька,— сказал он весело, по-дружески улыбаясь,— подойдите к этому окну, Леонид Алексеевич.

— Зачем, Владимир Ильич?

— Я вас прошу, Леонид Алексеевич. Подойдите к этому окну! Сделайте мне, батенька, одолжение.— И Ленин добавил, озорно погрозив пальцем: — Знаю я вас!

— Нет, Владимир Ильич. Если вы согласны, я, пожалуй, не буду отнимать у вас время...

— Нет,— добродушно сказал Ленин.— Я еще не согласен. Будьте любезны, подойдите к этому окну, Леонид Алексеевич.

Коршунов неохотно встал и в нерешительности, чего-то ожидая, смотрел на Ленина.

Но Ленин тоже не спускал с него глаз.

— Ну,— сказал он,— выходите.

— Пожалуйста.— Коршунов решил и вышел из-за стола.

Ленин посмотрел на ноги ученого и сказал:

— Ну вот. Так оно и есть. В чем же вы, батенька мой, поедете в тайгу? В этих рваных башмаках, которые расползутся на пятой версте от Москвы?

— Можно и в этих,— сказал Коршунов,— я их веревочкой... Внутри портянки, а сверху бечева.

— «Можно»,— повторил Ленин, раздумывая.— Ведь у вас, видно, вторых нет?

— Откуда? Были, истрепались. А эти я берегу...

— «Можно и в этих»...— снова повторил Ленин.— Простите, Леонид Алексеевич. Простите.

Ленин дотронулся до плеча Коршунова и усадил его. Заглянул в лицо— не обижается ли?— и, окончательно убедившись, что не обижается, успокоился и зашагал по комнате.

— Есть у нас необыкновенные люди,— заговорил он.— Вот Циолковский. Представьте себе провинциальный русский город. Где-то в старом деревянном домике, наверное, на улице, поросшей травой, где бродят гуси и

свиньи, живет старый учитель математики. Он получает свой паек — хлеб и селедку — и занимается вопросами полета в межпланетное пространство. Да еще, наверное, в нетопленной квартире сидит! И вы, батенька, по той же дороге: за тысячи верст, в тайгу, в Сибирь, в рваных штиблетах!

«Ну, а вы,— подумал Коршунов,— вы, Владимир Ильич? В стране, где не каждый может даже прочесть слово «социализм»,— строить социализм!»

И Коршунов вдруг ясно себе представил, что Ленина и его, Коршунова, что-то роднит, объединяет, что Ленин и он, Коршунов, совершают одно дело, оно — главное в жизни и Циолковского, живущего в Калуге и осваивающего Вселенную, и в жизни голодных рабочих, восстанавливающих заводы, и мужиков, поднимающих землю сохой... Оно свершается всеми ради будущего счастья.

Ученый ушел возбужденный и какой-то легкий. Он пробежал по двору Кремля, вышел на Красную площадь, думая о будущем, о мечте, которая непременно осуществится.

...Наступит время, когда задымят в стране заводы, даже те, которых пока еще нет, тракторные и автомобильные, замыслы которых только лишь рождаются у человека, работающего в небольшом холодном кабинете с высоким потолком... Всем будет доступно слово Пушкина и Толстого, потому что темная, полудикая Россия станет страной сплошной грамотности... И конечно же, научные экспедиции доберутся до Северного полюса, а может быть, кто-нибудь опустится на дно океана или поднимется за атмосферу. И руководителям этих экспедиций не нужно будет беспокоить организатора нового огромного государства, беспокоить из-за четвертушки хлеба в день и табака... И вырастут новые люди, с новыми понятиями о назначении человека... Это все будет.

А пока — неубранный снег на улицах, спешащие прохожие, которых подгоняет мороз; медленно плетущаяся лошадь, на которую кричит человек в армяке: «Эй ты,

шелудивая!»; наглухо закрытые лавчонки с железными вывесками: «Мартьянов», «Оптовая торговля Гурин и сыновья», «И. В. Кошкин. Скобяные товары». Это — пока.

...Проходит небольшой отряд красноармейцев в буденовках, везут на санях гремящие на всю улицу железные трубы: что-то восстанавливают или строят; в окне учреждения промелькнул портрет Карла Маркса и начало какого-то лозунга: «Да здравствует...» Из подъезда в подъезд перебежала женщина в красной косынке...

Среднего роста крепкий человек ходит по кабинету в Кремле, центре необъятной страны, думает, энергично и быстро что-то записывает ручкой, похожей на ученическую, и новые свершения, подвластные и уже такие близкие, которые преобразуют Россию, видятся ему.

А. Кононов

СУББОТНИК

Кто ездил в 1919—1920 годах по нашим железным дорогам, тот видел «кладбище паровозов». Так назывались места, куда сваливались исковерканные паровозы. Во время гражданской войны они были разбиты снарядами и теперь лежали огромными грудями, брошенные как попало, беспомощные, колесами кверху.

Было трудное время. Всюду виднелись следы войны: взорванные мосты через реки, сожженные дома в городах, разбитые паровозы на железных дорогах.

Советской стране приходилось заново строить свое хозяйство. И тут началось великое дело: советские люди стали собираться по праздникам или в будни — в свободные от работы часы — и трудиться бесплатно, чтобы помочь своей стране.

Начали это дело рабочие-коммунисты Московско-Казанской железной дороги 10 мая 1919 года.

Они добровольно, по собственному желанию, принялись разбирать «кладбище паровозов», отыскивали уцелевшие части, разгружали поезда с углем и дровами. Сперва такая добровольная работа делалась в конце недели, по субботам. Поэтому и дни, когда советские люди собирались для такой работы, стали называться субботниками.

По примеру железнодорожников Московско-Казанской дороги стали проводить у себя субботники и рабочие других дорог, заводов и фабрик.

А день Первого мая 1920 года был объявлен Всероссийским субботником. В этот праздничный день работали везде, начиная с Кремля и кончая рабочим поселком где-нибудь в далекой Сибири. Но на работу люди шли, как на праздник, — с оркестрами, с музыкой.

В этот день в восемь часов утра в Кремле три раза подряд ударила пушка. Рабочие, служащие, курсанты Кремлевской военной школы вышли на площадь.

Когда все выстроились в ряды, чтобы идти военным строем на работу, комендант Кремля сказал:

— Товарищ Ленин идет принять участие в субботнике.

Владимир Ильич прошел вперед быстрыми шагами.

Комиссар военной школы попросил его занять место впереди, справа, как старшему. Ленин сразу же стал, где ему указали.

Раздалась команда:

— Ряды, стройся!.. Направо, шагом марш!

Все пошли в ногу под музыку, по-военному, к тому месту Кремля, где были свалены бревна, камни, доски, мусор. Тут же валялись разбитые повозки; на земле виднелись ямы от разорвавшихся снарядов. Все это осталось здесь после сражения с белогвардейцами во время Октябрьской революции.

Нужно было за день очистить и привести в порядок всю Кремлевскую площадь.

Сначала взялись за бревна. Каждое бревно приходилось нести вдвоем, а то и вчетвером, если оно было очень большое. Ленин работал в паре с одним военным. Тот все старался подать Ленину тонкий конец бревна, а сам брался за толстый, более тяжелый. Но Владимир Ильич сразу это заметил и стал первый браться за бревна.

Тогда военный сказал:

— Мне двадцать восемь лет, а вам пятьдесят.

Ленин положил тяжелый конец себе на плечо и усмехнулся:

— Вот вы и не спорьте со мной, если я старше.

Перетащили с площади все бревна и взялись за

огромные дубовые кряжи. Их клали на палки и несли вшестером. Это была нелегкая работа; даже у привычных рабочих по лицам текли крупные капли пота.

Теперь с Владимиром Ильичем работали три курсанта и двое рабочих.

Один рабочий глядел, глядел на Ленина и наконец сказал:

— Владимир Ильич! Мы без вас тут сами управимся, у вас есть дела поважней.

Владимир Ильич ответил:

— Сейчас это дело самое важное.

И от яркого солнца, оттого, что рядом работает товарищ Ленин, все чувствовали: сегодняшняя трудная работа — это радостный праздник.

Каждый хотел отличиться в работе, слышны были шутки, смех, песни. Все старались не отстать от Ленина.

Наконец все устали и присели отдохнуть, покурить.

Владимир Ильич не курил да и отдыхать как будто не собирался. Он поглядывал то на часы, то на оставшиеся дубовые кряжи и груды камней. Наконец все-таки подсел к отдохавшим товарищам. Кто-то предложил ему закурить. Ленин отказался и рассказал, что он начал было курить, когда учился в гимназии, но скоро бросил и с тех пор не курит. Все рады были поговорить с Владимиром Ильичем подольше, но он опять вынул часы: все-таки, видно, он спешил куда-то.

После отдыха начали перетаскивать на носилках кучи камней и мусора. Ленин торопился, старался работать еще быстрее, но за несколько минут до конца субботника ему все-таки пришлось уйти: сегодня его ждали на закладке памятника Карлу Марксу.

Да и работы на площади осталось уже немного.

Участники субботника быстро ее закончили и разошлись, усталые и очень довольные. Сегодня они сделали действительно важное дело — на следующий субботник выйдет еще больше народу: подымутся новые миллионы повсюду, по всей необъятной Советской стране.

Я. Шведов

ЗАСТАВА ИЛЬИЧА

Где сталь шумит потоком,
Светла и горяча,
Раскинулась широко
Застава Ильича.
Там по ночам зарницы,
Стучат там молотки,
А утром, точно птицы,
Поют, поют гудки.

Как зарево пылала
Гражданская война,
В больших боях мужала
Советская страна.
Гудел гудок недолго,
Когда мы шли встречать
К Владимирской дороге
Родного Ильича.

Зелеными садами
По знойной мостовой
Шел Ленин вместе с нами
До Курской мастерской.
Рабочая слободка
Запомнила навек,
Как шел простой походкой
Великий человек.

Горят цеха огнями,
Светлы и высоки,
Над новыми цехами
Поют, поют гудки.
Ты вечно величава
Для сердца москвича,
Рогожская застава —
Застава Ильича.

В. Тельпугов

НАДПИСЬ НА КНИГЕ

В воскресенье под вечер в квартиру Василия Сергеевича Бармина постучали как-то необычно. Так никто в семье профессора не стучал.

— Кто тут? — не отворяя двери, спросила Мария Павловна.

Голос пришедшего был еще более деликатным, чем его стук:

— Не знаю, как вам и сказать. Я немножко знаком с товарищем Барминым. Могу я его видеть?

Щелкнул замок. Из синего полумрака лестничной клетки навстречу Марии Павловне шагнул невысокий человек в пальто с поднятым воротником:

— Дома товарищ Бармин?

— Василий Сергеевич ушел к больному. А вы на что жалуетесь?

— Врачи утверждают, что у меня миллион всяких болезней, но если я и могу на что-нибудь пожаловаться, так это на невезение. Хотел просто повидать товарища Бармина, сказать ему несколько слов. Очень обидно, что не застал!

— Может, подождете? Он обещал не задерживаться — нынче день как-никак воскресный, хотя бывает, конечно, всякое.

— Откровенно говоря, и у меня еще уйма всяких дел.

— Ну, как знаете.

— Если можно, дайте, пожалуйста, чернила и ручку.

— Вот стол Василия Сергеевича. Здесь все найдете.

Мария Павловна ушла за ситцевую занавеску и тут же вернулась с высокой медной коптилкой. От зыбкого света заметались острые тени по всем стенам и уголкам маленькой, тесно заставленной комнаты.

— Садитесь и пишите.

— Благодарю вас.

Хозяйка снова вышла. Незнакомец сел за стол и, глядя в окно, совсем уже затянувшееся изморозью ранних зимних сумерек, задумался.

«Вот странно,— удивилась Мария Павловна,— сказал, что спешит, а сам...»

Будто угадав ее мысли, он зашуршал бумагой, а еще через минуту поднялся, подошел к занавеске, стал прощаться:

— Я у вас тут наследил, наверно, и вообще нагрязнул не ко времени.

— Что вы! — сдержанно, но учтиво ответила хозяйка. — У нас всегда люди.

— А я все-таки чувствую себя неловко, тем более что живете, как погляжу, и в тесноте, и, наверно, чуть-чуть в обиде. Сколько у вас раньше было комнат?

— Пять.

— А сейчас?

— Одна.

— Вот видите, значит, в обиде.

— Но на то есть своя причина.

— Какая же?

— Революция. Все сразу разве может наладиться? А вы как думаете?

— Признаться, я думаю примерно так же, но ведь профессор Бармин не буржуй какой-нибудь, у него же руки золотые, ему нужно много работать.

— Это верно,— вздохнула хозяйка.— Честно говоря, я на месте властей выделила бы ему комнату для работы — одну-единственную.

— Невзирая на революцию?

— Невзирая.

— Совершенно согласен с вами! И уверен, как только революция немножко разбогатеет, она не покусится для таких людей, как товарищ Бармин!

— Вы в этом уверены?

— Совершенно уверен!

— Ну, дай вам бог доброго здоровья!

— Ручаюсь, что в бога вы не верите,— усмехнулся незнакомец, уже переступая порог.

— Это к слову. Как же все-таки мне рассказать о вашем приходе мужу?

— Расскажите все, как было: появился в неурочный час, наташил грязи и до неприличия торопился. Но, говоря по совести, есть у меня одно смягчающее вину обстоятельство — я действительно очень занят, а в воскресенье почему-то особенно. Всего вам доброго!

— Будьте здоровы.— Мария Павловна зябко пожалала плечами.

Василий Сергеевич возвратился в тот день гораздо позднее, чем предполагал.

Мария Павловна уже начала немножко сердиться на вечно занятого мужа. Она даже забыла сказать ему о странном посетителе.

Только утром, собираясь в клинику, профессор обнаружил у себя на столе незнакомую книжку, лежавшую поверх всех бумаг.

— «Ленин. Великий почин»...— растерянно прочитал на обложке еще ничего не понявший Бармин.— Машенька, поди-ка сюда! Откуда это у нас?

Как раз в эту самую минуту книжка перегнулась пополам на ладони Бармина и, прошуршав новенькими страницами, раскрылась на титульном листе, поперек которого, с угла на угол, пробежала фиолетовая прыгающая строчка:

«Дорогому товарищу Бармину на добрую память. С глубоким уважением. Автор».

— Я сама хотела спросить тебя, кто это был у нас вче-

ра, Вася? — сказала Мария Павловна. — Что за человек такой?

— Вот именно, Машенька, человек! — весь вдруг засиял Бармин. — Ты же у меня умница, всегда находишь слово самое лучшее, самое точное!

Помолчал и добавил:

— Самый настоящий человек из всех, кого я встретил за свои семь десятков. Понимаешь, самый!..

Профессор взглянул на часы, крепко обнял жену и с подарком в руках заторопился к выходу. Притворив за ним широко распахнувшуюся дверь, Мария Павловна стояла в передней и слушала, как дробно и молодо стучали по гулким ступенькам лестницы его каблуки.

М. Прилежаева

КОМСОМОЛИЯ

Всем известно, что комсомольцы — смелые ребята, передовые ребята. Надо партии для пользы народа послать на опасное дело бесстрашных людей — кто впереди? Всегда комсомольцы.

Небывалые дороги надо прокладывать — кто откликнется по первому зову? Комсомольцы. Война — комсомольцы не дрогнут.

Тысячи подвигов совершили комсомольцы на гражданской войне. Тысячи поросших травой и цветами комсомольских могил в сибирских землях, на Украине, в Крыму и Поволжье, под Курском и Питером. Тысячи комсомольских героев...

Владимир Ильич отложил карандаш. Листок бумаги на столе исписан тонким высоким почерком. Ленин набрасывал план выступления.

Сегодня он выступает на III съезде комсомола. А всего Российскому комсомолу от роду два года. Интересно было Владимиру Ильичу думать о комсомольцах. Задиристые, упорные! Дети рабочего класса и бедных крестьян. Мы сделали революцию, думал Владимир Ильич, а достроить коммунистическое общество как надо едва ли успеем. Молодое поколение будет достраивать. Вы, комсомольцы, в первую очередь!

Тем временем комсомольские делегаты собирались на съезд. Прямо с субботника. Все утро разгружали на вокзалах товарные платформы, складывали в поленницы на складах дрова, наводили порядок на улицах. Прихорашивали Москву.

Был холодный день 2 октября 1920 года. Небо серое. Вдруг налетит ветер, и туча желтых листьев взвьется с ветвей на бульваре, покружит в воздухе и опадет на землю шуршащим дождем.

Комсомольцы радовались свежести утра, и сухому шороху листьев, и общей работе, от которой горели ладони.

А главное, сейчас на съезде выступит Ленин!

Понятно, комсомольские делегаты со всех ног спешили к назначенному часу в дом № 6 на Малой Дмитровке. Теперь в этом доме Театр Ленинского комсомола. Тогда театра не было. Сцены не было. Вместо сцены некрашенные подмостки без занавеса. Длинный стол на подмостках и кафедра. Да плакаты и лозунги на красных полотнищах.

«Ты записался добровольцем?—спрашивал с одного плаката красноармеец в буденовке и властно указывал пальцем: — Ты?»

А многие комсомольцы как раз приехали с фронта. Ведь эти комсомольские делегаты из разных городов и деревень были не школьники. Кто грамоту знал, а кто и нет, кто и книжки ни разу в руках не держал. Зато они беспощадно громили на фронтах белогвардейские банды. Зато без страха отбирали у кулаков припрятанный хлеб. Зато готовы были в огонь и в воду за Советскую власть.

И сердца комсомольские с волнением выстукивали: сейчас будет Ленин. Услышим Ленина!

В ожидании они тесно сидели на скамьях, плечом к плечу, в шинелях и кожанках. Комсомольцам двадцатых годов особенно нравились черные кожанки, как у Свердлова. Шинель — тоже неплохая одежда, пропахшая потом и порохом боевая шинель. И папаха или буденовка с красной звездой.

«Что Ленин скажет?» — гадали делегаты. И ждали: скажет о войне. В бой позовет, к геройству и подвигам.

Красная Армия гнала беляков. Но еще не кончилась гражданская война.

Смело мы в бой пойдем,—

поднялось в одном конце зала. И загремело мощно и гулко:

За власть Советов.
И, как один, умрем
В борьбе за это!

Но вот все примолкло. Начались выборы президиума, как всегда на собраниях. Стол для президиума был покрыт красным сукном. Товарищи заняли места. Два портрета висели на стене. Маркс и Энгельс внимательно и с приязнью глядели на комсомолию.

Вдруг раздалось восторженно:

— Ленин!

Комсомольцы вскочили, захлопали в ладоши. Ленина комсомольцы любили, гордились им.

Ленин снял пальто с черным бархатным воротничком и аккуратно положил на стул. Поздоровался за руку с товарищами, которые сидели в президиуме. И все его жесты, улыбка и все, что он делал и как делал,— все его поведение до того комсомольцам понравилось, так был он дорог и мил, что у многих этих боевых комсомольских ребят слезы стояли в глазах от любви и какого-то необыкновенного счастья.

Ленин подошел к краю подмостков, вынул из жилетного кармашка часы на цепочке, без крышки. Показал: кончайте, мол, хлопать, будем работать.

И еще больше комсомольцам понравился.

И если бы он сказал: «Ребята! Все до единого, не медля минуты, на фронт!» — все, как один человек, ушли бы на фронт.

Но Ленин сказал другое. Сначала комсомольцев взяло смущение. Сначала не поняли.

Ленин не стоя говорил, а прохаживался по краю подмостков. Было тесно. Кто постарше из президиума

заняли места за столом. Стульев не хватало, члены президиума — комсомольцы, недолго думая, уселись прямо на подмости. Ленин осторожно шагал мимо них. И говорил.

О чем же? О том, что сейчас задача комсомольцев — учиться.

Поразились комсомольцы. Владимир Ильич видел удивление, растерянность на молодых, жадно внимающих лицах и старался как можно понятнее объяснить свою мысль. Скоро мы кончим гражданскую войну. Прогоним врага. А дальше? Начинать надо строить. Заводы, фабрики, тракторы, самолеты, машины. Электрифицировать надо страну. А что такое электричество, товарищи комсомольцы, вы знаете?

Надо знать, много знать!

Владимир Ильич толково и просто доказал комсомольцам, что без знаний невозможно построить коммунистическое общество.

Надо знать и трудиться. «Только в труде вместе с рабочими и крестьянами можно стать настоящими коммунистами». Владимир Ильич говорил, что учиться коммунизму — это значит каждый шаг своей жизни связывать с борьбой пролетариев против старого общества. И строить новое, коммунистическое.

А. Кононов

БОЛЬШОЕ ДЕРЕВО

Деревья в парке были большие, тенистые. И росли они на высоком месте.

Отсюда, с горы, было видно поле, за полем — деревня, за деревней — железная дорога. А слева от парка текла речка Пахра.

Иногда Владимир Ильич спускался по тропинке вниз, шел к речке, встречался с крестьянами, беседовал с ними про их дела.

А иногда останавливался на дорожке в парке и следил, как тают за деревней белые дымки над далекими паровозами.

Возле дорожки, на повороте, росла большая ель. Ветви ее нависали над дорожкой, и на песок падала тень, такая густая, что солнечных кружков в ней можно было насчитать три-четыре, не больше.

Сюда в жаркие летние дни собирались играть ребята. Усталые люди садились отдохнуть под деревом.

Однажды (было это в июне 1920 года) пришел Ленин к этому месту и увидел: остался от большой ели один пенек, а ствол лежит на траве спиленный. Верхушка и сучья обрублены топором.

Владимир Ильич вернулся домой и стал расспрашивать:

— Кто срубил? И как это комендант не уследил?

А комендант в Горках заведовал всем хозяйством: домом и другими постройками, электрической станцией.

И парк охранять тоже было его обязанностью.

Пошли к коменданту узнавать, как это случилось, что в парке стали рубить деревья.

И оказалось, что срубил елку сам комендант.

Узнав про это, Владимир Ильич рассердился не на шутку:

— Экое безобразие! Посадить его под арест!

Коменданту и в голову не приходило, что его так накажут.

И он пошел к Ленину объяснить, зачем спилил дерево.

Но Владимир Ильич ответил ему строго:

— Деревья в парках растут не для того, чтобы их на дрова рубили! Это и маленьким ребятам понятно. А вы ведь взрослый человек.

Комендант расстроился и начал не совсем связно говорить, что, конечно, он сделал ошибку, но нельзя ли для первого раза как-нибудь полегче наказать его.

— Полегче? — удивился Владимир Ильич. — Да ведь это не мое дерево. Это народное достояние. Значит, нельзя полегче.

И комендант ушел ни с чем.

В тот день даже кто-то из родных стал заступаться перед Владимиром Ильичем за коменданта. А Ленин сказал: хуже всего, что срубил дерево не кто-нибудь другой, а именно комендант. Человека поставили охранять народное имущество, а он его портит. От этого его вина еще больше.

Так и отсидел комендант неделю под арестом.

Ю. Яковлев

ШЕЛ ОТРЯД

Пыль клубилась на дороге.
В ногу,
К ряду ряд,
Шел вихрастый,
Босоногий
Удалой отряд.

Впереди ребят
Вожатый
С выправкой бойца
Шел в буденовке помятой,
В сапогах отца.

Сапоги великоваты
И гремят,
Как гром,
Но нельзя, чтобы вожатый
Топал босиком.

В путь отряд собрался рано,
Зашагал чуть свет.
Ни трубы,
Ни барабана
У отряда нет.

Только плещется и вьется
Низко
У плеча
Легкий,
Выцветший от солнца
Флаг из кумача.

Чтоб ребята до привала
Не жалели ног,
Начал песню запевала —
Рыжий паренек.

Голос бойкий раздавался
Громче,
Горячей,
По округе разливался
Звонко, как ручей.

Запевалой эскадронным
Брат парнишки был.
На коне
В строю с Буденным
В бой не раз ходил.

И, бывало, в час тяжелый,
Под пургой, во мгле,
Конник смелый и веселый
Запевал в седле.

Пуля песню оборвала,
Голос замер,
Стих...

Пой, отрядный запевала,
Сразу за двоих!
Откликались ему рядом
Десять голосов.

Солнышко сожгло ребятам
Кончики носов.

За день солнце обходило
С трех сторон ребят.
Шел отряд...
И это было
Много лет назад.

Мимо рощицы зеленой
Шел отряд и пел.
Загорелый,
Запыленный,
Долгим маршем утомленный,
Шел и не робел.

Только гуще пыль клубилась,
Видно, неспроста.
И длиннее становилась
Новая верста.

Ветерок речной с разлета
Знамя развевал...
И тогда у поворота
Сделали привал.

Все расселись у дороги
После трудных верст.
Только знаменосец строгий
Не покинет пост.

В свежую траву не ляжет,
Раз под знамя встал.
Он и виду не покажет,
Что в пути устал.

Даль оглядывает зорко,
Караул несет.

Тут заметил он
К пригорку
Человек идет.

Невысокий ростом,
Крепкий,
Подошел к реке;
В светлой куртке,
В мягкой кепке,
С колоском в руке.
Торопливыми шагами
Путь сюда держал.

И в руках
Родное знамя
Знаменосец сжал.

И узнал он по походке
И по свету глаз,
И узнал он по бородке
Ленина тотчас.

Глядя на вождя родного,
Паренек застыл.
Хочет вымолвить он слово,
Да слова забыл.

Прошептал мальчишка:
— Ленин!..—
А глаза горят.
Охватило тут волнение
Сразу весь отряд.

* * *

Дружно встал отряд под знамя,
Замер, не дыша.

Тихо знамя над рядами
Реяло, шурша.

Впереди ребят вожатый
С выправкой бойца
Встал в буденовке помятой,
В сапогах отца.

С Ильича ни на мгновение
Он не сводит глаз:
— Мы пришли,
товарищ Ленин,
Получить приказ!

...Вдоль границы скачут кони
В тишине ночей.
Но уходит от погони
Банда басмачей.

Тяжело заставам биться,
Смены ждут стрелки...

— Нас пошлите на границу,
Дайте нам клинки!

Улыбнулся молча Ленин
Уголками глаз:
— На границе в подкрепленье
Нет нужды сейчас...

Посмотрел вожатый смело
На своих ребят
И рукою загорелой
Сдвинул шлем назад.

...Взорван мост,
А нужен новый
Выстроить сейчас...

— Мы и плотничать готовы,
Дайте нам приказ!

Тут глаза прищурил Ленин.
Спрашивает он:
— А в таблице умноженья
Кто из вас силен?

Смолк вожатый смуглолицый.
Пареньки молчат.
Видно, не силен в таблице
Удалой отряд.

Говорит товарищ Ленин:
— Вы должны понять:
Коммунистом без ученья
Невозможно стать!
Мы хотим, чтоб ток стремился
К лампочкам,
К станкам,

Чтоб в песках канал пробился
К дальним кишлакам,
Чтоб машина убирала
Урожай страны.
Только тут желанья мало —
Знания нужны...

И в строю стоящих рядом
Тихих пареньков
Вдруг окинул долгим взглядом
Вождь большевиков.

В тишине Ильич услышал,
Как стучат сердца.
И тогда из строя вышел
Первым
Сын бойца.

Запевала встал с ним рядом,
Отчеканив шаг.
Знаменосец над отрядом
Поднял выше флаг.

И вожатый смуглолицый,
Оглядев свой ряд,
Клятву дал вождю:
— Учиться
Будет наш отряд!

Смотрит ласково и строго
Ленин,
Как отец.
Вдаль,
Вперед бежит дорога,
Из конца в конец.

Развевает ветер знамя,
Набежав с реки.

* * *

Коммунистами с годами
Стали пареньки.

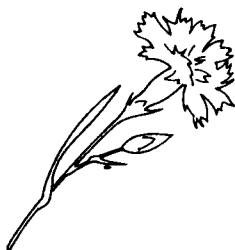
Слово Ленина ребятам
В жизни помогло:
Стал электриком вожатый,
Осветил село.

Знаменосец по Байкалу
Водит корабли,
Чистый голос запевалы
Слышит полземли.

И уже пришли другие
Ленинцы в отряд —
Молодые,
Боевые,
Смело встали в ряд.

Огласилась площадь рано
Звонкой песней их —
Трубы есть
и барабаны
Громкие у них.

В ногу,
С песнями
Колонны
По стране идут.
Пионерские знамена
Ленинцев ведут.

А. Кононов

ПОЕЗДКА В КАШИНО

В 1920 году жители деревни Кашино выстроили у себя электрическую станцию. Тогда это было очень трудное дело: не было самых нужных материалов; гвоздь и тот стал в деревне редкостью.

И вот в такое время кашинские крестьяне сами, своими силами, по своему собственному желанию, начали строить электрическую станцию. Достали с большим трудом несколько мотков телефонного провода. Он был очень толстый, крученный из проволоки. Его разостлали по земле и стали раскручивать щипцами, клещами и просто голыми руками. Раскрутили — получилось много проволоки.

Из лесу привезли бревна, распилили на столбы, гладко остругали. Теперь надо было добывать электрическую машину — динамо.

Если в те времена нелегко было купить гвоздь, то каких же трудов стоило достать динамо-машину!

Поехали кашинские крестьяне в Москву. И куда бы они ни приходили, начинали разговор с того, что вот у Ленина есть план — провести электричество по всей стране; они, значит, по этому ленинскому плану и действуют.

И хоть не сразу, а добились кашинцы своего: получили динамо-машину.

Привезли ее в Кашино, поместили в большом сарае.

Поставили по всей улице столбы, натянули проволоку, в каждую избу дали по электрической лампочке.

Когда все было готово, послали письмо Ленину — пригласили его на открытие электростанции.

Письмо послали, а не верилось: где же Ленину приехать, некогда ему...

Все-таки стали готовиться. В самой большой избе поставили длинный стол, лавки, а все лишнее — сундуки, кровати — вынесли вон. Наварили, напекли, сколько могли, угощения.

Наступил день открытия электростанции — 14 ноября.

Крестьяне уж и не знали, ждать ли Ленина.

И вдруг на дороге показалась легковая машина.

Ребятишки первые побежали навстречу. Машина остановилась. В ней сидели Владимир Ильич и Надежда Константиновна.

Владимир Ильич спросил ребят:

— Где тут у вас электростанция?

Ребята обрадовались:

— Прокати, тогда покажем.

Посадил Ленин ребят в машину, поехали.

У большой избы встретили его крестьяне.

Начался в избе разговор.

Ленин рассказал о победе Красной Армии над белогвардейцами, поздравил крестьян с этой победой.

Стали крестьяне рассказывать ему о своих делах.

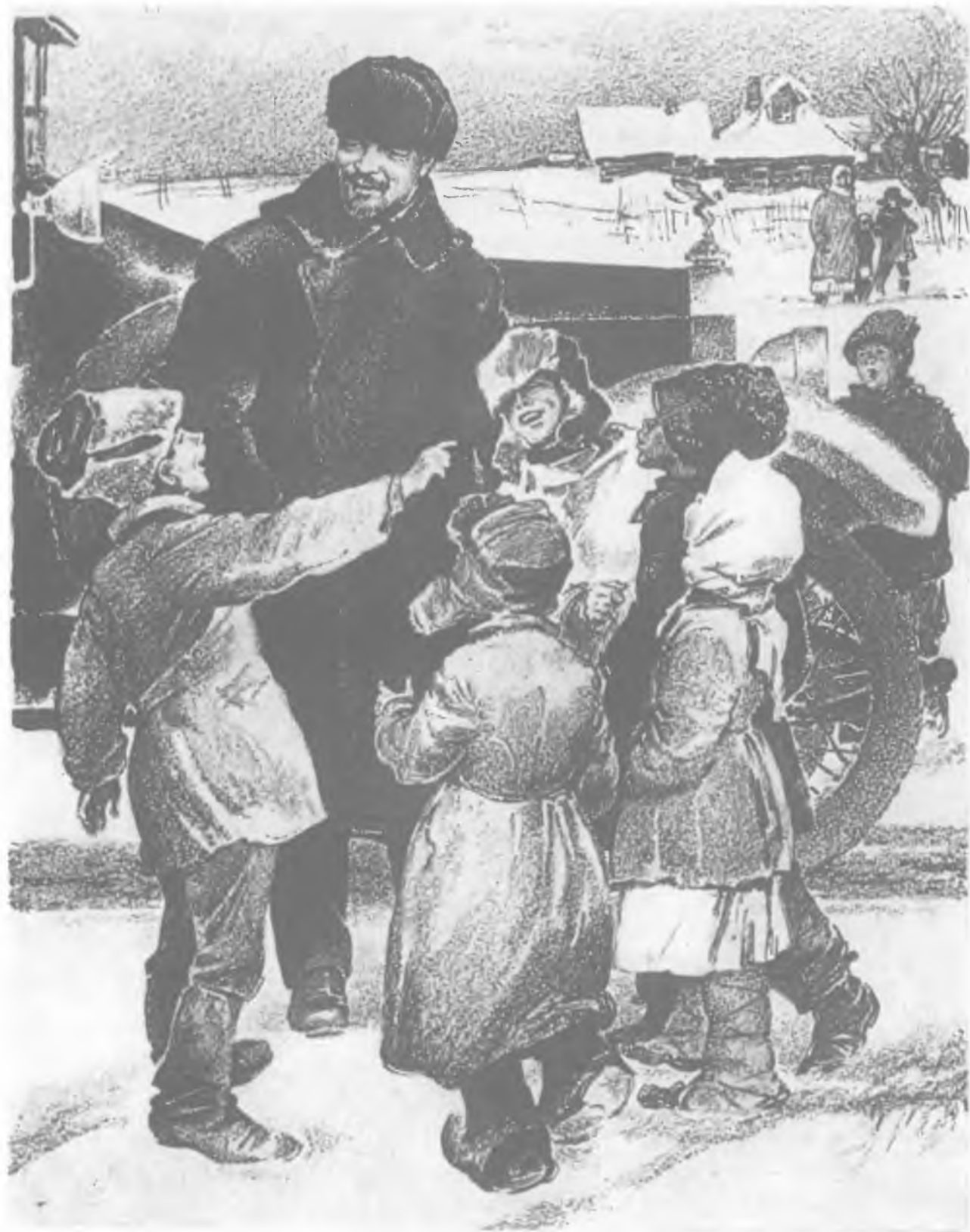
Ленин слушал с интересом. Когда рассказчик замолкал, Владимир Ильич его подбадривал:

— Ну а дальше?

У Ленина была замечательная память: он сразу запомнил, как кого зовут, и потом называл стариков крестьян по имени-отчеству: Алексей Андреевич, Василиса Павловна. Очень это старикам нравилось.

Разговор получился такой интересный и для Ленина и для крестьян, что никто и не заметил — день-то уже кончается. Беспокоился только один человек — фотограф. Он приехал снять Владимира Ильича вместе с крестьянами и теперь все думал с тревогой: скоро вечер, снимок, пожалуй, не выйдет — свету мало.

Наконец он решился:

— Владимир Ильич, крестьяне хотели бы сняться с вами.

— А... ну хорошо,— ответил Ленин. А сам продолжал вести разговор.

Прошло еще минут десять. За окном стало темнеть.

Фотограф сказал с отчаянием:

— Через несколько минут будет уже поздно снимать!

Владимир Ильич поглядел на него. Сниматься не хотелось, но Ленин уважал чужой труд: фотограф приехал из города, потратил время. И Ленин сказал:

— Ну, идите во двор, готовьтесь. Мы с Надеждой Константиновной сейчас выйдем.

Фотограф побежал с аппаратом на улицу, стал устанавливать его. Горе ему было с ребятами: налетели со всех сторон, норовят усесться перед самым аппаратом.

Вышли из избы и Владимир Ильич с Надеждой Константиновной. Фотограф усадил их в середине, а кругом стал рассаживать крестьян. Но и тут вмешались ребята: вертелись под ногами, жались поближе к Владимиру Ильичу. Фотограф рассердился: надо, чтобы все сидели тихо, а то снимок будет испорчен.

Владимир Ильич тоже начал уговаривать ребят — показал им на аппарат:

— Вы вон в ту черненькую дырочку глядите.

Стали ребята глядеть в дырочку аппарата. Фотограф накинул себе на голову длинный черный платок и замер так.

Ленин ему сказал:

— Вы мне ребят не заморозьте.

Кругом засмеялись:

— Ничего, они у нас здоровые, выдержат.

Ребята опять зашевелились: разговор про них зашел. Тут фотограф не вытерпел и закричал:

— Смирно!

Ленин улыбнулся и так, улыбающийся, вышел на фотографии...

Потом открылся митинг. Посреди площади стоял высокий столб, на нем висел новый электрический фонарь;

его еще ни разу не зажигали. Столб был обвит еловыми ветками и красными лентами. Под фонарем стоял столбик.

А кругом собрались крестьяне не только из деревни Кашино, но и из других сел и деревень. Многие пришли сюда издалека.

Ленин подошел к столыку и начал речь:

— Ваша деревня Кашино пускает электрическую станцию. Замечательное дело! Но это только начало. Наша задача в том, чтобы вся наша республика была залита электрическим светом...

Когда Ленин кончил речь, струнный оркестр сыграл «Интернационал». И в ту же минуту в сарае, где стояла динамо-машина, монтер пустил ток.

На площади вспыхнул электрический фонарь, в избах разом загорелись огоньки.

Раньше кашинские крестьяне жгли у себя маленькие лампочки-коптилки; они горели еле-еле, тускло, зеленоватым светом. А теперь кто-то сказал, глядя на яркий электрический свет:

— Вот и загорелась у нас лампочка Ильича...

Стал Ленин прощаться с крестьянами.

Попрощался, пошел к машине. Было совсем темно, холодный ноябрьский ветер дул в лицо.

Когда отъехали уже далеко, Владимир Ильич оглянулся. Позади, среди темных полей, ярко светились окна кашинских изб.

М. Зощенко

ЛЕНИН И ПЕЧНИК

Однажды Ленин гулял в лесу и вдруг увидел, что какой-то мужчина дерево пилит.

А это пилит дерево некто Николай Бендерин. Немолодой мужчина, с огромной бородой. И очень дерзкий.

Он был по профессии печник. Но кроме того, он мог все делать. У него сломалась телега. И вот он пришел в лес, чтобы спилить дерево для починки этой телеги.

Вот он пилит дерево. И вдруг слышит — кто-то ему говорит:

— Добрый день.

Бендерин оглянулся. Смотрит — перед ним стоит Ленин. А Бендерин не знал, что это Ленин. И ничего ему не ответил. Только сердито кивнул головой: дескать, ладно, здравствуйте, не мешайте мне пилить.

Ленин говорит:

— Зачем вы дерево пилите? Это общественный лес. И тут нельзя пилить.

А Бендерин дерзко отвечает:

— Хочу и пилю. Мне надо чинить телегу.

Ничего на это не ответил Ленин и ушел.

Через некоторое время — может быть, там через месяц — Ленин опять встретил этого печника. На этот раз Ленин гулял в поле. Немножко устал. И присел на траву отдохнуть.

Вдруг идет этот печник Бендерин и дерзко кричит Ленину:

— Зачем вы тут сидите и траву мнете? Знаете, почему сейчас сено? Будьте добры, встаньте с травы.

Ленин встал и пошел к дому.

А с Лениным была его сестра. Вот сестра и говорит печнику Бендерину:

— Зачем вы так грубо кричите? Ведь это Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров.

Бендерин испугался и, ничего не сказав, побежал домой.

И дома говорит жене:

— Ну, Катерина, пришла беда. Второй раз встречаю одного человека и с ним грубо разговариваю, а это, оказывается, Ленин, Председатель Совета Народных Комиссаров. Что мне теперь будет, не могу представить.

Но вот проходит еще некоторое время — может быть, там два месяца, — и наступает зима.

И понадобился Ленину печник. Надо было исправить камин, а то он дымил.

А кругом по всем деревням только и был один печник — этот Бендерин.

И вот приезжают к этому Бендерину два военных и говорят:

— Вы печник Бендерин?

У Бендерина испортилось настроение, и он отвечает:

— Да, я печник Бендерин.

Военные говорят:

— В таком случае одевайтесь. Едем к Ленину в Горки.

Бендерин испугался, когда услышал эти слова. И настроение у него еще более испортилось.

Он одевается, руки дрожат. Говорит жене:

— Ну, прощайте, Катерина Максимовна. Наверно, уж с вами больше не увидимся. Наверно, Ленин припомнил все мои грубости — и как я его в поле пугнул, и как насчет дерева дерзко ответил. Наверно, он все это вспомнил и решил меня в тюрьму посадить.

И вот вместе с военными едет печник в Горки. Военные приводят Бендерина в комнаты. И навстречу ему из кресла поднимается Ленин.

Ленин говорит:

— А, старый знакомый. Помню, помню, как ты меня на покосе пугнул. И как дерево пилил.

Бендерин задрожал, когда услышал эти слова. Стоит перед Лениным, мнет шапку в своих руках и бормочет:

— Простите меня, старого дурака.

Ленин говорит:

— Ну ладно, чего там. Я уж забыл про это. Что касается травы, то, пожалуй, ты был прав. Это не дело, что я сидел на покосе и мял траву. Ну, да не в этом дело. А не можешь ли ты, дорогой товарищ Бендерин, сослужить мне одну маленькую службу? Дымит у меня камин. И надо его исправить, чтоб он не дымил. Можешь ли ты это сделать?

Бендерин услышал эти приветливые слова и от радости дар речи потерял.

Только кивает головой: дескать, могу исправить. И руками показывает: дескать, пусть мне принесут кирпичи и глину.

Тут приносят Бендерину глину и кирпичи. И он начинает работать. И вскоре все выполняет в лучшем виде и с превышением.

Тут снова приходит Владимир Ильич и благодарит печника Бендерина. Он дает ему деньги и приглашает за стол выпить стакан чаю.

И вот печник Бендерин садится с Лениным за стол и пьет чай с печеньем. И Ленин дружески с ним беседует.

И, попивши чаю, печник Бендерин прощается с Лениным и сам не свой возвращается домой.

И дома говорит жене:

— Здравствуйте, Катерина Максимовна. Я думал, что мы с вами не увидимся, но выходит наоборот. Ленин — это такой справедливый человек, что я даже и не знаю, что мне теперь о нем думать.

С. Алексеев

ВАЛЕНКИ

Должность у Кати была маленькая-маленькая. «Куда пошлют» называлась. Работала она посыльной в одном из советских учреждений.

Вызвал однажды Катю к себе начальник, вручил важный пакет, наказал срочно идти в Кремль, передать пакет лично товарищу Ленину.

Отправилась Катя. Идет, торопится. А сама все время на свои валенки посматривает.

Валенки у нее старые-старые, с дырками. Отжили они свой век. Истоптала их Катя, бегая по разным учреждениям.

Неловко Кате в таких валенках явиться к Владимиру Ильичу. Да что поделаешь! Трудно в те годы было с обувкой.

Правда, мог бы о Кате позаботиться ее начальник. Только ведь начальник постоянно разными важными делами занят. Где ему думать о Катиных валенках!

Пришла Катя в Кремль. Пропустили ее в кабинет к Владимиру Ильичу. Передает Катя пакет товарищу Ленину, а сама старается сделать так, чтобы Владимир Ильич не обратил внимания на ее валенки.

Думала Катя, передаст пакет — и сразу уйдет. Однако Владимир Ильич задержал девушку. Стал он интересоваться, давно ли Катя работает. Где училась, сколько классов окончила. Есть ли у Кати родители.

Ответила Катя Владимиру Ильичу на его вопросы, простился Ленин с девушкой, пожелал ей успехов.

Довольна Катя. Казалось ей, что Ленин так и не заметил, какие у нее на ногах валенки.

Однако Владимир Ильич заметил. Снял Ленин тут же телефонную трубку, позвонил Катиному начальнику, пристыдил того, что начальник плохо заботится о своих подчиненных.

Прошло два дня, и вот вызывают Катю опять к начальнику. Переступила Катя порог кабинета и замерла: в руках у начальника валенки — новые, фетровые, с галошами.

— Ну что же, бери, — сказал начальник растерявшейся Кате.

Смутилась Катя, не решается шаг сделать.

— Бери, — рассмеялся начальник.

Взяла Катя валенки, побежала вниз, примерила. Оказались они точь-в-точь по Катиной ноге.

Идет Катя в обнове по морозным московским улицам. Хрусть-хрусть под ногами снег.

С. Алексеев

ПО СОЛНЕЧНОЙ СТОРОНЕ

Надоел он изрядно Ленину.

Трудно было в первые годы Советской власти.

С хлебом трудно.

Транспорт разрушен.

Не хватает рабочих рук.

Один из видных профсоюзных работников, некто Демидов, при встречах с Владимиром Ильичем начинал обязательно с жалоб. Все-то Демидову не так. Все плохо кругом. Нет ничего хорошего.

Вот и сейчас.

— Недоедает, Владимир Ильич, народ. В хлебе сплошная мякина. Есть места, где и вовсе голод. Об этом ли мы мечтали? За это ли люди бились?

— Недоедает. Трудное время,— соглашается Ленин.— Люди порой лишены самого необходимого. Лишены, но держатся. И не только держатся, но и творят чудеса. Чудеса! — повторил Владимир Ильич.— Вот о чем, батенька мой, стоило бы говорить в первую очередь.

— Так-то оно так, Владимир Ильич,— произнес Демидов,— а все же...

Прошло какое-то время. Встретился Демидов снова с Владимиром Ильичем.

— Транспорт бездействует, Владимир Ильич. Заводы стоят! Шахты затоплены. Разруха кругом. Хаос!

— Да, наследие горькое,— соглашается Ленин.— И транспорт разрушен, и шахты затоплены, и заводы во многих местах стоят.— И тут же: — А вы знаете, что шахтеры Донбасса в этом месяце удвоили добычу угля? Удвоили! А вы читали, что нефтяники Баку по сравнению с прошлым годом утроили добычу нефти? Утроили! А вы что-нибудь слышали о субботниках?! Люди работают во внеслужебное время, без всякого вознаграждения. Не замечать этого, не видеть энтузиазма масс, их стремления быстрее покончить с разрухой — значит страдать слепотой. Да, да, слепотой, к тому же еще куриной!

Вновь прошло какое-то время. Встретил Демидов Ленина в третий раз и опять об одном и том же:

— Плохо, Владимир Ильич, не ладится все у нас. Нет инженеров, нет докторов. Отсталость, серость кругом дремучая.

— Мало инженеров, мало других специалистов,— соглашается Ленин.— Но подождите, имейте терпение. Дайте срок — победим разруху, победим голод. Будут свои инженеры, будут свои врачи. Профессора! Академики! Все будет. Потому что рабочие и крестьяне — это классовые бойцы. Потому что в новый мир они вступили твердой ногой хозяина.

— Так-то оно так,— соглашается Демидов.— Да нет, я не спорю. Конечно, вы правы, Владимир Ильич. А все-таки, знаете, так сказать, теневые стороны бросаются в глаза прежде всего.

Посмотрел Владимир Ильич на Демидова.

— Теневые? А вы ходите по солнечной стороне!

А. Кононов

КРАСИВАЯ ЛИСА

Ленин любил охоту. Но охотиться ему приходилось редко: не было для этого времени.

Может быть, потому, стреляя, он и давал иногда промахи. Но это не портило ему удовольствия.

Когда Ленин отдыхал после болезни, товарищи решили пригласить его на лисью охоту. Было это зимой, в хороший морозный день. Охоту устроили с флажками. Вокруг леса, где была лисья нора, расставили красные флажки. Потом охотники стали по своим местам. Остановился за огромной сосной и Владимир Ильич.

Где-то вдали раздался гулкий лай, потом прогремел в лесу далекий ружейный выстрел. Ленин стоял с ружьем в руках. Стало тихо кругом. Видно, лису выгнали в другой конец леса. Какая-то птица пролетела над головой Владимира Ильича, задела ветку на сосне, стряхнула снег. Сверху, медленно кружась, посыпались легкие снежинки.

Очень красиво и тихо было в лесу.

Неожиданно из-за молоденькой елки показалась лиса. Она оглянулась, потом вытянула шею — должно быть, нюхала воздух. Шерсть на ней была длинная, пушистая. Особенно хорош был огромный хвост. Когда лиса шевелила им, хвост переливался на солнце рыжими искорками.

Владимира Ильича лиса не видела: он стоял за сосной.

Лиса вдруг прыгнула вперед и остановилась. Она прислушалась, повела хвостом и тревожно поглядела вдаль темными круглыми глазами: почуяла чужие следы.

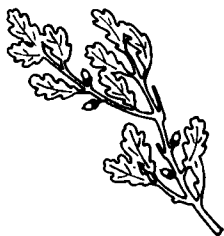
В это время недалеко от Ленина колыхнулся от легкого ветра флажок. Лиса испугалась и метнулась назад. А к Ленину уже бежал старый охотник и сердито что-то кричал.

Владимир Ильич стоял, опустив книзу дуло ружья.

— Что ж не стреляли-то? Ведь она рядом стояла, Владимир Ильич!

Ленин улыбнулся и ответил:

— Жалко стало. Уж очень она красивая.

Е. Мар

ХОДОКИ

К Владимиру Ильичу в Кремль часто приходили крестьяне из самых дальних деревень нашей страны. Их называли ходоками, потому что многим из них все еще приходилось ходить пешком до ближайшей железнодорожной станции, а то и до самой Москвы.

Они проделывали этот путь, чтобы повидаться с Владимиром Ильичем. Одни жаловались на разные обиды и несправедливости. Другие шли в Кремль к Ленину посоветоваться, как лучше поступить с помещичьей землей, которая им досталась после победы Великой Октябрьской революции.

Первыми встречали ходоков у ворот Кремля часовые — кремлевские курсанты.

Покажет ходок пропуск и спокойно ждет: ведь прочитать бумажку кажется ему делом сложным. Сам-то он не силен в грамоте, а то и вовсе не знает ее. Лезет в кiset за самосадом и не торопясь свертывает цигарку.

Часовой тоже не торопится. Проверит внимательно пропуск и объяснит ходоку, как пройти в приемную к товарищу Ленину.

При случае ходоки охотно вступали в разговор с курсантами. Кремлевские курсанты — люди грамотные, да к тому же еще найдутся и свои, деревенские, смогут объяснить многое.

В один из январских дней 1919 года стоял на посту у приемной Председателя Совета Народных Комиссаров курсант Федотов.

До начала работы в приемной оставалось минут сорок — пятьдесят.

Тишина. Никого, кроме часового, нет.

А тут входят крестьяне-ходоки и показывают пропуск.

Часовой проверил пропуск, предложил ходокам сесть и немного подождать.

Но крестьяне садиться отказались, а, словно по команде, сняли шапки и стали кланяться часовому в пояс, как представителю власти.

Федотов смутился и говорит им:

— Что вы, отцы? Это ведь не прежние царские времена. Садитесь, успокойтесь и не вздумайте еще Ленину поклоны отвешивать. Он этого не любит. Владимир Ильич — человек простой, как все рабочие и крестьяне. Недаром и правительство у нас называется рабоче-крестьянским.

Курсант спросил крестьян, откуда они.

— Смоленские, — ответили ходоки.

— Значит, земляки мне будете, — улыбнулся курсант крестьянским делегатам.

Тут ходоки окончательно повеселели и начали Федотову выкладывать свои жалобы.

Оказывается, к ним в сельский Совет пробрались богатеи, захватили власть, обижают бедняков, нарушают советские законы. Вот крестьянский сход и послал их в Москву к Ленину с жалобой на обидчиков.

— Владимир Ильич поможет, — сказал курсант, — разберется, и виновных обязательно накажут.

Тут как раз наступила смена часовых. Федотову интересно было узнать, как решил дело земляков Владимир Ильич. Он попросил разрешения начальника караула и, освободившись, подождал ходоков около здания Совнаркома.

Видит, идут ходоки веселые, довольные.

— Ну что, поговорили? — спрашивает Федотов.

— Поговорили, хорошо поговорили, — отвечает курсанту самый старый из крестьян. — Ильич усадил нас первым делом и сам сел рядом. Начал выспрашивать и про урожай, и про налоги, и про кулаков. Слушает и записывает себе в книжечку. А под конец беседы говорит: «Разберемся. Можете быть спокойны. Скажите крестьянам: больше не будет у вас таких непорядков».

Когда ходоки вместе с Федотовым подошли к кремлевским воротам, они сказали часовому у ворот:

— Ленина видели. Очень душевный человек. Все обстоятельно разъяснил. Спасибо!

Так сказали, словно частица этого «спасибо» и к часовому относилась.

А тот проверил пропуск, есть ли подпись и печать, и молча кивнул:

— Ясное дело — Ленин!

Через некоторое время Федотов прочитал в газете, что в Смоленской губернии, в том самом селе, откуда родом знакомые ему крестьяне, арестованы кулаки, которые пробрались в сельский Совет и творили там беззакония.

Н. Саконская

В ГОСТЯХ У ЛЕНИНА

Январь, начало года,
Морозец на дворе.
Хорошая погода
Бывает в январе.

Вот снегом занесенный
Старинный парк, и в нем
Высокие колонны
Стоят у входа в дом.

Пологие ступени
Снежок запорошил...
Давно когда-то Ленин
В этом доме жил.

Тогда еще на свете
Нас не было с тобой
И в парк другие дети
Сбегалися гурьбой.

Ильич встречал их шуткой,
Смеялся звонче всех,
Заботливо на шубках
Отряхивая снег.

Такие же морозные
Тогда стояли дни,
И загорались звездные
За окнами огни.

Там елка ветки свесила,
Вся в блестках и сладях.
Ребятам было весело
У Ленина в гостях.

Он всем дарил подарки,
Смеялся от души...
А нынче в старом парке
Другие малыши.

И в этот день погожий,
Много лет спустя,
Они как будто тоже
У Ленина в гостях.

С. Алексеев

КАТЕГОРИЧЕСКОЕ УСЛОВИЕ

Для обследования здоровья Владимира Ильича из-за границы был приглашен профессор. Ленин долго противился.

— Дорого, дорого,— говорил Владимир Ильич.— Это излишняя роскошь. Я же совсем здоров.

Но вот под напором врачей вынужден был согласиться.

Приехал профессор. Начал осмотр пациента. Прослушал трубкой, простукал пальцем.

— Чем хворали? Как аппетит? Как сон?

Внимателен очень профессор. Понимает: только раз такое бывает в жизни— в эту минуту перед ним стоит самый великий его пациент. Запоминает профессор и рост, и вид, и улыбку, и взгляд пациента. И как тот держит себя, и как говорит, и какого цвета глаза, и какого оттенка волосы.

К концу осмотра профессор сказал:

— А я, признаться, вас представлял другим, господин Ленин. Был уверен, что вы с бородкой.

Смутился пациент и говорит:

— Простите, но я не Ленин.

Действительно, это был не Ленин, а кто-то из сотрудников Совнаркома.

Извинился профессор, сказал:

— Пардон!

Ушел не Ленин. Вновь открывается дверь в кабинет. Входит человек невысокого роста. Плотный. С бородкой. Глянул профессор. Он!

Начал профессор осмотр великого пациента. Прослушал трубкой, простучал пальцем.

— Чем хворали? Как аппетит? Как сон?

Внимателен очень профессор. Неторопливо ведет осмотр.

— Прилягте!

— Привстаньте!

— Закройте глаза, протяните руки.

— Вдохните глубже.

— Скажите «а».

Когда прощались, профессор сказал:

— А я вас сразу узнал, господин Ленин. Очень приятно было с вами познакомиться.

Смутился пациент и говорит:

— Простите, но я не Ленин.

«Как — не Ленин?!» — хотел закричать профессор. Однако сдержался. Развел руками.

— Извините, — сказал. — Пардон.

На приеме у профессора Владимир Ильич побывал только к исходу дня, лишь после того, как было осмотрено большинство сотрудников Совнаркома.

Таково было условие Ленина, когда решался вопрос, приглашать или не приглашать в Советскую Россию зарубежную знаменитость. Категорическое условие.

Фазу Алиева

СОРОК ПЯТЬ МИНУТ

Увидел Ильич в глазах у гостей
Весь Дагестан далекий,
Где скорбный туман окутал хребты,
Где плачут навзрыд потоки,
Темные, нищие сакли, где жизнь —
Как долгая горькая песня,
Где изо всех четырех углов
Ползут нужда и болезни.
Увидел: идут по тропинкам крутым
Сквозь заросли и туманы
В рваных бешметах, с огнем в глазах
Красные партизаны,—
Оружие взяв, из аулов родных
Они в неприступные горы,
Надеждой пылая, сражаться ушли
С остатками белой своры.
И молвил Ильич,
И бесспорной была
Каждая четкая фраза:
«Мы орошеньем должны помочь
Засушливым землям Кавказа,
А горцам свет и грамотность дать —
Вот первые наши задачи!»—
Так просто, так убежденно сказал,
Что быть не могло иначе.

И чтоб ничего-ничего не забыть,
Чтоб все до конца исполнить,
Быстрой рукою в свой календарь
Вписал: «Дагестан — напомнить!»
Всего сорок пять минут у вождя
Сидели послы Дагестана,
А ныне, Ильич, посмотри на жизнь,
Что в наших горах настала, —
На школы, заводы, плотины, сады,
На труд и мечты молодежи,
На судьбы тех,
Что сегодня цветы
Несут к твоему подножью!
И я к пьедесталу фиалки кладу,
Всхожу по крутым ступеням,
И я гляжу
В лицо Ильичу
Взором апрельским, весенним,
Гляжу, не стирая счастливых слез,
Любуюсь, как щедрым солнцем,
И строчки народной клятвы шепчу,
Сложенной старым горцем:
«Зерна хранятся в спелых плодах,
Слово хранится в песне,
Дерево держится на корнях,
Звезды — на поднебесье,
Мать благодарный сын бережет,
Речку — высокий берег,
А нашей Отчизны достоин тот,
Кто ленинской правде верит!»

О. Дриз

САНДАЛОВАЯ ПАЛОЧКА

Видели вы палочку
В музее под стеклом?
Пахнет она пряным
Солнечным теплом.

Гладкая, душистая,
Была она, ребята,
Веточкой сандалового
Дерева когда-то.

Пел на этом дереве
Пестрый птичий рой,
Мимо слон-громадина
Проходил порой.

Воды Ганга синие
Дерево поили,
Обсыпали дерево
Клубы белой пыли.

...К нам, в Страну Советов,
Все ведут пути.
Вздумали индийцы
К Ленину пойти.

Собрались однажды
Под шатром зеленым:
— Кость свезем слоновую
Ленину с поклоном.

Яркие алмазы
Есть в стране у нас —
Ленину в подарок
Отвезем алмаз.

Богата жемчугами
Морская глубина —
Отберем для Ленина
Лучших два зерна.

— Братья,— тут старейший
Молвил не спеша,—
Прозрачнее алмаза
У Ленина душа.

Сердце же богаче
Всех морских глубин:
Носит в нем сокровища
Ленин-исполн.

С чем сравнить бесценное
Ленинское слово?
Тверже и весомее
Кости нет слоновой!

Ленину дороже
Будет скромный дар,

Лишь бы сердца нашего
В нем хранился жар.

И, вспоенную соками
Древней той земли,
Сандаловую палочку
Ленину свезли.

Вот она, глядите,
В музее под стеклом,
Палочка, пропахшая
Солнцем и теплом.

В. Д. Ульянов

В ГОРКАХ

Мой отец — Дмитрий Ильич — до революции одно время жил под надзором полиции в деревне Кравцово, Серпуховского уезда, Московской губернии. Работал он в соседнем селе Домодедове врачом. В годы гражданской войны он находился в Крыму, который был отрезан от Советской России. В это время внезапно умерла мама, и меня забрала к себе бабушка. Бабушке некогда было нянчиться со мной. Она едва успевала ходить за скотиной и ухаживать за огородом.

В то время в деревнях еще не было ни тракторов, ни автомобилей, поэтому когда зимой 1921 года на нашу тихую улицу внезапно с оглушительным шумом влетели автосани, то посмотреть на это чудо сбежались все жители деревни. Среди ошеломленных зрителей был и я.

И вдруг оказалось, что это чудо-юдо приехало за мной.

Не успел я опомниться, как был одет, закутан во что-то теплое и посажен в автосани. Машина взревела и, подымая вихри снега, помчалась по белому бездорожью в Москву.

По настоянию Владимира Ильича за мной приехала его сестра Анна Ильинична. Вез нас шофер В. И. Ленина С. К. Гиль.

ПЕРВАЯ ВСТРЕЧА

Когда я впервые увидел Владимира Ильича, то от смущения залез под диван. Стоило больших трудов выманить меня оттуда, но вскоре я крепко подружился с Владимиром Ильичем. Он любил слушать деревенские частушки, которых я знал тогда очень много. Стоило ему попросить меня спеть что-нибудь, как я заводился, как долгоиграющая пластинка, и меня уже трудно было остановить. Ильич, слушая частушки в моем исполнении, хохотал до слез.

КАК МЫ СОБИРАЛИ ЯГОДЫ

Владимир Ильич любил собирать ягоды и грибы. Они росли не только в лесу, их было много и в парке. Ильич часто брал меня с собой, и мы вместе собирали их недалеко от дома. Грибы я хорошо собирал. Я был ненамного выше их, мои глаза были ближе к земле, и видели они лучше, чем у взрослых. Владимир Ильич щедро хвалил меня за каждый найденный гриб. Это заставляло меня еще более ретиво искать их.

Вот только с ягодами мне не везло. Не то чтобы я их хуже видел, но ведь сырые грибы не едят, а ягоды как-то незаметно для себя я отправлял в рот. Когда надо было возвращаться домой, моя кружка была пуста. Тут уж хвалить меня было не за что. Да я и не ждал похвалы, я с завистью пожирал глазами наполненную ягодами кружку Владимира Ильича. Он в таких случаях лукаво смотрел на меня и, добродушно смеясь, отдавал мне свою кружку. Я, конечно, ухитрялся быстро уничтожить ее содержимое. Так мы всегда домой возвращались с пустыми руками.

Нам уже перестали доверять собирать ягоды к чаю. А зачем собирать ягоды к чаю, когда их можно и так есть?

ЖЕЛУДИ

Иногда по воскресеньям вся семья Владимира Ильича отправлялась искать грибы и ягоды далеко в лес. Уходили рано утром на рассвете. Подготовка к этим походам не была для меня тайной. Вставал я рано. Поэтому к походам в лес за грибами был всегда готов. Когда меня из-за плохой погоды пытались оставить дома, я протестовал единственно доступным мне способом — ревом.

Владимир Ильич обычно заступался за меня и настаивал, чтобы меня брали с собой в любую погоду.

В лесу мы также собирали желуди. Собирать их было легче, чем искать грибы и ягоды. Ими была усыпана земля под каждым дубом. Тогда мне — пятилетнему мальчугану — казалось это простой забавой. Значительно позже я узнал, что сбор желудей был не забавой, а очень полезным делом.

Первое время, когда семья Владимира Ильича выезжала на отдых в Горки, она питалась там, как шутя говорила Надежда Константиновна, «чем бог пошлет». Привозили с собой хлеб, картошку и пили кофе, который приготавливали из собранных нами желудей.

НА РЕКЕ ПАХРЕ

Владимир Ильич часто брал меня с собой купаться. Он очень хорошо плавал, а речка Пахра, протекающая у Горок, очень узкая. Там негде развернуться хорошему пловцу. Впрочем, мне тогда эта речушка казалась большой и полноводной, и я с удовольствием в ней «плавал», тоже по-пластунски — животом по отлогому песчаному дну.

Конечно, мне казалось, что я плаваю не хуже Владимира Ильича.

Он, бывало, выплывет на середину реки, ляжет на спину, и его несет по течению.

Однажды он влез в воду и поплыл, держа высоко над

водой газету. Доплыв до середины, он лег на спину и стал читать газету. Когда после купания он вылез на берег, газета была суха. После этого случая я окончательно признал несомненное превосходство Владимира Ильича в этом деле. Да и сейчас, я думаю, не так много найдется людей, которые смогли бы так хорошо плавать.

КАК Я СНИМАЛСЯ С ВЛАДИМИРОМ ИЛЬИЧЕМ

Весной 1922 года Владимир Ильич серьезно заболел. Врачи потребовали, чтобы он прервал работу и уехал в Горки на отдых.

Летом он много гулял, купался, ходил в лес по грибы, иногда даже на охоту.

Слухи о болезни Ильича очень волновали рабочих и крестьян нашей страны.

Чтобы успокоить трудящихся, газета «Правда» прислала в Горки своего фотографа, который должен был сделать несколько снимков Ильича на отдыхе.

Было это в августе, лето кончалось. Фотограф приехал рано; утро было прохладное; Владимир Ильич почему-то захотел сняться вместе со мной.

Я капризничал, не желая надевать свитер, и смирился только тогда, когда увидел, что и Владимира Ильича заставляют потеплее одеться.

Первый снимок был сделан, когда мы с Владимиром Ильичем шли из дома по направлению к его любимой аллее. Владимир Ильич держит меня за руку.

Когда фотограф попросил всех нас сесть на скамейку и приготовился к съемке, я решительно запротестовал. В Горках я дружил с девочкой Верой, она в это время стояла около нас.

Я попросил, чтобы и Вера снялась с нами.

Фотограф попытался втолковать мне, что ему надо снять Владимира Ильича в кругу семьи, но я не желал слушать никакие объяснения, считая, что если снимаются все, то должна сниматься и Вера.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна поддерживали меня.

Счастливая Вера села рядом с нами. Только тогда я успокоился. Первый снимок был испорчен. Я выглядел на нем сердитым и, как говорят, зареванным. Но фотограф сделал несколько снимков, — остальные были лучше. «Сердитый» снимок он отдал нам на память, а другие были опубликованы.

ЕЛКА В ГОРКАХ

В конце декабря 1923 года в Горках была устроена елка для детей.

Владимир Ильич был тогда очень болен и передвигался только в кресле-коляске.

О том, что у нас будет елка, я впервые услышал не от родных, а от работников охраны. Я с ними очень дружил; это были верные солдаты революции — латышские стрелки. Семьи многих из них находились за пределами нашей Родины — в буржуазной Латвии. Вернуться к себе домой они не могли — их бы сразу там посадили в тюрьму или даже расстреляли за то, что они сражались в России на стороне рабочих и крестьян за победу революции. Стрелки очень скучали по своим родным и поэтому любовно относились ко мне, охотно со мной играли.

Однажды, когда я утром зашел к ним, я увидел, что двое из работников охраны смазывают лыжи. На мой вопрос — зачем, они ответили:

— А вот завтра поедем в лес, срубим елку, поставим дома и будем танцевать вокруг елки.

Я попросил их взять меня с собой, они обещали, при условии если я выучусь ходить на лыжах. А я уже давно мечтал об этом, да не было маленьких лыж, а на больших у меня никак не получалось.

Еще в прошлую зиму я делал попытки выучиться ходить на лыжах, но все они кончались печально. С первого же шага я плюхался носом в снег и, нечего греха таить, часто с ревом уходил домой.

Но теперь мне уже почти исполнилось семь лет. Я набрался храбрости, встал на большие лыжи и пошел. Пал, конечно, и много раз, но уже не ревел. Плакать, да еще перед стрелками, мне было стыдно.

Так шаг за шагом я научился не только ходить, но даже бегать на лыжах. А за елкой я так и не поехал. Пропал!

Когда я на следующее утро проснулся, большая, красивая, пушистая елка стояла уже в «Зимнем саду».

* * *

Игрушки и все украшения к елке долгими зимними вечерами мастерили, рисовали, клеили Мария Ильинична, Анна Ильинична и Надежда Константиновна. Я тоже что-то усердно резал, клеил, а потом мы все вместе украшали елку.

И вот наконец настал долгожданный вечер. Большая наша красавица елка, украшенная самодельными игрушками — цепями из разноцветной бумаги, флажками — и даже несколькими настоящими игрушками, стояла и ждала гостей.

Они не заставили себя долго ждать. Ввалились шумной ватагой чуть ли не все ребята деревни, пришли дети рабочих совхоза и работников дома, Горок. Деревенские ребята пришли кто в чем мог — в валенках своих или отцовских, в лаптях. Некоторые были одеты в добротные полушубки, другие пришли в солдатских телогрейках с отцовского плеча. Увидев такую массу ребят, да еще так пестро одетых, я, по правде сказать, струсил и хотел было спрятаться, но меня перехватили и заставили принимать и занимать гостей.

Получив впервые такое ответственное задание, я изо всех сил старался оправдать доверие.

В зал, где стояла украшенная елка, входить до приглашения было запрещено. Я привел ребят в библиотеку, достал старые русские и иностранные журналы, показывал и объяснял как умел яркие картинки.

Наконец нас позвали в зал, где стояла елка. Как только мы вошли, елка вспыхнула разноцветными огнями. И тут уж началось настоящее веселье. Мария Ильинична играла на пианино, Анна Ильинична и Надежда Константиновна водили с нами бесконечные хороводы, играли в кошки-мышки и другие веселые игры.

В разгар праздника в кресле на колесах к нам приехал Владимир Ильич. Он ласково глядел на возбужденных игрой ребятишек. Мария Ильинична и Надежда Константиновна принесли корзинку с подарками.

Освещенный радостной улыбкой, Владимир Ильич с удовольствием вручил каждому ребенку какой-нибудь подарок. Единственным, кому не хватило подарка, оказался я. Мне было очень обидно. И хотя мне объяснили, что нельзя же было оставить кого-нибудь из гостей без подарка, обещали дать подарок завтра, но обида не проходила долго...

Я. Пинясов

В ЗИМНЮЮ СТУЖУ

Морозы были такие, что воробьи на лету мерзли. Вблизи печных труб, под застрехами еще спасались, а как взлетят, расправив крылышки, охватит их холодным ветром, ну и падают ледяными комочками.

И вот в такую стужу убежал батрачонок Ленька в Москву. Как был в рваной одежонке, запрятался в паклю, которую его хозяин Федулов на станцию повез продавать, и внутри воза доехал. А там незаметно выбрался, встряхнулся, как воробей, и нырнул в вокзал. Проскочил среди людей, ожидающих поезда, и спрятался под лавку. Затаился и стал ждать, когда паровоз свистнет.

Вдруг пришел железнодорожник, помахал фонарем и сказал:

— Помогите, граждане, дрова для Москвы погрузить. Охолодала белокаменная... Организовали мы ленинский субботник, да маловато нас...

Первым отозвался старик с большущей бородой:

— Дело доброе, пошли, ребятушки, разомнемся,— и направился к дверям, заматавая пол овчинным тулупом.

За стариком поднялись и другие. Вылез и Ленька из-под лавки, заслышав слово «ленинский».

Все встали в цепочку от поленницы к вагонам и начали дрова, как младенцев, нянчить, с рук на руки перекидывать и в вагоны подавать.

А старик работал да приговаривал:

— Давай не зевай, тепло не в дровах, а в руках! Не жалей пару, будет в них больше жару!— Так разогрелся, что тулуп сбросил и на Леньку: — Покарауль, малец!

— Смотри не приделай к тулупу ноги, оголец! — смеялся кто-то.

— Нет, не та у парня сила, чтобы дюжину овчин утащила! — отшутился старик и снова командовать: — А ну, судари, сударочки, запасай для Москвы подарочки!

Когда все вагоны наполнились, старик заметил в стороне еще один порожний и в него велел накидать: ничего, мол, в такие великие морозы лишний вагон тепла Москве не помешает.

Подошел паровоз, запыхтел, засвистел, подхватил товарные вагоны, подкатил к пассажирским, и получился товаро-пассажирский поезд.

Старик, схватив тулуп, ловко влез в последний вагон. И Ленька за ним на дрова. Забрались под самую крышу. Старик и спрашивает:

— А ты почему не в пассажирском? Холодно здесь!

— А в-вы почему? — дрожа от холода, проговорил Ленька.

— Нам в тулупе в людском вагоне жарко.

— А нам денег жалко. У меня на билет ни копейки нет.

— Зачем же ты без денег путешествуешь, бездельник?

— Я не бездельник. И не путешествую, а по делу еду, к Ленину во внучата.

— Вот хорошо, а я в дедушки! Сели да поехали.

Ленька не удивился словам старика, в каждой семье должны быть и малые и старые. Слышал он, что у Ленина своих детей не было, значит, и внуков нет. Ну, может быть, и в дедушках нехватка.

Не проявив любопытства, он закутался в стариковский тулуп на правах попутчика и стал греться.

— Ты что же, особое приглашение получил? Или тебе командировку дали? — спросил старик.

— Нет, я сам по себе.

— Гм, я вот не сам по себе, а с вагоном дров еду и то думаю: а вдруг не примет?

— Примет, дедушка, примет. В каждой деревне со своими дровами одиноких стариков на зимовку в любой дом берут...— успокоил старика Ленька,— мы оба не с пустыми руками, вот!— И, достав из-за пазухи, показал ему человечков, сделанных из еловых шишек. Они так и затанцевали в лучах света — поезд проезжал мимо какой-то станции.

— Сам сделал?

— Да, нам в детском доме рассказывали, что Ленин любит, когда ребята дарят ему свои поделки. Он на них радуется.

— Забавные,— похвалил игрушки старик.

— Я еще лучше умею. Когда своим мальчишкой в доме заживу, я и не то еще сделаю. Чего только Ленину захочется, то и соображу. Могу коня из дерева вырезать... Могу кадушку-медовушку собрать. Нас этому учили.

— Чего же ты дальше не учился?

— Меня в приемыши отдали. Бездетному кулаку Федулову. Может, знаете? Хитрющий такой, шкура. Он меня сделать наследником сулил, а сам бил чем ни попадя. Вот и сейчас на голове шишки.

Старик пощупал и проворчал:

— Ах, лиходей! Недаром говорится: Федул всех надул.

— Он еще и контра, коммунию ругал и меня в школу не пускал. А Ленин-то велел всем учиться? «Ну, говорит, пуцай он вас и кормит». А я и подумал,— если ты меня кормишь, такой жадный, значит, я тебе не без пользы. Я в любом доме пригожусь, такой работающий. А нам учительница говорила: «Ленин, он трудовых ребят любит». Я что хошь буду делать. И воду носить, и печки топить, я ведь у кулака даже полы мыл!

— Постой, постой, а мне-то какие же дела оставишь? Печки топить да сказки говорить — это работа стариковская.

— Ну, вот и рассказывайте.

— Это я, конечно, могу, про меня в деревне так и говорили: «Идет дед Аким, да мешок сказок с ним».

— Вот и хорошо.

— Хорошо, да не больно. Ленин человек ученый, сам все сказки знает.

— А может, наши мордовские не узнал еще?

— Глядишь, и нет, наши ведь бесписьменные. В книжках-то их не имеется. Давай скажу одну... на поверку. Про то, как Буртас-богатырь солнышко ел, знаешь?

— Не слыхал.

— Ну, послушай. Случилось это в стародавние времена, когда наши мокшане лесными людьми были. Что лес дает, тем и жили. Грибов наварят — и сыты. Малины поедят — и хорошо. Меду в дуплах наломают и чай пьют. Чаю не было, липовый цвет заваривали.

А Буртас слыхал, будто русские слаще едят. Сходил к ним в гости и говорит:

— Русские куда лучше нас живут, с солнышка шкурки дерут. На сковородках жарят и гостей угощают.

Раззавидовались наши мокшане и обратно Буртаса шлют — поди да узнай: как такое делается?

Возвернулся Буртас и говорит:

— Не так это просто. Чтобы солнышко есть, надо в землю влезть. Выращивается это солнышко из малого зернышка.

— Ну так за чем же дело стало?

— А за тем и стало, что трудов здесь немало. Надо найти в лесу луговину, вздрать дернину. Землю размельчить, потом зернышко в нее положить. Вырастить из каждого по колоску да обмолотить на току. Отвеять на ветру да смолоть в муку. Из муки замесить тесто, а уж потом класть на место. На круглую сковородочку. Кали ее докрасна, подмазывая салом, да пеки! Поработай вместе и ешь не один. И называй это солнышко блин!

Посмеялся Ленька. И спросил:

— Удалось ли Буртасу вырастить вкусное солнышко из малого зернышка?

— А про то есть сказка особая, как Буртас пахарем стал да как он в лесу соху сыскал. Не знаешь? Ладно, слушай.

Захотелось Буртасу не в гостях, а дома блины есть. И пошел он поучиться, как их из земли растить. Вышел на русские пахотные поляны и видит, как мужик землю ковыряет и зернами ее засекает.

Дело это, оказывается, простое. Надо взять лошадь и привести на поле и сказать: «Тпру, стой! Не балуй!» Приделать ей рога, только не спереди, а сзади, да острыми концами вниз. На палках привязать, покрепче нажать, да и крикнуть: «Но, милая!» Лошадь пойдет и рогами землю вздерет.

Буртас так и сделал, только вместо коня поймал в лесу лося. Ему и рога не надо приделывать, сами растут. А то, что торчат к небу, не велика беда, можно их к земле повернуть.

Притащил Буртас лося на поляну, повернул вниз рогами и командует: «Но, милая!» А лесная соха ни с места.

— Э, ладно,— сказал Буртас,— слов не понимаешь, так я сам потяну!

Впрягся в лосиные задние ноги, как в оглобли, и пошел пахать. Лось ревет, а он его рогами дернину дерет.

Услыхали русские, прибежали, увидели такое чудо.

— Ну, Буртас, ты хитрее нас. У нас соха лубяная, а у тебя костяная!

Посмеялись и прозвали лося живой сохой. Так и называются с тех пор лоси сохатыми.

Посмеялся и этой сказке Ленька. А старик спрашивает:

— Ну, как думаешь, понравятся Ленину такие сказки?

— Может, понравятся, может, и нет... Просты больно.

— Да ведь рассказывать-то я их буду со значением, а не просто. Вот так-то, скажу, Владимир Ильич, когда он посмеется, устарели, мол, эти сказки, теперь подавай нашему народу другие... Лучше всех народу по душе ваша сказка про стального коня, который сильнее всех ло-

шадей сам по себе землю пашет. Это я ему намекну на трактор... И когда Ленин задумается, откуда взять и для нашей артели еще один трактор, которые и без того на-расхват, я тут Владимиру Ильичу и подскажу:

— Трактору на наших лесных полянах пока еще тесно развернуться, а вот насчет плужков железных с острыми лемехами вы уж для мордвы похлопочите!

Посмеется Ленин нашему хитрому запросу, позвонит по всем телефонам на все заводы, ну и где-нибудь такая кузница найдется, которая для нас плуги и накует!

Вернусь я на Мокшу с плугами к самой весенней пахоте — половчей Буртаса. Вот это и будет сказка! Всем сказкам сказка!

И старик рассмеялся, радуясь своей хитрости.

И хотя оказалось, что ехали они к Ленину по разным делам, Леньку это не огорчило: стучаться-то все равно в одну дверь.

Сговорились действовать вместе, по-товарищески и во всем друг другу помогать.

Вот так они все обговорили, обдумали и незаметно до-ехали до Москвы.

Остановился товаро-пассажирский поезд на Казанском вокзале. Старик приоткрыл дверь и говорит:

— Слезем-ка мы на другую сторону.

Но не успел: тулуп его длинный за березовые сучки зацепился, а железнодорожные контролеры тут как тут.

— Эге, да вы, граждане, зайцы?

— Ничего подобного, — отвечает хитрый дед, — мы сторожа, сопровождающие вагон дров.

— Рассказывайте сказки, дедушка, решили сэконо-мить внучатам на гостинцы, а на билеты не тратиться. А вот мы с вас штраф!

— Воля ваша, только ведь у меня деньги не свои, общественные, мы ходоки...

— К Ленину мы! — крикнул Ленька.

И при этих словах лица железнодорожников сразу по-суровели. Понурились они, потемнели, словно упала на них какая-то черная тень.

— И вы, значит, к Ленину? Ну, тогда извиняемся...

— Это как же понять? — насторожился дед Аким.

— Да разве вы не знаете? Скончался наш Владимир Ильич!

Услышав такие страшные слова, дед Аким медленно снял шапку. А Ленька глотнул ртом воздух и заплакал.

Железнодорожники отвернулись. Видно, уж были не в силах никого утешать. Мимо шли люди, и все плачущие, все горестные.

— Опоздали мы, — прошептал старик, тяжело опираясь на мальчика, и пошел по перрону, забыв надеть шапку. Пошел и Ленька, а ноги подкашивались.

Куда они пошли, зачем пошли? Ведь никому не нужны были теперь ни Ленькины игрушки, ни стариковы сказки...

Народ шел, и они шли. Старик в длиннополом тулупе и мальчишка в худой одежонке. Шли и плакали.

И никто им не удивлялся. Много людей шло, и каждый был стиснут своим горем. И так прошли большую площадь, покрытую снегом, как поле. А на этом поле, по этому белому снегу потянулись необозримые, нескончаемые черные очереди. Люди медленно шли, тесня друг друга, в большой дом с каменными столбами, увитыми черной и красной материей. Там внутри его стоял гроб с телом Ленина. Люди шли прощаться с Ильичем...

Дед Аким и Ленька нашли конец очереди в переулке и молча встали. За ними с каждой минутой все прибавлялись и прибавлялись толпы людей.

Мороз в Москве стоял лютой. А люди были одеты по-разному. Большинство в легких пальтишках, в холодных сапогах и в ботинках. Рабочие, служащие, небогатый народ. Среди площади горело несколько небольших костров, у которых можно было обогреться.

Но костров было мало, и горели они не жарко. Видимо, дрова были сыроваты. Пламени почти не видно. Один черный дым завивается к небу черными лентами.

У костров, наблюдая порядок, стояли красногвардейцы, держа в поводу военных коней. Тихо-тихо шли люди

прощаться с Лениным. Только снег похрустывал да потрескивали дрова в кострах.

Дед переступал с ноги на ногу, держа в руках шапку. Голова его вся заиндевела. И какая-то женщина шепнула:

— Застудитесь, дедушка!

— Ты застудишься, болезная,— ответил ей дед Аким, видя, что сама-то она в пальтишке и в кожаных туфлях — это на таком морозе, на снегу.

И вдруг вспомнил:

— А ведь мы с теплом приехали!

Вместе с Ленькой они побежали к красноармейцам и объяснили, где этот вагон и сколько в нем сухих березовых поленьев.

Командир распорядился. И вскоре на площадь прикатили грузовики, нагруженные доверху. Красноармейцы скинули дрова на площади, по переулкам и улицам, везде вдоль очереди, тянувшейся и изгибавшейся черной лентой. И вскоре запылало много-много костров, пламенных, горячих.

Люди подбегали, отогревались и снова в очередь. А дедушка Аким с Ленькой, хлопоча у костров, тоже немного оттаяли.

Помогая людям, старик и мальчик не забывали про свое горе, но им становилось как-то легче.

И в сердцах начинала теплиться надежда, что и это великое горе можно пережить, если потеснее сплотиться.

Ну а что же было дальше? Удалось ли дедушке Акиму раздобыть железные плуги с острыми лемехами для своей артели? Как устроилась судьба мальчишки Леньки?

Старик и мальчик побывали у гроба Ленина, попрощались с великим другом всех трудящихся.

Дед Аким поделился своей заботой с московскими рабочими, и они прислали тогда в Мордовию двадцать пять отличных плугов, выполняя завет Ленина о помощи города деревне. А теперь, что ни год, шлют мордовским колхозникам и тракторы, и комбайны, и сеялки, и веялки. И мокшанские богатыри, пересевшие на стальных ко-

ней, теперь лосей вместо сох не запрягают, лоси там бегают привольно в лесных заповедниках.

А Ленку взяла в приемыши артель. Узнав его историю, прозвали его колхозники внучком Ильича. С честью носил он свое почетное прозвище, старался жить так, как если бы он жил в семье Ленина. И вырос боевым комсомольцем, а потом стал хорошим коммунистом. Много потрудившись для народа, и теперь живет всем добрым людям на пользу: ведает колхозным пчельником. Я там был, чай с медом пил и то, что от старика узнал, вам и рассказал.

Н. Островский

ЕДИНОГЛАСНО

Ледяной стужей ознаменовал свое вступление в историю тысяча девятьсот двадцать четвертый год. Рассвирепел январь на занесенную снегом страну и со второй половины завыл буранами и затяжной метелью.

На юго-западных железных дорогах заносило снегом пути. Люди боролись с озверелой стихией.

В снежные горы врезались стальные пропеллеры снегоочистителей, пробивая путь поездам. От мороза и вьюги обрывались оледенелые провода телеграфа, из двенадцати линий работало только три: индо-европейский телеграф и две линии прямого провода.

В комнате телеграфа станции Шепетовка 1-я три аппарата Морзе не прекращают свой понятный лишь опытному уху неустанный разговор.

Телеграфистки молоды, длина ленты, отстуканной ими с первого дня службы, не превышает двадцати километров, в то время как старик, их коллега, уже начинал третью сотню километров. Он не читает, как они, ленты, не морщит лоб, складывая трудные буквы и фразы. Он выписывает на бланки слово за словом, прислушиваясь к стуку аппарата. Он принимает по слуху: «Всем, всем, всем!»

Записывая, телеграфист думает: «Наверное, опять циркуляр о борьбе с заносами». За окном вьюга, ветер

бросает в стекло горсти снега. Телеграфисту почудилось, что кто-то постучал в окно, он повернул голову и невольно залюбовался красотой морозного рисунка на стеклах. Ни одна человеческая рука не смогла бы вырезать этой тончайшей гравюры из причудливых листьев и стеблей.

Отвлеченный этим зрелищем, он перестал слушать аппарат и, когда отвел взгляд от окна, взял на ладонь ленту, чтобы прочесть пропущенные слова.

Аппарат передавал:

«Двадцать первого января в шесть часов пятьдесят минут...»

Телеграфист быстро записал прочитанное и, бросив ленту, оперев голову на руку, стал слушать.

«...вчера в Горках скончался...»

Телеграфист медленно записывал. Сколько в своей жизни прослушал он радостных и трагических сообщений, первым узнавал чужое горе и счастье. Давно уже перестал вдумываться в смысл скупых, оборванных фраз, ловил их слухом и механически заносил на бумагу, не раздумывая над содержанием.

Вот сейчас кто-то умер, кому-то сообщают об этом. Телеграфист забыл про заголовок: «Всем, всем, всем!» Аппарат стучал. «В-л-а-д-и-м-и-р И-л-ь-и-ч», — переводил стук молоточка в буквы старик телеграфист. Он сидел спокойно, немного усталый. Где-то умер какой-то Владимир Ильич, кому-то он запишет сегодня трагические слова, кто-то зарыдает в отчаянии и горе, а для него это все чужое, он — посторонний свидетель. Аппарат стучит точки, тире, опять точки, опять тире, а он из знакомых звуков уже сложил первую букву и занес ее на бланк — это была «Л». За ней он написал вторую — «Е», рядом с ней старательно вывел «Н», дважды подчеркнул перегородку между палочками, сейчас же присоединил к ней «И» и уже автоматически уловил последнюю — «Н».

Аппарат отстукивал паузу, и телеграфист на одну десятую секунды остановился взглядом на выписанном им слове:

«ЛЕНИН».

Аппарат продолжал стучать, но случайно наткнувшись на знакомое имя мысль вернулась опять к нему. Телеграфист еще раз посмотрел на последнее слово — «ЛЕНИН». Что? Ленин? Хрусталик глаза отразил в перспективе весь текст телеграммы. Несколько мгновений телеграфист смотрел на листок, и в первый раз за тридцатидвухлетнюю работу он не поверил записанному.

Он трижды бегло пробежал по строкам, но слова упрямо повторялись: «Скончался Владимир Ильич Ленин». Старик вскочил на ноги, поднял спиральный виток ленты, впился в нее глазами. Двухметровая полоска подтвердила то, во что он не мог поверить! Он повернул к своим товаркам помертвелое лицо, и они услышали его испуганный вскрик:

— Ленин умер!

* * *

Весть о великой утрате выскользнула из аппаратной в распахнутую дверь и с быстротой вьюжного ветра заметалась по вокзалу, вырвалась в снежную бурю, закружила по путям и стрелкам и с ледяным сквозняком ворвалась в приоткрытую половину кованных железом деповских ворот.

В депо над первой ремонтной траншеей стоял паровоз, его лечила бригада легкого ремонта. Старик Полентовский сам залез в траншею под брюхо своего паровоза и показывал слесарям больные места. Захар Брузжак выравнивал с Артемом вогнутые переплеты колосников. Он держал решетку на наковальне, подставляя ее под удары молота Артема.

Захар постарел за последние годы, пережитое оставило глубокую рытвину-складку на лбу, а виски посеребрила седина. Сутулилась спина, и в ушедших глубоко глазах стояли сумерки.

В светлом прорезе деповской двери промелькнул человек, и предвечерние тени проглотили его. Удары по

железу заглушили первый крик, но когда человек добежал к людям у паровоза, Артем, поднявший молот, не опустил его.

— Товарищи! Ленин умер!

Молот медленно скользнул с плеча, и рука Артема беззвучно опустила его на цементный пол.

— Ты что сказал? — Рука Артема сгребла клещами кожу полушубка на том, кто принес страшную весть.

А тот, засыпанный снегом, тяжело дыша, повторил уже глухо и надорванно:

— Да, товарищи, Ленин умер...

И оттого, что человек уже не кричал, Артем понял жуткую правду и тут разглядел лицо человека: это был секретарь партколлектива.

Из траншеи вылезали люди, молча слушали о смерти того, чье имя знал весь мир.

А у ворот, заставив всех вздрогнуть, заревел паровоз. Ему отозвался на краю вокзала другой, третий... В их мощный и напоенный тревогой призыв вошел гудок электростанции, высокий и пронзительный, как полет шрапнели. Чистым звоном меди перекрыл их быстроходный красавец «С» — паровоз готового к отходу на Киев пассажирского поезда.

Вздрогнул от неожиданности агент ГПУ, когда машинист польского паровоза прямого сообщения Шепетовка — Варшава, узнав о причине тревожных гудков, с минуту прислушался, затем медленно поднял руку и потянул вниз цепочку, открывающую клапан гудка. Он знал, что гудит последний раз, что ему не служить больше на этой машине, но его рука не отрывалась от цепи, и рев его паровоза поднимал с мягких диванов купе перепуганных польских курьеров и дипломатов.

Депо наполняли люди. Они вливались во все четверо ворот, и, когда большое здание было переполнено, в траурном молчании раздались первые слова.

Говорил секретарь Шепетовского окружкама партии, старый большевик Шарабрин:

— Товарищи! Умер вождь мирового пролетариата

Ленин. Партия понесла невозвратимую потерю, умер тот, кто создал и воспитал в непримиримости к врагам большевистскую партию. Смерть вождя партии и класса зовет лучших сынов пролетариата в наши ряды...

Звуки траурного марша, сотни обнаженных голов, и Артем, который за последние пятнадцать лет не плакал, почувствовал, как подобралась к горлу судорога и могучие плечи дрогнули.

Казалось, стены железнодорожного клуба не выдержат напора человеческой массы. На дворе жестокий мороз, одеты снегом и ледяными иглами две разлапистые ели у входа, но в зале душно от жарко натопленной голландки и дыхания шестисот человек, пожелавших участвовать в траурном заседании партколлектива.

Не было в зале обычного шума, разговоров. Великая скорбь приглушила голоса, люди разговаривали тихо, и не в одной сотне глаз читалась скорбная тревога. Казалось, что здесь собрался экипаж судна, потерявший своего испытанного штурмана, унесенного шквалом в море.

Так же тихо заняли свои места за столом президиума члены бюро. Коренастый Сиротенко осторожно приподнял звонок, чуть звякнул им и снова опустил его на стол. Этого было достаточно, и постепенно гнетущая тишина воцарилась в зале.

* * *

Сейчас же после доклада из-за стола поднялся отсекр коллектива Сиротенко. То, что он сказал, никого не удивило, хотя было необычайно на траурном заседании. А Сиротенко сказал:

— Ряд рабочих просит заседание рассмотреть их заявление, подписанное тридцатью семью товарищами.— И он прочел заявление:

В железнодорожный коллектив Коммунистической партии большевиков станции Шепетовка, Юго-Западной железной дороги.

Смерть вождя призвала нас в ряды большевиков, и

мы просим проверить нас на сегодняшнем заседании и принять в партию Ленина.

Вслед за этими краткими словами стояли две колонны подписей.

Сиротенко читал их, останавливаясь после каждой на несколько секунд, чтобы собранные в зале могли запомнить знакомые имена:

— Полентовский Станислав Зигмундович — паровозный машинист, тридцать шесть лет производственного стажа.

По залу пробежал гул одобрения.

— Корчагин Артем Андреевич — слесарь, семнадцать лет производственного стажа.

— Брузжак Захар Васильевич — паровозный машинист, двадцать один год производственного стажа.

Гул в зале нарастал, а человек у стола продолжал называть фамилии, и зал слушал имена кадровиков железно-мазутного племени.

Совсем тихо стало в зале, когда к столу подошел первый поставивший свою подпись.

Старик Полентовский не мог не волноваться, рассказывая слушающим его историю своей жизни:

— ...Что ж мне еще сказать, товарищи? Жизнь у рабочего человека в старое время была известно какая. Жил в кабале и пропадал нищим в старости. Что ж, признаюсь, когда революция настала, то считал я себя стариком. Семья на плечи давила, и проглядел я дорогу в партию. И хотя в драке никогда врагу не помогал, но и в бой ввязывался редко. В девятьсот пятом в варшавских мастерских был в забастовочном комитете и с большевиками заодно шел. Молодость была тогда и ухватка горячая. Что старое вспоминать! Ударила меня Ильичева смерть по самому сердцу, потеряли мы навсегда своего друга и старателя, и нет у меня больше слов о старости!.. Пущай кто покрасивее скажет, я не мастак на слово. Одно только подтверждаю: мне с большевиками по пути, и никак не иначе.

Седая голова машиниста упрямо качнулась, и взгляд из-под седых бровей твердо и немигающе устремлен в зал, от которого он как бы ждал решения.

Ни одна рука не поднялась дать отвод этому низенькому, с седой головой человеку, и ни один не воздержался при голосовании, когда бюро просило беспартийных сказать свое слово.

От стола Полентовский уходил коммунистом.

Каждый в зале понимал, что сейчас происходит необычное. Там, где только что стоял машинист, уже громоздилась фигура Артема. Слесарь не знал, куда деть свои длинные руки, и сжимал ими ушастую шапку. Протертый на бортах овчинный полушубок распахнут, а ворот серой солдатской гимнастерки, аккуратно застегнутый на две медные пуговицы, делает фигуру слесаря празднично опрятной. Артем повернул лицо к залу и мельком уловил знакомое женское лицо: среди своих из пошивочной мастерской сидела Галина, дочка каменотеса. Она улыбнулась ему прощающе, в ее улыбке было одобрение и еще что-то недосказанное, скрытое в уголках губ.

— Расскажи свою биографию, Артем! — услышал слесарь голос Сиротенко.

Трудно начинал свою повесть Корчагин-старший, не привык говорить на большом собрании. Только теперь почувствовал, что не передать ему всего накопленного жизнью. Тяжело складывались слова, да еще волнение мешало говорить. Никогда не испытывал он чего-либо подобного. Он отчетливо сознавал, что жизнь его пошла на крутой перелом, что он, Артем, делает сейчас последний шаг к тому, что согреет и осмыслит его заскорузло-суровое существование.

— Было нас у матери четверо, — начал Артем.

В зале тихо. Шестьсот внимательно слушают высокого мастерового с орлиным носом и глазами, спрятанными под черной бахромой бровей.

— Мать кухарила по господам. Отца мало помню, неполадки у него с матерью были. Заливал он в горло больше чем следует. Жили мы с матерью. Невмоготу ей

было столько ртов выкормить. Платили ей господа в месяц четыре целковых с харчами, и гнула она горб от зари до ночи. Посчастливилось мне две зимы ходить в начальную школу, научили меня читать и писать, а как мне десятый год подошел, не стало у матери иного спасения, как отвезти меня в слесарную мастерскую шкетом на выучку. Без жалования, на три года — за одни харчи... Хозяин мастерской был немец, по фамилии Ферстер. Не хотел он было меня брать по малости, но хлопец я был здоровый, и мать мне два года прибавила. Был я у этого немца три года. Ремеслу меня не учили, а гоняли по хозяйским делам да за водкой. Пил он намертвую... Гонял и за углем и за железом... Заделала меня хозяйка своим холуем: таскал я у нее горшки и чистил картошку. Каждый норовил пнуть ногой, часто совсем без причины — так уж, по привычке: не потрафлю хозяйке чем — она из-за пьянки мужа на всех зла была, — хлестнет меня раз-другой по морде. Вырвешься от нее на улицу, а куда пойдешь, кому пожалуешься? Мать за сорок верст, да и у ней приюту нет... В мастерской не лучше. Заправлял там всем брат хозяйский. Любил этот гад надо мной шутки строить. «Подай, — говорит, — мне вон ту шайбу», — и покажет на землю в угол, где кузнечный горн. Я туда, хватъ шайбу рукой, а он ее только что отковал, из горна вынул. На земле она лежит черная, ахватишь — сожжешь пальцы до мяса. Кричишь от боли, а он ржет, заливаётся. Невмоготу мне стало от этой молотилки, сбежал я к матери. А той девать меня некуда. Привезла она меня к немцу обратно, везла и плакала. На третий год стали мне кое-что показывать по слесарному, а мордобитие продолжали. Убег я опять, подался в Староконстантинов. В этом городе нанялся в колбасную мастерскую и отсобачил там, кишки моючи, полтора с лишним года. Проиграл наш хозяин свое заведение, не заплатил нам за четыре месяца ни гроша и смылся куда-то. Так я из этой трущобы выбрался. Сел на поезд, в Жмеринке вылез и пошел работу искать. Спасибо одному деповскому, посочувствовал он моему положению. Разузнал, что я кое-что по слесарному куме-

каю, взялся за меня, как за племянника, по начальству ходатайствовать. По росту дали мне семнадцать лет, и стал я подручным слесаря. Здесь я девятый год работаю. Вот оно насчет жизни прежней, а про здешнее вы все знаете.

Артем повел шапкой по лбу и глубоко вздохнул. Надо было сказать еще самое главное, самое для него тяжелое, не дожидаясь чьего-либо вопроса. И, вплотную сдвинув густые брови, он продолжал свою повесть:

— Каждый может меня спросить: почему я не в большевиках еще с той поры, когда огонь загорелся? Что ж мне на это сказать? Ведь мне до старости еще далеко, а вот только нонче нашел сюда свою дорогу. Что ж я тут скрывать буду? Проглядели мы эту дорогу, нам еще в восемнадцатом, когда против немца бастовали, начинать было. Жухрай, матрос, с нами не раз разговаривал. Только в двадцатом взялся я за винтовку. Кончилась заваруха, поскидали белых в Черное море, повертались мы обратно. Тут семья, дети... Завалился я в домашность. Но когда погиб наш товарищ Ленин и партия бросила клич, посмотрел я на свою жизнь и разобрался, чего в ней не хватает. Мало свою власть защищать, надо всей семьей заместо Ленина, чтобы власть Советская, как гора железная, стояла. Должны мы большевиками стать — партия наша ведь?

Просто, но с глубокой искренностью, смущаясь за необычный слог своей речи, закончил слесарь и будто снял с плеч тяжесть, выпрямился во весь рост и ждал вопросов.

— Может, кто желает спросить о чем-нибудь? — нарушил тишину Сиротенко.

Людские ряды зашевелились, но из зала ответили не сразу. Черный, как жук, кочегар, явившийся на собрание прямо с паровоза, бросил решительно:

— О чем его спрашивать? Разве мы его не знаем? Дать ему путевку, и все тут!..

Еще раз дрогнуло сердце Артема, когда глядел на лес поднятых рук, и, уже не чувствуя тяжести своего тела,

не ссутуля спины, пошел к своему месту. Сзади услышал голос Сиротенко:

— Единогласно...

До глубокой ночи в депо продолжался смотр тем, кто шел на смену. Допускали в партию только наилучших, тех, кого хорошо знали, проверили всей жизнью.

Смерть Ленина сотни тысяч рабочих сделала большевиками. Гибель вождя не расстроила рядов партии. Так дерево, глубоко вошедшее в почву могучими корнями, не гибнет, если у него срезают верхушку.

А. Кононов

«У-127»

На Павелецком вокзале в Москве стоит необыкновенный паровоз. Как полагается, он имеет свой номер: «У-127».

Но его можно узнать и без номера. Он весь красный, только труба выкрашена в черный цвет да на колесах видны белые полосы. А «У-127» выведено золотистой краской.

Каждый день с блестящих красных бортов паровоза стирают пыль. Над ним построили стеклянную крышу: теперь на «У-127» не попадет ни одна капля дождя.

Строили этот паровоз много лет тому назад — на субботнике. Субботник этот продолжался не один день. Много раз собирались в выходные дни железнодорожники и к 1 Мая выстроили паровоз «У-127».

Паровоз получился замечательный: строили его лучшие кузнецы и слесаря, красили его лучшие маляры.

После этого рабочие-железнодорожники постановили: поднести «У-127» в подарок Советской власти, а Владимира Ильича Ленина выбрать почетным машинистом паровоза. Решили послать к Ленину трех человек — передать ему об этом.

Ленин принял железнодорожников, выслушал их и улыбнулся:

— Я ведь уже ездил на паровозе — кочегаром. Ну, значит, вышло мне теперь повышение...

Железнодорожники засмеялись. Каждый из них хорошо знал, как перед самой Октябрьской революцией Ленин скрылся от своих врагов на паровозе под видом кочегара.

Потом Владимир Ильич расспросил рабочих, как у них идет работа на железной дороге.

А об их субботнике он еще раньше слышал. Он всегда интересовался субботниками, считал их великим делом. И, прощаясь со своими гостями, попросил:

— Передайте товарищам железнодорожникам мою благодарность.

* * *

С тех пор паровоз «У-127» немало поработал на железной дороге. Он возил пассажиров и товары, но больше всего составы с углем для московских заводов.

В последний свой путь он вышел 23 января 1924 года. Это было время тяжкого народного горя: 21 января умер в Горках товарищ Ленин. И, убранный траурными знаменами, увез «У-127» в Москву тело своего почетного машиниста.

Трудящиеся всех стран прощались со своим учителем, вождем, другом: во всем мире замерли на пять минут фабрики и заводы, остановились железные дороги.

А паровоз «У-127» остановился навсегда. Берегут его теперь наши рабочие. Берегут крепко, как память о великом Ленине.

Я. Смеляков

КРЕМЛЕВСКИЕ ЕЛИ

Это кто-то придумал
счастливо,
что на Красную площадь
привез
не плакучее
празднество ивы
и не легкую сказку
берез.

Пусть кремлевские
темные ели
тихо-тихо
стоят на заре,
островерхие
дети метели —
наша память
о том январе.

Нам сродни
их простое убранство,
молчаливая
их красота,
и суровых ветвей
постоянство,
и сибирских стволов
прямота.

М. Рыльский

ИЛЬИЧ И ДЕВОЧКА

Я вам стихи читать начну,
Я расскажу вам, дети,
Как в голод

девочку одну

Ильич однажды встретил.

Чтоб наша красная звезда
Была навеки с нами,
Тогда,

в те трудные года,

Сражались мы с врагами.

И Ленин очень занят был,
Но взял с собой малышку,
Ее согрел и накормил,
Достал с картинкой книжку.

Среди больших и важных дел
Смог малое увидеть...
Людей любить Ильич умел,
Умел и ненавидеть.

Он ненавидел всех господ,
Царя и генералов,
Зато любил простой народ,
Любил детишек малых.

Все ребятишки в наши дни
Растут, как сад весенний.
Так пусть стараются они
Таковыми быть, как Ленин!

В. Инбер

ГИМН

Торжественно, прекрасно-величаво
Горит над нами алая звезда.
Да здравствует Советская держава,
Страна свободы, мира и труда.

Да здравствуют ее луга и нивы,
Ее республик светлые гербы,
Где сам народ, свободный и счастливый,
Хозяин и творец своей судьбы.

Да здравствуют ее моря и реки,
Ее притоки вечно юных сил.
Да здравствует отныне и навеки
Великая страна, где Ленин жил...

А. Кононов

БЮСТ ЛЕНИНА

В Париже, столице Франции, открылась в 1937 году Международная выставка.

Советский павильон на этой выставке можно было узнать издалека: на крыше его возвышались две огромные фигуры — рабочего и колхозницы. Они были отлиты из нержавеющей стали.

В высоко поднятых руках они несли перед собой сверкающие на солнце серп и молот.

Внутри павильона, в самой большой комнате, среди живых цветов стоял бронзовый бюст Владимира Ильича Ленина.

За время выставки в советском павильоне побывало много народу: приходили рабочие, ученые, писатели, солдаты, крестьяне, учителя...

Однажды поздно вечером, когда наш павильон уже хотели закрывать, пришел слепой.

Его вела за руку женщина с печальным лицом. Она подвела слепого к бюсту Ленина, а сама отошла в сторону.

Слепой тронул рукой бронзовый бюст. Ладонь его встретила с плечом Ленина.

Тогда слепой стал поднимать руку, бережно касаясь бронзы.

Служащий павильона подошел к женщине и спросил:
— Кто это такой? Чего он хочет?

Женщина ответила:

— Это мой муж. Ему уже давно, в тысяча девятьсот четырнадцатом году, выжгло на войне глаза.

Служащий взглянул: вместо глаз у слепого были страшные темные впадины.

Женщина сказала:

— Какой он был сильный, если б вы знали!..

Слепой подымал худую свою руку все выше. И вот пальцы его легли на прекрасный лоб Ленина — и задержались надолго...

Потом он опустил руку. По лицу его медленно текли слезы.

Женщина сказала:

— Я не могла ему отказать в этом. Ведь он ни разу не видел Ленина на портретах.

Слепой все еще стоял перед бюстом.

Он не вытирал своих слез.

Несколько раз подымал он руку, бережно касался лица Ленина и снова стоял неподвижно.

Наконец он произнес:

— Теперь я видел его. Я видел Ленина.

С. Маршак

БАЛЛАДА О ПАМЯТНИКЕ

1

Передают в горах такой рассказ:
Война пришла на Северный Кавказ.

И статую с простертою рукой
Увидел враг над пенистой рекой.

— Убрать!— сказал немецкий генерал
И бронзу переплавить приказал.

И вот на землю статуя легла.
А вечером, когда сгустилась мгла,

Немецких автоматчиков конвой
Ее увез в машине грузовой.

2

В ту ночь на склонах бушевал буран,
В ущельях гор скрывая партизан.

И там, где был дороги поворот,
Заговорил по-русски пулемет.

И эхо вторило ему в горах
На всех гортанных горских языках.

И выстрелами озарялась высь:
В теснинах гор за Ленина дрались.

И Ленин сам — с машины грузовой —
Смотрел на этот партизанский бой.

3

Проснулись утром люди в городке,
И вышли дети первыми к реке.

Они пошли взглянуть на пьедестал,
Где Ленин столько лет и зим стоял.

И видят: Ленин цел и невредим
И так же руку простирает к ним.

Как прежде, руку простирает к ним
И говорит: — Друзья, мы победим!

Он говорит — или шумит река,
Бегущая сюда издалека...

С. Орлов

ГВАРДЕЙСКОЕ ЗНАМЯ

Мы становились на колени
Пред ним под Мгой в рассветный час
И видели: товарищ Ленин
Глядел со знамени на нас.

На лес поломанный, как в бурю,
На деревеньки вдалеке
Глядел, чуть-чуть глаза прищуря,
Без кепки, в черном пиджаке.

Гвардейской клятвы нет вернее,
Взрели танки за бугром.
Наш полк от Мги пронес до Шпрее
Тяжелый гусеничный гром.

Он знамя нес среди сражений
Там, где коробилась броня,
И я горжусь навек, что Ленин
В атаке лично вел меня.

Юрий Рытхэу

ЛЕНИНСКОЕ СЛОВО

Кит взметнулся свечой, словно хотел навсегда протиснуться с морем, и снова ушел глубоко в воду, утащил за собой шесть туго натянутых поплавок. Темные полавки из нерпичьей темной шкуры, покрытые короткой шерстью, долго не показывались из воды. Когда они всплыли, стоящий на носу охотник перегнулся через борт, потянул один из них, и сразу стало ясно: кит ушел умирать в глубину, оборвав шесть толстых крепких ремней из лахтачьей кожи.

«Эх, было бы слово...— с досадой подумал Утоюк, глубоко надвигая на лицо капюшон камлейки, чтобы товарищи не видели разочарования на его лице.— Ушли китовый ус, мясо, жир...»

Охотиться дальше не было смысла. Утоюк развернул байдару, поставил парус новым галсом и направил суденышко на темную высокую полосу скалистого берега.

Кожаная байдара подпрыгивала на волнах, туго натянутый парус звенел, студеный ветер охлаждал разгоряченное лицо. Морские птицы уступали путь плывущей байдаре; далеко на западной стороне проглянуло голубое небо, но на душе Утоюка было одно — грусть от мысли, что его байдару постигла неудача.

Скоро придет зима. Вон уже на вершинах гор, окруживших пролив, появились белые шапки, утиные стаи потянулись к югу, а по утрам нога рушит лед замерзших луж... Идет зима, а в мясных ямах пусто, пусто и в боч-

ках, предназначенных для жира. Где-то в середине зимы, когда мороз скует лед и не оставит ни проблеска свободной воды, придет голод. Вечный зимний гость, который будет уносить сначала малых детишек, потом стариков, а потом снова вернется к детям, на этот раз постарше, примерно таким, как сын Лайвок, который уже умеет стрелять... Люди будут скоблить мясные ямы, варить земляную смесь, будут есть старую моржовую кожу, ремни. А потом поедут, пряча стыд и унижение, по соседним стойбищам. Но ведь и там в этом году охота была не очень удачной. Поделаются, конечно, тем, что есть, но в глазах будет упрек: и у нас дети, и у нас старики...

Тугой ветер гнал байдару на берег. Уже видны белые буруны на прибрежных рифах, и ясно различимы люди на берегу. Их немного. Вот если бы тащили кита, то на узкую галечную отмель высыпало бы все население, пришли бы даже одряхлевшие старики, а тех, кто не ходит, притащили бы на плечах сильные юноши. Пока бы разделявали кита, пылали костры, детишки носились бы наперегонки с собаками, лакомились вкусным итгильгynom — китовой кожей вместе с жиром, а вдоль берега расхаживал бы старый Томсон, заложив руки за спину, и ласково разговаривал, кося красноватым глазом на кучу китового уса.

Но ничего этого не будет. Даже те, кто пришел на берег, будут сочувственно молчать, а старый Томсон заколотит дверь лавки и уедет переживать голодное время в Америку, где еду держат в запаянных жестянках, выставленных в окнах магазинов, и где не надо гоняться за ней по бушующему морю, по неверному морскому льду.

Перед бурунами Утоюк спустил парус, и байдару неслась к берегу со скоростью, которую сообщил судну щедрый ветер.

В толпе встречающих стоял незнакомый парень в островерхой шапке с нашитой звездой. Он был молод и смотрел на байдару широко раскрытыми глазами, словно все это он видел впервые и еще не привык. Рядом с парнем стояли ребяташки, и вместе с ними Лайвок.

Земляки молча помогли вытащить байдару. Вместе со всеми работал молодой парень со звездой на шапке и улыбался неизвестно чему, раздражая Утоюка. Как можно улыбаться, когда впереди голодная зима и смерть близких? Утоюк глянул парню прямо в глаза, и тот, почувствовав гнев, вдруг смешался, растерялся.

Но Утоюку не было дела до этого белобрысого с красной звездой на шапке. Закончив дела на берегу, он направился к своей яранге, которая, как и все жилища, была обращена входом к открытому морю, чтобы охотник всегда видел морское пространство, которое его кормит и держит живым на этой холодной земле.

Рядом, едва поспевая за широкими шагами отца, сменял Лайвок и торопливо рассказывал новости, происшедшие в поселке, пока отец был на охоте:

— Приехал человек, который назвался большевиком. И еще учителем. Говорит, что будет учить детей различать речь на бумаге. И мы все научимся, как старый Томсон, глядеть на бумагу и бормотать слова... Так он говорит.

Занятый своими мыслями, Утоюк почти не слушал сына. Мало ли какие чудачки приезжают? В прошлом году высадились несколько человек с кирками и лопатами и тайком ушли в тундру — искать денежный песок. Еще настоящих морозов не было, а их уже нашли заколоченными и исхудавшими так, что полярные волки побрезговали ими... И еще был человек, который утверждал, что во всем остальном мире люди говорят с помощью металлической проволоки. Утоюк усмехнулся про себя: во рту вместо живого теплого языка — кусок металлического провода!..

— И еще говорил учитель, по имени Гоша Менов, что старый Томсон должен покинуть нашу землю и уехать...

Невозможно было отвлечься от ребячьего разговора, и Утоюк спросил:

— Так кто же говорит: большевик, учитель или Гоша?

— Он один все и говорит, — обрадованный откликом

отца, ответил Лайвок.— И еще говорит, что на всей нашей земле новая власть — власть бедных.

— Везде власть бедных,— вздохнул Утоюк, представив себе, как ослабнет звонкий голос сына и потускнеют его глаза, когда голод поселится невидимым гостем в яранге.— Власть бедных и голодных...

Уже дома, за скудной едой, Лайвок повторил весь рассказ, который вселил тревогу в сердце Утоюка.

Большевик Гоша ничего не говорил про металлическую проволоку для разговоров, не звал в тундру копать денежный песок, он говорил просто и понятно, и вот это-то и было тревожно и непривычно. Он собрал жителей селения в лавке Томсона, велел торговцу освободить помещение и заявил, что послан Советской властью открыть школу и провести выборы в Совет.

— Зачем выбирать, когда и так хорошо видно,— ответил старый Понто.— Пусть в Совет идут те, кто ничего не имеет, раз власть бедных.

— Это власть бедных и трудящихся,— нашелся тут же учитель.— В Совет должны войти те, кто своим умом и своими заботами помогут уничтожить бедность на этой земле. Мы взяли власть в свои руки не для того, чтобы голодать и мерзнуть, а чтобы построить жизнь, достойную настоящего человека!

И люди слушали его, потому что в селении до него никто так много, громко и интересно не говорил.

Решили выбрать в Совет Утоюка и еще двоих.

Но Утоюк попросил позволения поразмыслить несколько дней.

Учитель согласился, но посоветовал поторопиться.

Пока Утоюк думал, учитель посадил торговца Томсона на вельбот и отправил в Америку через пролив. Товары перешли во владение новой власти, и были названы такие цены, которые сначала отпугнули покупателей: до того они были низки по сравнению с ценами, по которым торговал старый Томсон.

А Утоюк думал. Он передумал всю свою жизнь от рождения до сегодняшнего дня и вдруг с горечью открыл для

себя, что радостей она ему почти не дала. Занятый вечной погоней за зверем, он редко останавливался передохнуть и подумать. Что же такое настоящая жизнь?

Под покровом осенней ночи Утоюк отправился к шаману Анахаку, который поставил ярангу на берегу бурного ручья. По узкой, осклизлой тропе Утоюк вскарабкался на крутизну и вошел, точно в скалу, в жилище шамана.

Чуть в стороне от входа мерцало пламя костра. Шаман сидел, уткнув поросший седенькой щетиной подбородок в колени, обтянутые облысевшими нерпичьими штанами.

— Пришел! — приветствовал шаман Утоюка. — Садись к огню.

Усевшись перед Анахаком, Утоюк рассказал о своих сомнениях и колебаниях и попросил совета.

— Пришел! — злорадно повторил шаман. — А когда на кита пошел, не посчитал нужным прийти за словом, которое помогло бы тебе. Теперь я тебе скажу, что помочь нет у меня ни сил, ни охоты...

— Что же делать?

— Спроси у того, у кого сильное слово, — зло отозвался шаман.

— У кого? — спросил Утоюк.

— У Ленина!

Утоюк слышал это имя в то время, когда до селения дошла весть о великой революции в России. Но это казалось далеким и неосязаемым, как полярное сияние. Однако удивило то, что старый Анахак не только знал имя Ленина, но и слышал про силу его слов.

— Откуда ты знаешь о Ленине? — осторожно осведомился Утоюк.

— Много наслышан, — нехотя ответил Анахак. — Одни говорят, что это сказочный великан, иные — что совсем обыкновенный человек. Разные слухи ходят... Вот только одно говорят одинаково: вся сила Ленина в его слове.

Слово... Утоюк знал, что у шаманов есть чудодейственные заклинания, способные на расстоянии убить человека, утихомирить бурное море, вылечить больного или

же навести на кого-нибудь порчу. Утоюк верил в силу слов и иной раз, когда не совсем был уверен в удаче, отправлялся к шаману, и тот давал ему заклинания, смысл которых был понятен только шаману и богам... Если бы он послушался старого Анахака и пришел за словом! Конечно, пришлось бы отдать половину китового уса, жир и мясо, но все-таки это лучше, чем остаться без ничего.

— Говорят, слово его повергает врагов в бегство и дает силы тем, кто ранее считался слабым,— продолжал Анахак.— И люди, посланные им сюда и называющие себя большевиками,— это те, которые знают чудодейственное слово Ленина.

Утоюк ушел от шамана, полный противоречивых мыслей. Как же так? Выходит, и шаман признал силу далекого Ленина. Значит, единственное — идти к учителю и спросить его. Да как его спросишь, если парень сам часто задает вопросы и мудрейшим не выглядит.

Утоюк вернулся в свою ярангу. Сына не было дома, и на вопрос, где он, мать ответила:

— Учиться ушел.

— Чему учиться? — удивился отец, который всегда считал, что сына должен учить не кто-нибудь, а собственный отец.

— Различать следы на бумаге,— туманно ответила жена.

— Пусть учится различать следы на снегу! — сердито заметил Утоюк и ушел на поиски сына.

Ноги сами привели его к бывшей лавке старого Томсона, где теперь обосновался учитель Гоша Менов.

Там, где раньше торговец держал запас товаров, было пусто, и на снятых со стен полках сидели мальчишки и девчонки, сосредоточенно слушая учителя. Оглядев пустые стены, Утоюк горько подумал: «Власть бедных».

Там, где стоял учитель, к стене был прислонен старый, заржавленный корабельный руль с погибшей шхуны. Раньше Томсон покрывал им отверстие мясной ямы, но с тех пор, как он уехал, яма пустовала, и в ней поселились бродячие собаки.

Утоюк остановился у входа в лавку. Учитель говорил и одновременно что-то писал на руле белым пачкающим камнем. Потом он снова повернулся к ученикам, и вдруг те хором повторили слова, среди которых Утоюк явственно уловил знакомое. Он еще раз прислушался, и странное чувство охватило его. Глазами он нашел сына и впился взглядом в него. Да, Лайвок произносил это имя, и на лице его было необыкновенное выражение, даже радость и гордость оттого, что он делает все так, как учитель Гоша Менов.

Утоюк вышел из лавки и уселся на камень, повернувшись лицом к морю. За тонкими дощатыми стенами звенели детские голоса, которые иногда перекрывались спокойным голосом учителя. И опять дети и учитель повторяли эти слова и это имя, которого страшился даже шаман Анахак, выходивший на единоборство со злыми духами.

Неожиданно прозвенел звонок, словно на улице селения прибежал вожак оленьего стада с колокольчиком на шее. Из лавки шумной толпой высыпали ребятишки. Впереди мчался Лайвок, и на его лице Утоюк не увидел ничего, кроме радости.

Дождавшись, пока ребятишки освободили помещение, Утоюк вошел. Учитель Менов закуривал.

— Етти, Утоюк,— поздоровался он и весело сообщил:— Вот начали учиться. Теперь здесь школа.

А Утоюк все смотрел на начертанное на ржавом руле, пытаясь разобраться в значках, выследить звуки, которые запечатлелись линиями, нанесенными белым пачкающим камнем. Он напрягал слух, словно оттуда должны были раздаться задержанные звуки и произнести это ленинское слово.

— Там написано ленинское слово? — спросил Утоюк, указывая на ржавый руль.

— Точно! — пораженный, ответил учитель.— Ты умеешь читать?

— Не умею,— почему-то смутился Утоюк.— Я просто догадался и слышал, как дети называли имя Ленина.

— Понравилось? — вежливо осведомился учитель.

Утоюк не знал, как отвечать на этот вопрос, поэтому он немного помолчал.

— Так какое это слово? — спросил Утоюк. Он ясно видел, что на руле начертаны два слова: одно, видимо, имя Ленина, а другое — то самое ленинское слово.

— Слово? — переспросил учитель и оглянулся на руль. — Вот это — Ле-нин, — произнес он отдельно, словно перед ним был ученик, — а второе слово — ре-во-лю-ция.

— Как, как? — переспросил Утоюк.

— Революция! — громко повторил учитель.

Утоюк внимательно вслушался в звучание слова и напрямик спросил учителя:

— И это самое сильное ленинское слово?

Учитель на минутку задумался и подтвердил:

— Пожалуй, оно и есть.

— Научи меня ему, — попросил Утоюк.

Выучить ленинское слово оказалось делом не очень трудным. Повторив несколько раз, Утоюк отлично научился выговаривать «революция» и чувствовал, как его язык привыкает перекатывать во рту это непривычное слово.

— Спасибо, — поблагодарил Утоюк учителя и собрался было уходить, но тут учитель спросил:

— А ты знаешь, что это слово значит?

Разве это слово что-то значит?.. Заклинательные слова шамана Анахака не имели смысла, и чем они были непонятнее и труднее было их произносить, тем были сильнее.

— Думаю, что это сильное слово, — предположил Утоюк.

— Подожди, — остановил его учитель. — Садись. Я хочу тебе сказать, что значит это слово.

...В дверь уже заглядывали ученики, но беседа учителя и охотника все продолжалась. Гоша Менов рассказывал Утоюку об Октябрьской революции, о том, как трудящиеся взяли власть в свои руки, чтобы плоды их тру-

дов доставались не кому-то, а им самим, чтобы на всем большом пространстве бывшей царской России не было угнетаемых и обездоленных, чтобы ни голод, ни болезни больше не посещали дальние чукотские селения.

Много говорили учитель Менов и Утоюк.

— Быть хозяином своей жизни, своего будущего — вот что значит для трудящегося человека революция, самое сильное ленинское слово, — заключил долгий разговор учитель Менов.

Трудно было Утоюку сразу во всем разобраться.

Он спустился к морскому берегу. На горизонте уже виднелась белая полоска надвигающихся льдов, тянуло холодным ветром, а снежная шапка на окрестных горах опустилась ниже.

Из-за большого камня показалась сгорбленная фигура шамана Анахак. Старик медленно ковылял по берегу, что-то произносил и кидал тревожные взгляды на белеющую полосу льда.

— Анахак! — позвал Утоюк.

Шаман оглянулся и сделал несколько шагов навстречу Утоюку.

— Хочу умиловить духов, — сказал Анахак усталым голосом. — Трудно мне!

— А я знаю ленинское слово, — заявил Утоюк.

Шаман насторожился.

— И я даже знаю, что оно значит, — продолжал Утоюк. — Это слово... — Тут охотник сделал паузу и громко произнес: — Революция!

Анахак вздрогнул, словно его ударили. Он втянул голову в плечи и, ни слова не говоря, поспешил вверх, к своей яранге, вбитой в скалу.

Утоюк и сам удивился тому, что сделал. И вместе с удивлением в его душе росла радость: значит, действительно сильное это ленинское слово — революция!

М. Дудин

ЛЕНИН

Пылают звезды на Кремле.
Их свет горяч и неизменен.
Для всех людей на всей земле
Звучит надеждой слово «Ленин».

Когда приходит в первый класс
Простой веснушчатый мальчишка,
Он это слово первый раз
Читает в самой первой книжке.

Войдет он в мир труда и света,
И нет того пути светлей.
Он будет ленинцем — а это
Всего прекрасней на земле.

А. Твардовский

НА ПОДВИГ ВЕКА

На подвиг века величавый,
Во имя счастья всех людей
Серпа и молота держава
Ведет сынов и дочерей.

Отчизна мира и свободы,
Пускай враги тебе грозят:
Всегда с тобой твои народы —
За друга друг,
За брата брат.

Непобедима наша сила,
Под красным знаменем она
И новый путь земле открыла,
И в звездный край устремлена.

Взвивайся, ленинское знамя,
Нам осеняя путь вперед!
Под ним идет полмира с нами,
Настанет день —
Весь мир пойдет.

Поднявшись над прославленными всеми,
Живущий вечно в мыслях и в сердцах,
Он всех живей —

над ним не властно время,
И не измерить дел его размах.

Он весь земли бесценное наследство,
Пусть поколения свой проходят круг,
И с каждым он встречаться будет с детства
И в жизни жить,
как самый верный друг!

М. Исаковский

У МАВЗОЛЕЯ ЛЕНИНА

Проходит ночь. И над землей все шире
Заря встает, светла...
Не умер он: повсюду в этом мире
Живут его дела.

И если верен ты его заветам —
Огням большой весны, —
В своей стране ты должен стать поэтом —
Творцом своей страны.

На стройке ль ты прилаживаешь камень —
Приладь его навек,
Чтобы твоими умными руками
Гордился человек.

Растишь ли сад, где вечный голод плакал,
Идешь ли на поля —
Работай так, чтоб от плодов и злаков
Ломилась вся земля.

Услышишь гром из вражеского стана
У наших берегов —
Иди в поход, сражайся неустанно
И будь сильнее врагов!

Какое б ты ни делал в жизни дело,
Запомни — цель одна:
Гори, дерзай, чтоб вечно молодела
Великая страна;
Чтобы, когда в холодные потемки
Уйдешь ты — слеп и глух, —
Твое бы имя понесли потомки,
Как песню, — вслух.

Павло Тычина

СЛУШАЕМ ПРО ЛЕНИНА

Мы сидели на лугу,
На зеленом берегу.
Там, стройна и весела,
Вишня пышная цвела.

Вдруг, подкравшись еле слышно,
Ветерок подул на вишню —
Нам на плечи с высоты
Сбросил нежные цветы.

Что нам ветер? Пусть летает,
Пусть цветы бросает в нас!
Ведь вожатая читает
Нам про Ленина рассказ.

Как учился он, как жил,
Как с народом он дружил...
И апрельским ясным днем
Все мы думаем о нем.

Пролетают пчелы мимо,
Ищут мед неутомимо,
В синем небе тучка тает...
А вожатая читает:

«Люди жили, как в неволе,
На чужом трудились поле,

И для бедных — вот беда!—
Школы не было тогда!

Тяжело рабочим было,
И крестьян нужда томила.
Царь велел бросать в тюрьму
Всех, перечивших ему.

Ленин знал, как трудно людям.
Он решил: «Бороться будем!
Троны царские падут, —
Их сметет свободный труд!

Мы прогоним сумрак ночи!
Вспыхнет алая заря!
Победит народ рабочий
Богатеев и царя!»

Он хотел, чтоб жизнь народа,
Словно вишня, зацвела.
И желанная свобода
Завоевана была.

Ленин школы дал ребятам,
Дал он свет крестьянским хатам...
Как родного своего,
Крепко любим мы его!

Птицы мимо пролетели,
Набирая высоту,
И невольню поглядели
Мы на яблоню в цвету.

Пусть вожатая читает
Нам про Ленина рассказ,
Пусть, как вишня, расцветает
Жизнь хорошая у нас!

3. Воскресенская

ДОРОГОЕ ИМЯ

Ты пришел учиться в школу и скоро станешь октябренок. Пионеры приколют тебе на рубашку красную звездочку с изображением Володи Ульянова.

Твой старший брат и сестра носят на груди комсомольский значок — на нем портрет Ленина. И твой отец состоит в партии, созданной Лениным.

Самую почетную награду — орден Ленина — получают лучшие люди нашей страны, герои.

Первый разведчик Вселенной Юрий Гагарин взял в свой неизведанный полет в космос портрет Владимира Ильича и облетел с ним вокруг земного шара.

Советская ракета доставила на далекую планету Венера барельеф великого землянина — Ленина.

Если ты увидишь на улице своего города приехавшего к нам в гости иностранца — араба или англичанина, вьетнамца или француза — и подаришь ему ленинский значок, то услышишь, как он радостно воскликнет: «Ленин!», даже если ни слова не знает по-русски.

Иное дело враги...

Однажды ночью в фашистской Германии, когда хлестал дождь и грохотал гром, немецкие коммунисты высекли на высокой скале слово ЛЕНИН. Утром солнце осветило горы, и фашисты объявили тревогу. Были вызваны пожарные машины, верхолазы. Жителям города

запретили смотреть на скалу. Два дня гитлеровцы пытались уничтожить это слово и не смогли.

В ярости они взорвали скалу...

Почему же всеми честными людьми так почитается это имя и почему враги боятся даже слова ЛЕНИН?

ГОСПОДА И РАБЫ

С давних времен люди разделялись на господ и рабов, угнетателей и угнетенных, богатых и бедных. Подневольных было большинство. Они возделывали землю, а урожаем забирал помещик; они создавали прекрасные дворцы, а сами жили в лачугах. За малую провинность человека могли убить, наказать плетью, продать другому барину.

Народ часто восставал против угнетателей.

Триста лет назад донской казак Степан Разин повел крестьян против царя и помещиков. Храбро бились восставшие, но царские войска их одолели. Через сто лет снова поднялся бедный люд на войну под предводительством Емельяна Пугачева и тоже потерпел поражение.

Были честные люди и среди офицеров-дворян. Они тоже восстали против несправедливости. Но царь жестоко расправился с ними — одних казнил, других в кандалах угнал на каторгу в Сибирь.

Шло время... Росла народная ненависть к поработителям. Группа молодых людей, назвавшая свою организацию «Народная воля», решила убить царя Александра Второго. Им это удалось. Но страной стал править еще более жестокий царь, а смельчаков казнили.

Кому же под силу сокрушить царизм, установить справедливость, освободить из неволи трудовой народ?

КАК ЗАВОЕВАТЬ СВОБОДУ?

В Симбирске, на берегу Волги, в небольшом деревянном доме жила семья инспектора народных училищ Улья-

нова. Каждый вечер там звучала колыбельная песня. Ее пела своим детям Мария Александровна:

...Ты, быть может, на природу
Прозорливый кинешь взор,
Человеческому роду
Разодвинешь кругозор,

Неизвестную от века
Тайну мира подглядишь,
Новой силой человека
Для боренья одаришь.

Баюкая детей, мать мечтала, что вырастут они сильными, смелыми, справедливыми.

Их отец, Илья Николаевич, создавал школы для крестьянских ребят — русских, чувашей, мордвы, татар. В свои поездки по деревням он брал старших детей, чтобы они сами видели, в какой нищете и темноте живет народ.

Как завоевать для людей свободу, счастье? Над этим часто задумывался старший сын Ульяновых, Саша. И он со своими товарищами-студентами решил убить Александра Третьего. Саша надеялся, что на этот раз убийство ненавистного царя поднимет весь народ на борьбу с угнетателями. Но полиция схватила отважных юношей. Александр Ульянов и его друзья были повешены в Шлиссельбургской крепости.

Володя рос, как и брат его Александр, свободолюбивым человеком, ненавидящим рабство. Он тяжело переживал гибель брата и много думал о том, правильный ли путь избрал Саша. Ведь горстке героев не одолеть царский строй с его полицией, армией, чиновниками. Чтобы завоевать свободу, нужна большая сила. Где она?

...В декабрьское утро 1887 года Казанский университет походил на осажденную крепость. Его оцепили солдаты и полицейские. А внутри университета все гудело и бушевало. Взбунтовались студенты. Они потребовали, чтобы им разрешили устраивать собрания, читать книги передовых писателей, чтобы за ними не шпионили. Сту-

дент первого курса Владимир Ульянов был одним из организаторов этой сходки протеста.

Полиция ворвалась в университет и арестовала непокорных студентов. Уже в семнадцать лет Володя Ульянов познал тюрьму. Царские власти не разрешили ему учиться ни в одном университете и сослали, как опасного государственного преступника, в ссылку в деревню Кокушкино.

Глубоким снегом занесены избы в деревне и флигель Ульяновых. Едва забрезжит заря, Володя раскладывает книги на столе и погружается в чтение. Он решил самостоятельно пройти программу за пятилетний курс университета. Кроме того, он настойчиво искал ответа на вопрос, где же та сила, которая поможет людям обрести свободу и счастье.

А по вечерам Володя с сестрами Аней, Олей, Маняшей и братом Дмитрием собирались в столовой, играли в шахматы, читали вслух любимых поэтов или пели. Особенно любил Володя песню «Нелюдимо наше море».

...Но туда выносят волны
Только сильного душой!..
Смело, братья, бурей полный,
Прям и крепок парус мой,—

звучал его сильный, выразительный голос.

В 1891 году Владимир Ильич отлично сдал экзамены за весь курс университета и стал помощником присяжного поверенного — адвокатом. Он защищал бедных крестьян, которых царское правительство привлекало к суду.

ГЛАВНАЯ СИЛА

В книгах великих ученых Карла Маркса и Фридриха Энгельса Владимир Ильич нашел ответ, который так долго искал. Главная сила, способная победить царизм,—

рабочий класс, пролетариат. Только пролетариат, самый организованный и революционный класс, в дружбе с крестьянством может сокрушить господство царя и богатеев, взять власть в свои руки, установить на земле мир и справедливость.

Россия — крестьянская страна, в ней мало фабрик и заводов, нет настоящего пролетариата и не будет, утверждали противники марксизма. Владимир Ильич вступил с ними в жестокий спор.

И сама жизнь показала, что он прав. В России все больше строилось заводов, прокладывались железные дороги, открывались новые шахты. В деревне помещики отнимали у крестьян земли. И крестьяне-бедняки, чтобы спастись от голода, уходили на заработки в город. Владельцы предприятий — капиталисты нанимали рабочих, заставляли их работать по 12—16 часов в день. Платили же им нищенскую плату, лишали всяких человеческих прав.

Невский проспект Петербурга сияет огнями газовых фонарей, освещенных витрин. По улицам катят экипажи, и в них — нарядные барыни и господа. По кромке тротуара, стараясь не задеть прохожих, идет крестьянин с котомкой за плечами, в рваном армяке, в лаптях, залепленных грязью. Это Алексей Шувалов, крестьянин-бедняк с новгородской земли. От голодной жизни в деревне ушел он в город искать себе пропитание.

На ярко освещенном перекрестке его заметил полицейский: «Чего ты, голь перекатная, шляешься здесь? Господ измарашь! Иди вон отсюда!»

И вот Алексей Шувалов работает в шумном цехе большого завода. Пахнет гарью, машинным маслом, шуршат приводные ремни, ухают паровые молоты. Молодой рабочий с раннего утра до поздней ночи толкает впереди себя тяжело груженную тачку. Ночь коротает на нарах в бараке, ест гнилую похлебку, терпит издевательства мастера. И все его богатство — это сильные рабочие руки.

В такой нищете и бесправии жили рабочие и крестьяне всей страны.

Чтобы отвоевать свои права, рабочие устраивали забастовки — бросали работу. Но хозяева высылали против забастовщиков полицию, войска.

Капиталисты и рабочие — вечные враги. Интересы капиталистов защищают армия, полиция, суд. А кто защищает интересы рабочих? На этот вопрос ответил Ленин: только сами рабочие. Но для этого они должны объединиться, и у них должен быть умный и отважный руководитель — партия, организация революционеров. В нее войдут самые лучшие, самые преданные делу рабочего класса люди.

«СОЮЗ БОРЬБЫ»

Где и с чего начинать создание партии? Конечно, в Питере, как называл простой народ Петербург. Там самый большой отряд рабочего класса.

Владимир Ильич приехал в Петербург в 1893 году.

На Выборгской стороне в бедной лачуге тайно собрался кружок рабочих Путиловского завода. Все с нетерпением ждут своего нового руководителя, ученого-марксиста. Кто он, это знает только хозяин квартиры.

И вот раздался условный стук в окно. В комнату вошел и по-дружески улыбнулся, пожал всем руки еще очень молодой, жизнерадостный человек. «Называйте меня Николаем Петровичем», — сказал Владимир Ильич.

На заводах было уже много кружков, в которых изучали книги Маркса, но они действовали каждый по себе и не знали, как организовать борьбу с капиталистами в России. Владимир Ильич быстро нашел товарищей по борьбе, подружился с передовыми рабочими и объединил кружки в одну организацию — «Союз борьбы за освобождение рабочего класса». Владимир Ильич был тогда еще очень молод, но за ум и большие знания его звали Стариком.

Полиция выследила «Союз борьбы» и арестовала многих его руководителей. Владимир Ильич был заключен в тюрьму. «Ну, теперь рабочие остались без вожаков!» — злорадствовали жандармы.

Ходит тюремный надзиратель по коридору, заглядывает в круглое окошечко-глазок, подсматривает, что делают заключенные. Как ни откроет «глазок» в камеру Ульянова, видит — сидит за столиком молодой революционер, перед ним раскрытая книга, а сам он что-то жует. А Владимир Ильич, слышав шаги надзирателя, отправлял в рот «чернильницу». Были «чернильницы» сделаны из мякиша черного хлеба, а вместо чернил в них — молоко. Писал Владимир Ильич между строчками в книге. Высохнут молочные «чернила», и следов не остается. Передавал эти книги на волю Надежде Константиновне Крупской. Она и близкие товарищи знали, что листок из книги надо нагреть над лампой или опустить в кипяток, и тогда пожелтеют молочные строчки и можно прочитать ленинское письмо.

Из тюрьмы Владимир Ильич руководил через Надежду Константиновну забастовкой петербургских текстильщиков, в ней участвовало 30 тысяч человек; в тюрьме писал листовки, и рабочие понимали, что «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» действует, помогает им бороться.

Через восемь месяцев полиция арестовала Надежду Константиновну и посадила ее в одиночную камеру. Она тоже переписывалась с Владимиром Ильичем молочными чернилами. А однажды получила книжку, вырвала из нее листок, опустила в кружку с кипятком и прочла в них слова, от которых даже в тюрьме светлее стало. Владимир Ильич писал ей, что он ее любит и просит стать его женой.

Четырнадцать месяцев продержали Владимира Ильича в тюрьме, а затем угнали в ссылку в далекое село Шушенское, чтобы он был подальше от Петербурга, от рабочих.

У САЯНСКИХ ГОР

Через год выпустили из тюрьмы и Надежду Константиновну. Жить в Петербурге ей также не разрешили, назначили три года поселения в Уфе. Но она объявила себя невестой Владимира Ильича и поехала к нему в Сибирь отбывать свою ссылку.

...Красива и величава тайга у подножия Саянских гор. Стройные кедры и ели возносят свои кроны к облакам. В июльский солнечный день нежный аромат хвои смешивается с запахом папоротника, земляники, грибов. Солнечные зайчики играют во мху.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна, взявшись за руки, бродят по тайге, мечтают о будущем. Отныне они всю жизнь пройдут вместе, все свои силы, ум и знания отдадут делу рабочего класса.

Молодым, счастливым даже ссылка не в тягость. Оба умели много работать и хорошо отдыхать. Особенно радостными были дни, когда прибывала почта из Петербурга, из Москвы, приезжали товарищи по ссылке из Минусинска, Красноярска.

В Шушенском Владимир Ильич написал около сорока научных трудов, обдумывал и обсуждал с товарищами, как дальше строить партию.

Надо проникнуть сквозь полицейские заслоны на фабрики и заводы, связаться с рабочими, организовать их. Кто это сделает? «Газета»,— решил Владимир Ильич.

ПЕРВЫЙ ОГОНЕК

Кончился трехлетний срок ссылки, но жить в больших городах Владимиру Ильичу запретили.

Он поселился в Пскове, тайно выезжал в Петербург, Москву, Ригу, Смоленск, Нижний Новгород, готовил все для издания газеты.

Но в России печатать ее было невозможно. Полиция

выследила бы людей, которые делают газету, посадила бы их в тюрьму. Владимиру Ильичу пришлось уехать за границу. В декабре 1900 года загорелся первый огонек — вышла «Искра», первая рабочая газета. Тайными путями она переправлялась в Россию.

В пограничной полосе, вдали от населенных пунктов, всегда тишина. Иногда шлепнется лягушка в болотную лужу, затянутую ряской, пискнет какая-то пичужка, постучит дятел. Над самым ухом, как тонкие струны, звенят комары. Комаров туча. Они липнут к шее, рукам и жалят, жалят, как раскаленные угольки. Нестерпимо горит кожа от укусов этих маленьких кровопийц.

Человек ползет, раздвигая руками кустарник, высокую осоку. Он петляет меж болотных луж и больше всего боится намочить толстый пиджак.

Иногда он вытаскивает из рукава свернутую карту, компас, сверяет свой путь и снова ползет.

Где-то вдалеке залаяла собака. Человек приник к земле, слился с нею и изменил направление.

Вот уже много часов ползет он затаив дыхание. Лицо и шея вспухли от укусов комаров. «Вражья сила!» — шепчет он.

Но самые опасные враги — это царская пограничная стража. Не напороться бы на нее, тогда все пропало: тогда не доставит он в Россию газету «Искра» — сотни листов, которые зашиты в подкладке его пиджака.

И он ползет, чутко прислушиваясь, вглядываясь в туманную мглу, дыша испарениями болот...

Этот человек — революционер, курьер большевистской партии. Ему поручено опасное и благородное дело — доставлять в Россию из-за границы газету «Искра». И таких курьеров у партии, у Ленина много.

...Идет по полотну железной дороги путевой обходчик, постукивает молоточком по рельсам и несет в руках чемоданчик с инструментами. Видит — исправляют путь рабочие.

Наступил обеденный перерыв. Рабочие сложили ломы и лопаты, спустились под откос, развязали узелки с едой, а один остался на насыпи, поджидает обходчика. Поздоровался с ним, быстро взял у него газету и сунул себе за пазуху.

Обходчик вскочил на подножку проходящего маневрового паровоза и увидел, что над газетой «Искра» уже склонились головы рабочих.

Теперь ему надо добраться до железнодорожного депо, передать и там драгоценные листки.

Путевой обходчик тоже революционер, распространитель «Искры».

...Рано познакомился с газетой «Искра» и питерский мальчишка Ванюша Шувалов, сын слесаря Путиловского завода Алексея Шувалова.

По вечерам к его отцу приходили товарищи. Отец занавешивал окно, доставал из-под половицы заветные листки и читал вслух. Свесившись с печки, Ванюша видел, как радовались люди каждому слову. Это была своя, рабочая газета.

И как бы ни подписывал статьи в «Искре» Владимир Ильич — «Вл. Ильин» или «К. Тулин», — рабочие знали, что пишет эти статьи для них мудрый человек, их друг, их вождь. Потом Владимир Ильич все свои статьи и книги стал подписывать просто «Ленин».

БОЛЬШЕВИК — ЗНАЧИТ ЛЕНИНЕЦ!

В наше время съезд Коммунистической партии торжественно открывается в Кремле. Советские люди рапортуют ему о своих делах. Коммунисты всех стран приветствуют съезд.

Делегатам преподносят красные гвоздики — боевой цветок революции.

И бывает такая минута в работе съезда, когда звучит горн, распахиваются двери высокого зала и в них, как звонкие ручейки, вливаются отряды пионеров.

Делегаты встают, аплодируют юной смене — будущим хозяевам Советской страны.

Пионеры дают торжественное обещание продолжать дело Ленина — так же, как коммунисты, отстаивать мир на земле и верно служить своему народу.

А вот съезд в августе 1903 года, на котором была создана наша партия, проходил совсем иначе.

Он открылся на чужбине, в большом мучном амбаре на окраине города Брюсселя. Делегаты тайно прибыли из России в Бельгию.

На дощатой стене амбара укрепили алое полотнище — знамя партии. Революционеры разместились на скамейках, на мешках с зерном, на ящиках. Наскоро сколотили из досок трибуну.

Но бельгийская полиция стала преследовать делегатов, и съезд вынужден был переехать в Лондон.

В России все больше росло возмущение рабочих, надвигалась революция — это было ясно всем. Но не все делегаты, хотя и называли себя марксистами, верили в силу и талант рабочего класса, в то, что рабочие могут одержать победу.

Вождем народной революции, утверждал Ленин, будет пролетариат в союзе с крестьянством.

Он сбросит царизм, победит буржуазию, возьмет власть в свои руки, уничтожит несправедливые капиталистические порядки.

МалOVERов было меньшинство — их называли меньшевиками.

Большинство верило Ленину — их стали называть большевиками.

Большевик — значит ленинец! Верный, стойкий защитник рабочих и крестьян. Большевики всегда с народом, они не оставляют его в беде, не страшатся трудностей, первыми принимают на себя удары врагов и все свои силы, знания, а если нужно, то и жизнь отдают за счастье народа.

Вместе с делегатами съезда — большевиками Владимир Ильич пришел на Хайгетское кладбище Лондона.

В торжественном молчании стояли делегаты у маленькой гранитной плиты на могиле Карла Маркса. Вести рабочий класс к великой цели — к пролетарской революции — давали они клятву.

КРОВАВОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

...Сидит Ванюша Шувалов на полатях и боится заснуть. Уже стемнело, мать зажгла на столе лампу-коптилку. Скоро придет отец. Он обещал с полочки купить сыну сапоги, и Ванюша опять пойдет в школу.

Отец пришел с пустыми руками. Стал отчитываться перед матерью. За две недели заработал 8 рублей 60 копеек; полтора рубля хозяин высчитал за жилье, 4 рубля — за продукты в лавочке да еще оштрафовал на 2 рубля 20 копеек. За что оштрафовал, неизвестно.

— Если бы не штраф, купил бы я Ванюшке сапоги, — вздохнул отец. — Одолели нас хозяева, житья от них нет! Придется тебе, Ванюшка, со школой распрощаться. Один я не в силах прокормить семью...

Теперь рано утром отец вместе с сыном уходили на завод.

Ванюшка был понятливый. Быстро освоил работу на токарном станке, а числился все в учениках и получал втрое меньше взрослого рабочего.

Его, так же как и отца, обирали штрафами, и не раз получал он крепкие подзатыльники от мастера. Ванюша жаловался отцу. Отец хмурился и говорил:

— Потерпи, сынок, найдем мы наконец управу на своих хозяев.

Доведенные до отчаяния рабочие решили пойти к царю просить у него защиты от нужды, голода, бесправия. Большевики объясняли, что царь не поможет: он ведь сам помещик; не просить его надо, а сбросить с престола. Ванюшкин отец тоже уговаривал своих товарищей не ходить на поклон к царю, но люди в то время еще верили в царскую милость.

В воскресенье, 9 января 1905 года, со всех концов Петербурга к Зимнему дворцу шли рабочие с женами и детьми. И Ванюша в дедовых валенках шел с отцом.

Случилось так, как говорили большевики. Царь приказал солдатам стрелять в безоружный народ.

Тысячи людей были убиты и ранены в это Кровавое воскресенье. Ванюша видел, что солдаты стреляли и по деревьям, на которые взобрались мальчишки. Он сам порывался туда, да отец не пустил.

Вечером Ванюша написал свое первое стихотворение:

Наш царь из подлецов подлец,
Дал вместо хлеба нам свинец,
Он встретил подданных с «любовью»,
Окрасил снег их честной кровью.

Ну что ж, настанет скоро время,
Созреет ненависти семя,
Сметет поганую метлой
Тебя, царь русский, и твой строй.

«ДОЛОЙ ЦАРЯ!»

Рабочие поняли, что царь их самый лютей враг. «Долой царя!» — разнеслось по всей России. На фабриках и заводах люди бросали работу, сооружали баррикады на улицах, вступали в бой с полицией и царскими солдатами.

Началась всероссийская забастовка.

Всеобщая забастовка!

Предрассветную тишину не будят заводские гудки. Погашены топки на фабриках и заводах. Остановились станки. Опустели шахты. Насосы перестали выкачивать нефть из скважин. Поезда словно примерзли к рельсам. Погасло электричество. Перестала бежать вода по водопроводным трубам. У причалов покачивались безжизненные пароходы и баржи. На улицах не звенели трамваи и конки, и ветер гнал тучи мусора. Газетные киоски пусты — типографии не работают.

Вот что значит рабочий класс! Все делается его руками. И когда он сказал хозяевам: «Баста!» — жизнь замерла.

В эти дни Владимир Ильич, несмотря на грозившую ему опасность, вернулся в Петроград и стал во главе первой революции в России.

Уже не всеобщая забастовка, а вооруженное восстание охватило страну.

Взвился красный флаг на броненосце «Потемкин». «Действовать решительно и смело!» — советует Ленин восставшим матросам.

Отважно сражались с царскими войсками рабочие Москвы, Читы, Уфы и Красноярска, Донбасса и Прибалтики. Особую отвагу проявили рабочие московской Пресни. «Передовым отрядом всемирной рабочей революции» назвал их Владимир Ильич. Теперь это Красная Пресня. Красная — потому что камни ее обагрены кровью рабочих. Красная — значит боевая, революционная. Красная — значит красивая своими делами.

По примеру рабочих поднялись на борьбу с помещиками крестьяне. Они захватывали землю, жгли помещичьи имения.

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

В самое грозное время Владимир Ильич был вместе с народом.

Призывал рабочих создавать свою армию — рабочие дружины. Писал листовки — как вести уличные бои, как добывать оружие. Выступал на собраниях, митингах. Каждый день в газете печатались его статьи.

Полиция охотилась за Лениным. Шпики часто видели его на улице, но он умело скрывался от них. Все приказы о его аресте остались невыполненными.

Однажды на окраине Петербурга, в Народном доме, собрался большой, трехтысячный митинг.

На трибуне выступали искусные ораторы из господ. Они клялись, что обеспечат народу лучшую жизнь, только бы рабочие бросили оружие. Своими сладкими речами они так затуманили головы, что люди готовы были согласиться с ними, разойтись по домам.

Но в эту минуту на трибуну поднялся человек в выцветшей косоворотке, в сапогах. Назвался Карповым. И как только начал говорить, в зале наступила внимательная тишина.

Карпов рассказал, что эти господа тайно от народа сговариваются с царскими министрами задушить революцию. Верить им нельзя. Надеяться можно только на большевистскую партию. Она истинный вождь и друг рабочих.

Не многие тогда знали в лицо Ленина, но все понимали: Карпов говорит правду. Под грохот аплодисментов Владимир Ильич закончил речь словами: «Да здравствует победоносная революция!»

Господ больше никто не захотел слушать. В зале запели песню:

Отречемся от старого мира,
Отряхнем его прах с наших ног...

Замелькали красные флажки. Полицейские всполошились, но поздно: рабочие-дружинники уже укрыли своего вождя.

РОЖДЕНИЕ СОВЕТОВ

Помнишь, юный читатель, раннее солнечное утро, когда ты с родителями шел на избирательный участок? День выборов в Советы! Дома украшены флагами, на улицах гремит музыка, люди одеты по-праздничному, у всех хорошее настроение.

В нарядном зале — портреты кандидатов в депутаты, за которых голосует народ. И в сельском Совете, и в го-

родском, и в Верховном Совете страны — избранники народа. Это и есть Советская власть — самая справедливая власть на земле.

Еще в революцию 1905 года, о которой мы ведем рассказ, рабочие избирали свои Советы для руководства восстанием, для борьбы с полицией и фабрикантами...

Советы устанавливали восьмичасовой рабочий день, отменяли штрафы, вводили новые, справедливые законы. Владимир Ильич уже тогда говорил, что Советы будут управлять всей страной, когда победит народ.

С великим мужеством и беззаветным героизмом сражались за свободу рабочие в первую революцию. Но царь победил и на этот раз. На его стороне были армия, полиция. Царь жестоко мстил народу: тысячи революционеров были казнены, сосланы на каторгу, на вечное поселение в Сибирь.

ВПЕРЕДИ — РЕШАЮЩИЙ БОЙ

Смертельная угроза нависла и над вождем революции. Партия решила, что Владимир Ильич должен снова уехать за границу.

В декабрьскую вьюжную ночь 1907 года Владимир Ильич уходил от преследования царской полиции по островкам Ботнического залива. Он не мог сесть на шведский пароход, так как порт был оцеплен полицейскими.

Дул северо-восточный ветер. Поднявшаяся вода взломала льды между островками.

«Не пробраться нам ни пешком, ни на лодке», — сказал проводник. «И пешком, и на лодке», — решительно ответил Владимир Ильич. Он заставил проводника прибить шест поперек лодки, и так, держась с обеих сторон за шест, они двигали лодку по ледяным торосам сквозь слепящий мокрый снег.

И вдруг льдина ушла из-под ног. Оба провалились в

полыню, но находчивость и мужество Владимира Ильича спасли их. Они перекинулись в лодку и причалили к острову Нагу. Мимо этого острова по водяной дороге, пробитой ледоколом, должен был пройти шведский пароход.

Завидев людей на льдине, пароход остановился и взял на борт немецкого профессора Мюллера. Капитан не знал, что это был вождь рабочего класса Ленин.

Девять с лишним лет Ленин прожил за границей — в Швейцарии, во Франции, в Англии и в других странах — и оттуда продолжал руководить партией большевиков.

Он сумел организовать надежную связь с русскими рабочими, зорко следил за тем, что происходит в России, вовремя разгадывал хитроумные замыслы врагов и предупреждал партию об опасности. Он объяснял рабочим, что революция не погибла, что главные бои еще впереди.

Ленин написал за границей много книг, статей, по которым и сейчас учатся коммунисты всего мира.

Для связи с партийными организациями в России у Владимира Ильича было много отважных помощников.

Едет девушка из Парижа в Петербург, молодая, нарядная.

Поезд подошел к русской границе. Полицейские приказали открыть чемодан. Порылись: блузки, платья, толстый альбом с видами Парижа и большое зеркало в деревянной раме.

Не слышали полицейские, как гулко и тревожно билось сердце девушки, когда они вертели в руках зеркало.

Приехала она в Петербург, встретилась с товарищами, вынула зеркало из рамы, а под ним... статьи Ленина, а в альбоме — под открытками... письма Ленина. Забрали товарищи эту драгоценную посылку, напечатали ленинские статьи в тайной типографии и распространили их по заводам.

...Плывет пароход из Одессы во французский порт

Марсель. Кочегар подбрасывает в топку уголь, а под углем везет письма Ленину из России.

В Марселе выпустили матросов погулять по городу, и кочегар сошел на берег. Прошел через строй полицейских, добрался до тихой улочки.

Там его уже ждал посланец от Ленина.

Писем из разных городов России к Владимиру Ильичу много.

Товарищи пишут, что силы партии растут. И как ни мешают меньшевики и разные малoverы, рабочие готовятся к новому и решительному бою.

Только недобрые дела совершаются быстро. А для великих дел на пользу народа требуется много времени, огромные знания и упорный труд отважных людей.

С большой любовью воспитывал Ленин рабочих, открывал всё новые и новые таланты, выращивал командиров революции, учил их науке побеждать.

Невелика деревушка Лонжюмо под Парижем, но сегодня она известна всему миру. В 1911 году здесь Владимир Ильич организовал первую школу партийных руководителей.

Со всех концов России приехали сюда рабочие-большевики. Это был настоящий университет.

Более сорока лекций прочитал слушателям Ленин. Он все свое время проводил со студентами, не только учил, он и учился у них.

Слушатели партийной школы потом вернулись в Россию и стали вожаками революционных организаций.

«ПРАВДА»

...Далеко река Лена, в Сибири. Издавна там добывали рабочие золото, а сами жили в нищете. Английские и русские владельцы приисков морили их голодом, обирали штрафами.

Невозмогу стало рабочим, и они объявили забастовку, потребовали создать им человеческие условия для жизни.

Хозяева дали приказ жандармам стрелять в забастовщиков. 270 рабочих было убито, 250 ранено в те страшные апрельские дни 1912 года.

«Так было и так будет впредь!» — заявил царский министр.

«Так было, но так не будет!» — ответили рабочие.

Каждое утро почтальон приносит в твой дом газету «Правда». С нею советский человек начинает свой трудовой день. Ее читают всюду — дома и на улице, в метро и в поезде. Она выходит ежедневно, у «Правды» нет выходных. Посмотри: перед заголовком два ордена Ленина, а чуть ниже напечатано: «Газета основана 5 мая 1912 года В. И. Лениным».

Владимир Ильич создал «Правду», когда рабочим особенно необходима была своя ежедневная газета. Весть о кровавой расправе на реке Лене разнеслась по всей России. Рабочие снова поднимались на борьбу, обращались к партии, к Ленину за советом.

Газета учила, как организовать эту борьбу. Выходила она в Питере на деньги рабочих, каждый давал из своего заработка сколько мог.

За первые два года Ленин написал в «Правду» более ста тридцати статей. Чтобы быть ближе к России, он переехал из Франции в Польшу.

Царская полиция восемь раз запрещала «Правду», арестовывала ее редакторов. Но на следующий день после запрета газета выходила вновь, то как «Рабочая Правда», то как «Правда труда», «Пролетарская Правда», «Трудовая Правда».

Ванюша Шувалов, теперь уже большевик Иван Алексеевич, работал под Питером, на бумажной фабрике.

Однажды ему сообщили тревожную весть: «Завтра «Правда» не выйдет, в типографии нет бумаги».

Иван Алексеевич собрал товарищей. «Правда» должна выйти»,— решили они.

Хозяин диву давался, как весело и старательно трудились в этот день рабочие. Два лишних рулона бумаги выработали они, и ночью Иван Алексеевич с товарищами катили эти рулоны по темным переулкам Питера, обходя полицейские посты.

Утром, как всегда, в цеха и мастерские пришла «Правда».

КОМУ НУЖНА ВОЙНА?

Твой дед, наверно, рассказывал, как он во время Великой Отечественной войны сражался на фронте или в партизанском отряде.

Четыре года воевали советские люди против страшного врага — германского фашизма. И победили.

Наш народ вел справедливую войну, потому что защищал свою социалистическую Родину, освобождая из фашистского плена народы Европы.

День Победы — великий праздник. Орденами Ленина награждены отважные воины, гвардейские полки, города-герои.

Над братскими могилами наших солдат горит Вечный огонь славы.

А вот в 1914 году разразилась мировая война, которая была несправедливой.

Капиталисты разных стран задумали тогда поделить между собой мир, каждый пытался отнять у другого плодородные земли, города, шахты, чтобы увеличить свои богатства. Они перессорились, а воевать послали трудовых людей.

«Забудем наши ссоры,— говорили русские капиталисты и помещики рабочим и крестьянам.— Мы должны завоевать новые земли для России, победить Германию».

— Нет!— сказал Ленин.— Эта война не нужна рабочим, не нужна крестьянам. Пролетариям всех стран делить между собою нечего. Война приносит им только несчастье. Надо покончить с войной— повернуть оружие против своих правительств, виновников проклятой войны.

Большевик Иван Шувалов в солдатской шинели сидит в сыром окопе и рассказывает солдатам ленинскую правду о войне. Внимательно слушают они ясные и простые слова.

А потом запевала начинает петь вполголоса:

Нам в бой идти приказано:
«За землю станьте честно!»
За землю? Чью? Не сказано.

И солдаты зло подхватывают:

помещичью — известно.

Это запрещенная в царской армии песня. Солдаты мечтают о том времени, когда они воткнут штыки в землю, побратаются с немецкими солдатами и пойдут домой отвоевывать у помещиков и капиталистов землю и свободу.

СНОВА В РОССИИ

Рабочие и солдаты поступили так, как предвидел Ленин. Измученные войной и голодом, они восстали в феврале 1917 года и сбросили с престола ненавистного царя. Стали создавать свою власть— Советы, по примеру первой революции 1905 года.

Капиталисты решили украсть у рабочих победу и назначили свое правительство, которое назвали Временным.

Царя свергли, а война продолжалась, земля оставалась у помещиков, фабрики и заводы— у капиталистов. Меньшевики и другие соглашатели стали служить Временному правительству.

Ленин спешил в Россию. С большим трудом и риском для жизни возвращался он через Германию в Питер.

Была апрельская ночь. Весна взломала ледяной панцирь на Неве. Грохотали льдины, наползая одна на другую, раскалываясь о каменные опоры мостов.

По питерским улицам с окраин стекались колонны рабочих, солдат, матросов и на площади у Финляндского вокзала сливались в единое море.

Колыхались красные знамена, на них было написано: «Привет товарищу Ленину!»

Ярко светили прожекторы. Под звуки военных оркестров люди пели революционные песни.

В Питер вернулся Ленин!

Никогда и никого в русской столице не встречали так восторженно и сердечно, как встретил питерский пролетариат в ночь на 3 апреля 1917 года своего вождя.

Громовое «ура» прокатилось по площади, когда Ленин вышел из вагона. Его подхватили на руки и подняли на броневик, чтобы он был виден всем, чтобы все его могли слышать.

Как покончить с войной, голодом, как обрести свободу — эти вопросы волновали всех.

Ленин объяснял: только власть рабочих и беднейшего крестьянства сможет дать мир, свободу и хлеб. Временному правительству нельзя доверять — оно служит капиталистам.

ОПЯТЬ РАССТРЕЛ!

Владимир Ильич каждый день ходил к рабочим на заводы, к солдатам в казармы, на крестьянские съезды и разъяснял, что не могут существовать одновременно две власти: Временное правительство капиталистов и Советы. Вся власть должна перейти к Советам.

В начале июля Временное правительство погнало сол-

дат в новое наступление на германском фронте и погубило много людей. Возмущенные рабочие и солдаты сами вышли на улицу и потребовали: «Долой министров-капиталистов!», «Вся власть Советам!», «Хлеба, мира, свободы!».

Временное правительство отдало приказ стрелять в демонстрантов.

Снова, как и в январе 1905 года, на улицах Петрограда пролилась кровь. Контрреволюционеры разгромили типографию и редакцию газеты «Правда». Был отдан приказ арестовать большевистских руководителей, и прежде всего Ленина.

Как предсказывал Ленин, так оно и случилось. Народ понял, что Временное правительство такой же враг, как и царь.

Центральный Комитет партии решил укрыть Владимира Ильича в подполье.

Над озером таяла утренняя туманная дымка. Солнце только что поднялось, и из камышей выплыла утка с утятами.

Восьмилетний Коля Емельянов сидит в зарослях ольхи и внимательно поглядывает вокруг.

Послышались скрип уключин и всплеск воды. Коля громко закричал селезнем, да так умело, что старая утка стала поворачивать голову, прислушиваясь. А это был сигнал для «дяди Кости» — на озере появилась лодка с незнакомыми людьми.

«Дядя Костя» — это Владимир Ильич. Гостями были Яков Михайлович Свердлов и Феликс Эдмундович Дзержинский. Они приехали к Владимиру Ильичу, чтобы обсудить важные дела по подготовке вооруженного восстания.

110 дней скрывался Владимир Ильич от врагов. Много квартир сменил, переезжал с одного места на другое, и везде его охраняли рабочие.

Неуловимый, недосыгаемый для врагов, Ленин руко-

водил партией, был тесно связан с рабочим классом и готовил его к решительному бою.

И вот к вооруженному восстанию все готово. Но, как всегда, в большом деле мешали маловеры, они не решились начать восстание, медлили. Нашлись и предатели. Они выдали врагам ленинский план восстания.

Последним подпольем Ленина была квартира члена партии большевиков Маргариты Васильевны Фофановой на Выборгской стороне в Петрограде.

ПОБЕДА

Вечер 24 октября 1917 года.

Дует холодный ветер с Финского залива. По улицам Питера в синем дыму с грохотом несутся грузовики, с пулеметным треском мчатся мотоциклы. Спешат колонны красногвардейцев, солдат и матросов. У каждого за спиной винтовка. Весь революционный Петроград вышел на улицы. Буржуи спрятались по домам.

Особенно густо идут вооруженные люди с Выборгской стороны — из пролетарского центра Питера.

С Выборгской стороны по тротуару быстро шагает человек в одежде рабочего, в надвинутой на глаза кепке, с подвязанной щекой. У него за спиной нет винтовки, но он тоже спешит, очень спешит, отмеряя шагами не близкий путь до Смольного.

Штыками ошетичилась площадь у Смольного. В нем разместился штаб революции.

Во дворе ветер раздувает пламя костров. У огня обогреваются люди.

Человек с подвязанной щекой окинул взглядом площадь, взбежал по ступенькам, поднялся на третий этаж, распахнул двери в комнату № 75, где заседал Военно-революционный комитет, стащил с головы кепку вместе с париком и нацепил на крюк вешалки.

— Ленин! Владимир Ильич! — окружили его товарищи.

— Ленин в Смольном! — разнеслась ликующая весть по всем этажам.

К восстанию все готово, все рассчитано и продумано. На карте Петрограда ленинской рукой отмечены важнейшие пункты, которыми надо овладеть в первую очередь, определены районы оцепления и заслоны.

Но Временное правительство, предупрежденное предателями, приказало развести мосты на Неве, чтобы отрезать рабочие окраины от Смольного. Оно готовилось напасть на штаб революции.

Ленин явился в Смольный вовремя!

— Пора! — сказал он. — Медлить нельзя. Промедление с восстанием смерти подобно!

И вот мосты уже захвачены красногвардейцами, вокзалы — матросами. Теперь Военно-революционный комитет дает указания, куда и какие отправлять поезда. Электростанцию охраняют рабочие — они распоряжаются освещением Петрограда. Телефонная станция тоже в руках восставших. Взят телеграф. Радиостанция настраивается на дальние волны, чтобы передать всему миру весть о победившей революции.

Восстание разворачивается полным ходом по ленинскому плану. Зарево освещенных окон и костров вокруг Смольного отражается в темных водах Невы, а в царском Зимнем дворце все еще заседает Временное правительство. Оно уже отрезано от всего мира, но, пока оно существует, победа не может считаться полной.

Вокруг дворца — штабеля дров, и из них торчат стволы пулеметов. У подъезда — броневики и пушки. Войска Временного правительства охраняют Зимний.

Но поблизости на Неве, как зоркий часовой, стоит революционный крейсер «Аврора», дула его орудий направлены на дворец.

Ленин отдал приказ взять Зимний, арестовать Временное правительство. Революционные войска стягиваются вокруг дворца.

С крейсера «Аврора» ударило орудие — сигнал к штурму.

...Самокатчик Иван Шувалов подкатил к Смольному, заглушил мотор и помчался по лестнице на третий этаж. В комнате № 75 сорвал с головы шлем и звонко отрапортовал Владимиру Ильичу:

— Штурм Зимнего начался!

Словно буря налетели матросы и солдаты на дворцовую стражу, ворвались во дворец, распахнули двери зеленого малахитового зала.

— Отзаседались, господа министры, власть в руках Советов. Пожалуйста в Петропавловскую крепость! — скомандовали они.

Сотни, многие сотни лет бились люди за свободу, за счастливую долю.

И вот долгожданный день наступил. Рухнул старый мир. Революция победила!

Владимир Ильич находился в Смольном с вечера 24 октября до утра 26 октября. Рабочий день его длился больше сорока часов.

Утром товарищи Владимира Ильича заставили его пойти передохнуть.

Но вместо того чтобы лечь спать, он уселся за письменный стол. Победившая революция должна сразу дать свои добрые плоды. Крестьяне всегда мечтали, чтобы земля, на которой они работают, принадлежала им, а не помещикам. Люди, измученные войной, жаждали мира. Первые законы должны быть о земле и мире.

Владимир Ильич обмакнул перо в чернильницу и задумался. Не любили тогда в народе слово «закон». В царской России закон охранял богатых. «Как хочу, так и ворочу», — говорили о царских чиновниках трудовые люди. Нужно было придумать новое слово.

Владимир Ильич вспомнил, что во время французской революции, когда рабочие создали Парижскую коммуну, они свои законы называли декретами. И Владимир Ильич вывел на бумаге слово «декрет».

Этот декрет провозглашал, что вся земля отбирается у помещиков и становится собственностью всего народа. Другой декрет был о мире. Советское правительство пред-

лагало всем народам покончить с войной и заключить мир.

И сегодня ленинский Декрет о мире для советских людей — самый главный закон. Советский народ бережет мир так, как учил Ленин.

«Власть Советам! Мир народам! Земля крестьянам!» — провозгласило первое в мире рабоче-крестьянское правительство, правительство, которое возглавил Ленин.

С тех пор каждый год 7 ноября (25 октября) советские люди, трудовой народ всего мира отмечают день победы Великой Октябрьской социалистической революции, день рождения Свободы, Мира, Братства, Равенства, Справедливости и Счастья.

Ты знаешь этот праздник с малых лет. Еще на рассвете по улицам города грохочут танки, которые будут участвовать в параде, бронетранспортеры везут огромные ракеты, идут в стройных колоннах солдаты, матросы. Это защитники Страны Советов.

А за ними шагают люди труда с веселыми песнями, яркими цветами, с лозунгами. Они рапортуют о своих замечательных успехах в труде.

И среди демонстрантов — портреты Ленина. Он всегда с народом, народ всегда вокруг Ленина.

Ты идешь с отцом в колонне, маленький гражданин Советского Союза, и у тебя в руках красный флажок с серпом и молотом.

КРАСНАЯ АРМИЯ ВСЕХ СИЛЬНЕЙ!

На другой день после победы революции Советское правительство предложило всем воюющим странам заключить мир.

Но капиталисты не желали, чтобы на земле было государство рабочих и крестьян. Они отвергли предложение нашего правительства.

И совсем они озлобились, когда, по примеру трудя-

щихся России, германские рабочие свергли своего кайзера, а венгры и австрийцы прогнали императора. Четырнадцать капиталистических государств снарядили армии и сдавили железным кольцом Советскую Республику.

В Одессе с военных кораблей высадились французы, во Владивостоке — англичане и японцы, в Мурманске — американцы, англичане и французы. Украину и Белоруссию захватили французы и немцы.

Обрадовались такой поддержке русские капиталисты, помещики и царские генералы и двинули свои белогвардейские армии против Петрограда, Москвы, против Советской власти.

У Советской страны были только отряды красногвардейцев — одни они не смогли бы отстоять республику. Ленин предложил создать свои вооруженные силы. Рабочие и крестьяне добровольно записывались в Красную Армию.

Первые красные полки перед Лениным давали присягу: не жалея жизни, защищать Советскую власть. Они сдержали свою клятву. В первых рядах бойцов отважно сражались коммунисты и комсомольцы.

...Иван Шувалов командовал отрядом красноармейцев на Северном фронте. Советские войска преграждали путь английским и белым войскам на Москву. Шел долгий, жаркий бой. Силы были неравны. В отряде кончились патроны и гранаты.

Враги окружили оставшихся в живых бойцов.

— Кто здесь большевики — два шага вперед! — командовал белый генерал. — Если не признаетесь, расстреляем всех.

Командир шагнул вперед. За ним шагнули его бойцы, хотя и не все они были коммунистами. Пощады у врага не просил никто.

Ночью белогвардейцы повели их на расстрел. По дороге безоружные красноармейцы напали на конвой, и нескольким удалось бежать. Ивана Шувалова ребятишки нашли в поле. Он был тяжело ранен. Крестьяне спрятали его на сеновале и лечили, как могли...

...В гражданскую войну были дни, когда враг подступал к самой Москве. Смертельная опасность угрожала республике.

До самого утра светились окна в рабочем кабинете Владимира Ильича. Вместе с командующими он обсуждал планы военных операций, разгадывал замыслы генералов. Вместе с членами Центрального Комитета партии и правительства решал многотрудные задачи: как вооружить армию, где взять топливо для паровозов, фабрик и заводов, для школ и домов, как спасти от голода рабочих.

Владимир Ильич всегда был как на поле боя: враги Советской власти не раз замыслили черное дело — убить вождя трудящихся.

30 августа 1918 года Владимир Ильич выступал на митинге перед рабочими московского завода.

— У нас один выход,— закончил он свою речь,— победа или смерть!

— Победа! — ответили рабочие.

— Смерть... — прошипели враги.

И едва Владимир Ильич вышел из цеха, раздались выстрелы. Две нарезные пули, отравленные ядом, засели возле сердца Ленина.

Весть о злодейском покушении на жизнь Ильича вызвала народный гнев. Люди клялись отомстить за кровь вождя. Красная Армия усилила удары по врагу.

Когда от белых был освобожден город Симбирск (теперь Ульяновск), бойцы написали Ленину:

«Взятие Вашего родного города — это ответ на Вашу одну рану, а за вторую будет — Самара!»

Владимир Ильич ответил бойцам:

«Взятие Симбирска — моего родного города — есть самая целебная, самая лучшая повязка на мои раны...»

Три года отстаивали в тяжелых боях советские люди свою республику. Голодные, плохо вооруженные красноармейцы разбили отборные армии иностранных захватчиков и белых генералов.

В те дни была сложена песня:

Белая армия, черный барон
Снова готовят нам царский трон.
Но от тайги до британских морей
Красная Армия всех сильней!

ОТЧИЗНА ПРОЛЕТАРИЕВ

Ленин думал о том, как помочь рабочим всех стран объединиться в борьбе против капитализма. И еще в те дни, когда Советская Республика отбивала очередное наступление вражеских армий, в Москве собрались коммунисты из тридцати стран мира и создали международное объединение рабочих — Коммунистический Интернационал, Коминтерн.

Делегаты конгресса Коминтерна только что выслушали доклад Владимира Ильича и, взволнованные, разошлись по залам Кремлевского дворца, чтобы обсудить вопросы, касающиеся каждой страны, каждой партии.

Итальянская делегация собралась в тронном зале. Один из делегатов занял место на царском троне.

— Это чудо! — воскликнул итальянец. — Я, простой рабочий, сижу на царском троне, а несколько лет назад, когда русский царь приезжал в Италию, меня упрятали в тюрьму: боялись, что я, чего доброго, могу убить царя, которого ненавидел. Чудо!

Да, это было чудо. Для пролетариев всех стран Москва, Советская Россия стала подлинной отчизной.

ЕЩЕ ОДИН ВРАГ

Осьмушка хлеба — это 50 граммов, маленький ломтик. В годы гражданской войны были недели и месяцы, когда рабочие получали по осьмушке хлеба в день.

Едва ли ты, наш читатель, принял бы за хлеб тот мокрый, похожий на глину кусок, поблескивавший соломин-

ками, полови́ной, скорлупками проса. И меньше всего в нем было муки. Ты не знаешь, что такое голод. И это твое большое счастье.

Враги захватили тогда хлебородные районы — Украину, Сибирь, богатеи кулаки припрятали зерно, а тут еще суховеи иссушили пашни Поволжья. Люди умирали от истощения и болезней.

Особенно тяжело пришлось детям. Тысячи ребятишек, потерявших родителей, бродили по городам босые, оборванные. По ночам забивались в сараи, пустые вагоны, в асфальтовые котлы.

Большевики объявили войну голоду. Ленин призвал рабочих и деревенскую бедноту отбирать у богатеев припрятанное зерно.

А крестьяне-бедняки сами делились с рабочими тем, что имели. И рабочие посылали крестьянам свои изделия — плуги, косы, ткани.

Для беспризорных детей были устроены детские дома, колонии. Открывались новые школы. Школьникам давали бесплатные обеды. Дети возвращались к жизни.

Владимир Ильич обратился с просьбой о помощи к международному пролетариату. И рабочие Германии, Франции, Англии, Норвегии и других стран по мере сил помогали своим братьям по классу.

Ленин и партия мудро и настойчиво налаживали новую жизнь.

Побитые Красной Армией капиталисты утешали себя предсказаниями, что гибель Советской власти неминуема. И даже те ученые, кто относился к нам по-доброму, подсчитали, что потребуются сотни лет, пока наша страна разовьет свое хозяйство и люди станут грамотными.

Так оно и было бы в России капиталистической. А ведь наша-то страна — Советская! У нас каждый трудится на благо общества.

ДЕНЬ КОММУНИЗМА

...Первое мая 1920 года. Утро обещает жаркий день. Уже загустели деревья в Тайнинском саду, проклюнулись листья на липах и кустах сирени. Солнце высветлило алый флаг над Большим Кремлевским дворцом.

Владимир Ильич быстро просматривает на письменном столе телеграммы и срочные донесения: белополяки подступают к Киеву, генерал Врангель собирает разбитые белые войска в Крыму и готовит новый поход против Советской власти. Очень плохо с хлебом и продовольствием в Москве и Петрограде.

В открытое окно донесся перезвон курантов Спасской башни и напомнил, что начался Всероссийский субботник.

И вот Владимир Ильич уже на площади Кремля. Вместе с красноармейцами переносит бревна, очищает двор от мусора и хлама.

Славно потрудились в тот день советские люди и в Москве, и в Петрограде, по всей стране. Приводили в порядок улицы городов, готовили к пуску разрушенные фабрики и заводы.

В этот же субботник Владимир Ильич на Театральной площади заложил первый камень памятника Карлу Марксу и произнес речь перед многотысячной толпой. Участвовал в закладке памятника Освобожденному труду. В этот же день выступал на пяти больших митингах рабочих в разных районах Москвы.

А поздно вечером приехал на «Трехгорную мануфактуру», подождал, пока рабочие поужинают, и затем в столовой, освещенной вечерней зарей, состоялся большой и важный разговор. Близко приняли к сердцу ткачихи и прядильщицы советы Владимира Ильича, как пустить фабрику в ход. Рабочие Трёхгорки выполнили свое обещание — через четыре месяца фабрика уже выдавала ситец, миткаль, полотно.

Очень высоко ценил Владимир Ильич коммунистические субботники. В них он разглядел будущий коммуни-

стический труд, когда люди будут работать бесплатно, каждый по своим возможностям и таланту. И создадут своим трудом такие богатства, чтобы каждый получал все, что ему необходимо.

«Мы придем к победе коммунистического труда!» — написал в тот день Владимир Ильич.

С тех пор субботники стали проводиться часто.

11 апреля 1970 года все советские люди вышли на коммунистический субботник, чтобы отметить столетие со дня рождения Ленина. Работали бесплатно: их доблестный труд в этот день дал возможность дополнительно построить много новых школ, больниц, поликлиник, подготовить тысячи и тысячи молодых рабочих.

Это был настоящий День Коммунизма.

Вот что значит освобожденный труд в Советской стране!

НОВАЯ ЗЕМЛЯ, НОВОЕ НЕБО

...Приехал к нам в 1920 году английский писатель Герберт Уэллс. Он увидел разрушенную страну: электростанции не работали — не было топлива, фабрики и заводы стояли; Москва по вечерам была темной и мрачной — не было электричества; люди плохо обуты и одеты.

Герберта Уэллса принял Владимир Ильич.

Писатель вошел в кабинет, готовясь выразить сочувствие бедственному положению страны, и был несказанно удивлен, когда услышал, с каким увлечением и верой Владимир Ильич говорит о России будущего — о передовой России, богатой, культурной.

Уэллс был мастером фантастических романов. Но «в какое бы волшебное зеркало я ни глядел, — признался он позже в своей книге, — я не мог увидеть эту Россию будущего».

Ленин видел «новое небо и новую землю», говорил Уэллс, но сам Уэллс в это не верил.

«Приезжайте снова через десять лет и посмотрите, что сделано в России за это время», — сказал тогда Владимир Ильич английскому писателю.

Теперь мы знаем, что в споре с Уэллсом был прав Ленин. Весь мир увидел и новую Советскую землю, и новое небо, в которое проложил путь советский человек.

Ленин предвидел то, что не под силу было писателю-фантасту Герберту Уэллсу.

ВЕЛИКИЙ ПЛАН

...В просторной избе Шульгина в Горках собрались крестьяне окрестных деревень. На чисто выскобленном столе горит лучина. Язычки пламени колышутся от дыхания людей. Народу много, но тишина такая, что слышно, как завывает метелица за окнами.

Ильич рассказывает, как партия, Советское правительство борются с голодом, неграмотностью, разрухой.

Нужна могучая сила, которая бы помогла вывести нашу страну из нужды, привела бы в действие станки и машины, дала бы свет и тепло домам.

Эта сила — электричество. Электрические станции дадут живительный ток стране.

«Только тогда, когда страна будет электрифицирована... — говорил Ильич, — только тогда мы победим окончательно».

До поздней ночи затянулась беседа. Люди верили: то, что Ильич сказал, сбудется.

Через шесть месяцев, в июле 1921 года, в деревнях вокруг Горок необыкновенным светом засветились окна в избах.

Глядели люди и не могли наглядеться на маленькую прозрачную грушу под потолком, которая светила ярко, без копоти и дыма. И называли ее «лампочкой Ильича».

Начал осуществляться великий ленинский план электрификации России. Первой дала ток большая Каширская электростанция, за нею Волховская...

Жить становилось все лучше и лучше.

СЕМЬЯ НАРОДОВ

...Октябрьский солнечный денек. Деревья у Москвы-реки сбрасывают последние багряно-красные листья.

Шофер осторожно ведет машину по широкой улице диковинного городка. Среди нарядных павильонов с за-тейливыми башенками и шпилями — юрты и рубленые избы, чумы и белые мазанки. А еще недавно на этом месте был городской пустырь.

Владимир Ильич поправляется после тяжелой болезни. Врачи разрешили ему поехать из Горок в Москву. Он с волнением рассматривает павильоны Первой Всесоюзной выставки, вглядывается в лица людей, вслушивается в многоязычный гул толпы.

Вот они, первые плоды мирного труда! Украинские крестьяне привезли снопы пшеницы, узбеки — тюки белоснежного хлопка. Радуют глаз атласные жгуты смоленского льна, гроздья крымского винограда, бочки с золотистым медом Башкирии...

И промышленность представила свою продукцию, которую она дает деревне: плуги и молотилки, гвозди и стекло, яркие ситцы и сукна, керосиновые лампы и рядом — электрические.

На поляне среди редких деревьев прогуливают горячих орловских рысаков.

В стойлах верблюды и тяжеловозные могучие лошади, а неподалеку выстроились их соперники — автомобили и тракторы.

У трактора толпа крестьян. Человек в выцветшей гимнастерке и солдатской фуражке рассказывает, что Путиловский завод начинает выпускать эти чудо-машины. Каждая из них заменит двадцать, а то и больше лошадей.

Гости выставки слушают рабочего, любят его ловкими руками, когда он заводит машину, жаль только, что костыль ему мешает. И никто не знает, что это Иван Алексеевич Шувалов, участник революции, герой гражданской войны...

Под виадуком пыхтит красавец паровоз — подарок

сормовских рабочих Ильичу. Над выставкой с рокотом кружит самолет.

И всюду дети. Малыши скатываются с полированных деревянных горок, кружатся на каруселях, заглядывают в павильоны, во все глаза смотрят на электрифицированную карту своей огромной страны, которая показывает, что уже построено, что строится и что будет строиться...

Ребята разглядывают свое будущее.

На открытой сцене звучит песня:

Мы кузнецы, и дух наш молод,
Куем мы счастья ключи,
Вздыхайся выше, наш тяжкий молот,
В стальную грудь сильнее стучи...

У павильона совхоза «Троицкий» крестьяне дивятся на золотистые горы тыкв, огромные бураки и кочаны капусты.

«Такие овощи на своем огороде не вырастишь, здесь нужна наука, агротехника, коллективный труд», — поясняют работники совхоза. У павильона «Агротехника» очередь посетителей.

Сотни лет старались помещики и капиталисты разъединить, перессорить между собой рабочих и крестьян, русских и украинцев, армян и татар... А люди труда мечтали о дружбе. «Не имей сто рублей, имей сто друзей», — говорили в народе.

И вот оно свершилось! Ленин сдружил всех рабочих и крестьян. Больше ста национальностей объединилось в Союз Советских Социалистических Республик. И эта выставка — первый итог того, что может сделать дружная семья советских народов.

Цветочный календарь показывает: «19 октября 1923 года».

Владимир Ильич смотрит счастливыми глазами вокруг.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

22 апреля 1870 года в Симбирске в семье Ульяновых родился сын Владимир. Это было большой радостью и счастьем в маленькой дружной семье.

Теперь день рождения Владимира Ильича Ленина стал праздником для всех трудовых людей планеты.

Нам особенно дорог этот праздник. Мы живем в стране Ленина, трудимся по заветам Ленина.

Пойдем на Всесоюзную выставку достижений народного хозяйства в Москве. Как солнце в капле воды, так в ней отражаются великие дела советского народа.

Что увидел бы сегодня Владимир Ильич? Что его порадовало бы?

Ранним апрельским утром страна звенит детскими голосами. Миллионы ребят с цветами в руках спешат в школы. У нас теперь нет неграмотных, а людей науки больше, чем в любой стране мира.

И так много заводов и фабрик! На них умными руками рабочих и инженеров создаются машины, приборы и двигатели, и все это служит человеку, чтобы ему жилось лучше, удобнее.

По гулким рельсам мчатся электровозы. Со скоростью звука и со сверхзвуковой скоростью советские самолеты пересекают континенты и океаны.

Сотни спутников Земли запущено советскими людьми в космос. Спутники следят за ураганами и смерчами, помогают человеку разведать недра земли и морей.

Нежной зеленью покрылись необъятные совхозные и колхозные поля. Усердно работают тракторы и комбайны, готовят землю к новому урожаю.

О ста тысячах тракторов мечтал Владимир Ильич. А сейчас один только Волгоградский завод выпустил уже больше миллиона тракторов.

Человек заставил многоводные реки вращать турбины гидроэлектростанций, давать энергию промышленности и сельскому хозяйству не только нашей страны, но и братским социалистическим странам. И в некогда глухом

углу Сибири, где провел три года ссылки Владимир Ильич, строятся самые мощные в мире гидроэлектростанции.

Ленин говорил, что рабочие и крестьяне других стран тоже сбросят гнет эксплуататоров. Так оно и стало. Социалистические государства есть теперь и в Европе, и в Азии, и в Америке. Африка почти вся освободилась от иностранных угнетателей.

Советское государство — самое сильное на земле. Оно отважно борется за мир и не раз останавливало руку поджигателей войны. Мы друзья всех, кто борется против угнетателей, за свободу и новую жизнь.

Пройдут годы. Ты станешь коммунистом. И какой бы трудовой путь ты себе ни избрал, ты продолжишь со своими товарищами дело Коммунистической партии, дело Ленина.

С. Михалков

В МУЗЕЕ ЛЕНИНА

В воскресный день с сестрой моей
Мы вышли со двора.
«Я поведу тебя в музей!» —
Сказала мне сестра.

Вот через площадь мы идем
И входим наконец
В большой, красивый красный дом,
Похожий на дворец.

Из зала в зал переходя,
Здесь движется народ.
Вся жизнь великого вождя
Передо мной встает.

Я вижу дом, где Ленин рос,
И тот похвальный лист,
Что из гимназии принес
Ульянов-гимназист.

Здесь книжки выстроились в ряд —
Он в детстве их читал,
Над ними много лет назад
Он думал и мечтал.

Он с детских лет мечтал о том,
Чтоб на родной земле
Жил человек своим трудом
И не был в кабале.

За днями дни, за годом год
Проходят чередой,
Ульянов учится, растет,
На сходку тайную идет
Ульянов молодой.

Семнадцать минуло ему,
Семнадцать лет всего,
Но он — борец! И потому
Боишься царь его!

Летит в полицию приказ:
«Ульянова схватить!»
И вот он выслан в первый раз,
В деревне должен жить.

Проходит время. И опять
Он там, где жизнь кипит:
К рабочим едет выступать,
На сходках говорит.

Идет ли он к своим родным,
Идет ли на завод —
Везде полиция за ним
Следит, не отстаёт...

Опять — донос, опять — тюрьма
И высылка в Сибирь...
Долга на Севере зима,
Тайга и вдаль и вширь.

В избе мерцает огонек,
Всю ночь горит свеча.

Исписан не один листок
Рукою Ильича.

А как умел он говорить,
Как верили ему!
Какой простор он мог открыть
И сердцу и уму!

Немало смелых эта речь
На жизненном пути
Смогла увлечь, смогла зажечь,
Поднять и повести.

И те, кто слушали вождя,
Те шли за ним вперед,
Ни сил, ни жизни не щадя
За правду, за народ!..

Мы переходим в новый зал,
И громко, в тишине,
«Смотри, Светлана, — я сказал, —
Картина на стене!»

А на картине — тот шалаш
У финских берегов,
В котором вождь любимый наш
Скрывался от врагов.

Коса, и грабли, и топор,
И старое весло...
Как много лет прошло с тех пор,
Как много зим прошло!

Уж в этом чайнике нельзя,
Должно быть, воду греть,
Но как нам хочется, друзья,
На чайник тот смотреть!

Мы видим город Петроград
В семнадцатом году:
Бежит матрос, бежит солдат,
Стреляют на ходу.

Рабочий тащит пулемет,
Сейчас он вступит в бой.
Висит плакат: «Долой господ!
Помещиков долой!»

Несут отряды и полки
Полотна кумача,
И впереди — большевики,
Гвардейцы Ильича.

Пришел Октябрь. И свергли власть
Буржуев и дворян.
Так в Октябре мечта сбылась
Рабочих и крестьян.

Далась победа нелегко,
Но Ленин вел народ.
И Ленин видел далеко,
На много лет вперед.

И правотой своих идей —
Великий человек —
Он всех трудящихся людей
Объединил навек.

Как дорог нам любой предмет,
Хранимый под стеклом!
Предмет, который был согрет
Его руки теплом!

Подарок земляков своих,
Красноармейцев дар —

Шинель и шлем. Он принял их
Как первый комиссар.

Перо. Его он в руки брал
Подписывать декрет.
Часы. По ним он узнавал,
Когда идти в Совет.

Мы видим кресло Ильича
И лампу на столе.
При этой лампе по ночам
Работал он в Кремле.

Здесь не один рассвет встречал,
Читал, мечтал, творил,
На письма с фронта отвечал,
С друзьями говорил.

Крестьяне из далеких сел
Сюда за правдой шли,
Садись с Лениным за стол,
Беседу с ним вели.

Жил Ленин в Горках под Москвой
И часто налегке
Ходил тропинкой полевой
И в рощу и к реке.

Он по пути встречал ребят
Из ближних деревень,
И с Ильичем был каждый рад
Гулять хоть целый день.

Сегодня внуки тех ребят
Пришли на сбор в музей.
То юных ленинцев отряд —
Отряд ребят-друзей.

Под знамя Ленина они
Торжественно встают,
И клятву Партии они
Торжественно дают:

*«Клянемся так на свете жить,
Как вождь великий жил,
И так же Родине служить,
Как Ленин ей служил!
Клянемся ленинским путем —
Прямее нет пути! —
За мудрым и родным вождем —
За Партией идти!»*

СОДЕРЖАНИЕ

Вам — юные читатели	5
Н. К. КРУПСКАЯ. Владимир Ильич Ленин. <i>Рассказ</i>	11
С. МИХАЛКОВ. На родине В. И. Ленина. <i>Поэма</i>	13
А. И. УЛЬЯНОВА. Детские и школьные годы Ильича. <i>Воспоминания</i>	16
М. СТЕЛЬМАХ. Апрель. <i>Стихи. Перевод с украинского Э. Александровой</i>	36
Е. ТРУТНЕВА. День рождения Ленина. <i>Стихи</i>	37
Я. ПИНЯСОВ. Смелей, Саша! <i>Рассказ. Перевод с мордовского и обработка Н. Богданова</i>	38
Н. БОГДАНОВ. Самый главный. <i>Рассказ</i>	45
Н. ХОДЗА. После представления. <i>Рассказ</i>	49
Л. КОН. Бурлаки. <i>Рассказ</i>	53
А. РУТЬКО. Арестант Швердов. <i>Из повести «Детство на Волге»</i>	55
С. АНТОНОВ. Старший. <i>Рассказ</i>	60
М. ЗОЩЕНКО. Как Ленин учился. <i>Рассказ</i>	68
А. ШЛЫГИН. Братья. <i>Стихи</i>	71
Н. И. ВЕРЕТЕННИКОВ. Из воспоминаний	73
С. АНТОНОВ. Визит. <i>Рассказ</i>	77
М. СВЕТЛОВ. Родное имя. <i>Стихи</i>	88
Б. НИКОЛЬСКИЙ. В тюрьме. <i>Рассказ</i>	89
Г. М. КРЖИЖАНОВСКИЙ. Шу-шу. <i>Воспоминания</i>	92
А. КОНОНОВ. Май. <i>Рассказ</i>	105
А. КОНОНОВ. Ленинская бумага. <i>Рассказ</i>	109
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Валенки. <i>Воспоминания</i>	112
А. КОНОНОВ. На реке Шушь. <i>Рассказ</i>	116
В. КАНИВЕЦ. Мальчик и жар-птица. <i>Из повести. Перевод с украинского Г. Резцовой</i>	121
М. ЗОЩЕНКО. Рассказ о том, как Ленин перехитрил жандармов	134

А. КОНОНОВ. Арест. <i>Рассказ</i>	138
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Ленину грозит опасность. <i>Воспоминания</i>	140
А. КОНОНОВ. Опасный путь. <i>Рассказ</i>	144
М. ПРИЛЕЖАЕВА. В деревне Лонжюмо. <i>Рассказ</i>	147
Э. АЛЕКСАНДРОВА. Музей Ленина в Праге. <i>Стихи</i>	151
Б. РАЕВСКИЙ. Большое и малое. <i>Рассказ</i>	153
Л. РАЗГОН. Далеко, в Кракове. <i>Рассказ</i>	160
Н. ХОДЗА. В горах. <i>Рассказ</i>	164
А. КОНОНОВ. Домой, в Россию! <i>Рассказ</i>	169
А. КОНОНОВ. Встреча. <i>Рассказ</i>	173
А. ПРОКОФЬЕВ. Город Ленина. <i>Стихи</i>	179
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Ильич на отдыхе. <i>Воспоминания</i>	180
Н. ЖДАНОВ. Солдатский митинг. <i>Рассказ</i>	184
А. КОНОНОВ. В июле. <i>Рассказ</i>	190
А. КОНОНОВ. У озера Разлив. <i>Рассказ</i>	195
Н. ЗАБИЛА. Избушка над озером. <i>Стихи. Перевод с украинского</i> <i>М. Замаховского</i>	198
А. КОНОНОВ. Кочегар поезда № 71. <i>Рассказ</i>	201
Л. САВЕЛЬЕВ. Клад. <i>Из книги «Ленин идет в Смольный»</i>	203
Н. БОГДАНОВ. Ленинский снегирь. <i>Рассказ</i>	206
П. КАПИЦА. Ночь в Лесном. <i>Рассказ</i>	207
П. КАПИЦА. Началось! <i>Рассказ</i>	214
А. КОНОНОВ. На мосту. <i>Рассказ</i>	220
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. В первые дни Октября. <i>Воспоминания</i>	223
А. СУРКОВ. «Покончив с тревогами жизни подпольной...». <i>Стихи</i>	230
А. КОНОНОВ. В Смольном. <i>Рассказ</i>	231
С. АЛЕКСЕЕВ. Гражданин Российской республики. <i>Рассказ</i>	234
Н. ЖДАНОВ. Неприметный случай. <i>Рассказ</i>	237
Н. ЖДАНОВ. Первый бронепоезд. <i>Рассказ</i>	240
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Советский герб. <i>Воспоминания</i>	247
Я. СМЕЛЯКОВ. Наш герб. <i>Стихи</i>	250
Я. ПИНЯСОВ. Обыкновенные варежки. <i>Рассказ. Перевод с мордов-</i> <i>ского и обработка Н. Богданова</i>	253
С. АЛЕКСЕЕВ. Высший закон. <i>Рассказы</i>	258
В. Д. БОНЧ-БРУЕВИЧ. Солдатский хлеб. <i>Воспоминания</i>	276
М. ПРИЛЕЖАЕВА. Не умеем — научимся. <i>Рассказ</i>	278
Е. МАР. Вот она — главная задача. <i>Рассказ</i>	282
С. ОРЛОВ. Первая годовщина. <i>Стихи</i>	284
Е. МАР. Комната с двумя окнами. <i>Рассказ</i>	286
Е. МАР. Телеграмма. <i>Рассказ</i>	291
Э. ВОСКРЕСЕНСКАЯ. Клятва. <i>Рассказ</i>	293
Н. ХОДЗА. На Красной площади. <i>Рассказ</i>	300

Е. ЧАРЕНЦ. Дедушка Ленин. Поэма. Перевод с армянского Марка Максимова	305
Н. ХОДЗА. Лучшие на свете игрушки. Рассказ	311
Е. МАР. Мандат № 1. Рассказ	313
А. КОНОНОВ. Елка в Сокольниках. Рассказ	317
С. АНТОНОВ. Лимоны. Рассказ	322
Л. ПОДВОЙСКИЙ. «Детей надо вперед!» Рассказ	327
В. ТЕЛЬПУГОВ. Упрямая лампа. Рассказ	333
ДЖУМАНИЯЗ ДЖАББАРОВ. В кабинете Ленина. Стихи. Перевод с узбекского С. Северцева	335
Е. МАР. Важный груз. Рассказ	336
Н. ХОДЗА. Воскресный день. Рассказ	340
Н. ЖДАНОВ. Справедливость. Рассказ	346
Е. МАР. Первый метр. Рассказ	353
Е. МАР. Хитрое дело. Рассказ	355
Ю. МИШАТКИН. Ленинский карандаш. Рассказ	358
Е. МАР. Ночной разговор. Рассказ	361
Е. МАР. Ленин идет за плугом. Рассказ	364
С. АНТОНОВ. Невыполненный долг. Рассказ	367
В. ТЕЛЬПУГОВ. Ваза. Рассказ	372
В. ПАНОВА. Листок с подписью Ленина. Рассказ	376
С. АНТОНОВ. Встреча в Кремле. Рассказ	379
А. КОНОНОВ. Субботник. Рассказ	389
Я. ШВЕДОВ. Застава Ильича. Стихи	393
В. ТЕЛЬПУГОВ. Надпись на книге. Рассказ	395
М. ПРИЛЕЖАЕВА. Комсомолия. Рассказ	399
А. КОНОНОВ. Большое дерево. Рассказ	403
Ю. ЯКОВЛЕВ. Шел отряд. Поэма	405
А. КОНОНОВ. Поездка в Кашино. Рассказ	413
М. ЗОЩЕНКО. Ленин и печник. Рассказ	418
С. АЛЕКСЕЕВ. Валенки. Рассказ	421
С. АЛЕКСЕЕВ. По солнечной стороне. Рассказ	423
А. КОНОНОВ. Красивая лиса. Рассказ	425
Е. МАР. Ходоки. Рассказ	427
Н. САКОНСКАЯ. В гостях у Ленина. Стихи	430
С. АЛЕКСЕЕВ. Категорическое условие. Рассказ	432
ФАЗУ АЛИЕВА. Сорок пять минут. Из поэмы. Перевод с аварского С. Северцева	434
О. ДРИЗ. Сандаловая палочка. Стихи. Перевод с еврейского Г. Спендиаровой	436
В. Д. УЛЬЯНОВ. В Горках. Воспоминания	439

Я. ПИНЯСОВ. В зимнюю стужу. <i>Рассказ. Перевод с мордовского и обработка Н. Богданова</i>	447
Н. ОСТРОВСКИЙ. Единогласно. <i>Из романа «Как закалялась сталь»</i>	456
А. КОНОНОВ. «У-127». <i>Рассказ</i>	466
Я. СМЕЛЯКОВ. Кремлевские ели. <i>Стихи</i>	469
М. РЫЛЬСКИЙ. Ильич и девочка. <i>Стихи. Перевод с украинского Э. Александровой</i>	470
В. ИНБЕР. Гимн. <i>Стихи</i>	472
А. КОНОНОВ. Бюст Ленина. <i>Рассказ</i>	473
С. МАРШАК. Баллада о памятнике. <i>Стихи</i>	475
С. ОРЛОВ. Гвардейское знамя. <i>Стихи</i>	477
ЮРИЙ РЫТХЭУ. Ленинское слово. <i>Рассказ</i>	478
М. ДУДИН. Ленин. <i>Стихи</i>	487
А. ТВАРДОВСКИЙ. На подвиг века. <i>Стихи</i>	488
Н. ТИХОНОВ. «Ненсчислимы Ленина портреты...». <i>Стихи</i>	489
М. ИСАКОВСКИЙ. У Мавзолея Ленина. <i>Стихи</i>	491
ПАВЛО ТЫЧИНА. Слушаем про Ленина. <i>Стихи. Перевод с украинского Э. Александровой</i>	493
Э. ВОСКРЕСЕНСКАЯ. Дорогое имя. <i>Рассказ</i>	495
С. МИХАЛКОВ. В Музее Ленина. <i>Поэма</i>	533

Библиотека школьника

ЖИЗНЬ ЛЕНИНА

ИЗБРАННЫЕ СТРАНИЦЫ
ПРОЗЫ И ПОЭЗИИ

Том 5

РОДНОЙ И БЛИЗКИЙ

ИБ № 5816

Ответственный редактор
И. В. ОМЕЛЬК

Художественный редактор
Г. Ф. ОРДЫНСКИЙ

Технический редактор
В. К. ЕГОРОВА

Корректоры
Л. И. ДМИТРИЮК и Э. Н. СИЗОВА

Сдано в набор 24.11.82. Подписано к печати 26.08.83. Формат 70×90^{1/16}. А 03227. Бум. офсетная № 1. Шрифт академический. Печать офсетная. Усл. печ. л. 39,78. Усл. кр.-отт. 39,35. Уч.-изд. л. 23,26. Тираж 250 000 экз. (2-й завод 100 001—250 000 экз.). Заказ № 2554. Цена 1 р. 50 к. Орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. 103720. Москва, Центр. М. Черкасский пер., 1. Калининский ордена Трудового Красного Знамени полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР Росглавполиграфпрома Госкомиздата РСФСР. Калинин, проспект 50-летия Октября, 46.

Ж71 **Жизнь Ленина:** Избранные страницы прозы и поэзии в 10-ти томах/Ред. совет: С. В. Михалков (председатель), А. А. Виноградов, Б. А. Дехтерев, Н. В. Свиридов; Оформл. Б. А. Дехтерева.—М.: Дет. лит., 1980.— (Библиотека школьника).— Т. 5. Родной и близкий. Том подготовлен Л. Э. Разгоном. Ил. И. А. Ильинского.—1983.—542 с., ил.

В пер.: 1 р. 50 к.

В этот том входят рассказы и стихи о Владимире Ильиче Ленине, адресованные детям младшего школьного возраста.

Ж 4803010102—487
М101(03)83 Подп. изд.

ББК 13.5

ЗК26